

О.А. Базалук

*Сумасшедшая:
Первооснова жизни
и смерти*

Киев
КОНДОР

2011

УДК111.11

ББК 87.21

Б 17

Базалук О. А.

Б 17 Сумасшедшая: первооснова жизни и смерти: Монография. / Олег Базалук. — К.: Кондор, 2011. — 346 с.

ISBN 978-966-351-355-3

В монографии на основе современных научных и философских исследований раскрывается содержание жизни и смерти, бытия и небытия, отношения между телом и психикой. По мнению автора человека делает человеком прежде всего формирование и закономерное развитие в его головном мозге психики: нейронных объединений подсознания и сознания. Поэтому автор, дав современное научно-философское описание психики, рассматривает жизнь и смерть через призму функционирования индивидуальной психики – я-психики. Взяв за основу реальный жизненный эпизод – гибель в автокатастрофе двух из трех членов семьи, автор, используя художественные и научно-популярные способы донесения информации, рассматривает как психика третьего члена семьи выходит из состояния комы и шаг за шагом возвращается в повседневную жизнь, но уже с измененной внутренней системой взглядов. Автор показывает, что жизнь (бытие) – это текущее существование психики, ее присутствие в себе, для себя и для других, а смерть (небытие) – это существование предшествующих состояний материи, которые в течение миллиардов лет формировали условия для организации психики и по-прежнему влияют на ее развитие.

Для преподавателей, студентов, аспирантов гуманитарных и естественно-научных дисциплин, а также для всех, кто хочет разобраться в фундаментальных и определяющих вопросах существования человека в масштабах Земли и космоса.

УДК111.11

ББК 87.21

ISBN 978-966-351-355-3

© О.А. Базалук, 2010

© Кондор, 2010

Посвящается:

1. Светлане (не знаю даже фамилии) – в книге основные эпизоды ее жизни в моей философско-научной интерпретации.
Спасибо тебе, за твой подвиг...
2. Тем, кто за шаг от смерти еще решает: остаться ему в бытии или навсегда покинуть нас. Знайте, выбор только за Вами...
3. Тем, кто видел смерть, но сумел вырваться из ее объятий, вернуться в мир реальных событий и донести свое обновленное восприятие мира до человечества.

Спасибо Вам...

Предисловие

Изначально я планировал написать эту книгу в художественном стиле: повесть «Сумасшедшая» должна была стать моим третьим художественным произведением. Я предполагал «разбавить» реальное событие, рассказанное мне Светланой, своими научно-философскими размышлениями, изложенными в доступной художественной форме. В своем роде, вышедшая книга планировалась как очередной этап популяризации проблемы места человека в масштабах Земли и космоса, над которой я работаю уже больше двадцати лет.

Но, чем больше я работал над книгой, тем мне меньше хотелось размениваться «на мелочи»: вводить диалоги, «закручивать» сюжет, примитивизировать текст, упрощать проблематику, фантазировать. По мере написания книги, углубляясь в рассмотрение первооснов Мироздания, во мне проснулось желание пусть в менее аргументированной, научно-популярной, иногда, в чисто философской форме, раскрыть современный уровень исследований существования человека, особенно проблему жизни и смерти. Поэтому я и дополнил название книги: «Сумасшедшая: первооснова жизни и смерти». Хотя правильное название - «Сумасшедшая: первооснова бытия и небытия», потому что понятие «жизнь» с современной научной точки зрения некорректно использовать по отношению к человеку и его пространству существования. Но я сознательно пошел на эту «ошибку», потому что хотел прямо с названия показать неискушенному в академической терминологии читателю, о чем будет идти повествование.

Таким образом, книга «Сумасшедшая: первооснова жизни и смерти» - это философское рассуждение-обобщение современных исследований проблемы бытия и небытия в нейрофизиологии, психологии, философии и космологии, разбавленное и обыгранное во круг реального события. Рассказанный мне эпизод жизни позволил «войти» в эту проблематику и максимально упростить ее донесение, хотя, по возможности, я специально использовал современную

научно-философскую терминологию, чтобы люди привыкали к ней. Не за горами время, когда она войдет в повседневный обиход как вошли такие научно-философские понятия как «материя», «космос», «существование» и т.п. Поэтому предлагаемое произведение – это коктейль из философии, науки и классической художественной прозы, которое максимально правдиво и достоверно раскрывает современный уровень понимания первооснов мира и человека.

С глубоким уважением ко всем читателям,
Особенно дочитавшим книгу,
Особенно-особенно сделавшим выводы,
И особенно-особенно-особенно воплотившим эти выводы в
повседневную жизнь.

*Доктор философских наук, профессор
О.А. Базалук*

Физвержение к смерти

Часть первая.

Глава 1. Психика – первооснова существования человека

Я впервые узнала о ее существовании когда пришла в себя. Тридцать два года я жила как все: была женой, матерью, гражданкой Украины со специфичным славянским менталитетом, и меня все вполне устраивало, потому что я не была лучше других, не была и хуже. И я совсем не стремилась узнать, что лежит в основе моего существования, потому что даже не подозревала о существовании такого вопроса. В потоке повседневной суеты, решения ежедневных проблем, удовлетворения постоянно возрастающих потребностей, отвлеченные философские вопросы на ум приходят редко, да и то, главным образом, в минуты тяжелых утрат или перед лицом смерти. Вот и я столкнулась с этим, как раз после автомобильной катастрофы, которая в совершенно новом свете представила не только мою жизнь, но и повседневное существование общества, в котором до недавнего времени я счастливо жила. Автомобильная катастрофа перевернула привычный для меня мир повседневности и открыла иные измерения человеческой жизни: передо мной предстала грандиозная картина существования моего внутреннего мира – моей психики.

Страшно подумать: пока мое тело мертвым поленом повисло на растяжках в реанимации, пока зафиксированные гипсом конечности застыли как каменные изваяния, а я сама полностью не ощущая своего тела, балансировала между жизнью и смертью, скорее ближе к последней, моя психика вдруг обратила на себя внимание и во весь голос заявила о своей самостоятельности и желании жить, существовать. Впервые за моим внешним «я» - телом, к которому я привыкла и которое считала основой своего присутствия в окружающем мире, открылось мое второе «я» - психика, и я впервые поняла насколько первое «я» является поверхностным и призрачным, и насколько второе – действенным и определяющим. Оказалось, что моя плоть являлась жалкой марионеткой в руках действительно определяющего начала – моей психики. Оказалось, что тридцать два года, не разобравшись в приоритетах, пойдя на поводу ошибочных суждений, навязанных системой образования и рассуждениями близкого окружения, я уделяла внимание второстепенному и совершенно неглавному в моей жизни. И только сейчас, после того как я впервые перестала чувствовать тело, когда обстоятельства вырвали меня из мира постоянных социальных, материальных и духовных забот, занимавших каждую минуту моего повседневного существования, когда я предстала перед лицом смерти, *небытия*, моя действенная основа проявила себя. Я вдруг с удивлением обнаружила, что за тленным и смертным, которому мы уделяем практически все время своей жизни, стоит нечто более важное и действенное, что остается жить даже после разрушения функциональной активности тела, что борется за свое существование до последних проблесков сознания – это моя психика, причем не как призрак, абстракция, феерия, в который нас заставляют верить, а как функционирующая реальность, которая существует по своим законам, далеким от законов биологического существования тела.

Образ существующей психики оказался настолько реальным, действенным и ощутимым, что я сначала не поверила в него, приняла за галлюцинацию, предсмертное больное воображение, - слишком прочны во мне были стереотипы взглядов на мир и человеческое существование. Наше и предшествующие поколения с детства приучали уделять внимание только телу: ухаживать за ним, беречь, пестовать, поддерживать здоровую функциональность. Культ кра-

сивого, ухоженного тела в мировоззрении каждого из нас прочно ассоциировался со здоровьем, долголетием, успешностью в повседневном существовании, эстетикой, сексом, здоровым деторождением. Нас приучили думать о человеке, прежде всего, как о человеке-теле, потому что это было более наглядно, видимо, осязаемо. Мы думаем, любим, представляем только образ человека-тело: красивая женщина, красивый мужчина, красивые дети. Образ красоты, критерии прекрасного, неотделимы от человека-тела, поэтому поверить в нечто иное, отказаться от привычных образов и критериев оценки, довольно трудно, даже за шаг от смерти. Человек-тело – это я, мы, они, это наши дети, наша семья, общество. Открой любой учебник, любую книгу, печатную или виртуальную продукцию, там только один образ – образ человека-тела.

Но реальность моего нынешнего состояния заставляла ощущать принципиально иное! Я совершенно не чувствовала своего тела, не видела его, практически не присутствовала в нем, но тем не менее, *я продолжала жить*. Точнее жила не я как тело, а жила я как психика, последний орган, который еще связывал меня с реальным миром. За первым слоем жизни я-тела, оказался второй слой – жизнь моей психики. Он был так очевиден и грандиозен, что не оставлял сомнений в своей фундаментальности и первичности. То, что я видела сейчас, в чем присутствовала и обзирала, вдохновляло и впечатляло, перестраивало и перекраивало в системе взглядов. У меня не оставалось сомнений в том, *что мир истинного человеческого бытия - это мир существования психики*, а дифирамбы телу, превознесение человека как существование тела – это не более чем временное заблуждение, вызванное несовершенством самой психики, которая в силу различных причин не спешила показать собственную значимость.

Понимание самостоятельного и независимого существования моего «я» как *я-психики*, почему-то изначально вывела его на роль лидера – первичной и определяющей организации, на фоне которой существование моего тела, как *я-тела*, поблекло и потерялось. Представший образ я-психики – моей индивидуальной психики, был настолько действенным и реальным, что довольно легко заслонил собою образ я-тела, который без ропота и борьбы уступил пальму первенства. Приоритет мира существования моей психики

возродил надежду на выживание, на то, что потеря ощущения присутствия в собственном теле еще не означает смерть. Действенный образ я-психики остался моей последней надеждой на выздоровление, островом, на котором сконцентрировалась вся моя воля и сила, сохранившиеся после автокатастрофы. Балансируя между жизнью и смертью, практически потеряв в этой борьбе свое тело, я только активностью своей психики присутствовала в мире реальных событий, и только эта активность оставляла мне призрачные надежды на выживание.

Сначала психика предстала во мне многоголосьем памяти – того дня, который до сих пор хлесткой болью прокатывался по чувственно-эмоциональной составляющей моей психики. Возможно, дурман обезболивающих уколов слишком быстро освободил активность памяти, но первое, что предстало перед моим проснувшимся сознанием, были четкие фрагменты аварии.

Мы ехали с Димой и Андрюшкой в торгово-развлекательный центр «Караван» в Киеве. Самый обыкновенный субботний день, ничем не примечательный, ни о чем не предостерегающий. Муж с восьмилетним сыном забрали меня с работы, и мы по дороге решили заехать в супермаркет, погулять по бутикам в «Караване», возможно, сходить в кино. Я никогда не боялась автомобилей, но всегда садилась сзади и пристегивалась ремнем безопасности. Муж и друзья смеялись над моим страхом, но как всегда, в важных для меня ситуациях, я настояла на своем и мы всегда всей семьей ездили «пристегнутыми». Тот роковой день не был исключением – мы ехали пристегнутыми ремнями безопасности: Дима за рулем, а я с сыном на заднем сидении.

Фрагменты того дня были настолько явными и четкими, что страх повторного их обозрения вызвал панику и хаос в мыслях. Но возникшее беспокойство продолжалось мгновение: неподвластная мне рука воли заглушила ненужную активность нейронов, восстановив четкий и насильственный просмотр кадров произошедшей аварии. На мое нежелание вновь прочувствовать те страшные субботние события никто не обратил внимания. Первое понимание существования я-психики представило ее как неуправляемую с мо-

ей стороны организацию, которая открыто, словно смеясь и издеваясь, показывала свою власть надо мною и моими желаниями. Мои первые робкие попытки установить контроль над нею, подчинить своему влиянию, сметались с поразительной легкостью. Впервые раскрыв свою силу и власть, моя психика словно проверяла меня на прочность, на готовность бороться за свою жизнь, за свое будущее, фрагмент за фрагментом выдавая картины того субботнего дня.

КАМАЗ выехал на полосу встречного движения неожиданно, и все что случилось дальше психика воспроизводила словно в замедленном фильме. Кадр за кадром наша машина медленно въезжала в кабину груженого самосвала. Сзади, со своего места я видела все как на ладони, как зритель, занявший лучшие места в партере. Наше новое «ДЭО-ланос» медленно слаживалось в лепешку, по инерции втягиваясь в оранжевую кабину КАМАЗА, причем я не слышала скрежета рвавшегося металла - звук словно отставал, не попевал за событиями. Металл рвался тихо и страшно. Он закручивался, извивался, корежился, отслаивался кусками, неуклонно приближаясь к Диме. Вот я вижу, как Дима руками закрывает лицо, пытаюсь увернуться от наезжающего на него рулевого колеса и доски приборов. Боковым зрением я вижу, как Андрюшка не обращая внимания на разворачивающиеся впереди страшные события, смотрит в сторону, в свое окно. Он даже не успел повернуть голову в сторону удара – за водительским сидением он не видел, как лавина искореженного металла медленно, но неуклонно наезжала на его отца и съедала его.

Фильм остановился, кадры застыли, и я вдруг увидела себя как бы со стороны, а точнее изнутри, с позиции я-психики. Да-да, я, как я-психика ни на секунду не потеряла сознания и оказывается все помнила до малейших подробностей. Я увидела, как моя левая рука медленно поднялась и попыталась приподнять склоненную набок, как раз в мою сторону, голову мужа. Но его голова постоянно падала, безвольно, с каждым разом все ниже и ниже. Я пыталась ее зафиксировать, поддержать, но она была непослушна – Дима словно игрался со мной, по страшному, неестественно. Не было ни крови, ни боли, ни страха. При желании я могла рукой дотянуться до желтой облицовки «КАМАЗА», - так глубоко он въехал в нашу

машину, но между его кабиной и мной, слева, окруженный грудой искореженного метала и пластика, сидел как живой Дима, и все мое внимание было приковано к нему, а точнее к его свисающей голове. Я пыталась что-то сказать, попросить его помочь мне, но слова застревали в горле и умирали, так и не сформировавшись в звуки. Он не помогал мне, не мог, или не хотел...

Вдруг справа я услышала, что кто-то стучит в стекло. Я не могла повернуть голову, но боковым зрением увидела чужие лица, которые что-то кричали, пытались прорваться ко мне снаружи. Но это был фон, второй план. Пока меня доставали из машины, меня волновал только один вопрос – выживет Дима или нет? Сзади мне было плохо видно его лицо. Я проводила рукой по его лицу, по губам, но крови не было – но не было и рулевого колеса. Я уже тогда поняла, что оно полностью вошло в его грудь. Но почему не бежит кровь изо рта, если проломлена грудь?

В эти мгновения я почему-то совсем не думала об Андрюшке. Я даже не видела его, хотя достаточно было только повернуть голову. Он жив. Муж своей смертью спас его, затормозил неумолимое приближение кабины КАМАЗА. Но почему Андрюша не плачет?

Что-то заставляло меня не смотреть в сторону сына, а думать только о муже. И когда меня доставали из того, что осталось от нашей машины, я думала только о Диме, хотя сказать, что он был мне дороже Андрюшки – это не правильно. Мы больше трех лет не могли зачать ребенка, я прошла сотню врачей, выпила тысячу лекарств, прежде чем появился Андрюшка, но почему-то о нем я в ту минуту совершенно не думала. Может я плохая мама? А где сейчас Андрюша?

Я попыталась напрячь свое тело, вдохнуть в него силу и энергию, но напрягать было нечего. Психика словно смеялась надо мной, открывая понимание бесформенности и безбренности моего нынешнего существования. Жила только она, – моя психика, все остальное было мертво или почти мертво.

Когда меня вытянули из машины, я увидела Диму в профиль. Такое лицо не могло быть у живого человека – без кровинки, словно застывшая маска, и бросающийся в глаза остановившийся, зафиксированный на кабине КАМАЗА его взгляд. И только тогда до

меня дошло, что я осталась без мужа - одиннадцать лет совместной семейной жизни и накануне тридцати трехлетия я снова одна. Видно не даром кто-то сказал, что главное в этой жизни пережить возраст Христа: кто переживет, тот доживет до глубокой старости. Но мне видимо не судилось...

Но где же Андрюшка, ведь остался еще сын?! Где мой сын?

Состояние паники должно было вот-вот разорвать стройный ряд рассуждений моей психики, но я очередной раз отбилась. Точнее, отбилась кто-то другой за меня, внутри меня, пока мне неизвестный, не раскрывающий себя. Несмотря на то, что вопрос «Где мой сын?» был важен для меня, несоизмеримо значимый, огромное нежелание его рассмотрения, боязнь открытия чего-то чудовищного и смертельного, заставило отложить мысли о сыне «на потом», загнать их глубоко в подсознание и закрыть тяжелой металлической дверью с тысячами замками.

Я всегда была сильной и расчетливой. Каждое мое действие было осмысленным и подготовленным, даже сейчас, когда я сама не сильно понимала перспективы своего существования. Огромными усилиями воли я заставила себя сконцентрироваться на понимании того, что сейчас осталось жить во мне, что сохранилось действенным и функциональным, и главное, попытаться ответить на вопрос: сколько мне самой осталось жить? И с удовлетворением поняла, что мне это удалось. Мне удалось мобилизовать свою волю и перебороть строптивость психики: она сильна и непокорна, но я последовательна и настойчива, поэтому у нее не было ни одного шанса безнаказанно властвовать надо мной. Психика впервые послушалась и подчинилась мне, и я стала смотреть на себя изнутри, глазами самой психики. Я впервые начала обзирать свое внутри, и это вдохновило, умиротворило. *Я управляла ей* – и это возрождало призрачные надежды...

Я, как я-психика, еще раз, практически совершенно спокойно, без паники констатировала, что своего тела я совершенно не чувствую - оно, словно перестало существовать, оторвалось от меня, отмерло. Осматривая себя изнутри, я окончательно признала, что жизнь бьется только в моей психике, в моем внутреннем «Я». Рассматривая себя внутри психики, я неожиданно обнаружила, что моя психика состоит из двух составляющих: первая, та, что подчи-

нялась мне и была подконтрольна, которая связывала меня с миром реальных событий; вторая часть, та, что уходила воспоминаниями в далекое прошлое, что тянула в бездну эмоций и грозилась утопить, захлестнуть в чувственно-эмоциональных порывах. Оттуда веяло страхом и холодом, и там, я это четко осознавала, меня ждала гибель, смерть. Я даже боялась смотреть в ту сторону: ощущение, будто ты стоишь на краю глубочайшей пропасти, один взгляд вниз, и ты не удержишься, не устоишь, как магнит бездна втянет тебя в свои пучины и проглотит...

Значить, моя психика – это мое сознание и подсознание, это грандиозный нейронный ансамбль, реально функционирующий в моем головном мозге. Пока сознание бодрствует - психика управляема и мое «я» живо, здравствует и функционирует по определенным нейрофизиологическим законам. При бодрствующем сознании психика подвластна мне и контролируема; даже жуткие воспоминания субботнего дня словно выцвели, утратили свою актуальность, хотя, наверное, не слишком много времени прошло после аварии. Но что ожидает мое внутреннее «я» когда проснется подсознание, ведь я не могу постоянно бодрствовать, сознание тоже имеет границы своей активности?

Я не знала ответа на этот вопрос, но, судя по ощущениям сковывающего страха, который проникал в психику от одних мыслей и предположений, было ясно, что хорошего там мало. Что-то указывало мне на то, что с пробуждением подсознания целостность моей психики будет разрушена, что я потеряюсь как индивидуальность, что значимость моего «я» будет полностью низложена.

Психика как сознание стояла над подсознанием – я в этом убедилась, потому как видела себя стоящей у пропасти, внизу которой зияла бездна. Причем я обнаружила, что не просто стою над пропастью, а сама себя удерживаю над ней. И чем больше я ощущала страх и холод идущий из бездны, тем сильнее удерживала себя и не давала пропасти увлечь себя и поглотить. Падение в пропасть, - я это не просто понимала, а откуда-то знала, - граничит с ощущениями потери целостности, с соприкосновением со смертью, с *ничто*. Причем смерть и ничто в моем понимании вставали как понятия равнозначные, означающие один процесс – *существование*

небытия. Хотя, если вслушаться и вдуматься в это словосочетание, то разве может небытие существовать?

Но я была уверена, что небытие существует, и это существование как раз и проходит в глубинах той пропасти, над которой меня удерживало мое сознание. И страх веющий из пропасти, как раз и объяснялся боязнью соприкосновения с небытием, опасностью низвержения в ничто и утерей целостности своего «я». Небытие пугало именно утерей собственного «я», возможностью обезличиться, раствориться в «мы» как в ничто, потому что для местоимения «я» местоимение «мы» - это в большинстве своем серная кислота, разъедающая целостность и индивидуальность, растворяющая собственность и частность: быть всем равносильно быть никем, отсюда «я» в «мы» - это ничто, составляющая, которая в любой момент может быть заменена на такую же по значимости составляющую.

Рассматривая свою психику изнутри, я обнаружила реальную возможность управлять своим «я». Видимо критичность ситуации, страх перед соприкосновением с небытием, укротил строптивость психики, превратив ее в послушное орудие моей воли. Обнаружилось, что мое внутреннее «я» - двулико: одна его часть находилась в сознании, или точнее являлась сознанием и управляла как джойстиком второй частью моего «я» - устоявшейся за годы онтогенеза внутренней системой взглядов. Я-сознание было первичным и послушным, хотя, безусловно, требовало к себе пристального внимания и концентрации. Я присутствовала в нем и регулировала поведение моего второго, внутреннего «я», которое представляло собой мое *мировоззрение*. Это было я-мировоззрение - огромный объем информации, знания и опыта, который осел в глубинах долговременной памяти за тридцать два года моей жизни. Всматриваясь в него, я видела сотни лиц, слышала тысячи голосов, чувствовала десятки тысяч ощущений, которые в комплексе образовывали сложный, действенный хор моей прошлой жизни: общения, прочитанного, услышанного, увиденного. Единое многоголосье моей прошлой жизни оживало, как только к нему обращалось я-сознание, пробуждалось, стремилось заявить о себе и показать се-

бя. Оно *хотело быть* услышанным и востребованным. Оно призывало к себе, притягивало взор, и я-сознанию достаточно было только обратить внимание на ту или иную составляющую я-мировоззрения, как она тут же пробуждалась, оживала, расцветала и была готова к употреблению: ее оставалось только взять и донести, употребить с той или иной целью.

Я-мировоззрение во всем своем информационном богатстве было направленно на воссоединение с я-сознанием: две половины моего «я» внутренне стремились друг к другу, тянулись навстречу, пытаясь объединиться, образовать единство и целостность. Но как только я-сознание отключалось, успокаивалось, я-мировоззрение тоже отходило в тень и замирало в тревожном ожидании новой близости. Запечатленные в памяти лица исчезали, голоса умолкали, ощущения растворялись в пространстве. Я-мировоззрение «засыпало», замыкалось в себе, для того чтобы вновь пробудиться под воздействием я-сознания.

Мне вдруг открылось, что мое я-сознание смотрит на мир через призму я-мировоззрения, причем первичность я-сознания или я-мировоззрения долгое время оставалась для меня открытой. Эти две важнейшие составляющие моей психики были столь равнозначны и весомы, что мне было трудно установить какая из них определяющая и наиболее важная. Поэтому я доверилась интуиции и увидела себя и свое внутри через структуру я-мировоззрения, которая как очки была надета на я-сознание. Как подсказывала интуиция в этом дуэте я-сознание было первичным.

Я-сознание, однозначно, было заложено в мой мозг природой, потому что я обзревала его как целостную природную организацию, которая корнями уходила в глубины нейронных структур психики. Корни сознания уходили в основание мозга, подчеркивая единство и целостность его нейронной организации. Определенно я-сознание функционировало в унисон работе мозга, и я многое в этом процессе не понимала и не могла разобрать. А вот я-мировоззрение – это было сугубо моим приобретением, личностным, потому что я различала его структуру, узнавала многие события и фрагменты своего далекого и недавнего прошлого. Я-мировоззрение - это совокупность информации, которая запечатлялась в нейронных объединениях долговременной памяти за годы

моего взросления и семейной жизни. Это то, что формировалось во мне моими родителями, близким окружением, мной самой. Оно было ближе мне, понятнее, роднее. Это была вся моя прошлая жизнь: родные лица, знакомые события, видимые ранее пейзажи, узнаваемые фрагменты окружающей действительности.

Мне захотелось рассмотреть взаимоотношения я-сознания и я-мировоззрения более досконально и тщательно, углубиться в них, докопаться до основания, все равно заняться было нечем, а внутренняя концентрация на анализе структуры я-психики отвлекала от пугающей неопределенности моего будущего. Обозревая свое внутри, открывшийся мир функционирующей психики, я сознательно отгораживала себя от состояния тревоги и беспокойства, которые наседали, стучали пока еще в прочно закрытую дверь. Рассматривая первооснову своего существования, я отвлекалась и не слышала настойчивого тревожного стука, громких призывов открыть дверь. Всему свое время, а я еще хотела пожить...

Более тщательно обозревая структуру своего внутреннего «я», я обнаружила, что оно действительно, состояло из природного активного начала – я-сознания, и приобретенного, действенного и направляющего – я-мировоззрения. Причем я-мировоззрение в этом дуэте не было пассивным звеном. Это были не просто очки, надетые на активную природную составляющую, а очки функциональные, действенные, осуществляющие выборочный поиск, изменяющие угол обзора в зависимости от желания я-сознания. Мое я-сознание словно находилось за я-мировоззрением, в его глубине, основании. Поэтому получалась, что, даже рассматривая себя изнутри, я смотрела на себя через сложившуюся систему взглядов - я-мировоззрение: просвечивая его, пронзая взглядом. Мое я-сознание было словно оплетено, упаковано в я-мировоззрение, поэтому любая мыслительная деятельность, активность сознания, была напрямую связана с моим жизненным опытом, с той информацией, которая была заложена в нейронные объединения долговременной памяти в течение всей моей жизни.

Все это было так сложно и интересно, что я отвлеклась от тревожной неопределенности моего будущего, забылась. Ощущение близости смерти, последних мгновений жизни, прошло, отступило на второй план, а на первый выступил методичный анализ

структуры собственной психики, основания, о котором я столь долгое время не имела никакого представления.

Впрочем, и раньше в повседневной жизни я была слишком спокойна и хладнокровна, особенно, когда решалась моя судьба, перед лицом значительных перемен в своей жизни. Я редко нервничала, ругалась, волновалась. Сознание всегда преобладало во мне: и дома и на работе, может быть, поэтому я так быстро обуздала свою психику, взяла ее активность под свой контроль. Я и на своих мальчиков смотрела не как влюбленная жена и мама, а как человек, который просчитывал каждый их шаг, наперед знал каждое их движение и слово. И для меня эта прогнозируемость жизни была важнее чувств и эмоций. Я всегда останавливала свои эмоциональные порывы, понимая, что *мы не рабы влечений – мы люди, сознательно выбирающие свой путь в жизни.*

- Но если ты такая умная и все наперед знала, то почему не предусмотрела трагедию? – я-мировоззрение обратилось к я-сознанию, и я вдруг поняла, что я-сознание пусть и первично, заложено в мой мозг природой, но оно может активироваться и со стороны я-мировоззрения. Оказывается, в моем сознании заключена не только сила природы, идущая из глубин мозга и выделившая человека из мира высших животных, но и элемент подчиненности, который позволяет силу природы контролировать и направлять в нужное русло со стороны социального окружения. Оказывается, энергия нейронного комплекса сознания в какой-то степени подконтрольна и зависима от активности я-мировоззрения, которое само хотя и не является нейронным комплексом, но видимо образует или входит в некую нейронную структуру, которая оказывает влияние на протекание естественных процессов. Оказывается, сложившиеся на основе нейронных объединений долговременной памяти стереотипы взглядов, которые и образуют я-мировоззрение, в зависимости от степени своего совершенства могут в той или иной степени влиять на протекание нейрофизиологических процессов в я-психике: на ее познавательную и творческую активность. Наравне с другими нейронными комплексами головного мозга я-мировоззрение принимает активное участие в организации сознательной деятельности, или в том, что мы привыкли называть «мышлением».

Возможно, сформировавшаяся за последние тысячелетия нейронная структура мозга человека, как составляющую включила в себя я-мировоззрение, в результате чего у я-психики появились новые функции, например, функция смены доминант. А именно, впервые я-сознание из ведущей и направляющей силы превратилось в ведомую, контролируемую организацию, в своеобразный поисковый механизм, направленный на удовлетворение запросов от я-мировоззрения. В этом случае я-мировоззрение становится доминирующим, а я-сознание превращается в механизм, с помощью которого я-мировоззрение удовлетворяет свою естественную потребность в познании: получении, усвоении, хранении и извлечении информации. Получается, что, сформировавшись на основе я-сознания, я-мировоззрение со временем использует возможности я-сознания для формирования более совершенной собственной внутренней структуры, для организации своего внутри, которое представляет собой внутреннюю информационную базу, некий аналог предстоящего информационного пространства. Причем, чем совершеннее внутренняя структура я-мировоззрения, чем богаче внутренняя информационная база, тем совершеннее и дисциплинированнее я-сознание, тем меньше оно зависимо от активности предстоящего внешнего мира.

А как же чувства и эмоции, где их место в структуре я-психики?

Этот вопрос возник неожиданно, практически сразу после понимания взаимоотношений между я-сознанием и я-мировоззрением. Чувственно-эмоциональная составляющая я-психики корнями уходила в глубины подсознания, и я по глупости попыталась обозреть и ее, взглянуть в ту пропасть, из которой веял холод и страх. Это было моей ошибкой, потому что обращенный в бездну взгляд тут же был встречен и зафиксирован, словно бездна ожидала этого. Я уже не могла оторваться от втягивающей в себя глубины бездны, хотя я-мировоззрение почувствовав приближающуюся для себя опасность, попыталось избежать роковой участи, мобилизовав весь энергетический потенциал я-сознания. Но оказалось, что энергетические возможности я-сознания слишком преу-

величены. Власть я-сознания, да и сам феномен сознания, в одно мгновение были разрушены и низложены, а мое я-мировоззрение вдруг явственно ощутило на себе иную силу - чувственно-эмоциональный порыв, вырвавшийся из глубин психики, из более древних зон нейронного комплекса подсознания. И всем своим внутри, всем тем, что осталось жить во мне, что раньше называлось душой, а сейчас психикой, я прочувствовала ничтожность энергетических возможностей я-сознания в сравнении с глубинными силами подсознания. Хотя сознание и подсознание были даны мне природой, их энергетические возможности оказались несоизмеримыми.

Глубинные силы подсознания играясь захлестнули я-мировоззрение, низложив его самобытность, гордость, достоинство. Они подавили я-мировоззрение со всей его внутренней структурой, со всем масштабом и глубиной. За считанные доли секунды были низложены и активность я-сознания, и мобилизующая и направляющая сила я-мировоззрения. Природная энергетика я-подсознания оказалась такой силы, что даже не было стыдно за унижения и страх, который сковал я-мировоззрение, превратил его в раба, ничтожество. В силе я-подсознания было что-то от сверхъестественного и впечатляющего, в масштабах которого терялся не только дуэт я-мировоззрения и я-сознания, но и сама я-психика преображалась, превращалась в простейшую нейронную организацию, нацеленную только на действие. Пробужденное я-подсознание подавляло все позжепоявившиеся нейронные структуры мозга, и брало правление в свои руки. Это была власть диктатора, воля тирана. Я-подсознание действовало прямолинейно, по простейшей и устоявшейся схеме: внешнее воздействие → ответная реакция мозга → соответствующее действие организма. Никаких раздумий, ассоциаций, мыслительной деятельности. Всё до примитивности упрощено, все сложности отброшены, потенциалы мозга мобилизованы на решении главного – устранении внешнего воздействия.

В активности я-подсознания я-мировоззрения просто не существовало. В его энергетической мощи дуэт я-сознания и я-мировоззрения был каплей в океане. Причем, что самое страшное, я-мировоззрение понимало свою ничтожность, но принять факт

полного низложения своей значимости не могло. Да и как можно смириться со свалившимся унижением и полным отрицанием всего того, что было достигнуто за все предшествующие годы жизни? Униженное и оскорбленное я-подсознанием я-мировоззрение задавало только один вопрос: «Неужели это и есть смерть?»

В редких проблесках собственного сознания, я вновь обнаруживала беспомощность бесформенной массы нейронов, нейронных комплексов и глиальных клеток, управлять телом. Психика не в состоянии была выполнять возложенные на нее функции, хотя сама оставалась целой и невредимой. К тому же, с пробуждением я-подсознания психика утратила управление и над собой...

Я очередной раз убедилась, что моя психика жила своей жизнью, нарушая всё известное мне до сегодняшнего дня. Моя старая система взглядов потеряла устойчивость и целостность, оторвавшись не только от молчавшего и не отзывающегося я-тела, но и от той системы взглядов, на основе которой моё мировоззрение формировалось и развивалось все тридцать два года существования. И ее можно было понять: о какой устойчивости основания могла идти речь, если приоритет я-тела и все, что на этом приоритете было воздвигнуто и построено, вдруг сменило совершенно иное понимание – очевидность первичности активности я-психики. Причем, мало того, что я-психика оказалась первичной, фундаментальной и полноценно функционирующей за я-телом и вне его, но оказалось, что я-психика, в свою очередь, тоже делима и структурирована! Я-психика – это взаимодополняющее сосуществование я-сознания, я-мировоззрения и я-подсознания! Это целый мир со своей структурой и функциональными особенностями. И где мое истинное «я» в этом многоголосье структурных и функциональных «я» психики?

Я-мировоззрение все больше терялось и растворялось в бушующих порывах я-подсознания. Чем больше меня захлестывали чувственно-эмоциональные порывы, идущие из глубин подсознания, тем сильнее проявлялось беспокойство, которое ассоциировалось с удушьем. Я-мировоззрение лишённое активной составляющей я-сознания потеряло свою значимость и весомость. Оно представляло собой жалкое зрелище – форма с вынутым содержанием: в ней отсутствовала харизма, инициатива, желание творить и удивлять. Я-мировоззрение безвольно созерцало за происходящим, не

то чтобы боясь, а уже не в силах что-либо изменить, и на что-либо повлиять. С него словно вынули жизнь, перерезали вены и спустили кровь...

Надвигающаяся сила подсознания сметала стройность логических построений я-психики, замещая разрушенное неуправляемыми порывами эмоций и переливами желаний. Я волновалась, тревожилась за собственное присутствие в безумной стихии подсознания, за возможность сохранить, не потерять себя в надвигающемся хаосе сил и энергий, и весь этот поглощающий комплекс эмоций сдавливал дыхание и словно топил в водовороте чувств, удушал порывами эмоций. Я барахталась в этом водовороте, судорожно боролась за свою целостность, индивидуальность, потому что не хотела умирать, боялась утратить единственную оставшуюся связь с миром реальных событий. Мои легкие судорожно пытались втянуть в себя воздух, но в воздухе было все, кроме кислорода. Я словно вдыхала в себя ничто и от этого сама превращалась в ничто: вздох и меня становилось меньше; вдох и все больше тень застилала мою индивидуальность и я теряла себя как целостность; вдох и я на шаг приближалась к смерти. Чем больше я билась и цеплялась за жизнь, тем быстрее покрывалась тенью, тем ощутимей было соприкосновение с ничто, которое у меня ассоциировалось только со смертью. Выходит, вот она такая смерть...

Что-то далекое на укол, или мне показалось, коснулось руки, и ощущение удушья прекратилось, но это было последнее состояние, которое мое я-сознание прочувствовало. Оно отключилось, исчезло сразу, как оборвалось, и я-мировоззрение, до этого удерживаемое над пропастью провалилось в бездну. Я впервые прочувствовала леденящий ужас соприкосновения с третьим «я» психики – я-подсознанием, которое для меня было равносильно соприкосновению с небытием. И мысль, как обжигающая боль, пронзила психику – я умираю!

Глава 2. Соприкосновение со смертью

Не сразу, но я смогла справиться с паникой, охватившей психику после отключения я-сознания и понимания собственной ничтожности в масштабах власти я-подсознания. Облегчающая участь мысль успокоила и вернула внутреннюю уравновешенность – *значит так нужно*. Если умирать, то умирать нужно с достоинством, судьбу все равно не изменить. И понимание предопределенности жизни, ее предрешенности, внесло весомое облегчение в падение, в низвержение в я-подсознание.

Замена я-сознания я-подсознанием для я-мировоззрения, насколько я обнаружила, отразилась только в одном, но принципиальном – я-мировоззрение утратило свою былую активность и самостоятельность. Если я-сознание признавало направляющую и организующую силу я-мировоззрения, само служило для этого основанием, то я-подсознание не просто подавило я-мировоззрение – оно его полностью уничтожило своим неприятием: словно и не было я-мировоззрение самостоятельной нейронной организацией, участвующей в организации *индивидуального присутствия психики* в мире реальных событий. В мире чувств и эмоций я-мировоззрение было не востребовано и пренебрегаемо.

Проваливаясь в чувственно-эмоциональные глубины психики я-мировоззрение вело себя словно парализованный организм: оно оставалось пока еще целостным, неизменным, но былой активности, самостоятельности, свободного лавирования в предстоящем информационном пространстве, открытости перед ним и заинтересованности в нем, оно лишилось напрочь. Я-мировоззрение низвер-

гаясь в я-подсознание могло только пассивно созерцать и запечатлевать наиболее яркие и эффектные события падения, то, что практически само предлагало себя и навязывалось для восприятия.

Привыкая к этому новому для себя состоянию полной зависимости и подчиненности, я была вынуждена признать, что активность моего я-сознания исчезла не полностью, что возможность обозревать само падение, низвержение в ничто, была вызвана тлеющими, мерцающими бликами того же я-сознания. Безусловно, бушующие внешние силы я-подсознания не воспринимали целостность я-мировоззрения – они ее просто не замечали, это был не их масштаб, но, тем не менее, возможность сохранять эту целостность и, главное, понимать, что эта целостность сохраняется, исходила из практически полностью отключенного я-сознания, которое обеспечивало я-мировоззрение минимумом необходимого для этого энергии. Эта *почти отключенность* я-сознания оставляла мне призрачный шанс сохранять целостность я-мировоззрения и благодаря целостности обозревать новые для себя события.

Именно в таком парализованном и беспомощном состоянии мое я-мировоззрение запоминало, возможно, последние фрагменты своего существования. Оно было полностью обессилено, истощено, лишено возможности поиска и работы с информацией. Тот минимум энергии, поступающий от я-сознания, использовался только на сохранение целостности внутренней структуры, потому что ее распад граничил с собственным уничтожением и безвозвратной гибелью. Поэтому, трепетно относясь к каждой получаемой порции энергии, мое я-мировоззрение, как житель блокадного Ленинграда в годы Великой отечественной войны, сознательно сконцентрировалось только на одном – на собственном выживании. Выжить, переждать бушующую стихию я-подсознания, принять все как есть, смириться с неизбежным, но только сохранить себя, вернуться в мир реальных событий – вот основная задача, которая стояла перед я-мировоззрением. Замкнувшись в себе, сохраняя внутреннюю теплоту и веру, оно только созерцало происходящее вокруг. Поэтому, чем глубже происходило погружение в я-подсознание, тем менее очерченным и ясным становился мир происходящих событий, тем меньше я-мировоззрение различало и узнавало его. По мере погружения характеристики происходящих событий все больше стира-

лись и теряли ясность, а на их место приходила безликая сплошная тень – еле очерченная по форме масса, обнаруживающая себя только общими особенностями своего содержания. И я, как я-мировоззрение, сколько не всматривалась в этот мир, сколько не пыталась высветлить особенности его строения, не могла этого добиться – он не раскрывал своего внутри. Падению предстояла густая, сплошная тень, которая ассоциировалась только с одной характеристикой – пустотой. Мое падение в я-подсознание все больше переходило в падение в пустоту, *в ничто*, потому что только в ничто ты словно сливаешься с окружающими предметами, присутствуешь среди них и в них, но при этом не можешь идентифицировать не только окружающее, но и свое присутствие в окружающем.

Низвергаясь в я-подсознание как в ничто, я-мировоззрение не просто теряло свою былую значимость и прощалось с присутствием в мире реальных событий, оно теряло и факт самого присутствия, потому что низвержение в ничто не было присутствием, в том понимании, которое вкладывается в это понятие в мире реальных событий. Присутствие в мире реальных событий – это возможность постоянного узнавания себя и обнаружения - *самоидентификации*, возможность проявить себя и воспринять это проявление, возможность раскрыть содержание событий предстоящего мира. Всего этого не было в низвержении в ничто: во-первых, слишком слаба была активность я-сознания и, соответственно, беспомощней я-мировоззрение и, во-вторых, окружающий мир уже невозможно было разложить на составляющие единицы, поэтому он не узнавался и не обнаруживал себя. А форма пустоты, ничто, в которой он являл себя, не позволяла я-мировоззрению организовать собственное присутствие в нем: прикрепиться к нему и обнаружить себя через узнавание частей. Отсюда, факта присутствия я-мировоззрения в ускоряющемся падении в небытие не было.

И это пугало, вызывало ужас, потому что факт потери присутствия был равнозначен факту отсутствия. Получалось, что низвергаясь в глубины я-подсознания, точнее, в ничто, мое я-мировоззрение уже отсутствовало для мира реальных событий, отсутствовало *для себя*, и только слабые проблески я-сознания позволяли ему еще сохранять присутствие *в себе* и понимать, что хотя бы в себе, но оно еще есть, обнаруживает себя и сохраняется как

реальность. Чем больше я входила в мир пустоты - небытия, тем больше я теряла себя как внешний образ. И только сохранение своего внутри – присутствия в себе, указывало на факт присутствия в бытии, на факт пусть тлеющей, но жизни. Пока хоть какое-то присутствие сохранялось и узнавалось мной, пока пусть еле просматриваемая познавательная активность моей я-психики проявлялась, я была уверена, что я еще жива. Но, чем слабее воспринималось собственное присутствие в мире, чем меньше оставалось возможности для узнавания себя и предстоящего мира, тем слабее становилась прикрепленность к жизни, а больше вхождение в мир небытия и соприкосновение со смертью.

Падение в глубины я-подсознания усугубляло возрастающее чувство тревоги от соприкосновения с пустотой, потому что древние зоны головного мозга, в которые опускалось мое я-мировоззрение, переходили в ощущение некой границы, которая четко разделяла бытие и небытие. Именно в глубинах подсознания находился тот предел, который для каждого человека означал Рубикон: *до* него, существовала жизнь и соответственно бытие я-психики, *после* него – вхождение в ничто, в мир небытия, следовательно, смерть. Оказывается, настоящая граница между жизнью и смертью пролегла не на уровне функционирования или не функционирования я-тела, а на уровне возможности или невозможности самоидентификации, узнавания себя как я-психики, сохранения или не сохранения целостности я-мировоззрения. Приоритетное место психики в существовании человека подчеркивало очевидный факт, что смерть - это невозможность возвращения из падения в глубины я-подсознания, из низвержения в ничто, это разрушение структуры и функциональности я-психики. К структуре и функциональной активности я-тела, смерть человека имеет только опосредованное значение.

Смерть тела для я-психики актуальна только на современном уровне развития отношений между психикой и телом. Ретроспективный анализ взаимоотношений между телом и психикой показывает, что чем больше время эволюции психики, тем зависимость существования психики от смерти я-тела снижается. Пока это про-

является в искусственном увеличении биологической жизни я-тела: за два последних столетия я-психика добилась того, что средняя продолжительность жизни я-тела с сорока лет достигла семидесяти. Причем я-психика не только увеличивает биологический возраст я-тела, но и создает условия, которые оберегают я-тело от случайной или насильственной гибели в текущем существовании. В повседневном образе жизни я-тело было выдвинуто на уровень общечеловеческой ценности, которая оберегается в масштабах цивилизации всевозможными условными правилами и законами.

Снижение практически до нулевой отметки взаимодействия между я-сознанием и я-мировоззрением превратило мое падение в глубины я-подсознания в низвержение. Я чувствовала, как жизнь все быстрее и быстрее покидает меня, а смерть такими же темпами приближается и заполняет освободившееся пространство. И чем дольше длилось мое падение в глубины я-подсознания, тем я больше чувствовала приближение этого Рубикона, возможно, даже *вхождение* в него. Уже не столько пустота предстояла моему падению, сколько соприкосновение с ничто указывало на новые реалии, на новое пространство присутствия моего «я». И чем больше это ничто ощущалось, заявляло о себе моему я-мировоззрению, тем очевидней становилось дыхание смерти, присутствие в небытии, точнее собственное отсутствие в бытии и присутствие в ином измерении, качественно новом и необъяснимом.

Но видимо так было устроено мое я-мировоззрение, так его воспитали и сформировали – вместо того чтобы переждать бушующую стихию я-подсознания, временно или навсегда смириться со своей участью, оно надумало *бунтовать*, пробовать спастись, выбраться из поглощающего пространства пустоты. А, возможно, сработали инстинкты, внутренние предохранители, которые мобилизовали последние крохи активности я-сознания на противостояние поглощающему падению в ничто. Возможно, и на уровне я-психики существуют рефлексы самосохранения, которые в моменты приближения к Рубикону, когда я-психика, подавленная новой средой и реалиями не в состоянии самостоятельно преодолеть оцепенение и противопоставить себя смерти, берут инициативу в свои руки. Только скрытая до поры до времени сила природы может толкнуть я-психику на этот отчаянный

и безрассудный шаг, тем самым, используя последнюю возможность прикрепиться и остаться в жизни.

В любом случае, вынужденная пассивность и беспомощность в падении в ничто, вероятность полного погружения в небытие и потеря ощущения присутствия в мире, страх перед реальным приближением смерти, пробудили в я-мировоззрении стремление избежать уготованной участи, спастись. В тлеющее и еле живое присутствие *в себе* прокрались воспоминания о былой значимости и активности, которые вызвали коварные мысли о бунте, неподчинении диким силам природы, вдохнули надежду на спасение, возвращение из небытия. Ведь смогло же я-мировоззрение подчинить себе я-сознание, так почему не попробовать подчинить силы я-подсознания? Безумная идея толкнула на безрассудство: чем вот так сложа руки ожидать смерть, лучше умереть в противостоянии, в борьбе за собственное спасение.

Почему-то понимание близости смерти пробудило не страх, оцепенение и покорность, а именно желание бунтовать, бороться против ожидаемой участи. Мысли о приближающейся смерти привели к мобилизации последних крох энергетических возможностей я-сознания, и вызвали желание остановить падение в ничто, организовать собственное присутствие в нем, тем самым, идентифицировав себя и среду падения. Мысли о бунте, о неподчинении уготованной судьбе взбудрили полуживое я-мировоззрение, активировали его внутреннюю структуру, пробудили желание свободы и реализации. Оно вновь заиграло силой и энергией, на время стало значимым и востребованным. Особенно нетерпеливы были элементы периферии, наиболее дальние и слабоприкрепленные элементы структуры. Не дождавшись общего выступления, предавая целостность ранее единой структуры, нарушая дисциплину и существующую иерархию, они поспешили выступить первыми, противопоставить себя ничто, заявить о себе в пустоте приближающегося небытия, тем самым, на миг, обретя собственную значимость и свободу. Они спешили стать первыми героями, хотя возможно о славе они совсем и не думали.

Они жертвовали собой - обнажая свое внутри, они пытались осветить окружающий кромешный мрак пустоты, для того чтобы другие увидели себя и запечатлели падение. Они умирали, пытаясь

своим светом сделать узнаваемой дорогу для других, оставшихся. Они считали, что знаками обозначая пустоту, они высвечивали фрагменты падения в ничто, тем самым делая ничто узнаваемым, содержательно раскрытым. Они надеялись, что чем больше им удастся высветить фрагментов пустоты, тем узнаваемой станет пространство собственного присутствия, тем реальной окажется прикреплённость к внешнему миру и, соответственно, узнаваемой дорога назад, в бытие. Умирая как частности, они мечтали о спасении целого.

Но их подвиг изначально был обречен на бесславие. Жертвуя собой, они не учли главного - ничто оказалось не той средой, которая благоприятствовала прикреплению и заявлению о себе. Здесь доминировали совершенно иные организации, здесь не было места информации запечатленной в знаках: словах, словосочетаниях, понятиях, и даже образах. Поэтому, отсоединившиеся фрагменты я-мировоззрения, тут же теряли свою значимость и оказывались совершенно невостребованными в мире чувственно-эмоциональной активности. Они действительно заявляли о себе, на миг высвечивались, но это заявление было слышно только им одним; они действительно обнажались, раскрывались и прикреплялись, но ничто тут же хоронило их подвиг в густоте своего мрака, и никто не успевал заметить их действий. Они погибали незамеченными и неоцененными. Для других они просто исчезали, оставляя после себя даже сомнения в возможности предательства и трусости с их стороны.

Все это напоминало агонию умирающего, больного раком человека, который из последних сил цепляется за жизнь, реальными событиями, поступками, пытается привязать себя к ней, но сама жизнь давно простилась с ним и уходила, скрываясь за поворотом. Умирающий всеми силами пытается остановить ее, закрепить свое присутствие в ней, доказать свою незаменимость и значимость, привлечь ее внимание чем-то важным и дорогим для себя, но в жизни его уже не было, поэтому она и не слышала его. *Но ведь он то об этом не знает, он надеется на чудо.* Но в существовании чудес не бывает, в нем властвуют жесткость и бескомпромиссность законов материального мира.

Если смерть это самоуничтожение я-мировоззрения, то это действительно страшно: сначала быть единым, целым, неделимым,

значимым, постоянно проявляющим себя и одновременно, оценивающим свое проявление, и вдруг собственноручно разрушить собственную целостность, воздвигаемую десятилетиями стройность и единство внутренней информационной базы, сделаться просто никем, обезличенным множеством: многоликим, разорванным, противоречивым, переменчивым... Вкладывать свою жизнь в одно творение, десятилетиями собирая его в единый образ, а потом это творение собственноручно разрушить, причем без основания, по глупости, случайно, по чужой воле – не равнозначно ли это самоубийству, *уничтожению святыни*? С чем в этом случае предстать в Чистилище и как ответить на вопрос: «Зачем ты жил, с чем пришел из жизни?»...

Поднявшись на бунт, активируя внутреннюю структуру остатками энергетической мощи я-сознания, я-мировоззрение, тем самым, собственноручно подписало себе приговор: и без того хрупкая целостность внутренней структуры начала *саморазрушаться*. Самостоятельно инициированная попытка доказать свою значимость в падении в ничто, изначально невыполнимое желание обрести себя в этом падении, переросла в состояние бесконтрольного хаотичного распада внутренней системы взглядов. Накопленные и аккумулированные десятилетиями фрагменты присутствия в бытии ранее собранные в единый образ, кропотливо структурированные в определенную систему взглядов - мировоззрение, начали распадаться как картонный домик и пытаться существовать самостоятельно. Как безумные, совершенно утратив первоначальную патристичность своих поступков, возвышенную аргументированность, они один за другим рвались к независимости, ценой собственных жизней уже мечтали не сохранить целое, а освободиться от сковывающих цепей внутреннего единства и просто заявить о себе в ничто. Последние порции энергии я-сознания вместо борьбы за сохранение единства и целостности, они направляли на разрыв внутренних связей и реализацию себя в ничто. Но, конец был для всех один: вырвавшись на свободу, едва ли прочувствовав ее дыхание, не оцененные и не увиденные другими, они тут же погибали, потому что для них существование было возможно только в единстве, а самореализация продуктивна только в бытии. *Но ведь они этого не знали...*

Бунт против уготованной участи, гибель во имя спасения, привели только к усугублению ситуации - к самоуничтожению я-мировоззрения. Оно перестало существовать как целое, как систематизированный и внутренне не противоречивый образ. Теперь я перестала существовать даже в себе...

Это и есть смерть?

А если бы я отказалась от бунта, подавила в себе природный рефлекс самосохранения, у меня сохранился бы шанс на спасение? – эта мысль возникла сразу после вопрошания о смерти. И тут же прокрались сомнения: разве может природный рефлекс вместо спасения толкать к гибели? Ведь если бы я переждала, не бунтовала, то саморазрушения структуры я-мировоззрения не произошло, или я ошибаюсь? Есть разница между пассивным созерцанием за собственным низвержением в ничто и бунтом, или конец один? Или все-таки бунт против низвержения оставляет пусть призрачные, но шансы на спасение, на возвращение в бытие?

Вопросы затрагивали понимание глубины, а его то и не было.

Стоп, неужели в небытии еще можно задавать вопросы? Или я жива?

Непонятные ощущения долгое время мешали разобраться как в себе, так и в собственном присутствии в мире. Однозначно, не было ощущения присутствия во внешнем мире, но с трудом различимо было и присутствие в себе. Точнее его не было - о присутствии в себе можно было судить только по возможности постановки вопросов и обозрения ответов на них. Узнать же себя в собственном внутри, в непосредственном присутствии в себе или хотя бы для себя – такой возможности я была уже лишена.

Вопросы возникали, но ответы на них уже находились не внутри собственной, ранее кропотливыми усилиями созданной внутренней информационной базы, а приходили извне, представляли как готовые образы, которые оставалось только обозреть. Это было совершенно новое для меня состояние – возможность не искать ответы в результате совместной работы я-сознания и я-мировоззрения, а получать их в готовом виде и рассматривать, вы-

делять наиболее значимое и впечатляющее в представленном образе-ответе.

Но в первые секунды низвержения или присутствия в ничто, предстоящих образов-ответов было слишком много, потому что слишком много вопросов возникало в моем неузнаваемом и неопределяемом внутри. Я не понимала где я, что со мной, жива ли я, поэтому вопросы не фиксировались, а вслед за ними не фиксировались и ответы, проходя чередой неразличимых образов. И чем глубже было погружение в ничто, чем полнее вхождение в небытие, тем ощутимей был хаос, творившийся в остатках моего внутри. Разлагающееся, утратившее контроль над собственной структурой внутреннее «я» входило в небытие как совокупность разорванных фрагментов, которые словно заново, в несколько ином спектре, под совершенно другим углом, прокручивали мое, а точнее, свое вхождение в небытие. Я заново, раз за разом, проживала свою утерю целостности, свое прощание с индивидуальными характеристиками, и каждый раз это происходило со мной по-разному. Я несколько раз входила в Рубикон, и каждый раз это вхождение представлялось мне в новых, неповторяемых образах, которые смутно ассоциировались с фактом присутствия. Казалось, меня уже нет в бытии, я умерла, уже отсутствую как для себя, так и в себе, но сам факт неопределенности, это «казалось», это далекое, но все же *ощущение* отсутствия, как раз и подчеркивало мое присутствие, но уже в другом состоянии, в каком-то другом измерении. Низвержение в ничто однозначно было связано с фактом утери присутствия, но только *присутствия в бытии*. Вместо присутствия в бытии появилось иное ощущение присутствия: болезненное, неопределенное, ускользающее – *присутствие в небытии*. И я пыталась понять это новое для себя присутствие, разобраться в нем, чтобы закрепить и обрести себя и здесь, если в этом состоянии присутствия факт обретения себя был действительно возможен...

Многоликость падающего в ничто «я» запутывала, нарушала взаимосвязь событий, сталкивала части до этого целостного образа я-мировоззрения, и я-мировоззрение достигло крайних пределов разорванности - превратилось в хаос: беспощадный, внутренне противоречивый, конфликтный и оттого болезненный, чувственный, ранимый. Мое я-мировоззрение разложилось на многоголосье

судеб, на то множество «я», которое до этого я-мировоззрение впитало в себя, запечатлело в нейронных комплексах долговременной памяти как единое целое. Далекими образами, то смутно, то отчетливо вставали живые и мертвые родственники, тети и дяди, знакомые и незнакомые лица. Одни шептали, другие кричали, навязывались, приставали. Поток прошлых событий подхватил, понес, закружил. Гиперболизированные события, многоликость персонажей, смесь реальных и фантастических событий вдруг разорвало я-мировоззрение изнутри, разнесло на клочья - и остатки ощущения присутствия в мире бытия окончательно исчезли, оборвались. Теперь я ощутимо прочувствовала, как разорванное я-мировоззрение перешло порог иного мира существования – небытия, вошло в качественно новый для себя мир присутствия - мир виртуального и неразличимого. *Это была смерть – исчезновение я-мировоззрения из бытия, утеря психикой своего внутреннего «я».*

Минуты непонимания, растерянности были кошмарны. Новая форма присутствия радикально отличалась от привычного мира бытия – существования целостного я-мировоззрения. Разорванные фрагменты мировоззрения, на миг высвечиваясь и проявляя себя во мраке небытия, в целом образовывали картину хаоса и полного непонимания своего места в этом мире. Они присутствовали, но присутствовали как неопределенность.

Невозможность идентифицировать себя, обрести привычную, закрепленную целостность, оказалась так болезненна и трагична для психики, что поток чувств и эмоций впервые накрыл волной, залил оставшееся *целое* и поэтому существующее, сдавил дыхание. Где-то на далеком плане я вновь обрела чувство тела, но оно было таким болезненным, таким жгучим и удушающим, что ощущения боли стали невыносимы и кошмарны даже здесь на уровне полуразрушенной и отсутствующей для бытия психики. Я задыхалась, реально умирала, в конвульсиях пытаюсь освободиться от сдавливающей шеи петли. Я хотела дышать, рвалась глотнуть кислорода... Но в этих судорожных предсмертных движениях, которые по всей видимости, не выходили за пределы я-психики и никак не проявлялись в моем я-теле, не было силы и последовательности, и я реально чувствовала, как капля за каплей меня покидает жизнь.

Второй или третий раз, переживая одно и то же событие – приближение и вхождение в Рубикон, я словно соизмеряла, приспосабливалась к этому жуткому факту - *утери жизни*, для того чтобы разобраться в нем, по мере возможного запечатлеть, отделить и выделить основные этапы перехода этой границы между жизнью и смертью, бытием и небытием. Для меня было предельно важно *прочувствовать* эту границу, установить, когда и где кончается один мир, одно состояние присутствия и начинается иной – небытие. Меня словно заклинило, зациклило, и я вновь и вновь проходила этап собственного умирания, преодоления того, что ранее считалось непреодолимым - Рубикона. Я экспериментировала на себе. Преодолевая боль и внутреннее истощение, доводя себя до одури и состояния внутренней истерики, я фанатично пыталась установить: где и в чем пролегает граница между бытием как пространством присутствия психики и небытием – пространством, предшествующим существованию психики. Проживая одно и то же событие несколько раз, я пыталась обнаружить и раскрыть для себя содержание важнейшего вопроса - понимания смерти. Лишаясь жизни, я хотела понять, что приобретаю взамен, кто она такая – смерть, какова ее природа? Если жизнь – это полноценное существование я-психики, возможность реализации внутренних потенциалов, раскрепощенность и богатство внутреннего мира, активность я-мировоззрения и я-сознания, возможность проявлять свои внутренние потенциалы во внешнем образе, то, что такое смерть? Почему смерть – это небытие, и действительно ли существование небытия – это пространство существования смерти?

Чем больше меня покидала жизнь, тем реальней становился новый мир моего присутствия: совершенно иной, на первый взгляд сумбурный, противоречивый и нелогичный. Лишаясь жизни, я переходила в новое измерение и в качественно новое состояние существования оставшихся структур психики. Утрачивая жизнь, задыхаясь и умирая в бытии, я словно переходила в иное измерение, по частям обнаруживая себя в небытии. Мир, в котором нет места целостному и активному я-мировоззрению, в котором подавляется активность я-сознания и становится невозможной самоидентификация: узнавание себя как в собственном внутри, так и во внешних проявлениях, называется небытием. *Небытие* – это пространство

присутствия смерти, как ничто и пустоты, как полное отсутствие я-мировоззрения как единого функционального целого. Небытие – это разрушение структуры и функций я-психики, после чего она превращается в разлагающуюся массу нейронов и глиальных клеток, которые под влиянием внешней среды безвозвратно исчезают во времени...

В небытие, как в данность, попало все то, что осталось от моей я-психики, что прошло через Рубикон. По логике вещей преодоление Рубикона возможно только в одном случае – когда радикально изменяется форма присутствия в мире. Рубикон на то и есть Рубикон, чтобы существовать как непреодолимая преграда для одной из форм присутствия в мире. Если я-психика присутствует в бытии как я-психика, то Рубикон она может преодолеть только в одном случае – если она перестанет быть я-психикой, а перейдет в качественно иное состояние, например, в состояние не-я-психики. Я-психика – это индивидуальное и неповторимое присутствие конкретной, отдельно взятой психики в мире бытия, а не-я-психика – это присутствие всего того, что осталось от я-психики в небытии. Это качественно новое состояние я-психики, которое мне еще только предстояло познать.

Замена я-психики не-я-психикой должна сопровождаться изменениями в структуре и функциях. Но как я могу воспринимать небытие, если, во-первых, оно не воспринимается по сути, а, во-вторых, факт восприятия – это функция я-психики? Или воспринимать может и не-я-психика? Тогда в чем между ними разница, если учесть, что факт восприятия это одна из основных функций я-психики?

Если я еще в состоянии узнавать о своем присутствии в мире, воспринимать себя в нем, т.е. идентифицировать его и себя, значить я еще живу, присутствую в бытии, нахожусь по *эту* сторону Рубикона. Но тогда почему я считаю, что нахожусь в небытии? На чем основывается уверенность, что окружающие меня образы являются характеристиками небытия, а не побочным эффектом моего больного, предсмертного мировосприятия? Факт прохождения Рубикона, характеризуется, прежде всего, тем, что я-психика лишается своей функциональной гармонии и перестает *быть*, существовать, в том числе, воспринимать и ощущать мир любым способом и

в любых состояниях. Она перестает быть я-психикой и превращается в не-я-психику, качественно новое состояние присутствия для себя и мира. Если пусть слабое, но восприятие осуществляется, значить психика по-прежнему остается в состоянии я-психики, значить она еще здесь, в бытии, и не перешагнула черту небытия. Психика может функционировать в небытии, но ее функциональная активность никак не может быть связана с ощущением и восприятием. Ощущающая и воспринимающая психика в небытии – это нонсенс!

И хотя я понимала принципиальную невозможность присутствия я-психики в небытии, пусть даже и в полуразрушенном состоянии, я, как я-психика, там все же присутствовала. Не знаю, как это стало возможным, что произошло, и кто «пропустил» меня в небытие в таком структурном и функциональном виде, но я там находилась и обзревала происходящее. Факт оставался фактом, чем больше усугублялась моя агония в бытии, тем спокойней я осматривалась в новом для себя мире отсутствия-присутствия. Теряя себя по частям в жизни, я обнаруживала себя в таких же долях в небытии, словно фрагментами забирала себя из одного мира и переставляла в мир иного существования. Причем мой переход из мира бытия в небытие осуществлялся с сохранением структуры и основных функций. Я действительно присутствовала в небытии не как не-я-психика, а как потрепанная прохождением через Рубикон я-психика.

Чтобы как-то успокоить пробегающую череду образов-ответов, навести порядок и дать лад происходящим вокруг меня событиям, первое, что я сделала – это постаралась подавить бунт в себе, остановить процесс саморазрушения я-мировоззрения и сохранить оставшуюся структуру. Я отложила «на потом» рассмотрение причин спровоцировавших я-мировоззрение на бунт, потому что любой анализ правильности или неправильности этого шага требовал внутренней концентрации, трат драгоценных порций энергии я-сознания, а они сейчас мне были нужны для совершенно иных целей. Нужно было сохранить оставшуюся структуру и фун-

кциональную активность я-мировоззрения, чтобы противостоять внешнему влиянию новой среды присутствия – небытия.

Второй шаг, который я предприняла после стабилизации внутренней системы взглядов заключался в том, что я заставила себя смириться с фактом своего присутствия в небытии как с данностью. Я понимала, что чем больше этот вопрос будет меня волновать и тревожить, чем больше я буду вопрошать к нему, тем позже я найду на него ответ, потому что разобраться в череде мелькающих образов-ответов было практически невозможно. Я сделала внутреннюю установку на то, что многое из происходящего со мной и во мне, нужно принимать как свершившийся факт, и лишь потом, после понимания хотя бы общих характеристик нового пространства присутствия, в более спокойной обстановке, поэтапно разобраться в произошедшем. Для того чтобы обозреть предстоящие образы-ответы нужно время и соответствующая обстановка, а в спешке, на ходу, обозрение было просто невозможно.

Поэтому, успокоив себя, наведя жесткую дисциплину в мыслях, я пресекла тиранию терзающих остатки я-мировоззрения вопросов, и только после этого мне удалось осмотреться в новом для себя пространстве присутствия, сложить о нем определенное представление. Безусловно, чтобы сделать это, потребовались невероятные усилия, которые к тому же не сразу увенчались успехом. Парализованность и практически полное разрушение я-мировоззрения, делало меня неуклюжей и какой-то искореженной, перекосившейся, привязанной к определенному углу зрения. Я понимала, что в мире небытия я, как я-психика, по всей видимости, присутствую как исключение, что воспринимать и ощущать небытие – это эксклюзивное право, которым нужно воспользоваться бережно и по максимуму. А для этого в первую очередь все свершившееся со мной нужно обозреть и воспринять как целое, без рассмотрения отвлекающих и уводящих от понимания деталей. И начать обозрение нужно с низвержения в ничто: с момента провала я-мировоззрения в я-подсознание до момента попадания в новую среду присутствия – небытие.

Несмотря на все внутренние потуги, я с прискорбием констатировала, что в небытии я, как я-психика, совершенно лишилась активности и самостоятельности. Я стала полностью зависима от

чужой воли и могла обозреть только то, что мне предлагали, выставляли для обозрения. Поэтому мир небытия и предшествующее низвержение, я обозревала только в том виде, который попадал в поле обзора, который открывался сам, без моего участия, поэтому увиденное мной, возможно, было неполным и однобоким. Но для меня оставалось главным, что я все же смогла воспринять и ощутить то, что по идее не подвластно восприятию и ощущению, как функциям я-психики. Мою задачу частично упрощало то, что большую часть низвержения в небытие я оставалась как целостная я-психика, поэтому первые этапы низвержения идентифицировались мной с достаточной легкостью и уверенностью. Обозрение собственного присутствия при преодолении Рубикона и *за* Рубиконом воспринималось мной, главным образом, с привлечением интуиции, возможности обозрения неуловимого и ускользающего, потому что это было новое пространство присутствия, по идее присутствия я-психики как не-я-психики. Но так как я, по непонятным причинам, все же оставалась в небытии как я-психика, то само обозрение качественно новой среды присутствия для я-психики, ощущалось и воспринималось как действие на грани невозможного.

Как у меня получилось сделать это невозможное, я не знаю. Возможно, чрезмерное желание выжить стимулировало разорванное в низвержении я-мировоззрение периодически объединяться и фиксировать ускользающие фрагменты; возможно, на самом деле, умирающим в последние секунды жизни раскрываются особенности перехода психики из мира реальных событий в мир небытия, но мне удалось обозреть этот переход из одного мира в другой. На грани интуиции и бреда мне удалось составить общее представление о переходе психики из бытия в небытие. Насколько мое представление соответствует действительности – трудно судить. Я еще не встречала тех, кто окунался в глубины существования и обозревал первопричину жизни и смерти. Возможно, мое представление было неполным, а, возможно и надуманным, потому что факт падения в ничто равносителен соприкосновению с небытием, а как можно составить представление о небытии, если только бытие раскрывает свое содержание, да и то фрагментами? Небытие же – *непознаваемо*, на то оно и небытие. Поэтому как я могу утверждать, что

увиденное и запечатленное мной соответствует истине, если все мною сказанное невозможно проверить?

Но, в любом случае, просматривая позже свои переходы из бытия в небытие, я убедилась, что периодичность прохождения этапов низвержения в ничто всегда остается неизменной. Преодолевая границу между жизнью и смертью, я всегда испытывала одни и те же ощущения и обзревала одни и те же образы, что убедило меня в правильности первоначального обозрения и запоминания основных событий целого.

На мой взгляд, анализ перехода из бытия в небытие равносильно рассмотрению первоосновы человеческого существования, потому что в бытии человек присутствует, есть, а в небытии его уже нет. Причем, мы всегда должны помнить, что рассмотрение перехода из бытия в небытие, и обозрение самого небытия, связано с рассмотрением существования исключительно я-психики или же не-я-психики, и никак не связано с анализом функциональной активности я-тела (организма). Как существование я-тела человек присутствует в совершенно ином измерении, в котором преобладают качественно иные критерии оценок. Как я-тело человек соответствует миру живой материи (миру биологических организмов) или в более привычной терминологии – миру жизни. В науке собрано достаточно примеров, в которых показано, что человек может присутствовать в жизни как я-тело, но при этом отсутствовать как я-психика, и при этом совершенно перестает быть человеком. Человек с разрушенным мозгом – это уже не человек в полном значении этого слова, это биологический организм, который при определенных условиях в состоянии организовать свое временное присутствие в пространстве живых организмов – биосфере.

Одновременно, как я-тело человек может практически отсутствовать в бытии, быть непригодным для существования в биосфере, но присутствовать как я-психика и при этом оставаться именно человеком, совершать выдающиеся открытия и пользоваться заслуженным авторитетом в масштабах цивилизации, как, например, из-

вестный физик Стивен Хоккинг¹. Поэтому рассмотрение бытия и небытия, а также особенностей низвержения в ничто, представляет ценность только в свете существования я-психики как первоосновы существования человека.

Одновременно, анализ первоосновы существования человека – это процесс условный, но полезный. Разлагая обозреваемое, мы опредмечиваем его, делаем доступным для глубокого и последовательного обозрения, перетягиваем его из запретной непознаваемой зоны в мир реальных событий, в котором высветленные фрагменты существования подвергаются знаковому обозначению и идентификации. И пусть перетянутые из небытия в бытие фрагменты существования потеряли связь с действительным существованием, пусть высветленные фрагменты небытия в бытии превратились в утраченные ценность, застывшие копии истинного существования небытия, но зато через них мы *соприкасаемся* с существованием первоосновы. По высветленным фрагментам небытия, рассматриваемым нами в бытии, мы слагаем представление о существовании небытия, тем самым, приближаясь к разгадке тайны первопричин своего существования (существования как не-я-психики), раскрываем видение смерти не как данности, а как пространства существования *дочеловеческого*.

В низвержении я-психики в ничто я смогла выделить три основных этапа. Первый этап падения в ничто связан с утерей ощущения собственного тела и раскрытием истинного положения я-психики. И хотя я не чувствовала я-тела изначально, но почему-то понимание этого события подсказало мне еще одну возможность

¹ **Стивен Уильям Хоккинг** (род. 1942) один из наиболее влиятельных в научном смысле и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени. В 1962 году он закончил Оксфордский университет и начал занятия теоретической физикой. Тогда же у Хокинга стали проявляться признаки бокового амиотрофического склероза, которые привели к параличу. В 1965 году женился на Джейн Уайлд, позднее у них родились дочь и два сына. В 1974 году Хокинг стал членом Лондонского Королевского общества. После операции на горле в 1985 году он потерял способность говорить. Друзья подарили ему синтезатор речи, который был установлен на его кресле-коляске, с помощью которого Хокинг может общаться с окружающими. Несмотря на тяжёлую болезнь он ведёт активную жизнь. В январе 2007 года он совершил полёт в невесомости (на специальном самолёте), а на 2009 год был запланирован полёт в космос.

раскрытия истинных взаимоотношений между я-телом и я-психикой. Я-психика высвобождается из тени я-тела и проявляет свою значимость только в крайних ситуациях, в моменты очевидного приближения гибели я-тела. Возможно, понимание гибели я-тела и последующая неизбежная смерть я-психики криком заставляет ее заявить о себе, высвободиться из-под опеки гибнущего тела, попытаться продолжить собственное независимое существование. Видимо накануне своей гибели из-за я-тела, я-психика очередной раз показывает свое отчаянье и ошибочность порочной зависимости от второстепенного, в котором я-психика просто находится и развивается. В эти мгновения она в полной мере ощущает несправедливость происходящего, когда разрушение формы влечет за собой гибель содержания. Причем несправедливость ощущается вдвойне, после понимания факта возможности замены формы на иную, искусственную, как правило, более совершенную и устойчивую по отношению к смерти. Только нехватка времени мешает я-психике заменить форму и продолжить свое существование. И эта обреченность перед случайностью, бессилие перед действительно возможным, криком отчаянья раскрывает истинное место я-психики в жизни человека. Перед смертью человек открывает истинную сущность своего бытия – приоритет я-психики, ее полнейшее доминирование в существовании человеческого. Но в большинстве случаев, это происходит слишком поздно, чтобы исправить положение и предотвратить гибель первоосновы. Психика так и погибает, с бессилием и отчаянием наблюдая, как разрушение формы приближает ее к смерти.

Второй этап падения в ничто – это разрушение целостности психики, полный развал ее внутренней структуры и приближение к состоянию не-я-психики. Причем, приближающееся соприкосновение со смертью, перерождение я-психики в не-я-психику, разрушает психику изнутри, выбивая из-под нее основу – индивидуальное, целостное я-мировоззрение. Низвергаясь в бездну я-подсознания, я-психика предстает сначала в образе активно и гармонично сосуществующих я-сознания и я-мировоззрения, которые в последние секунды своего совместного существования организуют прощальный концерт из наиболее важных и знаковых событий прожитых лет. Последние вспышки я-сознания активируют в я-

мировоззрении набор чередующихся, как правило, счастливых фрагментов прошлого существования. Я-психика проживает десятилетия своего существования за секунды, и, наверное – это самые счастливые секунды ускользящей действительности. Это словно девичник накануне свадьбы, прощальный фейерверк ярко-красочных эпизодов действительности от угасающего я-сознания и разрушаемого я-мировоззрения. Это вся прошедшая жизнь, прожитая за секунды, причем, какие секунды! Словно предчувствуя свою гибель в небытии, я-мировоззрение выдает концентрат наиболее важного и радостного из прошлого, пережитого и прочувствованного, поэтому и жизнь, прожитая за секунды – это сплошное секундное счастье, заполненное такой энергетикой, таким драйвом, что сам переход из бытия в небытие практически не ощущается и не замечается. Концентрат счастья как наркотик обезболивает вхождение я-психики в ничто, сводит на нет болезненное прохождение Рубикона, переформатирование в не-я-психику и соприкосновение со смертью.

Я-психика, как организация, словно растворяется в ничто, так и не успев ощутить перехода в состояние растворимости, аннигиляции. Возможно, понятие рая и нужно для того, чтобы скрасить последние мгновения бытия и обезболить ощущение утери жизни? Но как все-таки прекрасна жизнь в своих последних мгновениях! Если Дима, уходя из жизни, видел то, что видела я – он вошел в мир небытия празднично и красиво. Во всяком случае, я испытывала приливы вселенского счастья и глубокого умиления от картин своей жизни, чередой промелькнувших у меня перед взором. Не было ни сожаления, ни разочарования, ни жалости к себе – сплошное блаженство от прожитого и сопровождающего в небытие.

И, наконец, последний этап падения в ничто – это разрыв целостности я-мировоззрения на тысячи составляющих, которые сами по себе не представляли из себя уже никакой ценности. Последний этап вхождения в небытие - это утеря целостности внутреннего «я», возвращение на допсихический уровень. Я-психика со всеми составляющими «я» исчезает, а вместо них приходит ощущение обезличенного присутствия в массе, незримого ощущения потока как действия, как вечно ускользящего фрагмента небытия. Я-психика переходит в состояние не-я-психики, которое характеризу-

ется неуловимостью, незакрепленностью, безличьем, неуничтожаемостью и целым рядом других характеристик, которые я ощущала, но обозначить словами-знаками не могла, слишком тонки и противоречивы были их оттенки.

В целом, состоянию падения в ничто тяжело дать определение. Как можно определить ускользающее и нефиксируемое? Оно мало того, что тенью проскальзывает мимо, за него невозможно зацепиться, его нельзя разорвать и выделить фрагмент, закрепить и рассмотреть как яркую осознаваемую картинку. В этом ускоряющемся падении ощущение ничто проявлялось в том, что психика теряла свойство присутствия. Она вроде бы и была, присутствовала как комплекс нейронов и нейронных организаций, но одновременно, это присутствие было кажущимся, потому что на самом деле, в своей действенной основе ее уже не было. Как форма: нейроны и нейронные комплексы она оставалась, а как содержание: функциональная действующая единица она исчезала, ускользала и терялась в факте невозможности присутствия, в факте обретения себя уже как не-я-психика. Оказывается, что для психики важно не внешнее присутствие, как формы, как нейрофизиологического ансамбля, с высоким уровнем внутреннего совершенства - для психики важно внутреннее присутствие, присутствие в себе, как непротиворечивого содержания, как многогранной психической функции. Как раз именно последнего присутствия психика лишалась по мере вхождения в небытие и соответственно приближения к смерти.

Низвергаясь в бездну небытия, постоянного отсутствия для себя, психика приобретала совершенно новое состояние - состояние неопределенности как для себя самой, так и для оценивающего. В этом состоянии присутствие психики как я-психики было исключено и, соответственно, в принципе невозможен факт присутствия наблюдателя или оценивающего. Небытие – это отсутствие любого присутствия, это состояние не-я-психики. Возможно, поэтому небытие в принципе непознаваемо? Если в нем невозможно присутствие, если любое присутствие в небытии переходит в состояние отсутствия, то как можно обналичить его содержание, ведь отсутст-

вующий не в состоянии высветлить содержание процесса, в котором его присутствие в принципе невозможно?

Но если предположить, что падение в ничто это процесс обратимый, если я-психика только входит в третий этап падения – разрыва целостного я-мировоззрения, соприкасается с небытием, а потом, по тем или иным причинам возвращается в мир реальных событий, то в этом случае, разве возврат из небытия не зафиксируется в я-мировоззрении? Разве вернувшееся из небытия я-мировоззрение не сложит пусть из обрывочных фрагментов представление о смерти или о ничто, ведь природно оно к этому готово? Я-мировоззрение всегда открыто для восприятия любых объектов, поэтому, попав в небытие, оно по идее должно успеть его обозреть и запечатлеть хотя бы часть, мгновение.

Но здесь возникает другая проблема: обозревая небытие я-мировоззрение, на первый взгляд, не может его запечатлеть, потому что любое запечатление связано с фрагментарной записью событий, а ничто, как и смерть, и небытие для я-мировоззрения всегда целостно и нефрагментарно. Я-мировоззрение в силу прежде всего, своего внутреннего несовершенства пока еще не в состоянии ничто разорвать и разложить на составляющие, поэтому как совокупность событий и фрагментов ничто для я-мировоззрения не существует, а как целое или как непрерывный поток (существование) я-мировоззрение в силу того же несовершенства не может ничто обозреть, запомнить и вынести из небытия в бытие для идентификации и изучения.

Кроме этого, попадание в небытие реформатирует я-психику в не-я-психику, которая отличается от я-психики тем, что структурно и функционально она может полноценно присутствовать в небытии. Если я-психика не в состоянии присутствовать и обозревать небытие, потому что природно она для этого не предназначена, то не-я-психика - это качественно новая форма присутствия и организации, которая позволяет присутствовать на *допсихическом* уровне и обозревать процессы, происходящие задолго до появления человека, как представителя разумной материи. Природа четко указала на возможность быть в бытии я-психике, и соответственно наделила ее соответствующей структурой и функциями, и быть в небытии не-я-психике, с соответствующими функциями и

структурой. Смена пространства присутствия для я-психики и не-я-психики в принципе невозможна. Получается, что и познание падения в ничто, как и познание небытия, в принципе невозможно, потому что сам процесс познания – это функциональное свойство я-психики, а в падении в ничто и в небытии я-психика присутствовать не может.

Но почему *мне* удалось обозреть небытие, почему я смогла выделить в нем основные составляющие? Неужели мое видение падения в ничто, соприкосновения со смертью не более чем фантазия умирающего человека? Но как я могла выдумать то, о чем никогда не имела представления? Разве возможны ассоциации информации, которая ранее никогда не воспринималась?

Используя тлеющую энергию сознания – жалкие крохи с трудом собранные после бунта, я всматривалась в себя и вокруг, судорожно цеплялась за каждый выделенный фрагмент, старалась сконцентрироваться на решении взволновавшего меня вопроса, потому что чувствовала жгучую необходимость разобраться в том, что со мной происходит, необходимость высветить свое настоящее и по возможности заглянуть в будущее. Я хотела жить, но никак не могла понять, насколько это желание соответствует возможностям моего полуразрушенного организма и утратившей целостность я-психики. Может, для меня уже все кончено и раскрытие содержания падения в ничто – это последнее, что открывается мне в своем содержании? А может понимание падения в ничто поможет найти выход к жизни, к возрождению? Возможно, через понимание падения, я обрету способность возвращения к жизни, подъема назад, в бытие? Может, возможен переход от я-психики к не-я-психике и обратно? Тогда в этом случае становится объяснимым допустимость обозрения небытия и преодоление Рубикона в обратном направлении. И как бы это не звучало глупо и наивно, но я готова была цепляться за каждую идиотскую мысль, за любую, даже призрачную надежду, лишь бы вернуться к жизни, возродится в бытии. Вот для этого мне и нужны были ответы, для этого и нужно было более глубокое и всестороннее понимание небытия. Знание небытия и организации не-я-психики открывало передо мной возможность более масштабного и глубокого познания бытия и структуры я-психики. И, возможно, в этом случае для меня откроются вариан-

ты выхода из ничто, возрождения – шанс повторной организации присутствия в бытии.

Действительно, разложение ничто и небытия на фрагменты невозможно, - в этом я была уверена по той причине, что ускользающие тени невозможно разорвать на составляющие структуры: они целостны и неделимы, и альтернатив здесь никаких нет. Но почему нельзя *обозреть* небытие, высветлить его как целое, как поток, и потом это все вынести для идентификации в бытие? С чего я взяла, что уровень совершенства моей психики для этого не подходит? Ведь падение в ничто представлялось мне как ускользающие тени, а это уже есть обозрение, это уже есть высвечивание самого падения. Выходит, что пусть ускользающее, пусть неясное и абстрактное, но постижение небытия как целого, неделимого и неразложимого процесса при возвращении из состояния падения в ничто все же возможно? Это состояние равносильно соприкосновению со смертью, потому что мы низвергаемся к ней, мы вплотную с ней сближаемся, но по тем или иным объективным причинам, главным образом, за счет продвинутой современной медицины, нас от туда «забирают». Мы возвращаемся в бытие с запечатленными картинками небытия, с вынесенным обозрением глубинных процессов существования человечества. И чем плотнее мы соприкасаемся со смертью, чем дольше мы задерживаемся в небытии, тем полнее мы его запечатлеваем в я-мировоззрении.

Да, небытие как ничто и смерть неделимо – это целостное конечное состояние, которое открывается только обозревающему. Для детального анализа, разложения на составляющие, небытие не подходит, потому что еще нет в природе такой силы, которая бы разложила на части первозданность. Но одновременно, как целое, неделимое существование оно открыто для обозрения. И если падающая в ничто психика органично самодостаточна, если готова к масштабному восприятию необъятного, готова унести непосильное и вселенское, то фрагменты обозреваемого целого обязательно запечатлеваются в ней и при возвращении в бытие идентифицируются, обналичиваются, знаково обозначаются, что и приводит к высвечиванию факта падения в ничто, к более менее полному представлению о небытии.

Но в этой связи возникает следующий вопрос: пусть возвращение из падения в ничто действительно возможно, пусть соприкосновение со смертью еще не означает фактическую гибель для я-психики, но о каком обозрении небытия мы можем вести речь, если само обозрение возможно только целостным я-мировоззрением притом активированным энергией я-сознания? Чем можно обозреть небытие или то же соприкосновение со смертью, если падение в ничто разрывает я-мировоззрение на тысячи составляющих, которые сами по себе и есть ничто, не говоря уже о том, что под влиянием диких сил я-подсознания энергия я-сознания просто уничтожается? Разве разрушенная структура я-мировоззрения с угасшим я-сознанием, как источником энергии может обозреть небытие? Разве эти призрачные в масштабах ничто организации не превращаются в элементы новой организации – не-я-психики, с совершенно иной структурой и функциями? Если вспомнить этапы падения в ничто, то только на последнем этапе, при разрыве я-мировоззрения происходит действительно соприкосновение со смертью. Небытие открывается для обозрения только в момент разрыва я-мировоззрения на составляющие, которые уже не могут осуществлять обозрение, так как сами превращаются в малозначимые фрагменты собственного существования, то есть, по сути, в то же ничто. Так откуда берется возможность обозреть небытие, если структура, которая осуществляет функцию обозрения, уже не существует? А может не-я-психика тоже может осуществлять обозрение? Тогда в чем ее отличие от я-психики?

Отчаяние от непонимания вновь подступило и начало размыывать выстраиваемую строгость мыслей. В отлаженную очередность рассмотрения образов-ответов, вновь начала проникать паника, и они засуетились, замелькали, лишая остатки я-психики возможности обозреть предстоящий мир. Проступили эмоции, которые внесли страх, боль и смятение. Парализованное и полуразрушенное я-мировоззрение беспомощно проваливалось в ничто и словно в низвергающемся потоке водопада, захлебывалось, разбивалось о камни, пыталось не просто выжить, но и запечатлеть процесс выживания. Возможно, последние секунды существования хотелось прожить в полную грудь, по максимуму, наслаждаясь каждым мгновением пусть неполноценного, но обозрения своего присутствия в

мире фундаментального и определяющего. Оказывается, как важно ощущать даже не свою значимость в небытии, а хотя бы ускользающее присутствие, элементарную возможность самоидентификации – понимания происходящего вокруг. Почему-то именно сейчас мне захотелось разобраться в происходящем, обозреть падение в ничто и выделить его основные составляющие. Всем тем, что осталось целостным и функционирующим в я-психике, я понимала, что мне открывается возможность обозревать фундаментальное и определяющее в человеческом существовании. Всем тем, что осталось жить во мне, я понимала, что мне, простой смертной, высвечивается первооснова жизни и смерти, то, что всегда остается в тени и не тревожит психику в суете повседневных забот; то, о чем каждый из здравствующих задумывается только на одре смерти, за шаг от прощания с бытием. Видимо, приближающаяся смерть, открыла мне доступ к сокровищницам бытия, к обозрению откровения и величия первозданного. И я захотела этим по максимуму насытиться, удовлетвориться, потому что только этим я могла хотя бы частично компенсировать неиспользованные годы своего существования, компенсировать свою недожитую жизнь.

И только тут меня озарило! Только в этот момент до моего полуразрушенного и дотлевающего понимания дошло, что возвращение из небытия возможно, что разорванность я-мировоззрения преодолима, и у меня есть шанс вернуться в бытие даже после падения в ничто! Если я обозревала ничто, если анализировала собственное присутствие в небытии, значить я, как я-психика, осталась действенна, значить моя структура и функции пусть нарушены, но не уничтожены, значить я не перешла в состояние не-я-психики и полного отсутствия для бытия, и значить я буду жить!

Это пришедшее как искра понимание важности сохранившегося присутствия в себе, словно озарило я-мировоззрение, вдохнуло в него силы и уверенность в завтрашнем дне. Как луч света в темном царстве эта мысль возродила надежду и подала сигнал к воссоединению я-мировоззрения, к его более целостному возрождению. Мое внутреннее «я» вдруг почувствовало в себе силы и шаг за шагом стало преодолевать скованность и подавленность, из последних сил, на пределе возможностей вырываясь к запасам активности, к состоянию внутренней свободы. Неожиданно для себя я

почувствовала, что я-сознание пробудилось, вновь заиграло силой и значимостью, а это могло означать только одно – я вернулась, я уже снова здесь, в бытии.

Значит, я еще жива...

Глава 3. Обзорение структуры и функций психики

Какой-то хаос ворвался в стройный ряд мыслей и нарушил его, запутал, сменил акценты. Я вернулась, я уже в бытии, но так ли это? Что говорило о том, что я нахожусь в бытии: возродившееся я-мировоззрение, активированное я-сознание и все? Я по-прежнему не чувствовала собственного тела, я по-прежнему напрочь была лишена ощущений и восприятия, соединяющих мою внутреннюю информационную базу с внешним миром и позволяющих присутствовать не только в себе, но и для других, в являемом миру образе. Да, действительно, я четко ощущала присутствие в себе, но разве этого было достаточно для присутствия в бытии, для закреплённости в жизни? Ведь явления во внешнем образе для других не было, для них – всех присутствующих и здравствующих, я была мертва или на пути к смерти. А может, так оно и было на самом деле?

Обречённости в анализе своего положения не просматривалось, но и надежда на дальнейшее полноценное существование была призрачной и ускользающей. Я попыталась глубже разобраться в себе, полнее обозреть свое внутри, чтобы лучше понять себя в этом новом и непривычном состоянии: я вроде бы и присутствовала в бытии, а вроде бы уже и нет, и действительно ли я соприкасалась со смертью? Где я находилась до возвращения в бытие, куда низвергалась и проходила ли Рубикон? Возможно, так представляется чистилище или ад, или это проявление болезненного бреда разрушающейся я-психики? Одно ясно – это состояние никак не вкладывалось в понятие «рай». Все, что происходило вокруг меня и во мне, что ощущалось в недалеком прошлом и сейчас, отдавало мраком, сыростью, раздавливало, вызывало все самое неприятное и болезненное. Единственное, с чем сразу ассоциировалось нынеш-

нее состояние и прошедшее низвержение в ничто – так это с состоянием смерти. Да, именно холод смерти постоянно преследовал меня за время отсутствия в бытии. Он был во мне и со мной даже сейчас, он вьелся в меня, вросся в возродившееся я-мировоззрение. Томящее ожидание конца, некоего абстрактного разрыва, перехода в состояние не-я-психики, граничило с ощущением невыносимой боли. Причем это ощущение боли совершенно не напоминало боль я-тела, которая в сравнении казалась легким уколom, мелкой неприятностью, смешным недоразумением. Боль в я-психике была совершенно иной: кошмарной, образной, надрывной. Боль шла не снаружи, не от тела, а изнутри, из я-мировоззрения, из понимания обреченности и конца присутствия в бытии. Она граничила с тоской по Родине, с отрывом от материнской груди, с похоронами любимой бабушки, когда ты воочию, ребенком, впервые наблюдаешь как бесконечно близкий тебе человек, вдруг закрывается крышкой гроба и засыпается землей под музыку, которая словно вырывает живое, бьющееся сердце из разорванной детской груди. Тебя словно саму заживо хоронят с бабушкой, и ты еще долго не можешь прийти в себя от увиденного и прочувствованного. Боль я-психики – это когда ты пытаешься поднять безвольно свисающую голову мужа на водительском сидении разбитого автомобиля, надеешься на чудо, но вдруг видишь его глаза и понимаешь, что чудо обошло тебя стороной, и ты, почему-то оставшаяся еще в живых находишься рядом с мертвым телом человека, который за последние восемь лет стал тебе ближе и роднее отца с матерью. И ты не понимаешь, как можно дальше жить без него и зачем жить?

Чем прочнее связь с бытием, тем жгучее и невыносимее боль приближающейся смерти, тем меньше желания уходить в небытие. Это очень важно – с *бытием*, основная связь проходит не на уровне я-тела, а на уровне я-психики. Именно она оценивает оставляемое в бытии, и именно она оценивает степень потери.

Чем короче падение в бездну ничто, тем меньше страданий. Я-психика не успевает оценить значимость оставляемого в бытии, незавершенного. Поэтому быстрая смерть всегда желанна для я-психики. В этом случае психика только успевает насладиться последними радостно-счастливыми фейерверками событий своего прошлого, как разрушительные силы смерти разрывают ее изнутри и она окончательно

теряет связь с реальностью. Короткий промежуток времени снижает понимание важности утраты, весомость оставляемого. Длительное падение – это постоянно усиливающееся состояние боли, потому что приходится силой вырывать себя из бытия, из круга семьи, близких друзей, причем вырывать живьем, с корнями.

Я вдруг вновь отчетливо обнаружила свое я-мировоззрение целостным и энергетически озаряемым внутренними силами я-сознания. словно никуда и не падала, словно ничто не уносило меня и не подавляло извне.

Но отголоски произошедшего, несмотря на восстановленный порядок в я-мировоззрении, остались, и я о них с содроганием вспоминала. Концентрируя внутренние усилия и напрягая восстановившуюся мощь я-сознания, моя психика попыталась проанализировать произошедшее, обозреть недавно случившееся, словно отдельные пазлы складывая в целое разрозненные картины падения в ничто. И это ей удалось. В памяти всплыли недавние образы соприкосновения со смертью, которые вызвали содрогание и ужас. Я словно заново пережила свое недавнее обезличивание, удушающее исчезновение из бытия, распад основания собственной психики. Но если в падении в ничто это самоуничтожение воспринималось терпимо, как неизбежность, вынужденная необходимость, то сейчас, когда я-мировоззрение было наполнено силой я-сознания события произошедшего бунта и испытанного вслед за ним позора и унижения раскаленным пламенем выжигали все внутри. Было очень страшно, стыдно и больно.

Кроме того, обзрев восстановленный каркас я-мировоззрения, я обнаружила в нем существенные изменения. Как оказалось, соприкосновение со смертью не прошло бесследно – в него прокрался ранее отсутствующий страх. Вырвавшись назад к жизни, я вынесла из небытия жуткий, плохо прикрытый страх, который тлел во мне, болезненно кровоточил. Он слился с моим я-мировоззрением, вошел в его структуру, образовав с ней нерасчленимое единство. Я действительно вернулась в бытие, к жизни, только теперь моя жизнь прочно переплелась со страхом. *Я стала жить со страхом.*

Что же это за страх?

Используя я-сознание как механизм моя психика начала более тщательно и скрупулезно осматривать себя, анализировать возродившееся я-мировоззрение. Что сложилось не так, где произошло нарушение структуры? Шаг за шагом я осматривала каркас внутреннего «я»: каждый шов нейронной связи, каждый пласт хранящейся в нейронных комплексах долговременной памяти информации. И изменения обнаружили себя, они лежали не так глубоко, поэтому сознание их быстро активировало. Да и было какое-то предчувствие места их расположения, направление идентификации. Это был страх перед *низвержением и невозвращением*.

Все, что произошло со мной, что испытала на себе моя психика в падении в ничто, запечатлелось и патологией, искаженностью ракурса восприятия стало проявлять себя в функционировании. Возрожденное ощущение присутствия в себе было полным, но уже иным, дефектным, с элементом четко просматривающегося страха. И я могла только догадываться о масштабах изменений, которые как следствие произойдут во внешнем образе, если, естественно, у меня еще останется возможность свой внешний образ проявить.

Сросшийся с я-мировоззрением страх пророчески вещал, что низвержение в пучины я-подсознания возможно в любой момент – никто из смертных не в состоянии его предсказать и предугадать. Но одно дело, когда психика низвергается в подсознание неподготовленная, первый раз и, как правило, без шансов вернуться к состоянию целостности и здоровья, совершенно другое дело, когда ты знаешь последствия низвержения, знаешь, что тебя ожидает в его глубинах. Но самое страшное, когда перед низвержением ты успеваешь понять насколько тяжело тебе расстаться с привычным миром бытия и окружающими близкими людьми, сколько незавершенного и важного ты оставляешь в не всегда объективно оцениваемом тобою мире жизни. И понимание значимости оставляемого рождает страх низвержения, пробуждает желание противиться смерти, всеми силами цепляться за жизнь, идя на унижения и любые уступки лишь бы остаться, лишь бы продержаться еще немного, пожить, надышаться, насмотреться! И первые признаки надвигающегося низвержения вводят я-психику в состояние истерики и паники. Она мобилизует все свои внутренние силы и возможности, и стремится предотвратить падение, остановить и изменить зако-

номерный ход событий. Видения одолевают ее, тревожат, искажают восприятие бытия: во всем происходящем начинают казаться признаки начала падения в ничто, разрушение внутренней структуры и разрыв я-мировоззрения. Предельное состояние внутренней тревоги делает я-психику легко возбудимой и неуравновешенной, а внешний образ, в котором внутреннее содержание себя обнаруживает – полуистеричным и шизофреничным. От ожидания, неопределенности, навязчивых видений человек медленно сходит с ума...

Но помимо страха низвержения в ничто я-мировоззрение было гложимо и другим страхом - невозвращением из небытия, своим исчезновением как объекта и субъекта присутствия во внешнем мире. Падение в ничто ассоциировалось в психике с соприкосновением со смертью, с постепенным удалением присутствия в себе от присутствия во внешнем образе - для других. Низвержение в ничто разъединяло внутреннее содержание психики с тем внешним образом, в котором психика обнаруживала себя, являла свое содержание окружающим. Чем дольше существование психики в бытии, тем теснее связь содержания я-психики с внешним образом, тем соответственно, большее расставание со всем тем, что удалось воплотить, опредметить и материализовать присутствуя в бытии. Дети, налаженные знакомства, семья, работа и многое другое, прочно привязывают присутствие я-психики в себе к внешнему миру. Я-психика срастается с внешним образом и образует с ним и его проявлениями единую структурную организацию. Именно поэтому любая изоляция я-психики от воздвигнутого и представленного в бытии, граничит с нарушением устоявшейся структуры, с разрушением целостности, с утерей связи между присутствием в себе и присутствием для других. Я-психика боится не вернуться к уже созданному, налаженному, размеренному, ставшему ее неотъемлемой частью. Присутствие для других становится для я-психики таким же необходимым и знаковым, как и присутствие в себе и для себя. Скорее больше, - чем дольше присутствие я-психики в бытии, тем больше ее существование *превращается в тревогу за собственное присутствие для других*. Я-психика беспокоится уже не столько за присутствие в себе, сколько за создаваемое в повседневности, за материализованное и представленное в обществе. На современном уровне развития я-психика больше боится не столько возможности

разрушения я-мировоззрения, полного обезличивания, непризнания внутреннего «я» как определяющей организационной структуры, т.е. лишения возможности присутствовать в себе, сколько разрушения и уничтожения внешнего образа, т.е. невозможности присутствовать для других. Поэтому страх невозвращения из низвержения в ничто, был больше связан с утерей возможности присутствовать для других, чем в себе и для себя.

В современном обществе природную необходимость я-психики присутствовать для других воспринимают в несколько искаженном свете – как присутствие в я-теле. Но в моем состоянии мне было определено видно, что я-тело занимает незначительное место в присутствии я-психики для других. С «вершин» моего полуживого состояния можно было сказать больше – значимость я-тела, как присутствие я-психики для других, с каждым поколением снижается и сводится на нет, потому что по мере совершенства психики биологические возможности организма все меньше и меньше удовлетворяют ее. Эволюционирующая психика уже давно вышла за рамки присутствия в я-теле. Присутствуя для других, она присутствует больше в творческой реализации, которая материализуется и обнаруживает себя в определенных предметах и вещах - продуктах творчества. Именно комплекс материализованных в продуктах творчества внутренних потенциалов является истинным присутствием я-психики для других.

Между бытием человека и небытием пролегает тонкая грань, которая мало зависит от я-психики, а тем более от я-тела. Но если про переход я-тела в состояние небытия из университетских лекций, пусть поверхностное, но я имела представление, то о переходе в небытие я-психики я даже не предполагала. О нем не говорили университетские профессора, молчали средства массовой информации, не рассматривали научные издания. Культ тела заслонил собой понимание я-психики, и поэтому, оставшись один на один с нею, я не понимала ее, не знала особенностей строения, организации, функционирования. Я не знала где заканчиваются границы ее существования и начинается смерть, где обрываются пределы присутствия в себе, и начинается существование не-я-психики. Я вы-

нуждена была самостоятельно постигать я-психику и особенности ее существования, открывать для себя основные характеристики ее присутствия в бытии, структуру и функции.

Что поражало – так это простота внутреннего самообозрения, доступность самоанализа как процесса самоидентификации. Рассматривая конструкцию своей психики, я с удивлением обнаружила несложность подобной процедуры: спаренная и взаимодополняющая работа я-сознания и я-мировоззрения с достаточной полнотой высвечивала особенности строения психики. Если бы мне рассказали о такой возможности раньше, до аварии, я бы прочитав специальную литературу, более углубленно вникла в ее понимание. А так, обозревая свое внутри, я признавала, что мне не хватает специальных знаний, причем не столько по психологии, сколько по нейронаукам: по организации структуры и функционированию нейронов и нейронных объединений. Что это за знания, я сама не знала, но, обозревая грандиозность внутренней структуры психики, мое «я» убеждалось, что вся ее структура и функции были заключены в огромном множестве нейронов, нейронных связей и клеток глии, которые сконцентрировались в головном мозге, различались внутренней организацией и функциями, представляли разные поколения и организационные уровни, но, тем не менее, образовывали единый функционирующий организм, эволюционирующий по своим законам в направлении формирования и развития сферы своего присутствия на Земле - ноосферы. Я видела красоту и величие внутренней структуры психики, но отсутствовала четкость изображения и понимание увиденного. Я с сожалением констатировала, что мало увидеть событие, нужно понять его структуру и функции.

Но сейчас меня волновала не столько структура психики, сколько природа страха невозвращения из состояния падения в ничто. Каков механизм возвращения из состояния разорванности я-мировоззрения? Что заставляет психику, соприкоснувшись со смертью, с полной потерей внутренней целостности, вернуться в бытие, возродиться, стать вновь действенной? Если сам факт разрыва я-мировоззрения – это галлюцинация, бредовая фантазия, то почему столь очевидны раны в я-мировоззрении, столь реален страх низвержения в ничто и невозвращения из небытия?

Меня беспокоил и другой вопрос: почему мое падение в ничто сопровождалось кошмарами и нечеловеческой болью? Огромный объем литературы по оккультизму и на религиозную тематику, на примерах очевидцев, исследователей, как они себя называли, доказывал безболезненность перехода в небытие, «райские» условия в самом небытии. Почему же для меня этот переход был столь ужасен и болезнен, несмотря даже на фейерверк самых счастливых минут жизни прочувствованный на границе между бытием и небытием? Даже эйфория от лучших прожитых эпизодов, феерично сопровождающих низвержение в ничто, не смогла заглушить боль перехода Рубикона и попадания в небытие. Выходит, они обманывают? Почему, окунаясь в небытие, я испытывала не просто дискомфорт, а стресс, болезненное разрушение целостности? Ведь я не грешница, не блудница и меня не за что наказывать. Я до последних мгновений оставалась примерной женой и матерью, поэтому если небытие это угоды Божьи, то почему я не испытала облегчения попав туда?

Возможно небытие – это совершенно иное состояние, чем то, о котором с придыханием и полушепотом рассказывают различные секты и религии? Возможно сказка о рае, о благах небытия - это сознательный обман здравствующих, для того, чтобы облегчить их уход из реальной жизни? Ведь действительно, первые ступени падения в ничто граничили с состоянием блаженства и комфорта, но то, что было потом, нельзя пожелать и врагу: соприкосновение со смертью – это не прелести рая, а болезненное разрушение внутреннего «я». Чем крепче связь я-психики с реальным существованием, чем больше в я-психике осталось желания воплотить себя в повседневной жизни, тем болезненней расставание с бытием, тем больше нежелания и принуждения при переходе в небытие. И, возможно, именно это моральное и физическое принуждение, граничащее с насилием над устоявшейся внутренней системой взглядов, вызывает такое нечеловеческое страдание?

Возможно, с удовлетворением и облегчением в небытие уходят только те, кому уже нечего делать в мире реальных событий, кто исчерпал себя в повседневном бытии, у кого связь с реальностью совершенно ослабла? Может, действительно для этих людей небытие – это нечто новое, приемлемое и граничащее с удовольст-

вием? Возможно, они уже подготовлены к этому переходу и как должное воспринимают ожидание перемен?

Но я к этим индивидам не имею никакого отношения. У меня в бытии осталось еще много не завершенных проектов, поэтому я совершенно не подготовлена к переходу в небытие. В моем внутри еще много энергии и желания, которые я готова воплотить в собственном присутствии для других. Возможно, именно поэтому падение в ничто, разрушение единства моего я-мировоззрения проходит так болезненно и катастрофично?

Стоп. Выходит, чем прочнее желание остаться в бытии, тем болезненней низвержение в небытие? Так может именно незавершенные проекты в бытии возрождают к целостности я-мировоззрение? Возможно, чем прочнее связь я-психики с бытием, чем больше незаконченных проектов остается в повседневной жизни, тем надежнее механизм ее возвращения из небытия, тем слабее притягательная сила смерти?

Нечто важное в понимании основ собственной психики импульсом озарило внутренний мир. Я поняла! Действительно, я читала, что люди, которые хотят умереть, ложатся и умирают, а те кто сильно хочет жить, выбираются из состояния казалось бы полной обреченности. Выходит, что *чем крепче связь я-психики с бытием, тем легче возвращение из небытия, тем реальней избегание смерти*, а чем меньше событий связывают психику с бытием, тем больше у нее шансов не вернуться, остаться в пучинах небытия! *Получается, что мое желание жить – это главное условие моего возвращения из небытия, из объятий смерти. Это моя гарантия возвращения к полноценной жизни!*

Так я хочу жить! Я хочу мужа, детей, обыкновенного человеческого счастья. Я не хочу умирать, растворяться в небытии и существовать как поток, как безликое и неидентифицируемое событие. Я хочу любить и быть любимой, узнаваемой мужем, детьми, родителями, друзьями. Я еще не насладились жизнью! Я еще хочу творить и вершить!

Моя психика перешла в состояние повышенной активности – ведь я открыла для себя важное и ценное, поняла, что необходимо для гарантированного возвращения в мир реальных событий, и это было моей первой победой в постижении внутреннего мира, в са-

мопонимании. Локальное возбуждение стало охватывать все большие участки головного мозга, превращая внутреннюю структуру я-психики в бесконтрольный очаг возбуждения. Возможно, это напоминало состояние хаоса, но для меня это был лес вопросов, который требовал одновременного ответа, который стал стеной и закрыл доступ к свету. Помимо этого я-сознание вновь прочувствовало на себе грозные порывы эмоций, которые, как и прежде привели к подавлению его влияния на я-мировоззрение, к растворению этого влияния в более необузданных, диких, природных силах. Я с ужасом обнаружила, что мое я-мировоззрение, лишившись поддержки, живительного участия я-сознания, медленно начало опускаться в пучину небытия и закричала: «Я не хочу туда! Я боюсь низвержения!».

Отчаянно барахтаясь в паутине окутывающего я-мировоззрения страха, ежесекундно преодолевая его сковывающую силу, я пыталась остановить низвержение, пыталась противопоставить внутренние возможности я-психики надвигающимся силам эмоций. Я знала, чем это падение для меня может завершиться, поэтому, мне была безразлична изначальная несоизмеримость сил и возможностей, я не хотела верить в предрешенность этого противостояния, для меня важно было забыть в этом противоборстве, использовать всю оставшуюся энергию я-сознания, чтобы потом не жалеть о своей слабости, не упрекать себя в пассивности и безволии. С надвигающимся низвержением нужно бороться до последних сил, до последних порций энергии я-сознания. Это нужно для внутреннего самоутверждения, *самоуважения*, потому что, когда есть за что бороться, когда ты уверена в значимости собственного присутствия для других, нужно использовать все силы чтобы остаться в бытии. Если не бороться за свое место в бытии, уступить слабости и не использовать все шансы, чтобы остаться в существовании, значить тебе не место в бытии, это первый признак слабости внутреннего «я», поступок, достойный презрения и позора. Но когда ты умираешь в борьбе, когда сжигаешь последние внутренние силы во имя достижения чего-то возвышенного, важного для себя и других – это называется подвигом и он остается в истории цивилизации.

Поэтому, несмотря на горький опыт прошлого противостояния, *бунта*, я приложила все усилия, чтобы остановить падение,

удержаться в границах я-сознания. Но движения были судорожными, хаотичными, желание граничило с истерикой, с полной неуправляемостью. Где-то на далеком плане я почувствовала смутное ощущение укола и, словно подкошенная, сломленная, вновь провалилась в ничто. Меня словно выключили, и я вновь ощутила неведомость от быстрого хаотичного падения, блаженный покой и вторую стадию падения в небытие – фейерверк радостных мгновений прожитой жизни. Передо мной, быстро сменяя друг друга, замелькали фрагменты свадьбы с Димой, рождение Андрюшки, первые достижения в бизнесе, радость от покупки собственной квартиры. А вот и Дима на новой машине... Но не успела я это все пережить, насладиться захлестнувшим психику счастьем, как состояние жуткого разрыва лишило мое я-мировоззрение состояния целостности и я перешла в иное пространство – небытия. Порог между бытием и небытием пройден, поэтому меня, как целостного, идентифицируемого я-мировоззрения здесь, в бытии уже не осталось. Я стала присутствовать как не-я-психика, как психика лишенная собственного «я», внутренней неповторимой системы взглядов, как множество разорванных, не связанных между собой я-эпизодов, которые разлетались в стороны, ускользали, пытались существовать по отдельности.

В небытии я присутствовала как не-я-психика: каждый фрагмент моей прошлой жизни претендовал на самостоятельность и доминирование, каждый эпизод моего прошлого существования хотел быть главным и определяющим. И эта многоликость, это многоголосье неконтролируемых я-эпизодов представляло собой страшную картину, которую я не воспринимала целиком, а обозревала внутренним взором по частям, по крошечным кусочкам. Вот я, как эпизод я-мамы: «Доченька, ты покушала?». Вот я, как эпизод я-Андрюшки: «Мама, я хочу кушать! Дай мне покушать!». Вот я, как эпизод я-Димы: «Любимая, как тебе мое кулинарное искусство?». И вот я, как я сама: «Женщина, вы последняя в очереди?». Все это и многое другое одновременно кричало, надоедливо выпячивалось, конфликтовало друг с другом, боролось за влияние. И не было возможности зацепиться за что-то единичное, нечто, пусть второстепенное, но устойчивое, фиксируемое, чтобы выделить и предметить его, чтобы на его основе построить здание целого. Все убегало

в потоке, все ускользало от понимания, лишь возникнув на мгновение, снова скрывалось в небытии.

А вот еще более страшные картины, когда один я-эпизод словно застывал, зацеплялся и становился очевидным, гиперболизированным до жути. Так было с глазами Димы, которыми он смотрел на въезжающее в его грудь рулевое колесо. Они были столь очевидны для меня, столь реальны – одни глаза – что я словно смотрела ими, присутствовала в них и, находясь в них, видела рулевое колесо, медленно въезжающее в мое тело. Страшно то, что я знала последствия, знала, что это последние ощущения в моей жизни, поэтому смотрела и сопротивлялась только глазами, потому что руль уже был во мне, и я умирала. И глаза, вылезая из орбит, еще видели, запечатлевали события, хотя тело уже было мертвым. Я видела мертвеющие глаза Димы, глаза из которых медленно уходила жизнь. Они словно потухали, впитывая в себя все, что было в поле их видимости. А в его глазах стояла еще боль, потому что вместо меня и сына, они запечатлевали только груды металла и словно вопрошали к этому металлу всего одним вопросом: «Почему?». И я понимала этот вопрос, понимала недоумение, ускользающее в его взгляде, потому что сама не понимала: почему это произошло именно с нами? Чем мы были хуже других, что нарушили из запретного? Ведь мы были самыми обыкновенными, как все, ни лучше и не хуже других.

А может быть, мы пострадали как раз за свою обыкновенность? Ведь таких как мы, обыкновенных, большая часть населения планеты. Возможно, избранных судьба жалеет, дает возможность реализовать себя, сделать что-то полезное для цивилизации, грандиозное, а на нас обыкновенных отыгрывается? Ведь кто-то должен умирать, страдать, корчиться от боли, кто-то должен на себе прочувствовать гнет и бездонную глубину потери, испытать отчаянье, увидеть перед собой тупик, и после всего этого подняться и попытаться заново начать жить в этом миг изменившемся до неузнаваемости мире. Мы, обыкновенные, создаем почву для расцвета творчества у избранных, задеваем их чувственность, пробуждаем в них гениальность. На нашей боли и страданиях избранные оттачивают грани своего мастерства, проверяют глубину и масштаб заложенного в них таланта. Наши слезы и кровь их впечатляют и вдохновляют, наши

несчастья их зажигают и пробуждают, и они, сопереживая нам, наблюдая за нами, отслеживая нас, творят свои бессмертные произведения, запечатлевая свой гений в истории цивилизации. Мы, обыкновенные, - простое сырье для их гения. Не будь нас, кто бы пробуждал их, направлял и стимулировал к действию?

Падение становилось все более быстрым, разорванное множество частиц я-мировоззрения все более ускользающим и нефиксируемым, и меня вновь не стало.

Не верьте тем, кто славит смерть – это сама смерть славит себя. Ни одна здоровая психика, ни один здоровый организм не возрадуется смерти, потому что это конец жизни. Как можно радоваться концу, который прерывает существование: живое делает мертвым, а психику лишает активности, превращая ее в разлагающуюся и гниющую массу вещества?

Кто славит смерть, тот даже не болен, потому что я-психики с большим я-телом еще сильнее жаждут жизни. Понаблюдайте за людьми умирающими от рака, СПИДА, за любым безнадежно больным человеком, *обреченным на смерть*. У них вы научитесь понимать и ценить жизнь. У них вы познаете ценность каждого мгновения существования, радость от такой простой, но важной «мелочи», как просто быть, присутствовать в жизни: открывать глаза и слышать собственное дыхание, видеть солнце, чувствовать порывы ветра. А какое блаженство доставляет суета детей, их беззаботный смех и показательная занятость собой. И можно только позавидовать их начинающемуся пути в жизни: предстоящим радостям, открытиям, счастью.

Я знала умирающего человека, который днями сидя на больничной койке с тоской и отчаяньем наблюдал в окно наступление своей последней осени - он пересчитал все оставшиеся на деревьях листья и отслеживал увядание и падение каждого из них. Его звали Саша Базалук, и в отличие от всех нас он один знал, что это его последняя осень. Сдерживая внутреннюю боль, он достойно прощался с окружающей жизнью, а мы не верили ему, призывали не падать духом, не ценили последние мгновения общения с ним. Мы не понимали его, потому что нас переполняла жизнь, мы были заняты

собой и своими проблемами, а он не упрекал нас, оправдывая и понимая... Практически с последним упавшим листом умер и он. Пусть земля тебе будет пухом Саша, придет и наша очередь оправдывать непонимающих.

А еще я помнила, как умирала моя бабушка – Тельная Ирина. Это была первая смерть из моего близкого окружения, которая не заживаемой раной навсегда врезалась в мое сердце. Парализованная, практически полностью беспомощная, бабушка, как только в поле ее зрения попадало мое заплаканное лицо, старалась улыбнуться и что-то сказать мне. Я долго не могла ее дослушать – видя эти нечеловеческие усилия выдавить из уже непослушного парализованного тела что-то членораздельное, я, стыдясь своих слез, убежала в другую комнату и истерично рыдала, призывая все земные и неземные силы спасти бабушку, помочь ей выздороветь. Но однажды меня задержала мама, потому что бабушка умирала и хотела попрощаться со мной – и я, заливаясь слезами, дослушала ее. Она сказала простые, но вещие слова: «Не плачь Светочка, жизнь только начинается»...

Всем здравствующим нужно учиться жить у таких прощающихся с жизнью и угасающих людей, потому что только чего-то лишаясь, мы обнаруживаем его ценность и незаменимость. *И они, умирая, только начинают жить...*

Поэтому, слава Вам, умирающим, потому что только благодаря Вам, знающим о своей смерти и продолжающим бороться за жизнь, мы открываем для себя ценность человеческого бытия, радость повседневного существования и гордость за совершенные в ходе короткой жизни «мелочи». Хотя, безусловно, это мелочи для других, а для Вас, и в Вашем исполнении – это грандиозные свершения, которые подтверждают ценность я-психики в масштабах психопространства, а человека в масштабах цивилизации; которые делают нас, людей, – людьми, наполняют смыслом и значимостью наше повседневное присутствие в масштабах Земли и космоса.

В большинстве своем славят смерть психики с разрушенным я-мировоззрением, люди с уже нарушенной внутренней основой. Их я-тела здоровы, активны, но ведь в человеке не это главное, а то, что скрыто в содержании, в глубине – психика. А их психика больна, потому что основу каждой психики образуют две состав-

ляющие: первая, внутренняя активность, природное желание организовать присутствие не только в себе и для себя, но и для других, и вторая - гармоничное, целостное я-мировоззрение, наше внутреннее «я», определяющее особенное, *индивидуальное* взаимоотношение я-психики с предстоящей информационной средой.

Славящие смерть больны и опасны для общества по двум причинам. Первая причина заключается в том, что, несмотря на внутреннюю природную активность, их психика не выходит за границы присутствия в себе и для себя. С позиции структуры их психика здорова, но функционально в ней просматривается определенная патология – она лишена тесной связи с образом, в котором она реализует свое присутствие. Такой психике достаточно присутствия в себе и для себя, а присутствие для других рассматривается ею как атрибутика, жизненная необходимость. Именно поэтому, присутствуя в себе и для себя, такая психика совершенно не прикреплена к текущему образу жизни, не связана ни с общечеловеческими ценностями, ни с правилами морали и нравственности повседневного существования. Для нее бытие является не открытой возможностью для реализации внутренних творческих потенциалов в чем-то значимом и оцененном другими, не средой явления своего индивидуального внутреннего «я» в пространстве присутствия таких же я-психик, а своеобразным принуждением к присутствию для других: работой на другого и времяпровождением во благо других. Все внешнее, окружающее, «другое», воспринимается славящими смерть только через присутствие в себе, и поэтому, как правило, оппозиционно их психике, чуждо, раздражительно, негативно для нее. Для них каждый новый день – это испытание, стресс, борьба, потому что бытие исключает существование только для себя, требует присутствия для других. Психика славящих смерть с легкостью отказывается от всех своих внешних проявлений, ее присутствие для других – это игра, лицемерие, не подкрепленное внутренней связью и содержанием. Присутствуя только в себе и для себя, она словно находится на границе между бытием и небытием, потому что бытие чуждо ей необходимостью присутствовать для других, а присутствие в небытии исключает ее существование как я-психики. Но небытие своим отрицанием присутствия в принципе, гораздо ближе ей, чем бытие, которое принуждает к

обязательному присутствию для других. И эта неопределенность присутствия, незакрепленность в бытии, нежелание проявлять себя в определенном образе, превращает психику славящих смерть в довольно опасную, разрушительную силу. Данная психика при нежелании организовывать присутствие для других в состоянии направить внутренние потенциалы против внешнего присутствия как такового. Активность внешнего мира, неприятие им присутствия в себе и агрессивное отношение к психикам, присутствующих только в себе и для себя, вместо стимуляции и закономерного желания воплотить себя во внешних проявлениях, во благо других, в состоянии вызвать желание противопоставить себя бытию. Принуждая я-психики присутствовать для других, внешняя среда очень часто надрывается на неприятие законов повседневного бытия со стороны отдельных психик, которые противопоставляют себя остальному множеству психик – психопропространству, и пытаются разрушить или изменить среду его присутствия в масштабах Земли.

Присутствуя в психопропространстве и практически не выделяясь в нем, психики с принципиальным неприятием организации присутствия для других, в состоянии оказать сильное разрушительное воздействие на предстоящий внешний мир, подорвать устои присутствия остальных я-психик.

Вторая причина опасности психик славящих смерть заключается в том, что у них внутренний мир подобен разрушенному войной мирному городу, с осиротевшими детьми со вспухшими от голода животами, и с огромным количеством противных, обнаглевших жирных крыс, благополучно почивающих на людском горе. Здоровая психика – это, с одной стороны, природная активность и постоянно усиливающееся желание реализовать внутренние потенциалы в бытии, с другой – это гармония я-мировоззрения, которая типичную психику превращает в неповторимую, индивидуальную организацию – в *я-психику*, просматривающуюся, прежде всего в присутствии для других. В большинстве своем, у славящих смерть патология проявляется в искаженной и полуразрушенной внутренней системе взглядов, в лишенном гармонии я-мировоззрении, которое осуществляет свое взаимодействие с внешним миром на совершенно иных началах. У я-психики с полуразрушенным я-мировоззрением меняются критерии оценки окружающего мира,

искажается смысл существования, направленность внутренней активности. Общечеловеческие ценности и законы, по которым организована среда присутствия психического пространства в масштабах планеты Земля, ей кажутся тесными, алогичными, неприемлемыми. Используя свои внутренние потенциальные возможности, я-психика славящих смерть, ищет пути организации сугубо своего – «правильного», «избранного», «истинного» присутствия в мире, в своей активности, как правило, выходя за границы законов организации повседневного бытия и пренебрегая общепринятыми правилами морали и нравственности. Мотивация таких я-психик до ужаса проста – доминирование аспектов присутствия в себе и для себя над всеми остальными организационными установками. Если быть, то только в себе, если жить, то только для себя.

Полуразрушенное я-мировоззрение, характерное для славящих смерть, соответствует состоянию разорванности, - последней ступени падения в ничто, когда я-психика, низвергаясь в ничто, соприкасается со смертью и переходит в состояние не-я-психики. Их психике, как и не-я-психике, совершенно безразлична организация присутствия в бытии, потому что бытие перестает быть антагонистичным небытию и, соответственно, стимулировать психику к материализации внутренних творческих потенциалов. Такой психике достаточно факта присутствия в себе, а факт ее присутствия в бытии фиксируется только присутствием я-тела и культом я-тела, или же продуктами труда, не представляющими ценность для эволюционирующего психического пространства Земли.

Славящие смерть на уровне я-психики присутствуют в бытии как полулюди, потому что их я-мировоззрение полуразорвано и полуразрушено, что позволяет им достаточно легко преодолевать границу между бытием и небытием. С полуразрушенным я-мировоззрением они присутствуют в себе как в бытии, в котором содержательности психики еще мало уделяется внимания и поэтому они незаметны, так и в небытии, в которой содержательность психики является излишней роскошью. К тому же, состояние полуразрушенности я-мировоззрения очень подходит для падения в ничто, потому что в акте самого падения полуразрушенное я-мировоззрение практически ничего не теряет: оно сохраняет присутствие в себе, а присутствие для других его совершенно не вол-

нует, так как оно не образует с ним единого целого. Все состояния, которые вызвали во мне пробуждение страха от низвержения в ничто и невозвращения из небытия, были обусловлены только прочной связью я-психики с бытием, с закрепленностью присутствия моего я-мировоззрения в повседневной жизни. Ценность жизни, желание жить – вот что прочно удерживает я-мировоззрение в мире бытия. Если же всего этого нет, если повседневное бытие превращается в обузу, в состояние постоянного стресса и агрессии, то, безусловно, в этом случае, да здравствует смерть! Она представляется как освобождение от жизни, как ярма; в этом случае она действительно желанна и ее необходимо славить так же, как жаждущие быть славят жизнь. Каждому свое: нежелающие присутствовать в жизни славят смерть, а нежелающие расстаться с присутствием для других воспевают жизнь.

Только зачем допускать прославление смерти среди живущих? Это все равно, что восславлять бытие в небытии, что в принципе невозможно, запрещено законами природы. Тогда почему мы терпимо относимся к моральным уродам, разрушающим устои бытия, прославляющим смерть в бытии, хотя анализ структуры я-психики указывает на практическую невозможность восстановления разрушенных я-мировоззрений?

Очередной раз сознание вернулось мгновенно, но еще более уставшим и обессиленным. Провалы в ничто оставляли незаживаемые рубцы, которые требовали участия и заботы. Я словно доживала последние минуты, потому что с каждым возвращением из ничто - *пробуждением*, понимала, что мои силы иссякают, что противостоять полному погружению в небытие у меня нет ни сил ни возможностей. С каждым возвращением из небытия связь с жизнью становилась призрачной и расплывчатее, отчетливость Рубикона стиралась и бытие все более походило на небытие.

Но что еще более важно, - за усталостью стояла тень другой проблемы – страха, которая понималась, явно ощущалась, но к которой не хотелось возвращаться и анализировать. Высвечивание этой проблемы граничило с еще более жуткими воспоминаниями, неприятнейшими ощущениями, поэтому ее хотелось замолчать, от-

теснить на второй план, подальше в тень. И она послушно отступала, сходила со сцены, но не уходила, маячила на глазах, постоянно напоминала о себе и ждала своего времени. И незримость ее присутствия продолжала отравлять существование я-психики, сеяла беспокойство и тревогу, лишала спокойствия и удовлетворения от нахождения в бытии.

Неужели это новое чувство страха станет моей повседневной участью? Но как можно жить, испытывая в глубинах я-мировоззрения не просто страх, а его рост, нагнетающее присутствие? В повседневной жизни люди сходят с ума от чувства страха, от угрожающего присутствия смерти, но ведь там они боятся смерти я-тела. А мой страх иной: страх низвержения в ничто и невозвращения из небытия, который указывает на утерю целостности я-мировоззрения и, соответственно, на разрушение основания психики. А может разрыв целостности я-мировоззрения еще не означает гибели психики; может, страх беспочвенен и зиждется лишь на моем незнании особенностей функционирования психики? Ведь как-то живут славящие смерть, только речами и поступками выделяясь из среды полноценных и здоровых психик?

Я вновь мобилизовала внутренние силы и попыталась ответить на возникшие вопросы. Ответы были важны для меня, потому что я не привыкла жить в страхе и прятаться от него. За свое недолгое существование я приучила себя не убегать от проблем, потому что в этом случае они не теряют своей значимости, а наоборот накапливаются и из мелочных превращаются в масштабные. Поэтому даже в реальной жизни я всегда шла на проблему и решала ее тут же, по мере возникновения. А здесь, в этом полумертвом состоянии, мне тем более нечего было терять - осталось только разобраться в причинах страха и преодолеть его. Сколько мне осталось жить: день, два, три? Так неужели последние мгновения жизни я буду жить страхом? Нет, это не мой путь, - это путь слабых людей, а я себя к таковым никогда не причисляла.

Итак, насколько обоснован мой страх? Я попыталась вспомнить и систематизировать уже ранее открытое мной. Во-первых, причина моего страха кроется в боязни бесконтрольного и хаотичного низвержения в глубины я-подсознания, которое по мере погружения переходит в состояние ничто. Я уже четко понимала, что

низвержение в ничто связано с уничтожением внутреннего «я», с разрушением я-мировоззрения. Во-вторых, я боялась не вернуться из небытия, потому что прохождение Рубикона возможно только в одном направлении – в переходе я-психики в состояние не-я-психики. Возможность обратного возвращения в бытие – это исключение, нонсенс, которое я до сих пор не могла понять и объяснить. Я бы никогда не поверила в такую возможность, если бы сама не побывав в небытии, не вернулась в бытие. В данном случае, невозможное как возможность я проверила на себе. В-третьих, я определила, что чем сильнее степень привязанности я-психики к бытию, тем болезненней переход в небытие. Связь между присутствием в себе и присутствием для других является основным регулятором болевых ощущений при переходе в состояние небытия. Чем крепче эта связь, тем сильнее боль от потери внешнего образа, в котором я-психика обнаруживает свое присутствие во внешнем мире. Чем эта связь слабее, тем легче я-психика переходит из бытия в небытие. В-четвертых, чем сильнее желание жить, присутствовать для других, тем крепче структура я-мировоззрения, тем устойчивей оно в противопоставлении с ничто и со смертью. Только гармоничное внутреннее «я» жаждущее жить, в состоянии противостоять попыткам низвержения в ничто; только целостное, устойчивое к стрессам я-мировоззрение в состоянии организовать свое возвращение из небытия. Я на собственном примере убедилась, что только те, кто страстно хотят жить и имеют на это право, возвращаются из небытия и организуют совершенно новое, качественное присутствие в бытии. Возродившись, они словно получают еще одну возможность показать себя в жизни.

Таким образом, получается, что мой страх вертится практически вокруг одного события – потери целостности я-мировоззрения. Но насколько эта целостность в действительности важна для полноценного существования я-психики?

Очередной раз состояние внутреннего спокойствия и умиротворения окутало мою психику - моменты внутреннего самоанализа комфортны для психики и соответствуют ее внутреннему настрою. Рассматривая свое внутри, психика наслаждалась своим трудом и словно, самоудовлетворялась: ей было приятно познавать саму себя, обзрывать внутреннюю структуру, насыщаться прису-

щими и созвучными функциями. В эти минуты ощущение близости смерти отступало, а вместо него появлялось умиротворение от возможности познания нового; блаженство от состояния анализа действительно фундаментального, лежащего в основании человеческого существования.

Я обозревала свое я-мировоззрение и свое внутри в целом, и понимала следующее:

Первое, я-мировоззрение действительно лежало в основании я-психики, потому что большая часть информации, запечатленной в нейронных объединениях долговременной памяти, была связана между собой и объединена в единое целое, которое принимало действенное участие в комплексном взаимодействии психики с внешней материальной средой. Моя психика реагировала на активность внешнего мира не составными разорванными эпизодами своего прошлого опыта, а устоявшейся, слаженной работой целостного мировосприятия, которое накапливалось, запечатлялось в нейронных объединениях долговременной памяти и единой организацией, как *миро-воззрение*, противостояло активности окружающей среды.

Второе, я-мировоззрение было своеобразным хранилищем для всей наиболее важной и впечатляющей информации, полученной за годы моей жизни, которая своей целостностью и природной активностью определяла *индивидуальность* моего внутреннего мира, создавала присущую только моей психике манеру мировосприятия и проявления в повседневном образе жизни. Именно благодаря целостности запечатленной информации и ее индивидуальности, моя психика была именно моей: неповторимой и личностной. Я-мировоззрение – это большая часть внутренней информационной базы, которая в науке имеет иное, более сложное название – внутренний абстрактный образ. Внутренний абстрактный образ – это внутреннее «я» человека, которое через творчество проявляет себя в индивидуальном существовании: в присутствии для других, во внешнем образе, наблюдаемом и оцениваемом в мире повседневного существования.

Третье, я-мировоззрение неразрывно связано с активностью нейронного комплекса сознания. Сознание, как нейронный механизм *создает*, и *обеспечивает* я-мировоззрение внутренней энергии

гией, которая проявляется как *потребность в познании*, в наполнении внутренней информационной базы новой качественной информацией. Процесс наполнения психики информацией о состоянии внешнего мира, а также процесс реализации внутренних творческих потенциалов – это прерогатива работы сознания, которая и обеспечивает «действенную активность» я-мировоззрения.

Четвертое, по всей видимости, я-мировоззрение связано не только с нейронными комплексами, образующими работу моего сознания, но и с нейронными комплексами подсознания, потому что, покопавшись, я обнаружила в нем не только продукты своей сознательной деятельности, но и фрагменты моего бессознательно-го. Оказывается, я-мировоззрение при более тщательном обозрении включало в себя и ускользающие фрагменты небытия, которые запечатлелись в нем или в результате ранних, не таких «глубоких» провалов в я-подсознание, или же, возможно, передались по наследству. Фрагменты небытия не просто входили в структуру я-мировоззрения, но и играли в нем важную роль - для меня этот факт был очевиден и не вызывал никаких сомнений.

Таким образом, я-мировоззрение в моей психике занимало важное место, хотя, безусловно, и не было определяющим. Наряду с ним работу я-психики обеспечивали другие нейронные организации, активность которых была не менее значима. Но если большая часть нейронных организаций я-психики закономерно формировалась в ходе бытия и мало зависела от влияния внешнего мира, то я-мировоззрение являлось исключительно продуктом влияния общества, социальной среды. Я-мировоззрение объединяло возможности я-психики и привязывало их к условиям бытия, направляя потенциал присутствия в себе на присутствие для других. Оно выполняло три важнейших функции:

1) Составляло основу образа присутствия я-психики в себе, т.е. направленность и особенность внутренней информационной базы - *мировоззрения*;

2) Лежало в основе образа присутствия я-психики для других, т.е. в особенности индивидуального, *личностного* проявления психики в обществе;

3) Устанавливало тесную, действенную связь между присутствием я-психики в себе и для других, позволяя внутренним твор-

ческим потенциалам максимально полно реализовываться во внешней среде – в бытии.

Получается, что от того, насколько качественно, гармонично и полно общество сформирует я-мировоззрение следом идущего поколения зависит его собственное будущее, потому что сформировавшиеся я-психики придут на смену психикам старого поколения и начнут строить свои условия существования. Насколько грамотно и профессионально на уровне я-мировоззрения родители, близкие родственники и система образования сформируют в основах молодой психики образ присутствия в себе, настолько последовательна и преемственна окажется активность психики в организации присутствия для других.

Как интегрирующая и созидательная сила, я-мировоззрение, на мой взгляд, не имела себе равных среди структур мозга. И именно поэтому оно заинтересовало меня, привлекло внимание при обозрении структуры моего внутри. Мне недостаточно было знаний о я-мировоззрении как о нейронной организации мозга, мне хотелось разобраться, как я-мировоззрение функционирует на фоне иных нейронных организаций. Но для этого, мне нужно было обозреть структуру психики в целом.

Насколько я поняла, моя психика состояла из двух основных нейронных ансамблей: подсознания и сознания. Структура я-подсознания оставалась для меня малоизвестной, но чувствовалось, что она была первичной, важной, и по-прежнему играла существенную роль в активности психики. Я даже и не пыталась ее исследовать, так как все, что было связано с подсознанием, очень близко соприкасалось с небытием, а страх перед небытием накладывал табу на его исследование и даже обозрение. Подсознание – это, главным образом, древние подкорковые структуры мозга, сформированные и эволюционирующие задолго до появления новой коры. При этом следует подчеркнуть, что организационно подсознание стоит выше, чем нервная система высших животных. Первый шаг, выделивший человека из мира высших организмов, как раз и заключался в эволюционной организации на базе мозга высших животных нейронного ансамбля подсознания. Эволюция нейронной

структуры подсознания – это формирование и развитие нового состояния материи – разумной материи. Подсознание – это первичная основа разума, за границами которого размещается небытие – смерть человека как индивидуальности, личности, как организационной структуры разумной материи. Перейдя границы подсознания, человек выходит за границы психопространства - представителя разумной материи, и возвращается на уровень условной и безусловной активности мозга высших животных, т.е. возвращается в структуру системы живой материи и начинает существовать как биологический организм.

Таким образом, человек – это как минимум, активность нейронного ансамбля подсознания, которая выделяет мозг из пространства нервных организаций высших животных, выводит его на качественно новый уровень, образуя базу, основу третьего состояния материи – разумной материи. Наряду с косной (неорганической) и живой (органической) материей, с момента формирования нейронного ансамбля подсознания, в условиях отдельного материального объекта формируется разумная материя. На планете Земля разумная материя представлена в форме человека.

А что представляет собой сознание? Сознание, как и подсознание – это такой же реальный нейронный ансамбль, сформированный в головном мозге человека на последних этапах его эволюции. Мало того, сознание, как нейронная организация, сформировано на основе подсознания, и образует с ним единую организацию, которую именуют в науке «психикой». Психика, как понятие – это нейронная организация присущая только мозгу человека, и состоящая из двух взаимосвязанных и взаимодополняющих нейронных ансамблей – подсознания и сознания. Мозг высших животных осуществляет безусловно и условно рефлекторную работу, мозг человека – бессознательную и сознательную деятельность. Разница не то, что существенная, а принципиальная.

По всей видимости, нейронный ансамбль сознания сформировался совсем недавно – слишком новой и неокрепшей выглядела его структура. И если структура подсознания оставалась для меня запретной, мрачной и непонятной, то структура сознания была открыта для обозрения и доступна для восприятия. Я видела ее как на ладони, правда не все могла разобрать и понять. Во-первых, ней-

ронный ансамбль сознания как раз и образовывал то, что я назвала я-сознанием. Т.е. именно благодаря активности этой нейронной системы отдельно взятая психика, например, моя, могла осуществлять сознательную деятельность и приобретать индивидуальные черты, иначе, переходить в состояние я-психики.

Во-вторых, безусловно, в нейронном ансамбле сознания важное место занимало я-мировоззрение, - определенным образом систематизированная информация, формирующая в нейронных объединениях долговременной памяти некий абстрактный образ – мое личное, действенное «я», через призму которого, и осуществляется взаимодействие я-сознания с внешним материальным миром. Согласно современных представлений внутренний абстрактный образ или я-мировоззрение, формируется в префронтальной коре – своеобразном командном пункте головного мозга. Она расположена в передней части лобных долей. Я видела как к этому участку, занимающему почти треть коры мозга, стекались практически все управляющие функции, начиная от активации и возбуждения и заканчивая памятью, эмоциями и индивидуальными проявлениями.

Именно я-мировоззрение формирует индивидуальные черты психики и делает возможным постановку цели и ее преследование. Я-мировоззрение придает психике неповторимые, сугубо частные оттенки, которые позволяют говорить о ее единичности и не встречаемости в масштабах шестимиллиардного пространства существования других психик. Если структурно и функционально тела людей типичны, и часто можно встретить похожие друг на друга лица у несостоявших в родстве людей, то одинаковых я-мировоззрений в психическом пространстве не существует.

В-третьих, помимо я-мировоззрения в нейронном ансамбле сознания важное место занимали следующие нейронные комплексы:

а) Волевой механизм. Мне было тяжело до конца разобраться в его работе, но очевидным являлось одно, что он представлял собой совокупность различных нейронных организаций, которые позволяли по мере необходимости мобилизовать всю доступную сознанию энергию и создавать по мере надобности очаги возбуждения в том или ином участке новой коры. Насколько я разобралась, очаг возбуждения – это и есть основа процесса мышления. Когда человек «думает» нейронный комплекс сознания за счет «волевой кон-

центрации» создает очаги возбуждения, тем самым, активируя необходимую информацию, запечатленную в нейронных объединениях памяти. Именно этот процесс позволяет по ходу размышлений задействовать значительный объем услышанной, прочитанной и увиденной информации и на ее основе сначала создать некий абстрактный образ-ответ, а потом этот образ-ответ воплотить в присутствии для других, т.е. в повседневную жизнь. По всей видимости, в основе волевого механизма находилось активное и сложное взаимодействие префронтальной коры с ядрами вентрального отдела ствола мозга, которые могут избирательно активировать обширные корковые области через их восходящие проекции.

б) Нейронные комплексы речевых центров. Несмотря на то, что в зачаточном состоянии они присутствуют и в нейронной структуре подсознания, главным образом в нейронном ансамбле сознания речевые центры достигли своего наивысшего совершенства. Они напрямую связаны с волевым механизмом и используют его возможности по мере необходимости. За счет кодирующих и декодирующих свойств речевых центров, психика современного человека научилась материализовывать информацию, превращая ее в знаки (слова, словосочетания, понятия) и символы. Именно знаки (коды, шифры) как химические сигналы запечатлевают нейроны, именно со знаками работает нейронный ансамбль сознания, и именно знаки выступают тем точечным механизмом, активирующим не весь объем, а конкретную «похожую» информацию. При этом, как утверждают современные нейронауки, знаки имеют вполне материальную, физико-химическую форму.

Благодаря речевым центрам стала возможной организация речи, в том числе и внутренней речи, которая допускает работу со знаками без фонетического сопровождения. Сейчас я могла сама с собою разговаривать, общаться, используя только структуры собственной психики, и не прибегая к помощи функциональных возможностей я-тела.

в) Ретикулярная формация. Это одна из «старейших» нейронных организаций мозга. Ретикулярная формация корнями уходила в более древние зоны головного мозга и выполняет функции внутреннего энергетического источника. Обозревая эту нейронную организацию, мне показалось, что активность, как подсознания, так

и сознания напрямую зависит от потенциальных возможностей и особенностей функционирования ретикулярной формации, потому что каждый из этих нейронных ансамблей был тесно связан с ее соответствующими структурами. В целом, активность я-психики – это заслуга, прежде всего, ретикулярной формации, которая на протяжении всего периода ее существования обеспечивает энергетические потребности творческих потенциалов, бессознательную и сознательную деятельность, присутствие в себе, для себя и для других, и т.п.

г) Таламические ядра и гипоталамус. Название этих двух нейронных структур пришло само по себе, словно вспомнилось. Я видела эти две структуры и понимала, что их основная задача заключается в получении и распределении всей поступающей в я-психику информации. Это входные ворота в нейронный комплекс сознания, которые сортируют поступающий поток информации: большую часть, отклоняя и отправляя в область нейронного ансамбля подсознания, меньшую часть – в сознание. Помимо сортировки таламус и гипоталамус осуществляют множество других функций: отвечают за различные формы активации психики, отслеживают связь не только с внешним миром, но и внутреннее состояние психики: ее температуру, обеспечение питательными веществами, водной средой и т.п.

д) Нейронные объединения памяти. Нейронные объединения памяти занимали огромный участок области мозга и были связаны не только с нейронным ансамблем сознания, но и подсознания. Функционально память делилась на участки кратковременной, обрванной, долговременной и т.п. подобной памяти. Каждый участок нейронных объединений памяти был определенным образом связан как с речевыми центрами, так и с другими нейронными комплексами подсознания и сознания, что создавало сложную архитектуру психики. Выражаясь языком нейронаук, нейронные объединения памяти включали в себя активность гиппокампа и новой коры (неокортекса) - тонкой мантии, охватывающей мозг, с характерной сморщенной поверхностью, напоминающей грецкий орех. Коровая мантия имела свою собственную сложную организацию: состояла из шести слоев, каждый из которых характеризовался своим собственным нейронным составом. Определенные части неокортекса были организованы в вертикальные «колонки», рассекающие

эти слои и представляющие собой отдельные функциональные единицы. Появление новой коры радикально изменило способ переработки информации и наделило мозг значительно большей вычислительной силой и сложностью.

Возможно, были и другие составляющие нейронного ансамбля сознания, но их я не видела, или не могла оттенить - не до конца ясными были их очертания. Даже перечисленные организации я не столько могла выделить структурно, сколько они проявляли себя функционально.

В целом, безусловно, архитектура психики впечатляла - это была машина явно не созданная руками человека. Чтобы понять ее и разобраться - не хватило бы и десяти жизней. Мое обозрение этого великолепного строения ни в коем случае не претендовало на познание - от увиденного я поняла всего не больше нескольких процентов. Но факт того, что я это все увидела, уже впечатлял и вызывал гордость за себя, и даже некую сопричастность с великим.

Высветлив основные элементы структуры своей психики, мне оставалось выяснить, насколько целостность я-мировоззрения действительно важна для ее полноценного функционирования. Возможно ли полноценное функционирование психики без прочного единства я-мировоззрения?

Концентрируя внимание на анализе своего я-мировоззрения, я словно возбуждала сознание, наполняла его энергией и мощью, и оно на глазах превращалось в монстра, которому по силам было разложить на составляющие монолитность моей устоявшейся внутренней информационной базы. Сам процесс анализа пробуждал энергетическую мощь я-сознания, доводил ее до предельных степеней активности, превращая в энергетический кулак, который разбивал монотонную спячку нейронов и доставал из них ту информацию, которая нужна была я-психике в данный момент. Энергетическая мощь сознания активировала паутину нейронных связей всех основных структур, возбуждала, выводила из тени все новые и новые нейронные пласты новой коры, которые обнажали хранящуюся в них информацию, декодировали ее, раскрывали содержание. Активированная в мозге информация образовывала единый информационный котел, в котором она смешивалась и комбиниру-

валась, объединялась и конкретизировалась, и все ради того, чтобы установить единственно правильный ответ. Тот или иной участок сложнейшей структуры я-мировоззрения активированный энергией я-сознания высвечивался во всей своей мощи и красе. Переливы информации, бегущие огни мыслей, фейерверки идей, бьющий фонтан немыслимых ассоциаций, все это образовывало фантастическую картину чего-то нереального и недоступного для понимания. Целые пласты возбужденных нейронов, целый небосвод кричащей о себе информации извлеченной из них. Кто мог создать подобную красоту и мощь? У кого хватит воображения постигнуть и унести подобное феерическое видение?

Очаг возбуждения, образованный в моей психике энергетической мощью сознания, включал в себя, с одной стороны, элементы хаоса, потому что не всегда активировались нейроны с «нужной» информацией, и в информационный котел попадала «посторонняя» информация, но с другой стороны, и это было более важно, был полностью управляемым и регулируемым. Процессы, происходящие в нем, были мной понимаемые, и выглядели как мысли, как предположения, которые, подчиняясь моей воле, - активности волевого механизма, чередой проходили перед моим внутренним взором, и мне оставалось только выбрать наиболее приемлемую мысль, *правильную*.

Я сделала для себя еще один важный вывод: *сознательная деятельность – это очаг возбуждения в психике, который образуется за счет волевой аккумуляции психической энергии в определенных участках новой коры (неокортекса)*. Энергетический потенциал сознания активирует наиболее доступную, типичную информацию, хранящуюся в нейронах неокортекса, декодирует ее, извлекает, тут же вовлекая в процессы анализа и синтеза. В результате активации целых информационных пластов, образуется неустойчивое информационное множество, в котором ранее хранящаяся, «спящая» информация выставляется на обозрение, а сознание из этого множества активированной информации выбирает нужную ассоциацию, складывает разрозненные информационные фрагменты, объединяет их и выдает как приемлемое решение. Из всего множества активированных, разрозненных фрагментов информации мое сознание собирало нечто соответствующее запросу, логи-

ческое, последовательное и впечатляющее. Как поисковый инструмент, словно хищник, уверенно лавируя среди возбужденной, выставленной на обозрение информации, я-сознание выискивало нужную, наиболее ценную и «правильную» информацию. Все нужное и пригодное объединялось, последовательно нанизывалось на единую нить мысли, частями стаскивалось в определенный образ и оценивалось. Мои мысли – это временные образы, «слепленные» я-сознанием из активированной информации в информационном котле. Точнее, это полуобразы, потому что они были нечеткими, корявыми, быстро разрушающимися. Но эти полуобразы не были бесполезными и пустыми, - они распались, исчезали, но в результате, как я поняла, подобной, кропотливой, изнурительной работы, именно из этого множества полуобразов и на их основе, в конечном итоге, сформировался единый, более устойчивый образ, который стал целостным и узнаваемым. Ответ на свой вопрос я не услышала – я его увидела в созданном, узнаваемом образе, который с каждой минутой аналитической работы мозга выступал все четче и разборчивей.

Что же настаскивало в образ-ответ я-сознание, что предстало в психике в качестве ответа?

Я тщательно рассматривала представшее перед моим внутренним взором. Уставшая от внутренней концентрации, опустошенная от контроля за очагом возбуждения в психике и анализом активированной информации, я видела результат своего умственного труда – *я-мировоззрение нужно психике только как целостный образ*. Все иные варианты – это полуразрушенная психика, это бесформенная масса запечатленной в нейронных объединениях памяти информации, которая не способна осуществлять качественное взаимодействие с я-сознанием.

Целостное я-мировоззрение и полуразрушенное – это две совершенно разные психики, как во внутренней организации, так и во внешних проявлениях - в деятельности. Первый вариант психики – это самостоятельная, активная работа с предстоящим информационным пространством, полноценность взаимодействия с миром реальных событий, допустимость категоричности, принципиальности и упорства, которые, объединяясь, образовывали важнейшую характеристику психики – возможность целенаправленной деятельнос-

ти. Целенаправленная психика - это возможность длительного, активного, направленного и последовательного освоения предстоящего мира; это допустимость полноценной реализации в нем своих внутренних потенциалов; это качественная организация присутствия в себе и присутствия для других - во внешнем мире целостного образа, в котором психика обнаруживает себя, преподносит миру свою активность, неповторимость, самобытность и значимость. Целенаправленная психика – это возможность тактического и стратегического планирования, это воплощение в настоящем перспективных наработок, умение в начале жизненного пути обнаружить свое *предназначение* – глобальную цель своей жизни, и посвятить ему все последующие годы присутствия в бытии. Целенаправленная психика – это масштабное и последовательное воплощение в бытии внутренних творческих потенциалов, это неуклонный рост *профессионализма* в определенной сфере деятельности и, соответственно, повышение значимости присутствия я-психики в историческом развитии цивилизации.

Только с целостным я-мировоззрением человек может воплотить в повседневной жизни то богатство возможностей психики, которым наделила его природа, пробудила и закрепила в ходе обучения и воспитания общество. Только целостное я-мировоззрение способно связать воедино образ присутствия я-психики в себе, для себя и для других, тем самым, воссоединив внутреннее содержание психики с продуктами творчества, в которых я-психика материализует себя и богатство своего внутреннего мира.

Целостное я-мировоззрение напоминает организацию библиотеки, в которой каждая книга - это человек, встретившийся я-психике по жизни и оставивший определенный след в ее памяти. Он словно внес частицу себя в постоянно строящуюся и обновляющуюся структуру я-мировоззрения. При целостном я-мировоззрении – эта библиотека систематизирована, упорядочена, должным образом укомплектованна, внутренне организована. Каждая новая книга-человек, попавшая в библиотеку в результате общения, кодируется, получает шифр, ставится на определенное место, согласно каталожному номеру, что позволяет при необходимости оперативно обратиться к ней, использовать в процессе мышления и принятия решения. Все самое ценное, свежее, полез-

ное из информационных новинок, тут же приобретает библиотекой и обогащает ее фонды. Поэтому, *только целостное я-мировоззрение дает возможность человеку стать человеком: умственно развитым, духовно богатым, физически здоровым и творчески направленным на развитие земной цивилизации, на ее достойное представление в масштабах Вселенной.*

Во втором случае, когда в основе психики лежит полуразрушенный образ я-мировоззрения, когда под воздействием недобросовестного воспитания или под давлением обстоятельств, в основу внутреннего «я» человека оказалась заложена противоречивая или несистематизированная информация, в психике начинают властвовать бессознательные процессы. Психика с полуразрушенным основанием неустойчива перед влиянием внешних воздействий, непоследовательна в реализации внутренних потенциалов, не всегда активна и продуктивна. Она слишком чувствительна к различному роду случайностям. Это психика эмоционального человека, потому что в ней преобладают дикie природные силы, взявшие на себя полномочия в сохранении ее существования; это психика, которая не в состоянии осуществлять перспективное планирование и, главное, следовать намеченным ориентирам: она постоянно отвлекается, находит более «интересные» пространства для реализации, ей постоянно «не хватает времени», она «вся в делах» и «постоянно занята». Это психика людей, которые не в состоянии организовать полноценное присутствие в бытии и поэтому не ценящая мир повседневного существования. Повседневное бытие не зажигает ее, не пробуждает к освоению новых вершин, а только истощает, раздражает, мелочами забывает истинную глубину и содержательность жизни. Для такой психики бытие – это прогулка, без обязанностей, ответственности, тревоги, желания оставить после себя нечто возвышенное и грандиозное. Ей бывает то чересчур тяжело от бесцельной суеты и неопределенности, то слишком легко, когда мелочные проблемы решены, материальные цели достигнуты, а глубоко и содержательного в бытии она не видит и не знает.

Люди с полуразрушенным я-мировоззрением легко живут и легко расстаются с жизнью, потому что их психика не в состоянии организовать прочной и глубокой связи между я-мировоззрением и повседневным существованием, между присутствием в себе и для

других. Отсутствие устойчивого я-мировоззрения лишает психику возможности связать свою внутреннюю основу с бытием: воплотить в себе внешний мир, а во внешнем мире реализовать свои внутренние потенциалы.

Полуразрушенное я-мировоззрение – это уже не библиотека книг-людей, это просто склад, в котором навалом сброшены все люди, которые встречались на жизненном пути. Встречи и общение с ними не формируют целостный образ, не укрепляют некую индивидуальную внутреннюю структуру, а запечатляются просто как очередное событие, факт, который скинут в общую кучу на складе. Полуразрушенная психика общается с людьми до тех пор, пока они рядом и напоминают о себе. Как только они отходят, их место занимает другой человек, а память о предшественнике быстро стирается, словно и не было его рядом. И даже все то хорошее и полезное, что было связано с этим человеком, сброшенное в кучу склада тяжело отыскать и использовать с пользой для себя. А всей этой куче книг-людей даже при огромном желании нельзя дать ладу, поэтому многое из того полезного и важного, что следовало бы вынести от встреч, общения, близости, так и остается невостребованным и не использованным.

Психика с полуразрушенным я-мировоззрением не понимает смысла своего существования, причин присутствия в мире, не проникается задачами, заложенными в нее природой, остается слепой к цели своего предназначения. Она поверхностна и непостоянна, она не в состоянии мыслить стратегически и организовывать кропотливую последовательную деятельность, поэтому в жизни она приветствует не борьбу за будущее человечества, а праздное существование: беззаботность, развлечения, легкое, непринужденное общение, легко достижимые цели и задачи, жизнь одним днем без понимания своего будущего. Только начав жить, такая психика празднично доживает, в ничто превращая богатство своих внутренних потенциалов и восславляя свой выбор. *Праздно существующие – это психики с полуразрушенным я-мировоззрением, а труженики, целенаправленно творящие – это психики с прочным основанием.* Никогда психика с гармоничным, целостным я-мировоззрением, не удовлетворится праздничным существованием, потому что это самая

простейшая форма присутствия в бытии, основанная на рефлекторных, полуживотных потребностях.

Рассматривая образ-ответ, я вдруг открыла для себя еще одну *правду*. Она возникла как следствие, как отголосок того затухающего очага, активированного в ходе аналитической деятельности, но была по-своему страшна и неприятна. А именно, поведение многих людей, с которыми я встречалась по жизни, и которое мне казалось нелогичным и странным, теперь стало объяснимым и до неприятности понятным – в основе их психики лежало полуразрушенное я-мировоззрение, которое и делало их самих обесформленными, прогнозируемыми, и в целом типичными. Они были калекками, потому что не имели целостного образа я-мировоззрения; они были обреченными, потому что не могли противопоставить агрессивному повседневному существованию единство и монолитность своего внутреннего «я»; они были обезличенными, «массой», потому что не имели индивидуального мировосприятия – устойчивой внутренней системы взглядов, организующей неповторимую работу психики с предстоящей информационной средой. Именно поэтому повседневность раздавливала их, каждый новый день тращил их внутренний мир и делал их жизнь непредсказуемой и сумбурной: они могли утонуть в повседневности, а могли подняться на гребне успеха. Но во всех этих жизненных событиях их заслуга была минимальна: они как щепки в бушующем океане существовали в повседневной жизни, и как обезличенные частицы покидали жизнь, редко оставляя в ней свой след. Их имена и фамилии вы не встретите в летописи цивилизации, потому что внутренняя неорганизованность их психики, ее ограниченность присутствием в себе выливается в такую же бессодержательность и обезличенность в бытии.

Образ-ответ раскрыл более глубокое содержание моего страха – я боялась обезличиться, я боялась потерять целостность я-мировоззрения и превратиться в массу: безликую, неопределяющую, непостоянную, непрогнозируемую и полностью зависимую от случайных процессов. Падение в я-подсознание вызывало во мне страх невозвращения к единству я-мировоззрения, страх потерять свою индивидуальность и категоричность, и превратиться в ничто, пусть живое, существующее, но лишенное целостности и

направленности. Категоричность возможна только тогда, когда я-мировоззрение выступает единым фронтом, когда я-психика имеет свою позицию, и эта позиция опирается на целостность, монолит внутренней системы взглядов. Категоричности нужна опора, стальной стержень, и эта опора была заключена в единстве моей внутренней информационной базы и ее основе – в *мировоззрении*.

Относительно полное понимание значимости я-мировоззрения в активности психики вызвало какую-то неоднозначность ситуации: я открыла, что я действительно имела в своей основе целостное и действенное я-мировоззрение, но при этом, анализируя свое окружение, я вдруг обнаружила причину своей повседневной неудовлетворенности от жизни – меня окружали психики, в основе которых лежала *масса* информации: неопределенная, неустойчивая, не сформированная в единый образ. И это окружение, в котором я реализовывалась как руководитель и зарабатывала себе авторитет, оказалось безликим и слишком слабым, чтобы говорить о самодостаточности собственной реализации, о значимости своего внутреннего «я». Моя значимость как руководителя и организатора в повседневной жизни оказалась призрачной и поверхностной, потому что я возвысилась над слабыми, беспомощными и неустоявшимися психиками. А мой авторитет, как обнаружилось, был зыбок и неустойчив, потому что признавался только несовершенными и склонными к популизму и подхалимству психиками.

Наверное, понимание несоответствия уровня совершенства окружающих психик моему внутреннему состоянию и вызывало постоянно растущее чувство неудовлетворенности от жизни, суеты и мелочности собственных поступков и действий. В последнее время, незадолго до аварии, я словно предчувствовала, что реализую себя не в той среде, что общаюсь не с теми людьми, и что подавляя их, я возвышаюсь всего лишь над слабыми. Общение со слабыми делало и меня слабой и слепой. Я заставляла себя верить в то, что, подчиняя своей воле большой коллектив из мужчин и женщин, я являюсь сильным и способным руководителем, что мое будущее – это административная организаторская деятельность, связанная с работой с людьми. Но на самом деле, мои победы не

стоили и ломаного гроша, потому что я возвышалась над массой, сама, волей неволей приобретая черты этой массы. Общение со слабыми даже сильного делает слабым.

Понимание ошибки своего недавнего повседневного существования и раскрытие основы этой ошибки расстроило. Если бы я только могла вот так глубоко и полно проанализировать свою жизнь раньше, до аварии, а не тратить почти восемь лет на суету и самореализацию в кругу обезличенных психик. Мне нужно было искать иную среду: психики с целостным внутренним «я», чтобы в их кругу реализовать себя, чтобы среди достойных и равных показать возможности собственного «я». Когда реализуешь себя среди равных, а лучше, в кругу более совершенных психик, тогда ощущение победы полно и обосновано, потому что твой успех действительно значим, и оценивают его авторитетные для тебя психики. В этом случае понимаешь реальную значимость своей жизни, и повседневность превращается в праздник, который наглядно высвечивает одно: ты не зря живешь в этом мире, тебя оценили достойные, ты значима для человечества, и поэтому твое существование – это след в истории цивилизации. Ты возвышаешься в собственных глазах и понимаешь, что нужна окружающим, что ты можешь им чем-то помочь, что активность твоей психики представляет определенную позицию, которая важной составной частью образует позицию коллектива, государства, цивилизации в целом. Наверное, как раз масштабного понимания своей значимости мне не хватало в повседневной жизни. Суета скрывала его, вуалировала.

Я вдруг почувствовала пробуждение такого желания жить, что словно приподнялась над я-телом, вышла за границы своего умирающего организма и влилась в поток вселенской мощи разумной материи. Я на мгновение стала будущим – когда психика окончательно откажется от я-тела как от формы и напрямую станет обнаруживать себя в бытии.

Поняв свои ошибки, раскрыв истинное понимание своего существования, мне захотелось все исправить, изменить, ведь мне только неполные тридцать три года! Я до безумия захотела выжить, вернуться к полноценному присутствию в бытии, чтобы успеть реализоваться в открывшемся для меня понимании человеческого предназначения – *реализовывать внутренние творческие потенциалы психики во имя становления земной цивилизации*. Каж-

дой психике нужно масштабное понимание своего предназначения, масштабное видение своего будущего и смысла присутствия в бытии. Для современной цивилизации масштабная реализация я-психики возможна в двух плоскостях: в пространстве планеты Земля (планетарный масштаб) и в пространстве космоса (масштабы Вселенной). И находясь за шаг до смерти, мне вдруг до безумия захотелось реализовать себя в каком-то космическом проекте, возможно, раскрыть перед человечеством возможность присутствия психики не только в масштабах Земли, в границах отдельной планеты, но и в масштабах космоса?! Я понимала, что это безумие, сумасшествие, но мне этого так захотелось!!!

Но для того, чтобы это желание воплотить в жизни, мне нужно было знать: выживу ли я, спасут ли меня врачи, вернут ли мне ощущение тела? Разбуженная тяга к жизни и проснувшееся желание воплотить себя в масштабном космическом проекте требовали выхода энергии, деятельности. Я хотела творить, доказывать свою значимость и совершенство, способность мыслить планетарными и космическими масштабами, умение организовывать и руководить множеством совершенных я-психик. Но все мои желания разбились о прозаичную и жуткую действительность - что я могу сделать в своем теперешнем беспомощном состоянии? Ничего. Без связи с телом моя психика бессильна. А восстановится ли эта связь, вернусь ли я к полноценной жизни?

Разве падение в я-подсознание это и есть небытие? Почему проваливаясь в я-подсознание мне кажется, что я низвергаюсь в ничто, соприкасаюсь со смертью и словно попадаю в небытие? Разве эти три состояния связаны с я-подсознанием, и если да, то каким образом?

Этот комплекс вопросов вызревал долго, но вышел на первый план как всегда неожиданно и во всей полноте. Мне почему-то казалось, что я заблуждаюсь, что что-то в моих рассуждениях не вяжется, несоизмеримо с истинными законами человеческого бытия. И это ощущение возникало именно тогда, когда высвечивался образ-структура подсознания, когда я пыталась объять мир доцивилизационный – стадию Человека Примитивного.

Чтобы глубже разобраться в структуре я-подсознания, я поставила ее со структурой и функциональной активностью я-сознания. Так было легче, не нужно было обращать взор в глубины я-подсознания и бояться, что в любой момент эти глубины увлекут, затянут, словно в омут. Я уже знала, что я-сознание не просто активирует я-мировоззрение, оно принимает активное участие в его формировании. С позиции я-сознания я-мировоззрение является оболочкой, призмой, которая формирует *индивидуальное* взаимодействие внутренней среды с внешней. Я-мировоззрение для я-сознания является не просто формой индивидуального, неповторимого и отсюда узнаваемого образа, но еще и способом, который, в свою очередь влияет и развивает само я-сознание. Только целостное я-мировоззрение может не просто создавать индивидуальное мировосприятие – *мировоззрение*, но и выходить на уровень, позволяющий использовать я-сознание как инструмент – *средство* для организации собственного присутствия в бытии. Формируясь на основе сознания, я-мировоззрение в большинстве психик, со временем превращается в самостоятельную активно действующую информационную структуру, которая не просто организует индивидуальное мировосприятие каждого человека, но и особое, неповторимое присутствие психики в бытии.

Если рассмотреть этот процесс в истории, то долгое время эволюция психики проходила по пути формирования и развития присутствия в себе и для себя, т.е. уровня, предшествующего я-мировоззрению. Лишь примерно сто тысяч лет назад, наряду с организацией нейронного ансамбля сознания, я-мировоззрение сформировалось структурно и функционально. После появления я-мировоззрения качественно изменилось не только присутствие в себе и для себя, но и более выразительным стало присутствие для других. Можно сказать, что эволюция я-психики – присутствия в себе - проходила в направлении: от присутствия в себе и для себя к присутствию для других. После того, как эволюционирующая структура мозга приобрела способность творить, организовывать собственное присутствие для других, основа современной психики – я-мировоззрение через творчество стало обнаруживать себя как целостное действенное «я»: «я сделал», «я нашел», «я открыл». Этих «я» в обществе с каждым поколением становилось все боль-

ше и само «я» становилось масштабным и емким. Используя возможности я-тела и результаты творчества других «я», эволюционирующее внутреннее «я» научилось обнаруживать себя в разнообразных продуктах творчества, которые выступили критериями узнаваемости я-мировоззрения как частности, и я-психики как целого. С этого момента каждая психика стала узнаваемой, потому что за ней стояло индивидуальное «я» - я-мировоззрение, как особым и неповторимым образом сформированная система увиденной, услышанной, прочитанной, прочувственной и т.п. информации. Чем активнее в ходе онтогенеза проявляло себя внутреннее «я», чем больше и качественней были результаты его творческой активности, тем более узнаваемой становилась психика. Индивидуализм – это важнейший для психики критерий, который выделяет ее из множества психик, делает неповторимой, узнаваемой и значимой в масштабах бытия. Только в присутствии для других психика самоутверждается, приобретает значимость не только для себя самой, но и для окружающих психик психического пространства.

В отличие от я-сознания активность я-подсознания для я-мировоззрения – это внешний энергетический источник. Я-подсознание сформировалось гораздо раньше я-сознания и включает в свою структуру иные нейронные организации, часть которых связана с активностью я-сознания и, взаимодействуя с ним, образует работу психики, а вторая часть – *предсознание*, не связано с я-сознанием, но активно взаимодействует с нейронными объединениями первой половины подсознания, связанными с я-сознанием. Предсознание, в свою очередь, связано, с нейронными объединениями, отвечающими за условно и безусловно рефлекторную деятельность, на основе которой на заре появления первых представителей Человека Примитивного оно и было сформировано.

Двойственная структура подсознания часто вносит путаницу в психологические науки. Если в нейронауках последовательность эволюционных переходов: нейронные комплексы, отвечающие за безусловно-рефлекторную деятельность → нейронные комплексы, отвечающие за условно рефлекторную деятельность → предсознание → я-подсознание → я-сознание отмечается четко и наглядно, то психологи, анализируя проявления бессознательного, эту градацию не учитывают. На самом деле она очень важна, так как пока-

зывает вектор эволюции центральной нервной системы и последовательность формирования одного нейронного комплекса на основе другого, каждая последующая эволюционная организация нервной системы не отменяет и не замещает предыдущую, а следует из нее, и на базе новых структур и сложившихся функций частично переориентирует и переподчиняет ее работу. Так, например, предсознание было сформировано на основе предшествующих уровней организации нервной системы, но в силу закономерно сформировавшихся новых нейронных структур и функций вывело их работу на качественно новый уровень совершенства. Причем замещение функций предшествующих нейронных структур функциями предсознания происходило не мгновенно и не вдруг, а в ходе значительно-го промежутка времени: *постепенно, преемственно и последовательно.*

Таким образом, когда мы рассматриваем ту часть подсознания, которая взаимодействует с я-сознанием и образует с ним единое функциональное целое – я-психику, то мы говорим о я-подсознании. Если мы говорим о более ранних структурах и функциях подсознания, то мы понимаем проявления предсознания. Активность я-подсознания и предсознания – это последний рубеж, который разумная материя может противопоставить разрушительному влиянию предшествующих двух состояний материи, поэтому этот рубеж максимально прочен, сплочен и устойчив.

В активности я-подсознания я-мировоззрение еще присутствует и проявляет свои индивидуальные черты, но это лишь отблеск, жалкое подобие того индивидуального и личностного образа, который просматривается в связке я-сознание-я-мировоззрение. По сути, когда пробуждаются силы я-подсознания и тем более предсознания, о психике, как о самостоятельной, *индивидуальной* нейронной организации мы не можем вести речи, потому что индивидуализм, за которым и стоит я-мировоззрение, в активности нейронного ансамбля подсознания непозволителен. Особенно антагонистична индивидуальным проявлениям активность предсознания, потому что на уровне предсознания психическое единство едино и целостно. Активность предсознания – это первооснова разумной материи, которая монолитно и направленно организует и защищает сферу своего присутствия в условиях отдельного материального объекта. В

момент доминирования сил предсознания все ранее индивидуальные психики (я-психики) становятся похожими, *типичными*, потому что проявление эмоций и чувств на уровне предсознания – это процесс усредненный природой и, главным образом, направленный на самосохранение как отдельной психики, так и психического пространства в целом. Во всех проявлениях эмоций и чувств люди похожи друг на друга, независимо ни от цвета кожи, ни от места обитания, ни от особенностей культурного развития.

Низвержение в подсознание подобно падению в ничто тем, что по мере погружения сначала в функциональную активность я-подсознания, а потом предсознания, я-мировоззрение, как активная составляющая психики, теряет свою значимость и влияние. Оно распадается на составляющие и исчезает, хороня вместе с собой не только присутствие в себе, но и продукты своего творчества, обнаруживающие его присутствие в мире. В народе говорят: «человек пришел на Землю голым, и уходит, не взяв с собою ничего».

Падение в ничто, по всей видимости, связано с двумя основными этапами. На первом этапе я-мировоззрение погружается в я-подсознание. Нельзя сказать, что функционально я-подсознание благоприятствует активности я-мировоззрения, но, тем не менее, на уровне присутствия в себе и иногда для себя, я-мировоззрение в нем может существовать. По сути, погружение в я-подсознание – это возвращение современного человека на уровень своих предков – Человека Примитивного, который сильно упрощает функциональные возможности психики, тем не менее, оставляя за ней право оставаться психикой. Погружаясь в я-психику, я-мировоззрение словно возвращается в своем развитии назад: от уровня цивилизации сначала на ступень варварства, а потом и дикости.

Ничто, или состояние небытия начинается для я-мировоззрения в предсознании, которое в отличие от я-подсознания антагонистично любым проявлениям индивидуальности. Именно здесь расположен Рубикон – граница, разделяющая высокоразвитые структуры живой материи и простейшие организации разумной материи. Преодоление предсознания для я-мировоззрения означает только одно – соприкосновение со смертью и исчезновение в небытии, потому что как индивидуальная я-психика, как содержание, подчеркивающее свою принадлежность к

роду Homo Sapiens, она погибает. Остается только форма – действующий высокоразвитый биологический организм, по характеристикам морфологии, физиологии и анатомии, практически ничем не отличающийся от высших животных. Если еще и допустить, что после преодоления предсознания мозг в состоянии осуществлять простейшую безусловно и условно рефлекторную работу, то вместо человека – представителя разумной материи, в системе живой материи появляется еще один высокоразвитый биологический организм.

Поэтому, проваливаясь в я-подсознание, я-мировоззрение теряет свою активность и только соприкасается с ничто и с небытием, по сути оставаясь в бытии, на уровне целостной я-психики. На уровне я-подсознания я-психика теряет свои ярко выраженные индивидуальные, личностные характеристики, в большей части переставая быть *я-психикой*, но как просто психика, как структурная и функциональная основа разумной материи она продолжает существовать. Все, что связано с разрывом я-мировоззрения и со смертью я-психики относится к активности предсознания и преодолению Рубикона. В этом случае психика как я-психика, погибает и попадает в небытие. Поэтому очень странным выглядела открывшаяся мне возможность обозревать небытие, потому что в небытии я не могла присутствовать ни как психика, ни тем более как я-психика, а как не-я-психика я не могла обозревать небытие и возвращаться назад в бытие. Причина открывшейся способности обозревать небытие для меня по-прежнему оставалась непонятной.

Глава 4. Вернуться, чтобы снова уйти...

Уже который раз на удивление себе я вернулась из низвержения в ничто. Уставшая и обескровленная, на пределе своих жизненных возможностей я очередной раз смогла вырвать себя из пучин соприкосновения со смертью и обрести целостность. Мое истощенное, но не сломленное я-мировоззрение, как и раньше пробуждалось, оживало и, собирая последние крупички энергии я-сознания, пыталось организовать собственное присутствие в бытии, всеми силами закрепиться в мире реальных событий. Оно хотело жить, присутствовать в бытии, но видимо, мои дела были слишком плохи, потому что провалы в ничто становились все более продолжительными, а возвращение назад более трудным и болезненным.

Я умирала, с каждым возвращением все больше понимая этот факт. Но принять его я не могла, потому что хотела жить – сильно, жгуче, болезненно. Вот и сейчас, не успело я-мировоззрение обрести целостность, как я почувствовала, что нечто новое вкралось в мое существование - *я почувствовала, что я не одна!*

Понимание того, что я вообще начала что-то чувствовать, что ко мне возвращается нечто из утерянного, из ранее присутствующего в повседневной жизни, сначала накрыло, захлестнуло. Я не поверила в ощущение – вслушалась в себя, попыталась разобраться, вдруг это очередная патологичная брешь в возрожденном я-мировоззрении?

Но присутствие постороннего не проходило. Я его не видела, не слышала, но четко *ощущала!* Это ощущение было настолько реальным, что оторопь прошла и наступила вторая стадия – полного экстаза! Я иду на поправку, я возвращаюсь к жизни! Связь между психикой и телом начинает восстанавливаться, поэтому я буду жить! Небытие отпускает меня, и я наконец-то смогу закрепиться в

бытии, раз и навсегда вернуться в мир реальных событий и дожить до седых волос.

Радость ощущения *другого* была настолько весомой и стимулирующей, что психика утратила контроль над ситуацией и перешла в состояние хаоса. Круговорот мыслей, фантазий, желаний, образов, разорвал только что восстановившееся я-мировоззрение на части и унес в бездну эмоций. Только это состояние падения было иным, отличающимся от обычного низвержения в ничто. Это падение было легким и приятным, нежным и комфортным. Я не падала в бездну, я не проваливалась в предсознание, а опускалась в я-подсознание, в мир приятных ощущений, которые словно в колыбели то укачивали, умиротворяли, то будоражили, возвращали к жизни, фейерверками счастливых эпизодов прошлого встречая частицы моего разорванного я-мировоззрения. Это было опускание в блаженство, в рай. Лицо Димы до аварии – такое близкое и родное. Его первое признание в любви и мои долгие сомнения, ведь я была старше его на два года и намного опытнее в рассуждениях. Но как смешно он добивался от меня признания: цветы, полунамеки, мелкие услуги. Он был настойчив, но не назойлив, дерзок, но не нахален. И эта деликатность, смешанная с мужским упорством, настойчивостью, выдавали в нем внутреннюю силу и вызывали уважение. И я согласилась. Это был мой второй мужчина в неполные двадцать два года.

Падение в чувственность была соизмерима с падением в пуховую постель, под теплое одеяло, когда тебя обволакивает накрахмаленное белье, и ты чувствуешь легко ломающуюся целостность крахмала, таящую под воздействием тепла тела. А как пьяняще блаженна свежесть, идущая от накрахмаленной постели! Ты словно наполняешься ею, пропитываешься и начинаешь благоухать, так же как и накрахмаленная пастель...

Образами возрождались наши первые совместные дни жизни с Димой, его ребячество и моя напускная строгость... Он вел себя как шаловливый ребенок, по-доброму подшучивая надо мной и над собой, а я все это встречала с напускной строгостью, что еще больше веселило его. Он называл меня: «Моя первая школьная учительница», потому что в его памяти его первая учительница осталась строгой, но доброй женщиной, которую он часто вспоминал и

почему-то сравнивал со мной. Наверное, еще и потому, что он был по-детски наивен и прост, многое прощал и не замечал.

Мы действительно подходили друг к другу: я со своей расчётливостью, практичностью и педантизмом, и он со своей энергией, неусидчивостью и великодушием. Он начинал, зажигал и воодушевлял, а я все начатое доводила до логического завершения, потому что он уже уходил дальше, он не мог собирать крупички, ему нужно было творить масштабно, охватывать все новые и новые пространства. А мне нравилось все начатое им сохранять, оберегать и заставлять работать так, как он даже не подозревал, потому что я знала, что мало *начать*, нужно *закончить* начатое, закрепить, заставить работать в полную силу, на пределе своего совершенства. И я это умела делать, в этом была моя сила и об этом мы оба знали. Поэтому в бизнесе, мы практически не пересекались, а наоборот добавляли друг друга: он пытался творить гениальное и новое, а я все начатое им и брошенное, приводила в рабочее состояние, выжимала максимум пользы и рентабельности. Именно поэтому наши проекты всегда приносили прибыль, даже если он заблуждался и вкладывал деньги в заранее утопические идеи.

А вот и Андрюшка – его лицо предстало так отчетливо и живо, что падение вдруг прекратилось, захватывающая сказка прервалась на полуслове, разрозненные частицы я-мировоззрения в момент собрались в единый целостный организм, и я с ужасом поняла, что попалась, что здесь, на полпути между я-сознанием и я-подсознанием, окрыленная и расслабленная возникшим ощущением *другого*, мне придется наконец-то ответить и на *этот* вопрос. Я уже не могла, как раньше, отложить его «на потом», вновь спрятать в бессознательное, переключиться на другую тему, убежать от правды. Я была вынуждена предстать перед вопросом о судьбе своего сына, встретить его глаза в глаза и понять, ответить себе: жив он или погиб?

Память тут же, словно ожидала, услужливо выдала картину аварии: Дима, с упавшей набок головой, мои судорожные механические движения рукой, пытающейся поднять голову мужа и зафиксировать в привычном, вертикальном положении. Но что было слева, с Андрюшей? Чья-то невидимая рука заставляла меня изнутри следить за собой, входить в потаенные двери. Как я не пыталась

избавиться от этой участи, выйти из-под чужого контроля, отвести внутренний взор, - все было напрасно. Я прокляла то мгновение, когда заставила себя вернуться из небытия и возрадоваться жизни! Как я заблуждалась, надеясь обрести покой и полагая, что правда, запертая за тысячи замков в я-подсознании, останется там навсегда и не проявит себя. Мне вдруг *стало страшно жить*, потому что я поняла, почему раньше убегала от этого вопроса, почему пряталась от него и постоянно отвлекала себя постижением своего внутри. Да потому, что я знала ответ!

Фрагмент за фрагментом память доставала и предъявляла мне страшные картины того субботнего дня. Оказывается, боковым зрением я отчетливо видела, что творилось слева от меня, и возможно именно поэтому, моя рука потянулась в первую очередь к сви-сающей голове мужа...

- Не хочу! Не буду! - Я всеми силами сопротивлялась, билась в агонии, согласна была умереть, лишь бы не видеть предъявляемых фрагментов, лишь бы заново не испытывать тех страданий и мук, пик которых я казалось бы уже преодолела. Но, как и в первые проблески сознания в реанимации, моя психика не подчинялась мне, бунтовала, и выполняла чью-то чужую волю. Все мои усилия разбивались о глухую стену и не приводили к желаемому результату. Сломленная и подавленная чужой волей я вынужденно, фрагмент за фрагментом смотрела фильм о том, *как умирал мой восьмилетний сын...*

Фрагмент первый – Андрюшка смотрит влево и не видит, как кабина груженого самосвала, взрывая переднюю часть нашей машины, наезжает на его отца. Я только мгновение думала, что Дима, приняв на себя основной удар, спас нашего сына, но второй фрагмент расставил все на свои места. Я увидела, как тело Андрюшки отрывается от сидения, как его голова запрокидывается назад, а ремни безопасности прерывают этот направленный полет тела, врезаюсь в детскую грудь; как голова резко подается вперед и тут же снова назад, и этого было достаточно. Андрюшка снова занял первичное положение, на первый взгляд, спасенный ремнями безопасностями, но на самом деле я отчетливо слышала, как ломались его шейные позвонки. Громогласное эхо ломающихся шейных позвонков сына как колокольный звон набата, ударило в мои барабан-

ные перепонки и я, оглушенная, словно контуженная, впервые призналась себе, что боковым зрением ясно видела, как справа сидел *мой мертвый сын*. Это был последний, третий фрагмент, который мне выдала память.

Я механически поднимала голову мужа, при этом всем своим материнским сердцем запоминая каждую черточку лица моего мертвого сына. Он сидел расслабленный, с опущенными плечами и упавшей головой, и изо рта капля за каплей стекала не то слизь, не то кровь – уже в тот момент мой взор помутнел, и я не различала красок. Вот, что пряталось в подсознании, вот что преследовало меня и заставляло убегать от реальности. Накануне тридцати трехлетия я осталась без мужа и сына, и их смерть я видела собственными глазами, их мертвые лица живыми образами стояли в моей памяти.

Понимание полного одиночества, пустоты, вдруг взорвало, подхватило и увлекло в глубины подсознания. Именно туда, где слабо чувствуется боль, где все удары судьбы – ускользающие и проникающие, где целостность внутреннего «я» распадается на многоголосье я-мировоззрения и поэтому можно устоять, выдержать безмерность свалившегося на мою женскую долю горя.

Это падение было последним, почему-то в этом я была уверена окончательно. Просто, я сама не хотела возвращаться... Открывшаяся правда сломила оставшуюся волю, выплеснула в грязь последние капли желания жить и, падая в ничто, я убегала от себя, от той жуткой реальности в которую попала не по своей воле.

Я долго считала, что человек – хозяин своей судьбы, поэтому всегда старалась делать ставку на рассудок, на логику поступков, их прогнозирование и планирование. Очень редко мои действия носили случайный характер: я старалась все просчитывать, соизмерять, и лишь потом только делать - в этом я видела залог своего будущего и будущего своей семьи. Но авария все перевернула и поставила с ног наголову. Произошедшая катастрофа заставила меня констатировать, что случайность – это тоже важнейшая составляющая человеческого бытия. Планы планами, но если человеку уготована определенная участь, судьба, то он никуда от нее не денется и никогда не сможет перестраховаться. Но может, все случайности

тоже закономерны, может то, что произошло со мной имеет определенный смысл и значение?

Я не знала ответа на этот вопрос, да уже и не хотела знать. Ощущение от падения в ничто было знакомым, разница заключалась только в одном, но важном – я уже не цеплялась за жизнь, *потому что уже не хотела жить*. Я низвергалась, практически не отслеживая фрагменты ускользающей реальности, живя только одной мыслью – я последую вслед за ними: за Димой и Андрюшей. Даже фейерверк событий, знаменующий прохождение второй стадии низвержения был связан только с этими двумя образами, без которых я не мыслила своего дальнейшего существования. Они для меня были всем – жизнью, а разве возможно жить без жизни?

Тоска за ушедшими высасывала из меня остатки сил и воли. Причем, я отметила, что падение в ничто к активности моего я-тела не имело никакого отношения – это была совершенно другая плоскость существования. Падение в ничто затрагивало только основу моей психики - я-мировоззрение. А тоска, как обнаружилось - это болезнь психики: ее сломленная воля, обреченность, покорная зависимость от обстоятельств, прогрессирующий пессимизм, отсутствие всяких желаний и целей. И именно отсутствие перечисленного лишало меня жизни...

Определенно, тоска являлась одной из самых разрушительных болезней психики, потому что именно она сковывала ее активность, гасила порывы желаний, разрушала внутреннюю структуру и нарушала функциональность. Тоска – это кариес для воли. Психика в тоске – это проржавевший механизм, лишенный активности: он не в состоянии сконцентрироваться на сознательной деятельности, на анализе проблемы, ситуации и это пугало. Я вдруг во всей полноте своего восприятия увидела свою психику скованную тоской: в ней уже не было желания бороться за свое будущее; нарушением выглядело желание присутствовать не только для других, но даже в себе и для себя; в ней уже полностью отсутствовало величие индивидуального и потребность присутствия в жизни. Я-психика в тоске представляла собой старушку на смертном одре, знающую о своей смерти и без боли и волнений ждущую ее приход. В ней уже чувствовалась усталость от ожидания, желание завершить этот процесс как можно быстрее, потому что уже не толь-

ко она устала ждать смерть, но и ее близкие, намучавшиеся с умирающей. И страшно то, что умирающая знала об их усталости, понимала свою ненужность и обременительность для них, и это еще больше заставляло ее спешить умирать. Она была вынуждена топиться умирать не столько ради себя, сколько из-за них, из-за *других*, из-за тех, ради кого она жила раньше. Она призывала, подгоняла смерть, чтобы освободить их от себя, чтобы вернуть им свободу действий и облегчение, *освобождение от обязанностей*. И понимание того, что твое присутствие уже лишнее в бытии, что ты уже в тягость даже близким, наполняло последние мгновения жизни страшной тоской – разве стоило во имя этого жить, бороться и творить?

Когда ожидаемое не соответствует действительности, когда вместо множества людей, с которыми ты в разное время прошла по жизни, присутствуют от силы два-три человека, угасающее сознание задает всего один вопрос: зачем ты потратила на них столько времени – *времени своей жизни*? И на этот вопрос уже нельзя найти ответ. Поздно. И тогда появляется тоска, которая разъедает последние мгновения присутствия в бытии, разжигает боль обиды, и ты приходишь к страшному для себя выводу – по большому счету жизнь прожита напрасно. И эта мысль становится тем очевидней, чем меньше уважения тебе воздают в последнем твоём полете, чем больше ты чувствуешь свою ненужность и обременительность для окружающих, чем меньше ощущение значимости от твоего присутствия для других. Ты каждым нейроном умирающей психики ощущаешь, что ты уже вырванная страница из книги жизни. Именно по этой причине ты не наслаждаешься последними минутами присутствия в бытии, не испытываешь почет и уважение, которые, по идее, ты заслужила, а ощущаешь, что тебя словно *выпроваживают из жизни*, спихивают в небытие самые близкие, как казалось тебе люди. Ты уже никому не нужна в бытии, поэтому, чтобы спасти их от греха, *пресечь зреющее в их мыслях преступление*, ты сама спешишь быстрее уйти в небытие, призываешь смерть, чтобы не ощущать внутренней боли, не видеть пугающей пустоты в глазах окружающих, и надвигающегося отчаянья-вопрошания – когда же это все для них закончится.

А у меня даже семьи не осталось – только родители: мама и отец. Но разве их боль соизмерима с моей болью? Разве им пришлось хоронить своего ребенка и мужа? И самое главное, они уже пресытились жизнью, а я только начинала жить...

Мысли о смерти становились ближе и роднее. Мое я-мировоззрение сливалось с ними, объединялось и они становились его составной, доминирующей частью. Наверное, это и есть *непосредственное соприкосновение со смертью*, вхождение в нее, привыкание к ней. Только одни входят с умиротворением, удовлетворившись и насладившись жизнью, а другие находят в ней спасение, убегая от разлагающей психику тоски. Есть, правда и третьи, которых смерть забирает насильно, вырывая из жизни с корнями, как ненужный сорняк. Разница между этими тремя состояниями умирания огромная.

Дальше меня не стало. Разорванное на фрагменты я-мировоззрение уже не могло обозревать, фиксировать, анализировать. Оно превратилось в ничто, стало его частью – и это успокоило, умиротворило и подвело итог...

Впервые возвращение к целостности «я» было нерадостным и нежеланным. Я не понимала, почему я вернулась, кто меня вернул, ведь я уже умерла, мне нечего делать в этом мире, меня здесь никто не ждет. Я не хотела возвращаться из небытия, потому что, то, что ожидало меня в бытии граничило с нечеловеческой болью, с вселенской печалью. Сознание как механизм робко пыталось внести строгость и ясность в мои мысли, систематизировать ощущения, но я-мировоззрение впервые использовало его не по назначению – оно создавало иллюзию убегания от реальности, как искусственную преграду, недопускающую возвращение к бытию.

Мне не хотелось возвращаться в бытие, но как остаться в небытии, в котором я не чувствовала боли и была защищена от ужасных картин того страшного субботнего дня? Как убежать от действительности и не возвращаться к пониманию того, что в неполные тридцать три года я лишилась мужа и ребенка, и осталась совершенно одна? О каких перспективах можно вести речь, если мое будущее начнет строиться не на пустом месте, а на месте еще свежих

могил мужа и сына, на понимании того, что у меня было прошлое, причем счастливое, прогнозируемое и полное перспектив? Как можно думать об организации новой семьи, если погибшая семья по-прежнему продолжает жить в сердце, а их образы настолько очевидны и действенны, что я обращаюсь к ним, общаюсь с ними словно с живыми людьми?

Разъедаемая тоской и слабостью, я не могла представить, как я смогу лечь в постель с другим мужчиной, *не Димой*? За десять лет я не знала никого кроме Димы, поэтому в моем представлении существование мужчин сводилось только в один образ – моего погибшего мужа. Любой мужчина примерялся и будет примеряться к образу Димы. Но ведь он не будет Димой, поэтому для меня он никогда не станет мужчиной – единственным, незаменимым, надежным.

А ребенок? Как я смогу выносить в себе ребенка *не Андрюшку*? Восемь лет я пестовала своего мальчика, выращивала его, формировала в нем мужчину, хватит ли у меня сил повторить этот путь? Не буду ли я видеть во втором ребенке Андрюшку, хотя на самом деле он не будет Андрюшей, потому что в нем не будет крови Димы? Смогу ли я адекватно относиться к ребенку, в котором не будет присутствовать Дима? А вдруг он не станет напоминать мне Андрюшку, хватит ли у меня терпения и объективности мириться с его особенностями, которых не было в моем погибшем сыне?

Господи, где справедливость? Как можно продолжать жить, если каждую секунду ты понимаешь, что возможно, твое присутствие в жизни не слишком справедливо? Почему в живых осталась именно я, почему не Дима или Андрюшка? Если наша семья чем-то не понравилась кому-то на небесах, то, возможно, справедливее чтобы ушли из жизни я с Димой, а Андрюшка остался жить, ведь это ребенок, которому не исполнилось и восьми лет!

Вопросы наседали, давили, ломали, но почему-то я мировоззрение не разрывалось, не проваливалось в ничто. Раньше низвержение в ничто вызывали гораздо меньшие эмоциональные проявления, но сейчас почему-то я оставалась присутствовать в бытии и никак не могла забыть, убежать, спастись в безликом покое небытия. Всеми оставленная, брошенная, разрываема сомнениями и разъедаемая тоской, я оставалась во власти нечеловеческой боли, окруженная нерадостными картинами своего настоящего.

И это уничтожало, разрушало изнутри.

Впервые мое целостное «я» предстало давлению эмоций. И это было новое для меня состояние – *противостояния*, когда единая структура моего я-мировоззрения открыто противостояла давлению чувственно-эмоциональной составляющей психики. Впервые, я столь ощутимо и наяву встречала боль такого масштаба. И *это* противостояние началось. Снова невидимая сила выдержала меня из круговорота событий и поставила в стороне наблюдать за происходящим. И со стороны, как простой зритель, я наблюдала за противостоянием своего внутреннего «я» с чувственно-эмоциональной составляющей собственной психики. Я своими глазами, фрагмент за фрагментом, отслеживала, как основа моего внутри крошится и ломается под воздействием более древних, природных сил, как моя индивидуальность разрушается коварным сплетением чувств и эмоций. Это было страшное, истощающее и незабываемое противоборство: с одной стороны, на первый взгляд, хрупкая, стержнеподобная структура я-мировоззрения, с другой стороны, бушующий поток чувств и эмоций, который реальными картинами прошлого наваливался на я-мировоззрение, обхватывал его со всех сторон, давил, рвал, пытался смести и разрушить.

Я понимала, что речь идет о моем будущем: если я не выстою в этом противостоянии, если боль сломает, разрушит, то в лучшем случае жить мне все оставшиеся годы на коленях, с полуразрушенным внутренним «я», со сломанной психикой. В таком случае, лучше смерть - *не по мне жить раздавленной и сломленной*. Если же устою, отстою свое право на целостность, то, возможно, и появится у меня будущее, удастся преодолеть разъедающую силу тоски, вдохнуть в я-тело жизнь, и за оставшиеся годы присутствия в бытии внести свою лепту в совершенство цивилизации.

Но в сложившейся ситуации я ничем не могла помочь своему внутреннему «я», потому что была полностью изолирована от этого неравного противостояния и только наблюдала со стороны, с волнением и обреченностью ожидая своей участи. Это страшно, действительно страшно пассивно наблюдать за тем, как решается твоя судьба, причем, на глазах, во всей очевидности. Я видела какие нечеловеческие нагрузки испытывала моя внутренняя система взглядов: ведь чувства и эмоции, навалившиеся на нее были не просто

грубой физической силой, это был поток реальных, живых событий, который в принципе и составлял основу самого я-мировоззрения. Это были реальные фрагменты моей прошлой жизни, причем фрагменты не худшие, а лучшие, наиболее радостные и счастливые, словно отобранные, сортированные чьей-то заботливой рукой. Мою внутреннюю систему взглядов окружила не просто сила, а фрагменты самого я-мировоззрения, его составляющие, на которые, как правило, оно распадается в падении в ничто. И этот навалившийся поток реальных событий моей прошлой жизни призывал я-мировоззрение не просто сломаться или подчиниться – все было гораздо сложнее - *он призывал к соучастию в этих реальных событиях*. Он пробуждал в я-мировоззрении такие же самые события и пробужденную информацию пытался объединить со своей. Он призывал мое мировоззрение к *соучастию* в реальных событиях, к взаимопониманию, взаимосогласию, к *существованию*. Он призывал к моей совести, пытался пробудить во мне милосердие, жалость, участие, потому что, то, что я видела, это было лучшее из моей жизни. Из глубин подсознания, такие близкие и родные лица Димы и Андрюшки манили меня за собой, влекли к себе, звали в свой мир. Они проходили мимо меня и через меня, каждым фрагментом моей жизни соприкасаясь с моим внутренним «я», увлекая за собой, призывая следовать за ними. Их ласковые прикосновения, теплота тел, пьянящий родной запах волос, были настолько ощутимыми и действенными, что пробуждали во мне реальные картины прошлого, виртуальные образы неотличимые от реальных.

И мое сердце разрывалось от боли и тоски. Чья-то безжалостная рука то сжимала его, раздавливая, то, видимо не удовлетворившись силой моего страдания, наотмашь бросала об асфальт, пытаясь ударами причинить еще большую боль, вызвать еще более сильные страдания.

Навалившийся на мое внутреннее «я» чувственно-эмоциональный поток пытался как можно прочнее переплестись с пробужденной в я-мировоззрении информацией, срастись с ней, чтобы при первой же возможности, наверняка вырвать ее из системы, разрушить состояние целостности и монолитности я-мировоззрения и превратить его в такой же поток непрерывно движущихся разобщенных фрагментов. И что можно было противопоставить этому живому

потоку лучших событий моей жизни? Как можно было отвергать столь близкие и родные мне образы мужа и сына?

Вот Андрюшка счастливо сосущий мою грудь – и ощущение целостности с ним, объединение единым природным материнским инстинктом меня накрыло, придавило и одновременно вдохновило. В этот момент мы были с ним единым организмом, до краев заполненным счастьем и жизнью – мы действительно жили! Но это целостное ощущение единства и жизни взорвало в я-мировоззрении определенные зоны нейронных объединений памяти, извлекло типичную информацию, обнажило и присоединило к себе. События стали восприниматься в еще более реальном свете – это уже были не просто образы и ощущения, это была моя настоящая жизнь! Я словно вернулась в тот период времени и сама присутствовала там! Да-да, находясь на больничной койке в беспомощном состоянии растения, я реально присутствовала в своем далеком прошлом, и меня это, с одной стороны, возрождало, наполняло чувствами и эмоциями, связью с жизнью, но, с другой стороны, я понимала невозможность такого присутствия, нереальность происходящего, потому что *я это уже проживала, это уже случилось со мной ранее*, а сейчас Андрюшки уже нет – он мертв.

Но последняя мысль не могла закрепиться: она отскакивала, ускользала от меня, поток чувств не хотел с нею мириться, соглашаться. То первое желание оставаться пусть в нереальном мире, но счастливом, наполненном жизнью и энергией, начало преобладать, заглушать состояние объективной реальности. Я-мировоззрение часть за частью разъединялось, расслаивалось, становясь все тоньше, слабее, *обнаженнее* перед силою потока. Его монолитная информационная основа раскалывалась, крошилась, не в силах отличить реальные события от виртуальных, и с каждым мгновением все меньше оставалось шансов на возрождение, на обретение единства и целостности. Как только тот или иной фрагмент чувственно-эмоционального потока находил отзвук, соучастие в я-мировоззрении, он переплетался с ним, прочно объединялся и мгновенно с корнями вырывал его, тут же исчезая в небытии. А я-мировоззрение становилось еще более беспомощным, незащищенным, хрупким и растерявшимся, перед этим неравным и нечестным противостоянием.

А вот снова Андрюшка в модных штанишках и красивой яркой рубашке пытающийся на свою первую годовщину уверенно пройтись по комнате – и ревущая от возбуждения, подвыпившая компания близких и родных мне людей. Он прошел, и я как мама, была переполнена гордостью за своего сына, потому что именно он это сделал, мой сын! И это чувство материнской гордости было тоже настолько реально, присутствие в прошлом было столь очевидным, что еще один кусок целостного я-мировоззрения откололся и унесся в глубины ничто.

Со стороны я видела, что мое я-мировоззрение медленно погибает, склоняясь в сторону присутствия в небытии, при этом не потому, что ему было там комфортно и лучше, а потому что оно перестало различать события виртуальные и реальные. Оно перестало воспринимать ход реальных событий, потому что почти полностью было вовлечено в чужую игру – в мир виртуального существования. Мир небытия словно вошел в мое бытие и смешал прошлое с настоящим, реальное с фантазиями, прожитое с надуманным. Я уже не могла отличить события идущие из глубин небытия от событий привязывающих меня к бытию. Присутствуя в бытии, я наблюдала события, которые не могли в нем происходить, потому что явно принадлежали небытию – только в небытии я встречала такие ускользающие и незакрепляемые образы и столь глубокую, иносказательную содержательность. Но я не была в небытии, потому что чувствовала свою привязанность к бытию хотя бы в том, что могла наблюдать и оценивать факт своего наблюдения. В небытии осуществлялось просто обозрение, в котором я не могла видеть себя со стороны и давать оценку собственному присутствию, потому что в небытии я-мировоззрение эти действия не могло осуществлять в принципе, так как было лишено активности я-сознания и сковано, до минимума ограничено в своих действиях.

Ускользающее и неуловимое понимание происходящих событий извращало сам факт присутствия, делая его неопределенным и зыбким. Я точно присутствовала, но где, в каком мире: бытия или небытия? Это непонимание, потеря точек отчета, смешение критериев оценки привело к какой-то внутренней перегрузке – *сумасшествию*. Видимо, что-то надломилось в моей психике, что-то отключилось или, наоборот, включилось как самосохранение, потому

что, когда критерии оценки присутствия в бытии и небытии перемешались окончательно, и разобраться в них стало невозможно, изменилось течение событий, поменялся ракурс обозрения и содержание происходящего. Если раньше я могла с точностью установить присутствие собственного «я» в бытии или в небытии, то сейчас граница между бытием и небытием не просто стерлась – эти два мира словно объединились и открыли свои просторы для обозрения и существования. Если до не давнего времени моя я-психика могла анализировать себя и свою структуру только присутствуя в бытии, в состоянии бодрствования и целостности, и в этом случае я понимала, что я живу, присутствую для себя и для других, то сейчас я обозревала события, которые к бытию никакого отношения не имели. *Передо мной открылась способность обозревать небытие: его глубины и масштабы!*

Я не просто перестала ощущать переходы из небытия в бытие и обратно, я их не замечала, потому что основа моей я-психики – я-мировоззрение, оставалось целостным и нетронутым как в бытии, так и в небытии. Мое внутреннее состояние словно законсервировали, вывели в константу, потому что я перестала испытывать, что положительные, что отрицательные эмоции как в бытии, так и в небытии. Внутри моей психики словно что-то отмерло, отключилось – как и я-тело, моя психика стала безучастна и невосприимчива к происходящим событиям. Словно околдованная или замороженная она потеряла способность к эмоциям и чувствам, но взамен получила возможность обозревать небытие, присутствовать там, где способность что-либо ощущать и эмоционально реагировать обернулась бы для нее крахом: *невозможно ощутить безмерность, глубину и масштаб небытия*. Ощущение столь грандиозного и великого не просто бы подавило и притупило внутреннее содержание я-психики, а, наверное, уничтожило и раздавило всю ее внутреннюю структуру. Одно дело воспринимать падение в ничто и соприкосновение со смертью разорванными фрагментами я-мировоззрения, совершенно другое воспринимать *первозданность существования* девственно хрупкой и совершенно для этого не предназначенной структурой целостного я-мировоззрения.

Мне впервые открылось обозрение небытия - здесь все было ново: масштабно, глубоко и солидно. Я впервые отчетливо, словно

наяву, начала различать события, которые происходили в основе человеческого существования. Причем, я видела их не фрагментами своего разорванного я-мировоззрения, а пусть потрепанным, истончавшимся, но целостным внутренним «я». Открывшиеся глубины представляли собой настолько фантастическое зрелище, что я забыла о своем земном несчастье, о свалившемся горе и о глупых сомнениях – возвращаться или не возвращаться в бытие. Я с жадностью начала обозревать открывшееся течение небытия, поток первозданного и определяющего...

Глава 5. Сумасшествие, как возможность обозревать небытие

На границе соприкосновения со смертью, в мгновении от полного погружения в ничто, я вдруг открыла в себе возможность обозревать небытие. Точнее, эти возможности открылись сами. Как предохранительный клапан спасает газовый котел от переизбытка внутренней энергии и соответственно от взрыва, так и для моей психики открывшаяся возможность обозревать небытие, явилась своеобразным спасением от полного уничтожения внутренней структуры масштабами открывшегося величия. Без открывшихся возможностей обозревать небытие, впитывать его в себя целиком, без различения деталей, о возвращении я-психики из небытия и сохранении целостности я-мировоззрения не могло идти и речи. Ни одна я-психика, даже с самым совершенным и устойчивым я-мировоззрением не в состоянии вынести *понимание обозрения* первожданного – современная структура я-мировоззрения слишком хрупка и ничтожна для восприятия и запечатления столь грандиозного и великого.

Впервые, наглухо закрытый для здравствующих мир первожданного существования, открылся мне во всем своем величии и неповторимости, и вошел в меня. Это уже были не призраки, тени, полуобразы, которые я наблюдала в падении в ничто – это было обозрение реального течения фундаментального, видение первоосновы. И обозреваемое зрелище впечатляло.

В открывшемся моему взору небытию не было событий, отдельно различимых фрагментов. Незаметно и безболезненно преодолев Рубикон между бытием и небытием, я попала в мир, в котором события перестают различаться. Обозрение существования фундаментального – это не привычный мир человеческого существования, состоя-

щий из множества узнаваемых фрагментов-событий, которые при желании можно вспомнить, воспроизвести, высветлить. В небытии «Я», как конкретное индивидуальное существование, моментально растворяется и переходит в состояние «мы», подгоняется под структуру небытия и, теряя индивидуальность и самостоятельность, вливается в поток *человеческого*, общего и единого, целостного и невыделяемого. «Я» становится всем: объемным, масштабным, всечеловеческим, и в этой новой ипостаси продолжает существовать, быть. В нем сохраняется присутствие в себе и для себя, а вместо утраченного присутствия для других в небытии оно обретает эксклюзивное право присутствовать во имя единого, целого и фундаментального – *присутствовать для Другого*.

Присутствие для Другого – это присутствие в первозданном как человеческое существование и для человеческого существования. *Другое* – это состояние *выходящее* из небытия и *образующее* основу бытия. Это как раз та узкая граница, которая разделяет жизнь и смерть, которая включает в себя характеристики бытия и небытия. Присутствие для Другого отличалось от присутствия для других масштабом и глубиной своего присутствия, непосредственной связью с существованием первозданного и определяющего. Присутствие для других было следствием присутствия для Другого, потому что присутствие для Другого – это необходимость существования «как» и «для» человеческого существования, т.е. формирование и развитие предчеловеческого и ранечеловеческого существования, а присутствие для других – это воплощение присутствия для Другого в бытии, в повседневной активности, т.е. это уже непосредственно история человеческого.

Присутствие для Другого раскрывает себя только в небытии, когда открывается понимание глубин существования мира, когда обнаруживается, что даже целое, фундаментальное, первозданное, присутствует в мире не как данность, а как *необходимость*: необходимость присутствия и необходимость доказывать свое право на присутствие в структуре Мироздания. Присутствие для Другого – это не только свойство человеческого существования. Ни одна материальная организация не присутствует в мире как данность, – в этом плане законы природы универсальны и не имеют исключений. По подобию косной и живой материи, разумная материя вынужде-

на постоянно доказывать право на свое присутствие в структуре Мироздания, право на *свое существование* в существовании мира. Присутствие для Другого – это внутренняя сила и направленность любого состояния материи, заложенная в момент появления мира, образования его структуры. Поэтому, любое состояние материи образующееся в ходе эволюции мира, с одной стороны, обусловлено силой присутствия для Другого, с другой стороны, эту силу в себя включает и благодаря ей эволюционирует. Без возможности присутствия для Другого, любое из трех известных современной науке состояний материи не присутствовало бы в современной структуре Мироздания. Современная структура и функциональная активность мира обусловлена predetermined направленностью присутствия для Другого.

В небытии нет противостояния между я-мировоззрением, как структурой я-сознания и, например, чувственно-эмоциональной составляющей психики. Это противостояние – гладь моря, которая бывает то спокойной, то опасно волнующейся. За противостоянием я-подсознания и я-сознания стоят другие процессы, более фундаментальные и первичные. И вот именно они составляют основу мира небытия, именно они мне открылись для восприятия и обозрения. Я видела *существование небытия!*

Как образ, сразу промелькнул вопрос: «Разве небытие может существовать?». И тут же нашелся образ-ответ, который совершенно не был связан с мыслительной деятельностью, с работой сознания. Он сам высветлился, предстал в готовом виде. Его оставалось только обозреть и запечатлеть целиком, главное суметь охватить, оттенить аспекты и унести...

Небытие существует – образ-ответ предстал как категоричность, как данность, и все дальнейшее падение я обозревала этот ответ, потому что меня это успокаивало, укачивало, отвлекало от тревоги. Небытие существует, причем не в абстрактных, надуманных образах, типа рая, ада, апокалипсиса и тому подобное, а оно существует в масштабах существования мира. Небытие – это то, где заканчивается активность психики, где я-мировоззрение теряется как целостная и активная организация. Смерть я-мировоззрения, гибель я-психики – это не конец *существования*. Да, это конец *человеческого* существования, но не *существования*

мира. Так вот, небытие – это стирание всех признаков человеческого присутствия в мире и существование более фундаментального, первичного; это существование того, на чем зиждется человеческое существование, что ему предшествовало.

Падение в ничто – это возвращение назад, к первоистокам человеческого бытия, когда наши предки существовали без целостного я-мировоззрения, без психики как «психики *O*», без сознания. Оказывается, соприкасаясь со смертью, мы возвращаемся к тому, с чего началась человеческая история, к корням организации присутствия человека в масштабах планеты Земля. Причем речь не идет о начале нас, людей, как биологических организмов, мы говорим о возвращении к истинным истокам человеческого бытия, к тому *существованию*, которое послужило основой формированию и развития разума, а еще точнее – я-психики. Падение в ничто – это возвращение к основам присутствия человека в существовании мира, углубление в присутствие уже не столько человеческого, сколько в присутствие в Мироздании третьего состояния материи – разумной материи, в котором присутствие человека – лишь аспект присутствия разумной материи для Другого. Низвергаясь в глубины ничто, я-психика теряет один из своих важнейших аспектов – присутствие для других, но, одновременно, на границе между бытием и небытием, жизни и смерти, она соприкасается с фундаментальной и направляющей силой своего присутствия в мире – присутствием для Другого.

По этой причине, соприкосновение со смертью, сама смерть, понятие «ничто» - это все есть, это все *существует* и присутствует в мире, но существует в состоянии, которое для я-психики в лучшем случае - трудно постижимо, в худшем – непостижимо вообще, потому что любое постижение – это непосредственное обращение к постигаемому. А в данном случае обращение к ничто, непосредственное соприкосновение со смертью вплотную граничит со страхом невозвращения, потому что обратившись вглубь себя, к еще более фундаментальному, чем само человеческое существование, психика рискует потерять ориентиры, утратить присутствие в себе и для себя, распасться до уровня, предшествующего современному уровню ее развития. Это равносильно обращению к основам своей истории – не истории развития общества как организма, как сово-

купности тел и предметов повседневной необходимости – техносферы, а к истории формирования и развития нейронов, нейронных комплексов и межнейронных связей. Это обозрение своих нейрофизиологических корней, своего дна как функциональной единицы разумной материи. Но за всеми этими процессами стоят миллионы лет развития только в масштабах Земли, которые превращают глубину – в бездну, а обозрение нейрофизиологических корней – в падение в ничто. Поэтому падение или обращение к ничто – это возвращение на многие миллионы лет назад в эволюцию центральной нервной системы, это обозрение того, что предшествовало человеческому и что превратило обезьян – представителей высших животных в Человека Прimitивного, что легло в основу мозга наших далеких предков и сделало их тем, что в последствии эволюционировало в нас, в Homo Sapiens. Падение в ничто – это возвращение к истокам эволюционирующего мозга.

И ведь на этом глубина обозрения корней не заканчивается: достигнув дна *человеческого* существования, обозрев корни *своего* присутствия в мире, можно проникнуть еще глубже, открыть новые пространства небытия – *присутствие в мире живой материи*, того, что предшествовало присутствию разумной материи. Счет возвращения назад в прошлое, пойдет уже на миллиарды лет, потому что даже в масштабах Земли, живая материя возникла несколько миллиардов лет назад! Пространство присутствия живой материи не менее глубоко и масштабно, чем присутствие разумной материи – это уже не масштабы эволюции нейронов, нейронных организаций и межнейронных связей. Это более объемный масштаб эволюции молекул и генов, это эволюция клеток и клеточных организаций, это все то, на чем стало возможным зарождение нейрона. Пространство живой материи тоже образует небытие для всего человеческого, потому что в нем существует все то, что предшествовало не только организации присутствия я-психики, но и человеческому, как биологическому, в целом. Существование живой материи – это организация движения как функции, это организация молекулярных и макромолекулярных соединений, которые предшествовали появлению клетки. Существование живой материи – это еще доклеточная эволюция вещества и поля, пиком которой явилась возможность организации в мире, в созданной сфере присутствия жи-

вой материи (биосфере) многоклеточных организмов. Пространство присутствия живой материи – это доклеточное, клеточное и многоклеточное существование в мире, это появление первых нейронов и их робкие попытки объединиться в единую систему.

Но и присутствие живой материи в существовании мира – это тоже еще не дно существования. Можно окунуться еще глубже, в еще более древнее пространство небытия – в мир организации косной материи, в котором не было места даже жизни. Здесь пространства и формы присутствия еще более впечатляющие и время существования измеряется десятком миллиардов лет! Здесь нет еще даже Земли и Солнечной системы, как материальных организаций; здесь еще нет возможности организовать молекулярные соединения, потому что последние образуются в условиях отдельных материальных объектов. Косная материя – это пространство присутствия вещества и поля, это основа того, что современная наука обозначила понятием «материя». Именно там, в первозданной глубине, в пространстве присутствия косной организации только начинает формироваться материя – дискретно-континуальная среда, ставшая, как сейчас считается, первоосновой современной структуры мира. Эволюция косной материи – это эволюция Вселенной, существования мира, который предстоит эволюционирующему разуму. Современный разум Земли не в состоянии охватить глубины столь древних событий, поэтому строит гипотезы, вынужден фантазировать, прибегать к догадкам. Что там происходит на самом деле – человечеству пока неизвестно, но уже приблизительно удалось обозначить границы присутствия косной материи. Как считается, пространство присутствия косной материи начинается от формирования космического вакуума, который современный разум пока не в состоянии охватить, до формирования атомарной структуры вещества и организации четырех фундаментальных взаимодействий: сильного, слабого, гравитационного и электромагнитного. Это пространство настолько обширно и глубоко, что неизвестно, удастся ли когда-либо его обозреть, потому что познание Вселенной – это разложение существования мира до основания, до наготы. А в настоящий момент, слишком скромны возможности япсихики, чтобы не только обозреть и унести высветленное, но и еще разложить открывшееся на фрагменты, раскрыть их содержа-

ние и составить полную картину существования как отдельных фрагментов, так и существование их множества. Ведь уже сейчас обнаружено, что структура и функции фрагментов существования, как правило, не совпадают со структурой и функциями их множеств. Интегрируясь, фрагменты существования начинают выполнять функции, которые порой даже не соответствуют их структуре!

Как это все понять? Как это хотя бы обозреть? Как, окунувшись столь глубоко, обзрев первоосновы существования трех известных современной науке состояний материи, и практически обзрев современную структуру Мироздания, вернуться назад, в текущее существование? Ведь нужно из этих глубин суметь выбраться наружу, найти выход к присутствию в себе и для себя, а потом еще, чтобы донести увиденное до окружающих, нужно суметь организовать присутствие для других такого качества, чтобы другие обратили на тебя внимание и *поверили* тебе. Ведь важно не просто знать, а донести свои знания до окружающих, суметь воплотить присутствие в себе в таком образе, который своим авторитетом заставит знания о небытии работать, проникать в окружающие я-психики, формировать в них я-мировоззрения с учетом новых реалий и возможностей. Быть услышанным в бытии, возможно, не менее трудно, чем проникнуть в небытие, обзреть его, и возвратиться с этим обозрением назад в бытие.

Таким образом, небытие присутствует в человеческом существовании в образе *первоосновы бытия человека*, присутствия для Другого, ведь человеческое существование не первично, оно на чем-то организовывалось, строилось. Человечество не возникло ни откуда, оно образовалось закономерно, в ходе предшествующей направленной эволюции, и поэтому имеет свои корни и свою предысторию. Так вот основа человеческого бытия, то, на чем бытие организуется, и есть существование небытия, но небытия только для всего человеческого. Гибель человеческого не означает гибели первоосновы – она продолжает существовать и порождать новое человеческое, более качественное, стремящееся к большему совершенству. Существование первоосновы гарантирует присутствие человеческого, предопределяет его бытие. Ее эволюционное пред-

назначение как раз и заключается в том, чтобы при любых условиях создавать человеческое, организовывать его присутствие в мире. В этом заключается ее присутствие для Другого.

Раз возникнув, человеческое начало будет постоянно формироваться и развиваться. Это нескончаемый процесс, который будет продолжаться до тех пор, пока существует первооснова рождающая человеческое. Оказывается, человеческое было, есть и будет, не столько по своей воле и по своему желанию, сколько по воле того, что мы называем *существование небытия*, присутствие небытия для Другого, для человеческого. Поэтому небытие, на самом деле является причиной бытия человека, оно создано для нас и для организации нашего повседневного существования. *Небытие лежит в основе человеческого бытия*, поэтому его существование является первопричиной и гарантом присутствия человека в мире.

Получается, что смерть – это не конец, это начало человеческого существования, с которого, в принципе, и началась человеческая история. Умиравшие, *забранные из бытия* – это люди, возвращающиеся к истокам человеческого существования для того, чтобы в небытии раствориться, исчезнуть, а потом вновь возродиться, вернуться в бытие, возможно, в новом теле, возможно, с новым я-мировоззрением. Смерть – это не исчезновение человеческого, а присутствие для Другого первоосновы, которая одних забирает из бытия, а других возрождает к бытию. Получается, что смерть – это перезагрузка, преобразование человека, возвращение в бытие я-психики с новой основой и в новом я-теле.

Умиравшие, помеченные смертью – это, главным образом, люди, исчерпавшие свой потенциал, ставшие обузой, лишними в существовании человеческого. Первооснова, по всей видимости, не может обеспечить существование *всего человечества*, всех рожденных и получивших право на существование. Она имеет свой количественный предел, в границах которого и возможно существование человечества. Поэтому, *человеческое существование – это постоянное восхождение к бытию и низвержение к смерти*: одни рождаются и совершенствуют бытие, другие, сделав свое дело, возвращаются в небытие, для того, чтобы уступить место следующим творцам, *преобразоваться* в новую форму и возродиться, вернуться в бытие. Низвержение к смерти – это своеобразная перезагрузка,

возможность увидеть бытие из небытия, раскрыть для себя истинное существование, и вернуться назад в бытие с новым видением мира и с новым, более мощным потенциалом психики, жаждущим масштабной реализации в повседневном существовании.

И находясь в небытии, я наблюдала это восхождение к бытию и низвержение к смерти. Это незабываемое зрелище, которое реально нельзя было бы вынести без притупления эмоций и ощущений. Я стояла у его истоков и с немым восхищением обозревала происходящее – как одни восходили в мощном потоке в бытие, а другие низвергались к смерти – в небытие. И столько во всем этом зрелище было эмоций и чувств, столько положительной и отрицательной энергии, что оно испепеляло все вокруг, выжигало, уничтожало. Но мое притупленное восприятие меня спасало – я все это видела, обозревала, но не могла сопереживать и соучаствовать, поэтому происходящее меня не задевало – оно воздействовало только на восприимчивых. Людские боль, радость, счастье, беда, слезы, смех, как в мясорубке перемалывались в этом водовороте и фаршем представлялись наблюдателю. И в этом фарше нельзя было выделить что-то положительное и зарядиться им, впитать в себя, пресытиться; нельзя было отобрать и отрицательное – отгородиться от него, изолировать и отставить. В обозреваемом зрелище восхождения к бытию и низвержения к смерти все представало целостным и неделимым – картина охватывалась только целиком, без возможности уточнения деталей. И это было ново и необычно. Невозможно было в нее всмотреться и что-либо выделить, оттенить – все представало в равных частях, без акцентов и тональностей. Все было впечатляющим и грандиозным, все поражало воображение и расширяло пределы фантазии.

В восхождении к бытию и в низвержении к смерти заключается сущность человеческого существования, его присутствие для Другого. Человечество вынуждено бороться за право существовать в более масштабном, первичном существовании, причем не только существовать, но и совершенствоваться, потому что его первооснова – первичное существование – постоянно совершенствуется. *Человеческое существование – это постоянная борьба за право быть*, поэтому низвержение к смерти – это *необходимость* человеческого существования, это отсеив слабых, удаление пустых и мало-

содержательных, выбраковка пассивных и неверующих. В низвержение отправляются все, кто мешает совершенству, кто тормозит развитие. Причем критерии отсева, постоянно изменяются, ужесточаются, поэтому часто в низвержение попадают, на первый взгляд достойные, но возможно, уже не подходящие для будущего существования. Низвержение к смерти – это гильотина, под которую попадают все уставшие и обессиленные, заблуждающиеся и неверующие, ленивые и с патологиями, празднующие и беззаботные. Но зато вместо них, а возможно и на их основе, к бытию восходят сильные, жаждущие побед и преобразований, соприкоснувшиеся с небытием и желающие сблизить небытие с бытием, целеустремленные и активные, более развитые и разносторонние. В бытие восходят бойцы, преобразующие бытие, доводящие человеческое существование до нового уровня совершенства, способствующие укреплению его присутствия в структуре Мироздания. Восхождение к бытию – это и есть эволюция разумной материи в масштабах Земли, это и есть развитие цивилизации и совершенство сферы присутствия разума в масштабах Земли - ноосферы.

Поэтому факт существования небытия – это очевидность, и еще большая очевидность – то, что небытие познаваемо. Главное научится обращаться к нему и обозреть. Причем, в обозрении важно унести увиденное: оно слишком масштабно и емко, поэтому психика не всегда его может идентифицировать, переработать, вместить в образ я-мировоззрения. Ноша слишком тяжела и опасна – своей тяжестью и эмоциональной перенасыщенностью, она может раздавить конструкцию я-мировоззрения и похоронить его целостность. Человек, обозревший небытие может радикально измениться и стать на себя не похожим. Это состояние люди называют *сумасшествием*, и возможно оно таковым и является, потому что обозревший небытие становится не таким как все – он научается зреть в корень. А ведь одно дело видеть гладь и жить в этой глади, а другое дело видеть глубину, и из глубины смотреть на существование глади. Поэтому сумасшествие – это ни что иное, как взгляд из глубины на поверхность существования, на глянec, это взгляд из небытия на бытие.

Небытие не просто существует – раз открывшись, оно все ближе и ближе подпускает избранного к своему кладезю мудрости.

Оно втягивает в себя, позволяет присутствовать в себе, обзреть. И это присутствие настолько притягательно и интересно, что избранный все меньше испытывает желание возвращаться на поверхность – он привыкает жить в глубине и питаться неисчерпаемой мощью первоосновы – присутствием для Другого. Он настолько увлекается новым уровнем собственного присутствия в мире, масштабами открывшихся возможностей, что совершенно не замечает того, что существование в фундаментальном и первичном возможно только на уровне психики, а тело то, по-прежнему присутствует на поверхности, в мире реальных событий. И получается, что в существовании глади, поверхности, в повседневном бытии, ушедший в небытие воспринимается неадекватно, потому что большинство присутствующих в бытии, не подозревают о возможности полноценного существования в глубине. Большинству небытие не открывается, а низвержение в глубины подсознания, соприкосновение со смертью, для них происходит безвозвратно, с билетом в один конец. Повседневное бытие – это поверхность, это, главным образом, существование я-тел и простейших я-психик. А психику, которая смогла обзреть небытие, которая вернулась после соприкосновения со смертью в бытие и продолжает присутствовать в себе и для других, простейшей назвать никак нельзя. Вот и получается, что для нее бытие, как среда присутствия для других – чужая и неестественная.

Раскрывшее свое содержание небытие убивает в человеке человеческое в современном понимании этого слова. Речь идет о резком контрасте психики массы и психики избранного, обзревшего небытие. Их тела похожи, условия в которых они существуют, тоже типичны, но вот восприятие мира, понимание поверхности, глади – у них радикально несовместимо. То, что представляет ценность для многих, для избранных просто вещь; то, что составляет основу целенаправленной деятельности большинства, для избранных – суэта; то, что для многих является смыслом жизни, для избранных – глупость; а то, что для избранных представляется как истинное существование, для массы – сумасшествие. Именно поэтому, избранные, для которых небытие раскрыло свое существование – это уже не люди, это сумасшедшие, которые начинают жить по новым правилам морали и нравственности, поведение которых со-

вершенно не вписывается в рамки повседневного бытия. Они изгой в современном обществе, они его раковые клетки. Но в отличие от славящих смерть, которые проповедуют разрушение бытия, избранные наоборот, всеми силами пытаются стимулировать прогресс бытия, направить свои скромные энергетические возможности на совершенство бытия, на достижение им более высоких ступеней качества организации.

Выходит, что я сумасшедшая? Если я вижу то, что не видят окружающие, если передо мной раскрывается то, что не открывается большинству, значить я уже не большинство, значить я и есть та избранная, которая белой вороной будет выглядеть в повседневном существовании?

Но зачем мне становиться избранной? Ради жизни, возможности участвовать в повседневной суете? Но зачем мне это все *одной*? Повседневное существование представляет смысл только тогда, когда приходится бороться не столько за себя, сколько за свою семью, за ее благополучие и светлое будущее. Ты возводишь замок своей хрустальной мечты и в повседневной толкотне отстаиваешь незыблемость границ этого замка. А если нет этого замка, если ты не видишь перспектив своего присутствия в бытии, то в этом случае повседневность превращается в постоянный стресс, который не заводит, не озлобляет и не толкает с еще большим ожесточением на преодоление постоянно возникающих проблем, а все больше гнетет, ломает и разрушает. Каждый день как молоток вбивает тебя в смерть, и ты не радуешься новому дню, не встречаешь его с улыбкой и надеждой, а чувствуешь себя ржавым гвоздем, который не только медленно и болезненно входит в небытие, но и еще в любой момент может согнуться и сломаться, не выдержав ударов судьбы.

Зачем мне жить? – этот вопрос словно пробудил меня и я вдруг осознала, что уже вернулась, что я уже здесь, в бытии. Но понимание возвращения из небытия не радовало. Я окончательно перестала замечать переходы из одного мира в другой: оба мира слились для меня в единое существование и понимание этого, тоже не радовало. Если еще совсем недавно я боялась низвержения в подсознание, боялась невозвращения из небытия и цеплялась за

жизнь всеми оставшимися силами, то сейчас все происходящее я воспринимала как очевидность, данность.

И это не напоминало обреченность – это было элементарное нежелание бороться за свое бытие. Зачем оно мне? Для того, чтобы каждый новый день напоминал мне о случившейся аварии, и я терзалась от понимания несправедливости произошедшего? Или для того, чтобы жить прошлым, иссушать себя перед фотографиями погибших мужа и сына? Конец один и тот же – смерть, так зачем тянуть время: мучить себя и близких? Если есть возможность умереть сейчас, то лучше это сделать не откладывая, и все произойдет уместно, вовремя. Событие приобретет полное логическое завершение – гибель семьи в автокатастрофе. А если муж и сын погибли, а я останусь и умру на год-два позднее, то это уже не та тональность, не тот надрыв событий.

Вернувшееся сознание вдруг начало выдавать мне картины моего существования в случае если я вернусь к полноценной жизни. Неожиданно, я увидела себя со стороны, бодро шагающей по Хрещатику – центральному проспекту Киева. Наиболее отчетливо во всех этих картинках выделялись глаза мужчин впивающиеся в меня, жадно раздевающие и отмечающие каждую деталь моего обнаженного тела. И эти пламенные взгляды, похотливые, животные желания, их грязные мыслишки, почему-то не унижали меня, а наоборот окрыляли, заряжали, и я уже не шла, а летела над Хрещатиком, над Киевом, над Украиной. Это было так здорово, так пленительно, что даже неуместность и пошлость подобных картин не вызвала тревоги, не отрезвила и не остепенила. Я словно сошла с ума – я наслаждалась их взглядами и питалась их желаниями – и я снова очень хотела жить.

Но это сумасшествие! Сознание словно издевалось надо мной, испытывало на прочность. Вместо Хрещатику и раздевающих взглядов мужчин я вдруг отчетливо увидела мертвые глаза мужа, а потом сразу, без перерыва – стекающую изо рта мертвого сына тонкую струйку кровавой слюны. И контраст между событиями был столь разителен, стыд за желание жить и за пошлость увиденных картин был настолько впечатляющ, что я, наверное, снова провалилась в беспамятство. Во всяком случае, то, что я видела – присутствием в бытии не назовешь.

А видела я контрасты: жизнь и смерть в их противоборстве. Я видела все ту же борьбу моего я-мировоззрения с чувственно-эмоциональной составляющей своей психики, только эта борьба представлялась как противостояние жизни и смерти, где жизнь – это целостное и активное я-мировоззрение, а смерть – это психика с разрушенным основанием, с властвующими в ней эмоциями. Жизнь – это мое будущее: насыщенное желанием, потребностями, целями, общением, развлечениями. А смерть – тоже мое будущее, только представленное в иных красках: слезы матери, обрывочные воспоминания родных и друзей, тосты за память обо мне и созданной мной семье, и, наверное, все. Как будущее, жизнь и смерть отличались одним – энергетикой: жизнь как состояние, была энергетически заряжена, а смерть – обреченной и пассивной. Но что мне давала эта разница? Зачем люди цепляются за жизнь? Ради продления удовольствия быть, присутствовать в бытии? Но разве стоят переживания, стрессы, слезы того, что мы называем жизнью? Разве это равнозначная плата за простое присутствие в бытии, нахождение среди здравствующих и празднующих? Ведь смерть – это тоже присутствие, причем более глубокое и фундаментальное. Своей смертью мы не только начинаем существовать в фундаментальном и определяющем, мы автоматически входим в число тех, на основе которых *возможно человеческое существование в принципе!* Смерть возносит нас в ранг избранных, потому что существование в фундаментальном укрепляет присутствие человеческого в мире. Жертвуя собой, мы совершаем подвиг, потому что не только освобождаем место для более совершенных структур разумной материи, а своей смертью укрепляем основу бытия человека, сферы его присутствия (ноосферы). Это напоминает подвиг людей, которые во время войны жертвуют своими жизнями во имя будущего своей Родины. Они сознательно уходят из жизни, тем самым, укрепляя и облегчая жизнь своих детей и поколений, которых еще нет. Они жертвуют собой во имя будущего, поэтому мы причисляем их к героям.

Если трезво оценить мое теперешнее положение, то, что реального я могу предложить бытию своим присутствием? Ничего. Абсолютный ноль. Возможно, поэтому мне лучше остаться героем в глазах близких и родных, а это значить, умереть, уйти следом за

мужем и сыном. Мое выздоровление и дальнейшая жизнь этот героизм размоет и обесценит, потому что, уверена, меня изменившуюся мало кто поймет и примет. Соприкосновение со смертью, низвержение в ничто и обозрение небытия, радикально изменят мое возродившееся внутреннее «я»: поменяется система взглядов, оценка окружающих людей, происходящих событий, переосмыслятся ценности жизни. Внешне я останусь той же, но вот в моем внутри поменяется многое. И эта перестройка окажется непонятной тем, кто живет только на поверхности, кто не знает о существовании глубины. Они не поймут и не примут новые критерии ценностей вернувшейся из небытия психики, им покажутся дикими и сумасбродными мои суждения и поступки. Все это воспримется ими как сумасшествие и, в лучшем случае, спишется на последствия болезни. Но мне разве *это* нужно?

А вдруг однажды я прочту в глазах уставших от моего сумасшествия близких страшный для себя приговор - лучше бы ты осталась там, в небытии; лучше бы не возвращалась, не травмировала окружающих своим присутствием. И получится, что выигранная борьба за жизнь окажется нужной только мне одной, потому что для окружающих мое присутствие станет обременительным и сомнительным в плане полноценности... Если мое внутреннее «я» после обозрения небытия на сто процентов уверено, что вышло на качественно новый уровень внутреннего совершенства и понимает, что организуемое им бытие – это более совершенная ступень присутствия в мире, что это умение зреть в корень, постигать поверхность из глубины, из первоосновы человеческого существования, то в глазах окружающих оно превратится в неполноценного представителя *их* общества. Для них я предстану неизлечимо больным человеком, а глубина моих суждений воспримется ими как патология после тяжелой утраты. Ожидаемо, что мое присутствие для других этими другими не воспримется и будет отвергнуто, что, безусловно, нанесет непоправимый вред моему присутствию в себе. Не исключено, что не встретив понимания и соучастия, моя психика утратит целостность и перестанет гореть желанием присутствовать для других, потому что *саморазрушится* от нереализованных внутренних потенциалов, которые не найдя выхода уничтожат ее основание - я-мировоззрение. Так зачем тогда с этим жить, зачем

возвращаться? Чтобы мучить себя и близких, чтобы слыть за сумасшедшую и замечать во взглядах собеседников вместо понимания соучастие и жалость? Кому нужна переродившаяся психика в старом теле?

Смерть и жизнь, что приемлемее для человека у которого я-тело практически мертво и уже вплотную соприкоснулось со смертью? Выбрать смерть, но разве правильно оставить незаконченными начатые при жизни проекты? Разве можно смириться, поддаться слабости и уйти в небытие, если в принципе есть возможность вернуться и все завершить, возможно, исправить?

Но, с другой стороны, не является ли желание вернуться к жизни самообманом? Ведь по большому счету, если смотреть на этот вопрос более искренно, то, незавершенное в повседневной жизни в любом случае, так и останется незавершенным, потому что, то, что имело ценность и значимость до соприкосновения со смертью, до обозрения небытия, после возвращения воспримется в совершенно другом свете. Соприкосновение со смертью перекраивает я-мировоззрение и система взглядов, через призму которой человек воспринимает предстоящий мир, в большинстве своем, изменяется до неузнаваемости. Суждения человека приобретают совершенно иные черты, и перед окружающими предстает знакомое тело, но совершенно другой образ, в котором реализуется изменившаяся психика. После обозрения небытия на уровне я-психики перестраивается присутствие в себе и, соответственно, до неузнаваемости изменяется ее образ присутствия для других.

Для окружающих это зрелище равносильно шоку, потому что люди до сих пор не понимают, что человек – это не столько тело, сколько его психика. Поэтому, когда твои знакомые встречают тебя, как знакомое им тело, они считают, что уже идентифицировали человека, что это Светлана Милевская, только немного похудевшая и осунувшаяся после серьезной аварии и свалившейся беды, вызванной гибелью мужа и сына. Для них все становится предельно ясно и понятно, и они, в зависимости от воспитания и ситуации, кто радостно, а кто с участием обращаются к тебе.

Но это все ясно и понятно только пока ты молчишь, не раскрываешь себя как образ присутствия для других, потому что они не понимают, что узнавание *тела* еще не означает узнавание *человека*. Но как только общение приобретает систематический характер, как только ты начинаешь раскрывать свое содержание, они обнаруживают нечто не совместимое с их критериями оценки, а именно, тело действительно принадлежит Светлане Милевской, но вот суждения, система взглядов и мировосприятие говорят о том, что перед ними совершенно другой человек, *не* Светлана Милевская. Их психика становится в тупик: им не понять как такое возможно. Для них всегда узнавание тела связано с идентификацией человека, но в данном случае узнавание тела состоялось, а идентификация человека не установлена: вместо привычного образа они встречают чуждые и порой неприятные для них суждения. И вывод, разрешающий ситуацию и спасающий их внутреннюю систему взглядов от стресса, напрашивается только один – списать все на последствия тяжелой аварии или свалившейся беды. Только в этом случае становится все на свои места, и их психика удовлетворена анализом ситуации. Когда они понимают, что именно твое несчастье сделало тебя сумасшедшей, тогда все разъясняется, и они практически без обиды воспринимают тебя новую, изменившуюся.

Но, безусловно, их оценка не верна и на самом деле все происходит по-другому. Когда во главу критерия оценки человека ставится не тело, а психика, то и идентификация, узнавание предстоящего образа, происходит по характеристикам я-психики, по особенностям сложившейся внутренней системы взглядов. Только в этом случае становится понятным одна из основных причин разводов семейных пар: «несовместимость характеров». На самом деле семьи распадаются не вдруг, а в момент своего формирования, когда молодые люди делают ставку на совместимость тел, а не характеров. «Любовь с первого взгляда» - это настоящий идиотизм, потому что она связана с эмоциями, с совместимостью тел. Людям нравится секс друг с другом, их обоюдно возбуждают тела, но это не значит, что они «подходят» друг другу на уровне психик, и что совместимости я-тел достаточно для формирования семьи.

Семья это более фундаментальная и продолжительная по времени организация – это совместимость системы взглядов, взаи-

моуважение я-психик. Совместимость тел – это временное явление, потому что оно основывается на чувствах и эмоциях. А все, что связано с чувственно-эмоциональной деятельностью – это временно, неустойчиво и случайно. Совместимость тел может длиться годами, месяцами, а может завершиться и через неделю. Все зависит от того, насколько быстро проявят себя я-психики, насколько глубоко они соприкоснутся и покажут свой истинный образ – присутствие в себе и для себя. Я-психика проявляет себя не сразу и не вдруг. Пока житейские обстоятельства благоприятны для существования я-тел, не активируют глубинные потенциалы я-психик, быт налажен, проблемы отсутствуют – истинная основа человеческого существования бодрствует, но не проявляет себя. Все удовлетворены жизнью, тела наслаждаются друг другом. Но стоит обстоятельствам усложниться, стоит только первым трудностям пробудить я-психику, мир взаимоотношений преобразуется. На смену чувственной гармонии тел, радости соприкосновений, эмоционального возбуждения от близости тела партнера приходит конкретика суждений, логичность аргументации, трезвость оценки. И любовь вмиг испаряется, а на ее место приходит кошмарное пробуждение: кто это рядом со мной? Чем сложнее возникшие проблемы, тем большего мы ожидаем от своего партнера, от возможностей его я-психики. И если вдруг эти возможности окажутся заниженными, а это, как правило, и происходит, то глубокое разочарование ждет обе я-психики, потому что одна из них обязательно будет требовать решения проблемы. И если партнер не в состоянии в этом участвовать, или его участие окажется не столь значимым, как ожидалось, то уже не о какой гармонии сосуществования двух тел не может идти и речи. Одна из психик начнет претендовать на доминирование в отношениях, на большую значимость и признательность, не обращая внимание ни на пол, ни на роль, которую тело занимало до пробуждения я-психики. Гармония уступает место иерархии, в которой одна психика доминирует, а другая подчиняется. Если иерархия нарушается или не признается, то, ни о каком сосуществовании я-тел не может идти и речи. Ни одна уважающая себя я-психика не согласится «гармонично» и на равных сосуществовать с психикой стоящей на более низкой ступени совершенства, если, естественно, та не признает своего подчинения.

По этой причине перспективу имеют только те отношения, которые начинаются с определенных проблем, трудностей, изначально высвечивающих степень совершенства я-психики. Если знакомство начнется с объективной оценки возможностей я-психики, если речь изначально будет вестись не на уровне совместимости я-тел, а на умении каждой я-психики прислушаться друг к другу, пойти на компромисс, признать авторитет партнера, то только в этом случае возможно длительное сосуществование двух психик, которое гораздо прочнее сосуществования двух тел. Две психики проявят себя и попробуют найти точки соприкосновения. Если это возможно, то отношения сохранятся и будут развиваться до тех пор, пока паритет будет соблюдаться, если нет, то партнеры разбегутся.

У нас с Димой отношения были построены именно на сосуществовании двух психик, потому что мы изначально оценивали себя не как современная молодежь, через постель, а оценивали себя по поступкам, по действиям, по умению нравиться друг другу и считаться с позицией друг друга. Именно поэтому вопрос его смерти для меня это не столько вопрос гибели его тела, а вопрос потери психики, которая дополняла мою психику. Это вопрос потери моего второго «я» и гармонии, целостности моего присутствия как в себе и для себя, так и для других.

В этом случае степень потери гораздо значимее, потому что потерю я-тела можно заменить новым телом, новым половым партнером, а вот потерю второго «я» заменить сложнее. Нужно время и обстоятельства, и самое главное - желание. Именно в желание, наверное, все и упирается. Одно дело, когда проскальзывает желание найти для своего я-тела партнера по сексу, с этим проще: женщине с хорошими внешними данными не составляет труда завлечь мужчину в постель и привыкнуть к сексу с ним, подстроиться под него, начать получать удовольствие. Но совершенно другое дело, когда пробуждается желание найти партнера для общения, совместной жизни: в радости и печали, в голоде и сытости, в болезнях и здравии, богатстве и нищете. Повседневное бытие сложно и непредсказуемо, поэтому от него можно ожидать различных сюрпризов. И когда отношения построены на сосуществовании я-психик, вся эта непредсказуемость быта преодолевается совместными усилиями.

ми. Я-психики помогают друг другу, дополняют друг друга и образуют более гармоничную устойчивую единицу общества – семью в ее истинном прогрессивном понимании, когда «один за всех и все за одного».

И, безусловно, когда психика привыкает к подобному совместному сосуществованию, привыкает не к одиночному, а к *семейному* взаимодействию с окружающей средой, в этом случае потерю «второй половины» заменить труднее, особенно, если психика потеряла вторую половину не в результате предательства и разрушения семьи, а после трагической гибели или смерти партнера. В-первых, в работу вступает сознание, которое задействует целый комплекс нравственных критериев. Ты задаешь себе сотни ненужных вопросов, особенно касающихся нравственности подобной замены. Этот комплекс вопросов приводит, во-вторых, к изначальной предвзятости по отношению к любой новой психике, с которой возможна встреча по ходу существования. Незаметно для себя ты повышаешь критерии оценки, и любая новая психика встречаемая на жизненном пути изначально попадает в невыгодную для нее ситуацию, потому что любой позитив с ее стороны тобой занижается, а любой негатив – гиперболизируется и раздувается до вселенских масштабов.

Понимание сложности, практически невозможности обнаружения партнера на уровне я-психики вновь актуализирует вопрос смерти, невозвращения из низвержения в ничто. Зачем бороться и цепляться за жизнь, если жизни как таковой, в привычном понимании быта, уже практически не будет? Выходит смерть в моем случае, с какой стороны на нее не посмотри, самое лучшее и приемлемое для меня состояние? Причем этот пессимистический вывод следовал не из хаотичных и бесконтрольных чувственно-эмоциональных порывов, а опирался на логические обоснования и аргументацию. Закономерный ход рассуждений, как данность подводил меня к пониманию невозможности дальнейшего полноценного существования в мире реальных событий. На фактах и примерах я убедилась, что будущей счастливой жизни мне ни при каких обстоятельствах уже не светит. И предлагалось всего два выхода: первый, - это смерть, как логическое завершение моего бытия; вто-

рой - это жизнь, но не как полноценной представительницы бытия, а как изгоя, *сумасшедшей*. Какой путь выбрать?

Что в противовес смерти может предоставить жизнь, как существование сумасшедшей? Почему, несмотря на всю логичность и строгость выводов о неизбежном выборе смерти, удовлетворения от этого выбора практически не ощущается? Почему меня по-прежнему тянет назад, к жизни, к людям?

Я всматривалась в себя и видела целый ряд ответов. В-первых, в основе каждой психики заложено активное начало, то, что досталось ей от первоосновы – присутствия для Другого. Наша психика – это «психика о», где предлог «о» указывает на открытость психики, незавершенность ее присутствия, на природное желание заполнить своё внутри информацией, накопить и сформировать в себе некий потенциал и в чем-то конкретном реализовать его. Поэтому существование для психики – это ни что иное, как удовлетворение своих внутренних природных свойств: психика, взаимодействуя с информационным пространством, *накапливает* в себе увиденное, услышанное, прочитанное, прочувствованное за годы развития, и постепенно *воплощает* все это в конкретных материальных формах, тем самым, организовывая собственное присутствие в бытии - свое присутствие для других. Я-психика насыщается бытием, впитывает его в себя как некий образ – присутствие в себе, и, дойдя до определенных пределов, начинает испытывать такое же природное желание воплотить присутствие в себе, сформированный внутренний образ в повседневном существовании. То есть в психике пробуждается желание присутствовать для других, создавать образ, в котором присутствие в себе, внутренний образ, становился бы не просто локальным, внутренним достоянием, а обнаруживал себя, приобретал авторитет, вес и значение у окружающих я-психик. Природно психика стремится высветлить себя, обналичить внутреннее совершенство и доказать значимость сформированного внутреннего образа. Органично я-психике мало присутствия в себе, ей необходима оценка окружающих, внимание, признание и уважение со стороны других присутствующих в психическом пространстве я-психик. При этом, чем гармоничней сформировано

содержание я-психики, чем целостней, устойчивей и масштабней ее я-мировоззрение, тем громче, зычнее и круче я-психика жаждет проявить себя в бытии. Ей уже мало просто присутствия для других: для семьи, детей, родителей, друзей и знакомых, ей требуется организация более масштабного присутствия – для государства, цивилизации. Эгоизм, карьеризм, стремление к славе, если убрать крайние патологии – это черты, присущие здоровой психике. «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» - о совершенстве я-психики нужно судить по поставленным и воплощенным ею в бытии целям.

Именно поэтому я-психике органично необходима жизнь, потому что именно в жизни психика обретает собственно себя, становится тем, кем она природно, в силу законов эволюции должна стать. Природная направленность разумной материи присутствовать для Другого в бытии отдельно взятой психикой реализуется в образе присутствия для других. И чем полнее, насыщеннее и масштабней это присутствие для других, тем ближе она к своим корням – присутствию для Другого. А чем менее выразительна, устойчива, последовательна и пассивна позиция я-психики в бытии, тем она меньше развита и совершенна.

Состояние слабости я-психики – это болезнь, которую, к сожалению, в отличие от болезней я-тела невозможно вылечить. Слабые психики склонны к депрессиям, пессимизму, негативному и крайне эмоциональному восприятию мира. Они всегда приближены к состоянию смерти, потому что бытие для них слишком активно и агрессивно. Они всегда ближе к смерти, потому что смерть не требует присутствия для других, активности и борьбы, и ассоциируется с покоем, забвением, умиротворением.

Но, что такое смерть для здоровой, жаждущей жить я-психики? Это отстой, консервация внутренних возможностей, вынужденная пассивность, которая не просто неестественна для полноценного присутствия в бытии, но и противопоказана ему. В смерти психики, как действенной структуры, нет – есть лишь набор отмерших и быстро разрушаемых нейронов и клеток глии.

Соприкосновение со смертью – это паралич для психики, разрушение ее внутренней структуры, конец присутствия в повседневном существовании. Именно поэтому смерть, даже при всей логи-

чности и закономерности своего состояния – это, безусловно, та граница, которую ни одна полноценно функционирующая психика добровольно переходить не захочет. Никакие уговоры и логические построения не в состоянии переубедить здоровую психику соприкоснуться со смертью, потому что природно смерть для нее антагонистична и противоестественна. Смерть разрывает закономерную реализацию присутствия для Другого в присутствии для других. Суицид – это выбор психик слабых, неустойчивых, депрессивных.

Во-вторых, жизнь для психики – это постоянная Вера во что-то, Надежда на что-то, и Любовь к кому-то. Триада: Вера, Надежда и Любовь – это не просто активность психики как потенциал, это аккумуляция и генерация внутренних возможностей психики, а также реализация их в настоящем и будущем существовании. В этой триаде воплощается природная сила и направленность каждой психики, предопределенность ее бытия, то, что досталось ей при рождении как составной частице разумной материи от ее присутствия для Другого. Каждая психика – это мельчайшая составляющая разумной материи, ее фундаментальная частица. И как фундаментальная частица она включает в себя всю природную силу основания и его направленность – *предназначение*, для того чтобы достойно представлять разумную материю в присутствии для Другого и в противостоянии с внешней материальной средой. Психика рождается не просто быть, присутствовать в себе и для себя, она рождается ради присутствия для других, чтобы в этом присутствии закрепить присутствие для Другого разумной материи, чтобы укрепить присутствие основания в структуре Мироздания и вывести его на новый качественный уровень совершенства. Предназначение каждой психики – развивать бытие, совершенствовать его в направлении уже предначертанном и заложенном при рождении самой психики. Рождение психики и ее открытость перед миром – это потенциальная возможность к совершенству системы разумной материи, созданию более качественных условий для организации сферы присутствия разума, потому что каждое новое состояние материи в Мироздании не просто довольствуется выделенным для его присутствия пространством, а нацелено на расширение сферы своего присутствия за счет предшествующих состояний материи. Разум-

ная материя возрождает психику к бытию не просто ради сохранения и удержания уже «отвоеванной» у живой материи пространства присутствия, а для новых освоений, для расширения сферы своего присутствия и рождения *Другого*.

Что это за Другое? Другое – это более совершенные материальные организации, это то, что зарождается в настоящем и обязательно появится в будущем. Это то, что в эволюционирующей косной материи сначала появилось в форме биокосной материи, а потом перешло в состояние живой материи: на основе неорганического мира появилась жизнь. Другое – это направленная эволюция живой материи, которая за миллиарды лет привела к организации переходного состояния – биоразумной материи, а потом и разумной материи: на основе жизни в условиях планеты Земля появился человек. Следовательно, Другое для разумной материи – это направленная и предопределенная эволюция, которая должна привести к появлению более совершенной материальной организации, которая структурно и функционально станет *над* человеком и его цивилизацией. Другое – это будущее разумной материи, для воплощения которого и предназначена каждая «рожденная» психика.

Благодаря вере, надежде и любви существование психики происходит не просто как данность, а как: а) *возможность*, постоянно открытая, зазывающая, манящая к новым свершениям и победам; и б) *тревога* (тревожность) – животрепещущий нерв, поддерживающий состояние психики в постоянном напряжении, ожидании чего-то важного и значимого, а также беспокойства: томительного и волнующего. Полноценное бытие для психики – это состояние постоянной неудовлетворенности и легкой неуловимости чего-то важного и сокровенного, недосказанного и полуоткрытого. Это постоянное чувство информационного голода, которое хочется удовлетворить, насытить, но чем больше мы насыщаемся, тем это чувство сильнее гложет нас, беспокоит и тревожит; и это толкает нас на новые поиски нераскрытых возможностей, на покорение новых аспектов предстоящего перед психикой информационного пространства.

Психика, как «психика о» уже в своем существовании заключает возможность быть, присутствовать в чем-то: верить во что-то, надеяться на что-то и любить кого-то. Поэтому жизнь как вера, надежда и любовь для психики – это постоянно открытая возмож-

ность реализовывать свои потенциалы в повседневном существовании, это возможность не просто существовать или быть как настоящее, а возможность существовать как перспектива, будущее. Современное развитие психики уже не позволяет ей просто быть в настоящем, присутствовать в себе и для себя. Это только высшие животные, на своем уровне развития мозга удовлетворены тем, что они просто живут, существуют. Факт существования для них уже есть жизнь, *перспектива*. Для психики человека просто быть, присутствовать в бытии уже недостаточно. В отличие от своих предшественников по разуму психика удовлетворяется не просто бытием в настоящем, а бытием как возможность: с постоянной разведкой в будущее, с непрерывным совершенством присутствия для других. Просто жить для психики уже мало. Ей хочется жить так, чтобы уже в настоящем присутствовать как в будущем: планировать перспективу и удовлетворяться от собственного воплощения в настоящем того, что для других станет возможным только в будущем. Причем, чем дальше психика обзирает свое будущее, и чем больше заглядывает наперед в своем существовании, тем самым, предваряя его, захватывая сейчас, то, что возможно, будет только через годы, тем выше уровень ее совершенства, тем значимее ее присутствие для других.

Вера, надежда и любовь – это одновременно опора и ориентир в активности психики, это настоящее и будущее в неразрывной связи, как целое, позволяющее быть одновременно в двух измерениях. Это постоянно открытая возможность полноценного бытия, возможность более качественных изменений, совершенства, более значимых воплощений в повседневной жизни. «Психика о» на современном уровне развития гораздо в меньшей степени оглядывается на опыт предшествующих поколений, запечатленный в наследственных программах. Ее совершенство достигло таких пределов, что жить прошлым она не может – это не ее уровень. Безусловно, прошлое занимает в ее активности значительное место, так как оно определяет настоящее, но, в большей степени, для современной психики полноценно *существование в перспективе*. Ей важно дышать будущим, потому что возможность реализовать себя в том, на что толкают внутренние потенциалы – это и есть для психики *свобода*: свободное волеизъявление, свободный поиск своего места в

псипространстве. Свобода – это одновременно возможность и тревога: возможность испробовать себя в чем-то новом, важном, а тревога – это неопределенность перед тем, что ожидает, предстоит. Но в этом и заключена полноценность существования психики: она делает все, на что толкают ее внутренние потенциалы и энергетика, что не противоречит общечеловеческим ценностям и правилам морали и, вкушая результаты своего творчества, она открывает для себя глубину и масштаб истинного существования человеческого.

В-третьих, жизнь для психики – это сложившиеся стереотипы, которые не просто связывают психику с предстоящим информационным пространством, а делают ее *соучастницей* существования предстоящего информационного пространства. Психика не просто открыта для информации, но и сопричастна с существованием самой информации. Чем полноценнее и глубже существование психики в онтогенезе, тем прочнее ее связь с окружающей информацией. В ходе онтогенеза, заполняя нейронные объединения памяти информацией, формируя внутреннюю систему взглядов - мировоззрение, психика не только реализует себя как первооснову бытия человека, она организует сопричастность человеческого с существованием фундаментального, со всем предшествующим бытию человека. Для психики информация – это не только то, что принадлежит существованию человеческого, это, главным образом, существование фундаментального, предшествующего существованию психики - Вселенной и мира жизни, то есть то, что для психики уже известно и раскрыто в содержании из мира неорганической и органической жизни, косной и живой материи. Для психики информация – это мир существования косной, живой и разумной материи, которая на Земле представлена в форме человека и созданной им цивилизации. По этой причине, стереотипами психика связывает собственное присутствие в мире со структурой Мироздания, с тем, что выходит не только за рамки планеты Земля, но и углубляется во временные масштабы: в предшествующее Земле много-миллиардное существование мира. Чем крепче стереотипы, то есть устойчивей внутренняя система взглядов и нормы поведения, тем труднее психике свыкнуться с мыслью о неизбежности ухода в небытие, тем болезненней соприкосновение со смертью. Семья, дети, постоянная и любимая работа, дом, Родина, вера, перспективы и

многое другое – это все стереотипы взглядов, которые прочными узами привязывают психику к повседневному существованию, или как мы говорим, к жизни. Разрушение одного стереотипа болезненно, но ни в коем случае не снижает значимости жизни. Разрушение всех стереотипов равносильно гибели психики, и в этом случае соприкосновение со смертью самый оптимальный выбор. Но если нет этого разрушения, если все цело и действенно, то, как можно смириться с мыслью о смерти, о неизбежности завершения присутствия в бытии?

Активность, вера, надежда и любовь, а так же стереотипы взглядов не просто привязывают психику к бытию и предопределяют его развитие, но и придают ценность существованию бытия. Для психики бытие становится не просто пространством для организации присутствия в себе, для себя и для других, сколько *сопричастностью с фундаментальным*. Психика как «психика о» вживается в этот мир, срастается с ним, становится соучастницей существования этого мира. Чем полнее реализация психики в повседневной жизни, тем теснее ее связь с бытием, тем глубже *сопереживание* с процессами, которые происходят в нем, тем масштабнее *тревога* за его будущее. Поэтому смерть, как возможность расстаться с бытием воспринимается как негатив, который лишает психику контроля над процессами, столь для нее важными. Отсюда смерть не может быть возможностью, потому что в ней нельзя реализовать себя. Смерть для психики – это принуждение, это в большинстве своем насильственный выбор присутствия в другом измерении, не совместимом с природными возможностями и наклонностями психики.

Бытие как возможность открыто только для здравствующих, для жаждущих жить. А смерть, как данность, перечеркивает возможность бытия, возможность творить и созидать, поэтому не принимается ни с какой аргументацией людьми, чьи внутренние потенциалы еще не исчерпали себя. До тех пор, пока возможность быть актуальна для психики, пока ее внутренние потенциалы жаждут совершенствоваться присутствие для других, смерть как данность не будет желанна. Но как только возможность существования и раскрытия внутренних потенциалов психики ослабнет, желание жить сойдет на «нет», смерть как данность выйдет на первое место. Ис-

черпанные возможности в бытии, все больше проявляющаяся слабость в я-психике, пробуждают желание соприкосновения со смертью – это азы существования человеческого.

Я уже не понимала, в каком мире присутствую в настоящий момент: в бытии или небытии? Эти два полярных и принципиально несводимых мира для меня слились воедино и предстали как единственно возможная реальность. Как солнечные блики бытие и небытие переливались в моем воображении, и я только констатировала видения, пыталась запомнить обозреваемое. При этом, я слабо понимала, зачем запоминаю обозреваемое, ведь по большому счету я еще не определилась, что важнее для меня: жизнь или смерть. В пользу каждого из них было много «за» и «против», но именно это и мешало, отвлекало, больше склоняло к уклонению от выбора, к согласию с неопределенностью.

Я уже не хотела выбирать, точнее не могла – два мира так переплелись между собой, настолько стали близки и неразличимы, что если бы открылась возможность одновременного существования в бытии и небытии, я бы выбрала это состояние. Неопределенность в этом случае воспринималась гораздо ближе и приемлемее, чем любой выбор. В ней мне было комфортно и уютно, потому что в неопределенности сливались воедино и гармонично сосуществовали два противоречивых, на первый взгляд, и несовместимых желания: желание жить и желание умереть. Потеря Димы и Андриюшки практически перечеркнуло мое будущее, сделало невозможным присутствие для других – *потому что этих других я уже потеряла*, а присутствовать в себе и для себя, я не могла и не хотела. Я потеряла смысл жизни, я устала от постоянной душевной боли и сомнений, и поэтому смерть, с одной стороны, была самым желанным выходом из создавшейся ситуации. Но с другой стороны, природное присутствие для Другого было настолько сильно во мне, настолько весомо, что не могло принять смерть без борьбы, не желало мириться с необходимостью покинуть бытие и оставить нереализованными внутренние потенциалы я-психики. Оно постоянно пробуждало во мне желание жить, организовывать новое присутствие для других: создать новую семью, родить ребенка и вершить

масштабные проекты в бытии. Желание жить постоянно возвращало меня из небытия и не давало я-мировоззрению распасться, разложиться на составляющие фрагменты и исчезнуть в небытии.

Я раздваивалась, терялась от противоречивости желаний, поэтому факт моего присутствия, неважно в каком мире, вполне удовлетворял меня – я была, присутствовала, не важно где, главное, что все наболевшее и страстное отошло на задний план и уgomонилось, смирилось и не беспокоило.

Впервые долгожданное спокойствие окутало мою психику. Неопределенность присутствия вызвало такую внутреннюю релаксацию, которая граничила с полным внутренним разложением. Умиротворение от этого необычного и непонятого для меня состояния несло покой, зыбь и забвение. Тишина: долгожданная и прошенная, закрепились и дала волю своей силе; и я наслаждалась, как никогда в жизни. Не нужно было выбирать: жить или умирать; не нужно было тревожиться за возвращение из падения в ничто; не стоило бояться кадров гибели мужа и сына, которыми память распоряжалась вольно и без моего согласия; не нужно было заморачиваться выбором мира присутствия: бытия или небытия – все отошло на задний план, все обрело равновесие и устойчивость. Чья-то волшебная рука, словно сжалившись надо мной и над моими нечеловеческими страданиями, дала передышку, возможность расслабиться, забыться и восстановиться. Неопределенность присутствия казалась самым оптимальным выбором в моей ситуации, и я пресыщалась результатом своего выбора, умиротворялась окутывающей тишиной.

Но разве такая релаксация возможна при жизни? Разве при жизни возможно равновесие между бытием и небытием, жизнью и смертью?

Первые волны беспокойства разошлись по зыби умиротворения: никогда ранее при жизни я не испытывала такой тишины и внутренней расслабленности. Это была не просто тишина, - теперь она предстала передо мной в совершенно новом обличье: она окутывала, обволакивала, но не нежно и незаметно, а как-то гнетуще, властно, уже насильно расслабляя и разлагая мое внутри. Она довлела надо мной, придавливала, душила, насилвала. Весь мир, до этого кажущийся благоприятным и умиротворяющим вмиг предс-

тал в образе коварной силы, которая охватывала, втягивала в себя и удушала. Сомнения в искренности умиротворения и спокойствия, расслабленности и тишины прокрались в психику и вызвали недоверие. Возник жуткий вопрос: не есть ли это спокойствие, тишина и расслабленность первыми признаками низвержения к смерти? Я слышала, что состоянию смерти всегда предшествует умиротворение, состояние покоя и блаженства, поэтому, не есть ли и мое умиротворение вхождением в смерть?

Вдруг что-то острое, болезненное пронзило этот зашатавшийся хрустальный замок благополучия, желаемого и вожаделенного, и я четко обозрела мысль-выбор: или жизнь, или смерть. С кем я: с жизнью или со смертью? Какой мир для меня важнее, какой из них я выберу?

Это был последний шанс, данный практически на грани выживания, за шаг от полного разложения в небытии. Это была в последний момент протянутая рука помощи, которая казалось далекой, призрачной, но за которую, при желании, еще можно было ухватиться и спастись. Оказалось, что уже действительно не было сил сопротивляться, что уже практически полностью ушло понимание самого факта противостояния между жизнью и смертью, между я-психикой и ее чувственно-эмоциональной составляющей, потому что я-мировоззрение практически слилось с потоком чувств и эмоций и было ослеплено, разорвано и вовлечено в небытие. Оно практически проиграло противостояние, которое, оказывается, я все это время наблюдала. И только на грани полного распада, практически без надежды на восстановление, моя психика вдруг предстала перед выбором-Рубиконом: если слиться с желаемым, дать увлечь себя иррациональному – феерии умиротворения, то о жизни можно забыть. Мир сказок реален только для детей и умирающих; жизнь в сказке – это реальная смерть, потому что сказка – это совершенно иной мир, это небытие, из которого никто не возвращается в реальность, не становится полноценным участником реальных событий.

Выбор за тобой, Светлана Милевская.

Это длилось мгновение: я практически не выбирала, положила на интуицию, отдала свой выбор судьбе и тем внутренним силам, которые еще теплились в моей полуживой я-психике. И решение было принято без меня - меня просто поставили перед фактом,

что я выбрала жизнь. Значить жизнь! – это решение было окончательным и не вызывало сомнений. Оставалось только воплотить его, привести в исполнение.

И снова боль возвращения, преодоление состояния жуткого страха перед восхождением к бытию, перед встречей с солнцем, с жизнью. Вырывая из памяти реальные фрагменты своей прошлой жизни, топча ногами фрагмент-картину ревущего, оторванного от груди Андрюшки, фрагмент-картину ласкового, горящего огнем вожделения лица Димки, в отчаянии разрывая на куски тесные нити нашего прошлого счастливого семейного сосуществования, то есть, жестоко попирая ногами все то, что до недавнего времени мне было близким, родным и святым, я возвращалась назад к жизни, карабкалась в бытие, всеми силами пытаюсь закрепить свое присутствие в жизни. На грани нехватки кислорода, практически потеряв себя в ничто, я вырывала свое присутствие из низвержения к смерти, чтобы вдохнуть живительный воздух человеческого существования, чтобы прочувствовать дыхание своих легких и пульсацию своего сердца, чтобы ощутить свое присутствие в бытии.

А поток чувств и эмоций проходил мимо, задевая, терзая, но все меньше и меньше доставая глубину моей я-психики. Я понимала, что бросаю свое прошлое, отрываюсь от него и покидаю навсегда; что Димка и Андрюшка уносятся в вечность, в ничто, а я остаюсь, восхожу к бытию - *возвращаюсь к жизни*. И как погибшие мальчики меня не звали, как ни манили за собой, призывая к совести, к разуму, к чувствам, я уже не обернулась, не пришла к ним на помощь. Я выстояла, осталась, но зачем?

Зачем отстояла целостность я-мировоззрения и свое присутствие в бытии?

Чтобы жить.

Усталая, разбитая, но не побежденная смертью, не подавляемая слабости и обману, я впервые не провалилась в я-подсознание и предсознание, а просто уснула, словно кто-то погасил свет в моей психике и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Наверное, это было мое реальное возвращение к жизни – первый шаг к *выздоровлению*.

Восхождение к бытию

Часть вторая.

Глава 6.

Черадостные открытия

Когда я проснулась, когда снова зажегся свет в моем внутри и я увидела свое целостное и такое родное я-мировоззрение, то поняла, что теперь буду жить, но жить по-другому. Теперь я должна жить за нас троих: за себя, за Диму и Андрюшку. Я начну жить так, чтобы они наслаждались жизнью вместе со мною; я добьюсь таких социальных высот, о которых втроем мы даже и не мечтали. Они будут гордиться мной, а мне будет не так стыдно за свою продолжающуюся жизнь...

Как очевидное я восприняла явное движение по комнате - кто-то подходил ко мне. И как гром среди ясного неба я услышала голос:

- Она пришла в себя.
- Так она услышит меня?
- Я думаю, что да, разговаривайте с ней, только недолго.

Я по-прежнему не могла двигаться, не могла управлять своим телом. Связь психики с телом по-прежнему отсутствовала, и для них я оставалась, практически мертва, но мое возрождение, точнее его первые этапы, восприняла более чувствительная аппаратура, которая и показала всем им, что я не просто жива, а выздоровли-

ваю, восхожу к бытию, изнутри восстанавливая ранее утерянные организмом функции.

- Доченька, ты меня слышишь?

Я услышала до боли близкий и родной голос матери. Он ласкал слух, теплом проходил по моим нервам. Я готова была разрыдаться от подступающих чувств, но сдержала себя, потому что знала, к чему это может меня привести.

- Она слышит меня? – я почувствовала волнение в голосе мамы, недоверие, растерянность.

- Да-да, она слышит, только еще не может показать этого. Вы разговаривайте с ней, это пойдет ей на пользу.

- Доченька, как ты себя чувствуешь?

Этот вопрос кровью забился в моих висках. Было смешно и грустно: как может себя чувствовать человек, который полностью утратил связь со своим телом и живет только на уровне психики? Как может себя чувствовать женщина, которая потеряла любимого мужа и ребенка и осталась в неполные тридцать три года без семьи и будущего?

- Ой, что я говорю, прости меня доченька. – Мама волновалась, путалась, и я узнавала ее. Она была все такой же доброй, ласковой, полностью готовой пожертвовать собой ради семьи. Такой, наверное, была и я, только сейчас я уже не мама, и у меня нет семьи...

Адская боль пронзила всю психику. Я вдруг снова увидела себя и свое я-мировоззрение над пропастью, вдруг снова ощутила холод идущий из подсознания и поняла, что еще секунда и я провалюсь туда. Господи, помоги мне выбраться, вернуться назад!

И я начала падать. Секунда за секундой я погружалась в небытие, низвергалась к смерти - я распадалась на составляющие и становилась многоликой и разорванной. Последнее что я услышала, это был взволнованный голос медсестры:

- Ей снова плохо. Отойдите, я сделаю ей укол. – Прикосновение к коже и я снова погрузилась в небытие: распалась и перестала существовать как целое, неделимое «я».

Мое возвращение в бытие как всегда было неожиданным, как данность. Только теперь оно давалось легче, не казалось таким болезненным и жутким - словно как раньше дома: включили свет, и я

проснулась. Уже где-то в подсознании я знала, что кризис прошел, что с каждым возвращением мое самочувствие будет улучшаться. Уверенность в том, что я выздоравливаю, на совершенно новый лад перестроило мою психику: теперь с каждым возвращением я ожидала новых сюрпризов от действительности, восстановление новых, точнее старых функций в своем организме. Вот и сейчас, только обретя свою целостность, я не только почувствовала, но и услышала, что рядом со мной находится мама, причем не одна, а еще с кем-то. Не в силах подать о себе весть, заявить о своем присутствии в бытии, я невольно стала свидетелем разговора, который велся прямо у моей кровати.

- Бедная доченька, что ее ожидает в этой жизни. Это же надо такое несчастье свалилось на нее, и спрашивается за что? Сколько ей сил стоило создать семью, родить Андрюшу, и что теперь?

- Я думаю, ей пока не стоит говорить про смерть Андрюши – Я узнала голос свекрови: он был сухой, вылинявший, словно мертвый. – Про смерть Димы она знает, мне врачи об этом сказали, а что Андрей мертв, ей не известно. Пусть поправится, потом скажем.

- Как ей выдержать все это, не сойти с ума?

- Я знаю случаи, когда женщины сходили с ума и от меньшего несчастья, а здесь потерять все, и так глупо, случайно.

- Нужно помочь ей справиться с этим, ведь она еще молода...

- Врачи сказали, что на ней живого места не осталось: все порезано, разорвано, поломано. Вы только представьте ее реакцию, когда она увидит себя в зеркале: столько бороться за жизнь, вытягивать себя из состояния смерти, чтобы увидеть свое изуродованное тело и лицо...

Обе женщины тяжело вздохнули.

- Переживет, сейчас много пластических хирургов: все восстановят. – После раздумий констатировала мама. – Главное чтобы деньги были.

- А моего Димочку уже никто не вернет, ни за какие деньги.

В комнате надолго воцарило молчание.

Их разговор разбередил мое подсознание, пробудил глубоко запрятанную боль и я срослась с их мыслями, стала понимать не только слова, но и то бездонное чувственное содержание, которое стояло за ними. Свекровь безмерно любила своего сына и Андрюшу, к тому же Дима у нее был единственным ребенком. В аварии

она потеряла одновременно сына и внука, и осталась одна, как и я. Правда жив свекор и они живут душа в душу, но вернется ли теперь радость в их жизнь?

И меня вдруг поразило открытие: они ждут от меня печали и слез, ждут элементарных проявлений вселенской печали, эмоциональных порывов безбрежного материнского горя и траурной скорби вечно любящей вдовы. *Но ведь я хочу совершенно другого!* Я хочу жить, наслаждаться жизнью так, как не наслаждалась ранее. Ведь мне нужно жить и за них: за Диму и Андрюшку, чтобы радовать их, волновать новыми событиями, открытиями, достижениями. И мне глубоко безразличны шрамы на лице и теле, я все это перенесу, переживу, скрою пластическими операциями. Главное, чтобы остаться жить, чтобы работали руки, ноги, голова, чтобы не остаться калекой, а остальное все наладится и скроется. Но как это объяснить им, как достучаться до их понимания?

Открытие несовместимости планов близких мне людей и моих собственных, словно обдало холодным душем, сковало морозом. Как объяснить им, что я уже пережила свою боль, выплакалась и выстрадала, что уже простилась с мужем и сыном, причем это прощание чуть не стоило мне жизни? Как объяснить им, что жить прошлым – это неправильно, что мне наоборот нужно научиться жить будущим, чтобы радовать погибших мужа и сына, чтобы удовлетворить и их голод к жизни, чтобы оправдать свою жизнь и свое спасение. И пусть это будет другой муж, другой ребенок, но мои погибшие мальчики постоянно останутся в моем «я», моей частью, и через себя я смогу их радовать и баловать, лелеять и скорбеть. Их смерть будет постоянным укором моей жизни, моему счастью и радости, но я готова жить с этим, потому что их укор будет постоянным напоминанием мне о том, что мне выпал шанс не просто жить, а исправить многое в своей жизни и достичь еще больших вершин. Что я не имею право расслабляться, праздновать, просто быть, потому что только через присутствие для других, через свои масштабные свершения, я смогу отблагодарить судьбу за шанс вернуться в бытие и пожить за нас троих.

Мне впервые захотелось кричать, рыдать, доказывать свою правоту. Было обидно до слез, что, пережив самую страшную битву внутри себя, переборов свою слабость и боль, вырвавшись из

пучин небытия, я вынуждена теперь снова вступать в борьбу с предрассудками, с не мной придуманными правилами поведения. Но зачем мне это нужно? Это моя жизнь, это моя боль, и это мой крест, который только мне нести по жизни. Какое дело другим до моей жизни и до моего выбора образа, в котором моя я-психика будет присутствовать в жизни! Ведь они не знают, что творится у меня внутри: не видят шрамов, которые не заживаемыми рубцами изрезали мое я-мировоззрение; не испытали на себе силы страха перед низвержением в ничто и невозвращением из небытия; не прочувствовали боль разрыва внутреннего «я» при переходе Рубикона между бытием и небытием, - так зачем они принуждают меня следовать их правилам, поступать согласно их старомодным и глупым стереотипам?

Словно издеваясь надо мной, снова заговорила свекровь:

- Не знаю как Светочка, а я бы на ее месте предпочла бы смерть – лично я бы не смогла перенести гибель мужа и сына.

Это было сказано жестоко, без жалости, без малейшего намека на возможность перспективы. Я понимала ее как мать, но я не могла с ней согласиться как человек, который только что вырвался из пучин смерти. В отличие от нее я смогу жить – не сомневайтесь! У меня еще есть время начать все сначала: создать новую семью, родить еще одного ребенка, а лучше двух, и жить счастливо, в полную грудь. Я совершенно не хочу умирать, потому что в отличие от многих живущих и здравствующих, в отличие от нее самой, я видела смерть, соприкасалась с нею, и выбралась, спаслась, только по одной причине – *мне поверили*. Мне поверили, что я смогу выстоять и не канючить, не плакаться на судьбу, а полноценно жить дальше. Мне поверили, потому что я доказала, что готова жить и творить, что во мне бьется огромное желание преобразовывать, доказывать, созидать, а все это нужно для того, чтобы нести пользу человечеству, существованию первозданного и определяющего. Мне поверили, потому что я убедила, что не замкнусь в себе, не стану жить своей болью и сеять вокруг себя слабость, жалость, участие, не стану проповедовать смерть и славить ее. Наоборот, я покажу иную, более важную составляющую существования человеческого – жить во имя развития цивилизации, присутствовать *для других*, жить

масштабно, глубоко, обозревая бытие не в плоскости, а снизу, из глубин, отмечая его истинные сильные и слабые стороны.

Я смогла доказать свое право на жизнь, поэтому и вернулась из падения в ничто, поэтому смерть отступила, дав мне возможность второй раз начать свою жизнь. Я не могу обмануть свою судьбу, я столько выстрадала не для того, чтобы поддаться предрассудкам и лишиться себя будущего. По большому счету, я только теперь начинаю жить! В отличие от свекрови, и всех тех, кто не ожидал моего выздоровления, я побывала там, куда мы все уйдем, и мне там не понравилось. Смерть – это совсем не то, что мы думаем и к чему нас готовят славящие смерть. Смерть – это не просто конец жизни, это, возможно, полное забвение каждого, кто не смог себя реализовать в жизни, кто не познал глубины и поэтому жил по мелкому, наслаждался и развлекался, проживая лучшее и данное всего один раз. Смерть стирает не только жизни – она стирает и память о человеке, если этот человек не совершил чего-то масштабного и важного для существования цивилизации. Родить ребенка, посадить дерево и построить дом – этого мало для того, чтобы остаться в истории цивилизации; это уже не тот уровень и не тот масштаб, который бы гарантировал полезность прожитой жизни и обеспечил светлую память потомков. Еще недавно, возможно, это было актуально, а для настоящего времени, для настоящего уровня развития я-психики – это ничто, это равносильно забвению, потому что дети воспитанные с таким пониманием жизни, сами становятся никакими и быстро забывают родителей, построенные дома разрушаются, а посаженные деревья усыхают или вырубаются еще при жизни. Такие ценности жизни смешны в масштабах цивилизации, а человек с подобным масштабом видения своих целей в жизни просто жалок...

Обозрев небытие, мне открылось, что основные критерии системы образования, заложенные в эпоху просвещения и превозносимые современной европейской философской и политической мыслью, уже исчерпали себя. Что строгий геометрический порядок мышления, *редукционизм*, как методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных более простым явлениям, и *рационализм*, как метод, согласно которому основой познания и дейст-

вия людей является разум, как основные добродетели Просвещения в современном бытии в значительной степени обесценились. Я-психика ведомая закономерными эволюционными процессами, вступает в новую эпоху, в новое пространство своего присутствия – *виртуальное*, в котором вышеперечисленные добродетели Просвещения неэффективны и малопригодны.

В виртуальном пространстве, как в более совершенной среде присутствия я-психики, просвещение – как передача знаний, распространение знаний и культуры, безусловно, остается и ни в коем случае не теряет своей актуальности. Изменяются методы достижения просвещения, корректируются стоящие перед человеком задачи и цели.

В небытии мне открылось, что рационализм на самом деле не столь противоестественен иррациональному. Мой пример – допустимость присутствия я-мировоззрения в небытии, указывал на то, что присутствие я-психики, пусть и в значительно измененном состоянии, возможно и за пределами сферы разума, вне границ бытия. И моя участь, возможно, это не исключение из правил, а довольно рядовое событие. А если это действительно так, то нужно изменять критерии формирования я-психики, методы и задачи обучения и воспитания. Я-психику нужно готовить как к продолжительному присутствию в бытии, так и к масштабному обзору небытия, потому что раскрывшее свое содержание небытие поразительным образом влияет на я-психику: оно может уничтожить ее, растрочить, а может, наоборот, вознести на невиданный уровень внутреннего совершенства. Но в любом случае, к этому воздействию нужно готовиться и обучаться, просвещаясь не просто в направлении получения и распространения знаний и культуры, а, прежде всего, *саморазвивая* присутствие в себе и налаживая гармонию между присутствием для себя и для других.

Я вернулась в бытие, потому что открыла истинные перспективы существования человека, потому что убедилась в возможности вынести из небытия нужное и полезное для бытия, что позволит мне эффективнее и продуктивнее реализовать себя в жизни, извлекать за годы онтогенеза нечто веское и значимое, ценное и важное для масштабов цивилизации. Я буду до последних сил держаться за бытие и избегать соприкосновения со смертью, потому что там нас

ждет постоянное беспокойство и нарастающее состояние тревоги от несделанного и незавершенного в бытии. Беспокойство и тревога в смерти - это наказание человеку за праздность и непонимание основ существования мира, истинных ценностей присутствия в бытии. И чтобы избежать всего этого, чтобы почить в спокойствии и праведности, нужно действительно просвещаться, а потом направленно творить, вершить масштабно и целно, мощно и глубоко. Именно за этим я и вернулась в бытие, именно поэтому мне поверили и отпустили, чтобы я исправила ошибки, устранив заблуждения успела доказать свою значимость и весомость. И я сделаю это, я обязана это сделать, для того, чтобы Дима с Андрюшкой почтили вместе со мной в покое и мире, чтобы их души обрели бессмертие.

Я вдруг почувствовала, как учащенно забилося мое сердце, как чувственно-эмоциональная составляющая моей психики всколыхнулась и пробудилась, и поняла, что это был мой гнев, который искал выхода, требовал эмоциональной разрядки! Переполюющим негодованием я готова была свернуть горы, задушить мертвый голос свекрови и навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Нас уже ничто с ней не связывало, зачем она здесь!?

Пробужденное возмущение душило меня, до судорог сковывало легкие. Я чувствовала, что убиваю сама себя, но мне так хотелось выговориться, мне так хотелось высказать ей все в глаза и послать ее прочь, потому что *не ей меня судить!* Не ей! Это я потеряла мужа и сына, это я перечеркнула больше десяти лет своей жизни, это я стояла на краю смерти и видела ее, соприкасалась с нею! И только я буду решать, как мне дальше жить и вести себя!

Рядом что-то зазвонило, сквозь затухающее, заливающееся эмоциями сознание, я услышала, что кто-то вбежал в палату, почувствовала рядом взволнованное дыхание медсестры и ее громкоподобный гневный голос:

- Вы что не видите что ей плохо, выходите отсюда!

Потом секунды суеты, легкий укол и я снова провалилась в ничто, попала в мир, в котором уже освоилась и чувствовала себя довольно терпимо, пусть с минимумом комфорта, зато с твердой убежденностью, что не все у меня потеряно, что еще будет возможность вернуться в бытие и закрепиться в нем. Я уже знала, что в отличие от большинства людей падение в ничто для меня было с обратным биле-

том, поэтому не суежилась, не паниковала, а обзревала открывающееся для меня, высвечиваемое, для того, чтобы еще глубже в него проникнуть, больше открыть для себя и для других, чтобы в дальнейшем как можно больше вынести отсюда и донести людям.

Я быстро прошла первые две стадии падения, причем фейерверк прожитых событий уже не впечатлял, он повторялся, и с каждым падением становился все менее эффектным, броским и заметным. Я привыкла почти к одним и тем же картинкам прожитого и уже практически не замечала их. Меня больше интересовало вхождение в небытие, постижение его существования.

На этот раз меня впечатлило и заставило обратить на себя внимание движение, которое обнаружило себя, как только я пересекла Рубикон и соприкоснулась со смертью. Мое мировоззрение и раньше подхватывалось и увлекалось этим потоком, но тогда сам факт движения в небытии не вызывал удивления, тогда впечатляли иные события. В это погружение именно *движение небытия* заставило обратить на себя внимание, и я сконцентрировалась на его обозрении.

Что это за движение, где его начало и где конец? Чем пристальней я его обзревала, тем четче обнаруживались его аспекты: интенсивность, равномерность и направленность. Чувствовалось, что это не просто движение частиц и элементов, а, что это движение чего-то важного для меня, определяющего, и, возможно, даже страшного, обвиняющего. Я-мировоззрение еще не могло распознать его детали и выделить фрагменты, но в нем просматривалось что-то знакомое, близкое, но не хорошее и родное, а, скорее, обличающее, обнажающее, несущее боль и какое-то жуткое разочарование.

Оно стало пугать меня, отталкивать от себя. Я готова была отказаться от его обозрения, но чем дольше следовало погружение, тем отчетливее ощущалась сила этого движения, которая уже не просто обращала на себя внимание, а которая захватила, пленила и поволокла за собой. Его нельзя было уже назвать просто движением – оно насильно захватило мое внутреннее «я», пленило и подавило все то, что осталось в нем от индивидуального, независимого

и свободного. Как-то сразу открылось понимание *предопределенности* существования и *обреченности* перед движением первозданного. Отчетливо выступило понимание собственного бессилия и невозможность противостояния той силе, увлекающей я-мировоззрение в пугающие глубины чужого. Тут же подчеркнуто выпятилось и понимание собственной ничтожности и зависимости, граничащей с унижением, издевательством, нарушением всех правил приличия и достоинства - в движении небытия со мной обращались как с вещью, мое «я» было полностью раздавлено и уничтожено чье-то чужой волей. Ощущение беспомощности и фатальности перед непонятной силой было настолько очевидным, а насилие столь явно ощущаемым, что уверенность в возвращении в бытие тут же испарилась, растаяла и уже не помогала и не спасала. О восхождении назад к бытию уже не могло идти и речи. Впереди маячила только одна перспектива – низвержение в ничто до самого конца, к смерти, поэтому, сжавшись в комок, полностью разуверившись в своих силах и возможностях, мое внутреннее «я» вновь проходило все стадии унижения и обезличивания. Перед первозданными силами мое «я» предстало обнаженным, вывернутым наизнанку в своих помыслах и возможностях, лишенным значимости и всего поверхностного, напускного. Одна голая правда, - «я», как правда о себе.

Просторы небытия в этом едином обнажающем движении, напоминали океан во время урагана, а мое униженное и раздавленное я-мировоззрение в нем было прогулочной лодкой, судьба которой зависела не от самой лодки и полумертвого, обессиленного экипажа, а от прихоти судьбы-урагана. Причем между океаном и лодкой существовала тесная связь – я долго не могла понять, на уровне чего она пролегает. Но я ощущала эту связь, своими обнаженными нервами чувствовала ее незримое и страшное для себя присутствие. Мое я-мировоззрение не тонуло в этом бушующем океане небытия, потому что являлось составной частью происходящих событий, потому что и лодка и океан были едины, отличаясь лишь деталями.

Преодолевая забитость и страх, уничтожающие порывы движения небытия, я попыталась осмотреться, вслушаться в себя, понять происходящее. Подавленное и оскорбленное я-мировоззрение

пыталось зафиксировать свое присутствие в этом чужеродном движении и разобраться в корнях нечеловеческой боли, которая шла, кроме прочего, и от связи с океаном небытия. Почему не тонула лодка? Почему бушующий океан – движение небытия, до сих пор не разрушил ее и не втянул в свои глубины? Ведь в мире бытия спасение прогулочной лодки во время урагана – это нереальное событие! На прогулочной лодке невозможно спастись в бурю.

И словно удар молнии пронзил меня и просветил истинную глубину этой связи. *Океан небытия – это была вся моя прожитая жизнь, а лодка – оторванное от прошлого мое внутреннее «я».* Оказывается, я опустилась на самое дно своего прошлого: соприкоснулась с ним, прочувствовала масштаб и глубину прожитого. И мне открылось понимание, почему я не тону – *я не могу тонуть, потому что уже находилась на самом дне!* Бушующий океан – это было дно моего прошлого существования, в которое меня завлекло движение небытия, а лодка – мое внутреннее «я», которое хаотично, фрагментами обзревало свое прошлое! Бушующая стихия океана – это было фрагментарное обозрение моим «я» своего прошлого бытия, всего того, что я собственными руками, присутствием в себе, для себя и для других воплотила в бытии за неполные тридцать три года.

И чего здесь, на дне, я только не обнаружила! Сколько событий, фактов, материальных воплощений, продуктов труда, встреч, результатов общения здесь собралось! Но все это скопище прожитого было такое мелкое, услужливое, поверхностное, временное, что бушующий океан вдруг предстал не как безбрежная и бездонная водная гладь, а как обширный мелкий, вонючий лиман, в котором даже при огромном желании я не могла утонуть, потому что воды в нем с трудом хватало на то, чтобы лодка не касалась дна! А ураган оказался обычным волнением в стакане! И чем больше меня носило по этому лиману, чем сильнее ощущалась «буря», тем в большей мерзости, пакости и грязи собственного прошлого я вымывалась. Вместо гордости за прожитые годы, вместо понимания значимости от совершенных поступков в жизни и спасения в этой значимости, я еще больше увязала в позоре, сковывающим движением стыде, издевательском хохоте наблюдающих, переходящем в освистывание и надругательство. Небытие без жалости обнажало

передо мной мое прошлое, и до коллик в животе хохотало над моей реакцией: удивлением, оторопью, стыдом.

А ведь я действительно не ожидала увидеть свои достижения в таком мрачном свете. Все, чем я ранее гордилась, что принимала за вершины и победы, в небытии, из глубин представлялось порочным, уродливым, мелким и незаслуживающим внимания. Я словно не жила, а извращалась в бытии: постоянно гложущая жажда секса, наслаждений и праздности, уродливые лицемерные маски-лица, притворный набор интонаций, дурацкие ужимки, небогатый набор игр-поведений, непрерывное пожирание пищи, всюду просачивающийся порочащий обман - сплошная грязь, притворство, похоть, игра. Во всех моих поступках преобладал примитивнейший набор потребностей: секс, еда, сон, жажда обладания быстро обесценивающимися предметами. Во всем этом зрелище не было ни капли человеческого: возвышенного, масштабного, глубокого. Просматривался жуткий примитив, который так разительно выделялся на фоне принятых стандартов присутствия я-психики в бытии, что было не просто стыдно за себя, а вызывало презрение к себе и ненависть к своему прошлому.

По заслугам, я сама этого достойна! Не ведая глубины, перенимаясь только потребностями глянца, я организовывала свое присутствие в бытии равняясь на другие более «авторитетные» психики. Обнаруживая себя в бытии, я фактически убегала от своего истинного «я», стыдилась его и прятала, потому что мне всегда казалось, что проявлять свое неавторитетное «я» неправильно, что нужно жить равняясь на другие более уважаемые и внедряющие моду психики. Я знала, что в современном бытии любая я-психика обнаруживает не столько свое внутреннее «я», сколько собирательный образ, учитывающий моду, особенности текущего бытия и лишь незначительную долю собственного я-мировоззрения. Но насколько оправдано пренебрежение особенностями внутреннего развития? Ведь не я придумала специфичность текущего бытия, не я во главу повседневного существования поставила достижение материальных ценностей, не я раскрепостила я-тела и возвела в ранг публичности интимные отношения между полами. Это не я возвела в культ праздность и обильность, не я придумала развлечения и «шопинг», не я создаю все новые и новые дорогие вещи-игрушки для взрослых людей.

- А где тогда ты во всем этом?— внутренний голос спросил, а я не смогла ответить. Да, я присутствовала во всем этом, но это было не мое настоящее «я». Мое настоящее «я» было другим. Каким?

Не знаю.

Только сейчас я поняла, что не знаю своего «я», что совершенно не разбираюсь в особенностях формирования своего внутреннего мира!

Стало жутко и страшно – прожить полных тридцать два года и не знать своего внутри. А если бы не авария, если бы не состояние комы, то я бы так и прожила, не зная своего содержания?

Но это было не все. Раскрыв пустоту и никчемность моего истинного присутствия для других в бытии, показав изнутри мое хаотичное, мелкое, примитивное тридцатилетнее существование, движение небытия понесло меня далее, раскрывая все новые и новые ошибки организации моего присутствия в жизни. Движение небытия насильно волокло меня по моему прошлому, тыкая носом в каждую ошибку, в каждый просчет. И открытия поражали обнаженностью, раздавливали масштабом, сдавливали дыхание глубиной. Я принимала возмущение небытия и понимала насколько далеко я зашла в своих ошибках, насколько грубыми оказались просчеты в организации присутствия для других, сколько лишнего и ненужного я сделала, а сколько важного и необходимого упустила и пренебрегла.

Боль от стыда и позора, от глупости и неисправимости ошибок перешла в состояние дикой удушливости. Я попыталась вырваться из этих кошмарных глубин на воздух, мне уже с головой хватило откровений и правды, но болотная грязь – моя прошлая жизнь, не отпускала, затягивала, смрадом отсекая доступ кислороду. Мне нечем было дышать, я задыхалась от примитивизма продуктов своего труда, застоя и илистости своих поступков. Всеми силами я пыталась вырваться из этого зацветшего, провонявшегося лимана, спастись от открывающихся и придавливающих своей обнаженностью фрагментов прожитого прошлого, потому что понимала, что еще немного и я захлебнусь болотной водой, задохнусь в смраде и вони разлагающегося прошлого. Спасите мою душу, мне больно от удушья! Спасите мою душу, верните в жизнь!

Резкий свет, последний миг жизни – и я вдруг поняла, что проснулась, что на этот раз движение небытия отпустило меня, возможно, простило. Я не чувствовала своего дыхания, но каждым нейроном своей психики ощущала пульсацию крови в висках. Вырвавшееся на воздух я-мировоззрение еще долго не могло отдышаться, было не в силах обрести целостность и вернуть присущую ему значимость и уверенность в себе. Возможно, я чуть было снова не умерла, не захлебнулась в пучинах небытия. Как опасно это соприкосновение со смертью, как оно непредсказуемо и болезненно...

Глава 7.

Будни: привыкание к жизни

Я еще долго приходила в себя после обнажившейся правды о своем прошлом существовании. Меня устраивала полная тишина в палате и отсутствие мамы, свекрови, третьих лиц. Мне нужно было обрести целостность и устойчивость после открывшегося, вернуться к жизни и ее атрибутам после только что перенесенного. Правда, действительно, была безжалостна и омерзительна. А может, это была и не правда, а раздутая, преувеличенная фантазия?

Прошло много времени, прежде чем я поняла, что в палате кроме меня присутствует еще кто-то, причем не один, а несколько. Это было так неожиданно и поразительно, что я сначала растерялась, а потом, чтобы не упустить возникшее ощущение другого, мобилизовала внутреннюю энергию и сконцентрировала ее на слухе. Но вокруг меня стояла могильная тишина: ни стоны, ни шороха, ни дыхания. Но, не слыша ничего, я, тем не менее, ощущала присутствие другого, правда это было иное ощущение, чем то, которое я прочувствовала совсем недавно, когда обнаружила рядом маму. Это не была энергетика здоровых людей, но я чувствовала, что это были живые организмы.

Я долго не могла понять, кто окружает меня слева и справа, что это за организмы, которые не издают совершенно никаких звуков? Мертвецы? Но, что я делаю среди мертвцев, ведь я жива?! А жива ли я? Жива, потому что в последнее время состояния бодрствования я-психики и ее низвержение в ничто я стала ощущать разительно и четко. Я еще раз проанализировала свое внутри и отбросила все сомнения: действительно, моментами я теряюсь и не могу идентифицировать пространство своего присутствия, но факт целостности и разорванности я-мировоззрения, которые соответствовали присутствию в бытии и небытии, в настоящее время я научилась определять четко. Тогда, кто меня окружает?

И снова понимание происходящего пришло неожиданно, как озарение, словно извлеченное из-за кулис — *это были не люди, а такие же полумертвые тела, как и мое тело*. Это были мои собраты по несчастью, которые присутствовали в бытии только на уровне я-психики, а функциональную активность их я-тел отслеживала медицинская аппаратура.

И как только я узнала *кто они*, я словно включилась в некую виртуальную сеть, которая соединила всех нас в этом замкнутом пространстве реанимационной палаты. Я не слышала даже их дыхания, мое зрение было полностью отключено от восприятия внешнего мира, но, несмотря на полную бездеятельность всех моих органов чувств, несмотря на оторванность моей я-психики от возможностей я-тела, я *воспринимала* каждого из присутствующих рядом с собой. Наше восприятие осуществлялось на уровне активности я-психик! Это было похоже на сон, на фантастику, но я *слышала* соседа справа, причем слышала не ушами: не его дыхание и даже не биение его сердца, а слышала пульсацию его психики, чувствовала, как наши ауры соединились и стали общаться между собой. Наши я-психики вышли за пределы я-тел и стали полноценно общаться! Причем, это было именно общение, потому что я понимала его состояние, входила в его положение и сочувствовала ему, потому что *знала*, что его психика была уже сломлена и находилась на пути к низвержению к смерти. И это общение для него было прощальным, потому что и он, и я знали, что в таком состоянии из небытия никто не возвращается. Через меня его я-психика передавала живущим и здравствующим свое последнее послание-прощание: безмолвное, но до такой степени глубокое и насыщенное, что я словно прожила часть ее существования, словно сопровождала ее до предпоследней стадии падения в ничто, когда я-мировоззрение прощается с бытием фейерверком наиболее радостных мгновений прожитой жизни. И я наблюдала за этим фейерверком, соучаствовала и сопереживала вместе с я-психикой соседа счастливые эпизоды ее прошлого. Но дальше я не пошла: она сама шагнула в Рубикон и сила небытия тут же разорвала ее на мелкие составляющие. Она словно канула в черную дыру, о которой так много пишут космологи: я еще видела ее образ, но ее самой уже не было — она втягивалась в иное измерение: удлиняясь, растягиваясь

и распадаясь. И нельзя сказать, что она умирала. Возможно, она умирала здесь, для нас и нашего мира, но там ее существование продолжалось, только в ином, *разорванном состоянии* – состоянии *не-я-психики*, которое в бытии называют смертью, но в небытии – это вечное присутствие в мире разорванных фрагментов я-мировоззрений ушедшего человечества. За всю историю существования человечества никто из возродившихся в бытии не появился без причины: каждый из них что-то сделал для жизни, что-то внес в нее, в чем-то реализовался, обналичил свое «я». Поэтому после смерти, в небытии, они продолжали существовать как не-я-психики, их кто-то собирал как общую массу, аккумулировал и хранил.

И вдруг для меня открылось понимание уносящего разорванные фрагменты я-мировоззрения соседа потока. Оказалось, это было не просто *движение небытия*, не просто низвержение темной безымянной массы, с которой ранее я неоднократно соприкасалась и которая меня так пугала, а это было *громдное множество разорванных я-мировоззрений, совокупность не вернувшихся из низвержения к смерти психик всего человечества!* Это было огромное множество, *целое пространство* осколков разорвавшихся я-психик, уносившихся в неопределенность!

Открывшееся понимание содержания потока испугало – словно заглянула в бездну. Я с трудом заставила себя отвести взгляд от *зрелища*, чтобы самой не втянуться в него, не последовать за я-психикой соседа, потому что этот поток не просто величественно существовал, нес все человеческое прошлое, он втягивал в себя, *он принуждал к низвержению*.

Я с трудом заставила себя вернуться в бытие, и с прискорбием ощутила, что соприкосновение с психикой соседа стало слабее, а чуть позже и вовсе прекратилось. И я первая в палате, еще до пронзительной тревоги медицинской аппаратуры поняла, что он умер. Это был мужчина за пятьдесят, не совсем счастливый в браке, покинутый детьми, не полностью реализовавший себя в жизни. Его практически ничего не удерживало в этой жизни, поэтому его психика и не боролась. Она с легкостью отдалась движению небытия и, наверное, почувствовала от этого облегчение. *Там хорошо всем тем, кого ничто не связывает с бытием.*

Тишину разорвал настойчивый сигнал тревоги, в палату ворвалась санитарка и я услышала ее мат, крики. Через минуту палата наполнилась людьми, слух занемел от гула голосов, обоняние забилось от запаха потных взволнованных тел, и длилось это довольно долго, потому что я успела устать: устать от ожидания тишины. Я уже привыкла к ней, срослась с нею и любое движение, суэта не просто раздражали, а насильно возвращали в мир, в который я еще не готова была вернуться, - слишком привычным для меня стало состояние доминирования я-психики: внутреннего созерцания, логических построений, самоанализа. Я отвыкла от всего того, что называется повседневным существованием, бытием, мне нужно было время для адаптации в текущем ритме социума.

Наконец тишина наступила, и я приготовилась проанализировать случившееся, еще раз по памяти отследить уход психики соседа в последний путь, но не успела. В палату вошел человек и вплотную приблизился ко мне. Я каждой клеткой своей бодрствующей психики ощутила его возбужденность, повышенную раздражительность. Эмоции переполняли это рядом стоящее тело и меня начало тошнить от их запаха, от его навязчивой насыщенности и вьедливости.

- Что сучка, не спишь? – я не поверила, но это действительно обращались ко мне. Я еще плохо чувствовала и понимала, но, по всей видимости, из моей вены хотели взять кровь, потому что переполненное раздражением тело долго возились с правой стороны моей кровати.

- Не напрягай руку, расслабь ее. – Но я не только не напрягла руку, я ее совершенно не чувствовала!

- Я кому сказала не напрягать руку – что-то похожее на удар по лицу всколыхнуло мою голову. Ощущения были далекие и непонятные, но со мной что-то делали, я это чувствовала по тому, как раздражимость этой женщины становилась все сильнее, и все более активно разъедала мое внутреннее «я». Его словно разрушали ломками, кромсали топорами, насильовали пьяной толпой. Больно было не телу - боль разносилась по психике, причем такая же страшная и парализующая, как и во время соприкосновения со смертью. Она не пекла – она удушала, перекрывала доступ кислороду.

Вдруг далекая, уже забытая физическая боль пронзила мою руку – это было так неожиданно и так обжигающе, что я содрогнулась всем телом. Видимо она задела какой-то важный нерв.

- Чего дергаешься, все равно скоро загнешься. – Все что творилось со мной, было похоже на кошмарный сон. Я видимо действительно сходила с ума, потому что такое обращение невозможно в больнице, это бред, горячка, галлюцинация!

Я попыталась растормошить себя, вывести из состояния безумия. Возможно, на миг я потеряла сознание, потому что когда я вновь обрела целостность, способность узнавать себя, рядом уже никого не было: ни этой страшной женщины, ни соседей по реанимации. В палате я находилась совершенно одна. А вообще, был ли кто рядом со мной? Была ли смерть соседа на самом деле, или мне это привиделось?

Я попыталась сконцентрироваться, напрячь остатки внутренней энергии, чтобы вслушаться, понять насколько происходящее соответствовало моему присутствию в себе и для себя. Возможно, в восхождении к бытию чужое событие прокралось в мое я-мировоззрение, закрепились в нем и приняло облик действительности? Возможно, на самом деле, в бытии всего этого не происходило?

Я перестала понимать происходящее. Что-то похожее на головокружение и тошноту затуманили сознание, и оно отключилось, вновь оставив я-мировоззрение без своей поддержки. Я вновь стала проваливаться в небытие. Что творится вокруг меня, что за чудеса происходят? Чем глубже я-мировоззрение низвергалось к смерти, тем тише становились вопросы, тем плотнее обволакивала обстановка небытия. Из одного состояния неопределенности, я перешла в иное, и начались новые испытания, новое обозрение.

Я вдруг отчетливо услышала голоса мамы и свекрови – они открыто, не таясь, обсуждали мое будущее.

- Бедная девочка, какая беда свалилась на нее, кто мог такое предполагать? – причитания мамы были далеки, но я слышала их, воспринимала своим проснувшимся *нечеловеческим* слухом. – Чем я могу ей помочь?

- Мы только сами себе можем помочь, но вот нужно ли? Кто вернет мне сына и внука? Зачем дальше жить, Лида? – голос свекрови звучал глухо, отчужденно. Хоть она и обращалась к маме, но на самом деле, чувствовалось, что она говорила сама с собой, со своим внутренним «я» – теперь я понимала ее.

- Не знаю Света. Кто мог о таком подумать?

- Вот и я не знаю. Жизнь прошла, а кто в ней остался, один Ваня? Был сын – погиб, был любимый внук – погиб, а нам то зачем жизнь? Когда некому себя посвятить, когда не видишь будущего, разве это жизнь, Лида? Это не жизнь, это сплошное страдание. – Надолго восстановилась тревожная тишина. Причем это было не столько внешнее состояние – это было состояние внутренней тревоги, *вопрошания*. Я не просто *слышала* эту тишину, я *в* ней и *с* ней сосуществовала. Впервые низвержение в ничто пробуждало не гул многоголосья разорванных фрагментов я-мировоззрений, а тишину: мертвую, гнетущую, довлеющую.

А может, это и не было низвержение, может, я слышала голоса мамы и свекрови, присутствуя в бытии? Возможно, они проникали в мой мозг извне, через стены палаты?

Я полностью запуталась в событиях и была близка к отчаянию. Я вдруг увидела себя маленькой девочкой посреди огромного леса: он стеной окружал меня со всех сторон. Было темно, холодно и до оцепенения жутко. Я была загипнотизирована этим лесом, раздавлена его могуществом и, практически умерев от страха, молча, плотно закрыв глаза, стояла подавленная ужасом. Я слышала голоса родителей и папиных родственников, они кричали, звали, надрывались: «Света! Света?! Где ты? Аукни». Но меня парализовала мощь и величие леса, который заколдовал не только мои голосовые связки, но и мысли, дыхание, зрение. Я была совсем рядом от людей, на расстоянии нескольких шагов, слабого крика, но эти несколько шагов для меня превратились в вечность, потому что масштаб окружающего зрелища был настолько емко и велик, что между мной и ищущими меня родственниками стала стена, которую немислимо было преодолеть.

И даже когда кто-то из близких наткнулся на меня, чуть не опрокинув, и с безумной радостью, со слезами на глазах завопил: «Она здесь, она жива!», я все равно молчала и не могла выбраться

из-под той мощи величия, которая не просто давила, а заполняла меня. Я видела, как со всех сторон сбегались люди: мама с заплаканными глазами, отец, весь белый от испуга, бабушка, дедушка, тети, дяди, чужие лица. Они обнимали меня, целовали, трогали, тормошили, но я еще долго молчала и боялась пошевелинуться, потому что они были всего лишь людьми: близкими или далекими, только на мгновение потерявшими меня в лесу в Бурятии, куда мы приехали погостить к бабушке, родителям отца. Никто из них, даже в своей совокупности, не впечатлял меня так, как впечатлил лес, его мощь и сила – это было новое, для меня неизвестное состояние. Возможно, именно поэтому оно так напугало меня и одновременно втянуло, наполнило, обнажило лучшее и сокровенное. Я словно растворилась в нем, растаяла как снежинка на ладошке. Но это таянье было не простым исчезновением из жизни, а растворение в Великом, исчезновение в масштабном и глубоком. Уже тогда мне открылась разница: люди всегда обычны, просты и доступны, а все то, что предшествовало человеку: лес, природа – это глубина, величие, это мощь веков!

- Главное не дать ей сойти с ума от горя. Она молода, впечатлительна, ранима. Самой ей не справиться со свалившейся бедой. Это нам, уже пожившим проще, скольких уже похоронили... Нужно всегда находиться рядом с ней, развлекать, отвлекать от мыслей, ведь она даже не знает, что и Андрюшка погиб. Потерять сразу мужа и сына, - ни одна женщина с таким горем не справится. – Каждое слово свекрови как приговор суда лишало меня будущего. Но самое страшное, я не могла понять, в каком мире все это происходит? Я вновь лишилась факта присутствия и затерялась между бытием и небытием. Это падение в ничто, или я слышу голоса реальных людей?

Но в любом случае, это был приговор: я боролась за возвращение к бытию, за сохранение целостности внутреннего «я», но всего этого оказалось мало. Оказывается, нужно победить не только внутреннюю слабость психики, сохранить целостным внутреннее «я», сколько преодолеть предрассудки родных и близких мне людей, заставить их не только поверить в мое горе, но и раскрыть им понимание того, что я еще хочу продолжать жить. Что в свои тридцать два года я не хочу становиться черной вдовой и до-

живать оставшийся промежуток жизни, оплакивая уже навсегда ушедших мужа и сына. Что не правильно жить прошлым, тем самым, славя смерть и боль. Мы, люди, должны жить только будущим – ведь я это видела там, в небытии. Эта истина открылась передо мной, высветила свое содержание, и я точно знала, что жизнь прошлым – это не наш уровень совершенства. Прошлое – это наша история, которую мы должны знать, уважать и изучать для организации более полноценного присутствия в себе и для других. Но жить мы должны будущим, потому что только предвидение и прогнозирование предстоящего, наполняет жизнь смыслом и значимостью. Чем дальше и глубже мы видим, тем просветленнее наша жизнь, тем совершеннее существование, тем весомей наш след в истории цивилизации.

Но как убедить родителей в том, что горе, это не просто слезы и истерика убитого несчастьем человека, но это еще и борьба за дальнейшую жизнь; что это еще и сама жизнь, только иная, более насыщенная, заполненная яркими событиями, потому что приходится не просто жить, а жить за троих. Как доказать близким, что продолжение жизни – это не столько гложущее и съедающее чувство вины перед погибшими, сколько наоборот, *жизнь для них и во имя их*. Ты словно посвящаешь свою жизнь трагически ушедшим, и это совершенно преображает ее смысл: насыщает, углубляет, расширяет. Ты уже не можешь «просто» жить, ты поставила себе планку жить масштабно, ярко, Великим, потому что это становится твоим *предназначением*. Твоя жизнь обретает цель, направленность, причем цель глобальную, обзревающую твою перспективу до самого конца. И ты, видя этот конец, зная о том, что придет время воссоединиться с уже ушедшими и отчитаться перед ними, аргументировать свою жизнь *без них*, творишь действительно великое, яркое, *историческое*. Предназначение в жизни лишает тебя выбора – ты *обязана* творить только значимое и полезное для общества, потому что мелкие победы и достижения никогда не оправдают тебя на кону истории.

Как озарение мне открылось, что новым ориентиром системы образования должно стать формирование *предназначения* психики, ее должностования и потребности обнаружения себя в глобальном и значимом. Выйдя на новые уровни совершенства, я-психике уже

мало передавать и распространять знания, она должна себя чему-то посвящать. Для я-психики становится немаловажной возможность реализовывать себя в присутствии для других, и это и есть ее предназначение. Как для меня спасательным кругом выступило предназначение жить во имя моих мальчиков, так и для любой другой психики предназначение выступит не только ориентиром и движущей силой, но и *смыслом* ее присутствия в бытии. Присутствие в себе, для себя и для других обретает смысл только тогда, когда у я-психики сформировано *предназначение*.

Поэтому впереди у меня нет времени на слезы и проявления слабости. Я должна многое успеть сделать и определиться в чем и как реализовать себя.

Зачем мы сами себе создаем проблемы в жизни? Зачем руководствуемся предрассудками и тратим на их преодоление годы своей жизни? Хорошо если у кого-то на это есть время и им его не жалко. Но у меня времени в запасе совершенно не осталось. Я не могу с легкостью расставаться с тем, что с таким трудом отвоевала у смерти. Я вынуждена действовать продуктивно, еще больше сконцентрировавшись, мобилизовавшись, потому что у меня есть предназначение, цель – жить во имя моих мальков! Поэтому в отличие от других мне жить и делить радости жизни придется на троих, поэтому все мои достижения должны быть емкими, насыщенными и качественными. Я должна успеть воплотить в повседневную жизнь то, о чем мечтал Димка и Андрюшка, я должна успеть оставить след в жизни за нас троих, чтобы спасти от обезличивания их я-мировоззрения, чтобы обессмертить себя, а с собой и их. И я все это успею сделать, только не мешайте мне и не отвлекайте. Дайте мне хотя бы *привыкнуть* к возвращению в бытие, втянуться в повседневный образ жизни – обозрение небытия существенно перекроило внутреннюю систему взглядов, поэтому мне в дикость стали многие проявления бытия, начало удивлять то, на что я раньше совершенно не обращала внимания. Возможно, что-то изменилось в бытии пока я отсутствовала, а, возможно, так сильно изменилась я, вернувшись в бытие из обозрения небытия.

Но где я сейчас, в каком мире?

Вдруг рядом раздался искренний, весенний смех.

- Света, ты ли это?

Я обернулась, передо мной стоял новый рассыльный нашего банка, по-моему, звали его Дима. Он так смешно отводил глаза от моих пышных грудей, старался смотреть только в глаза, что я не смогла удержать улыбки. В нашем отделении банка только у меня была такая пышная грудь, и поэтому практически все девчонки мне молча завидовали, а парни оказывали робкие услуги, которые трудно назвать вниманием - слишком строга я была и недоступна, чтобы открыто разрешать им ухаживать за собой. И все к этому уже привыкли и смирились, одни искоса поглядывая и завидуя, другие, украдкой бросая взгляд и глотая слюни. Только этот новичок, хоть и стыдливо отводил глаза, но заигрывал ко мне, бесстрашно подступал, даже, несмотря на мои предостерегающие свирепые взгляды.

И вот, на пути к себе домой я столкнулась с ним лицом к лицу.

- Нет, не я. – Это сказала не я, а моя гордость. Я хотела пройти мимо, но он удержал меня, и это было так неожиданно для меня и приятно, что я растерялась.

- Это ты, и на этот раз ты от меня никуда не денешься – он крепко держал меня за локоть и, уже уверенно, смеясь, смотрел мне в глаза. Я была крупная и высокая девушка, по телосложению немного, но крупнее его. Но в его глазах не было ни испуга, ни растерянности. Несмотря на свою худощавость и внешнюю невзрачность, он был силен внутри – стержень, который чувствовался, вызывал уважение и робость.

- Давай сходим в кино?

- Я занята. – Словно прокручивая пластинку говорила не я, а та, которая сидела и управляла моей гордостью. Она всеми силами стремилась отстоять мою свободу и независимость. На тот момент я не могла представить себе, что кто-то сможет меня подчинить себе, что я под кого-то буду подстраиваться. Моя фамилия - Алмазова, и я не собиралась менять ее на какую-то другую фамилию, становиться Сучковой, Пупкиной, той же Милевской. Я вспомнила его фамилию – Дима Милевский. Неужели этот дурачок надеется, что я стану Светланой Милевской? Глупышка. Наивный воробушек.

Но Дмитрий Милевский оказался глух к моим возражениям. Он словно не слышал меня, не проникся моей строгостью и нежеланием. Он гнул свою линию, причем на этот раз нагло, вызываясь:

- Я знал, что ты согласишься – не отпуская меня, он пошел рядом – А потом, я приглашу тебя в кафе, посидим, мороженое покушаем.

- Я не ем морожено.

- Тогда я покушаю, а ты за мной понаблюдаешь.

Он удивлял меня своей наглостью и, наверное, подавлял. Я привыкла, что парни отступали сразу, достаточно было моего взгляда. А здесь, меня словно не слышали и не замечали, с ним ни одна моя защита не срабатывала и я растерялась. Мне это понравилось. Впервые не я, а мной кто-то руководил и управлял, а я была просто девушка, как в этих глупых, бессодержательных мексиканских сериалах. Я шла рядом с ним, не узнавая себя. Я не слушала его болтовню - у него рот не закрывался ни на минуту, но я и не сопротивлялась, шла неизвестно куда и, практически, не известно с кем.

- А ты вообще, кто такой? – я попыталась снова его срезать, унижить, все расставить по своим местам, но он только расхохотался.

- Я же тебе уже говорил, я Дмитрий Милевский, судьба твоя.

Это было убийственно. Он ломал меня своим смехом, он притягивал к себе своей непосредственностью, и я уже не сопротивлялась, а шла, как глупый теленок за поводирем.

Мы посмотрели на удивление интересный фильм, потом посидели в кафе, я даже что-то покушала. Я его практически не слушала, а все время пыталась ответить на мучавший меня вопрос – нужно ли мне все это? Ведь у меня и так все хорошо: жить есть где, кушать есть что, общаться есть с кем. Да, у меня не было парня, но в настоящий момент он только помешал бы мне в карьерном росте, отвлек от более важных вопросов внутреннего совершенства. Да и, наконец, это же глупо поменять фамилию Алмазова на фамилию Милевская, кто в этом случае назовет меня умной?

И чем больше я в себя вслушивалась, чем больше анализировала свою жизнь, тем больше понимала, что нужно. Видимо именно этот человек, практически не слушавший меня, сможет дать мне

то, чего мне уже не хватало – семью. Я уже хотела ребенка, хотела *своей* кров и быт; во мне все настойчиво пробуждался материнский инстинкт, который требовал выхода, постоянной близости с мужчиной. И я, практически зная его всего несколько часов, понимала, что смогу дать ему многое, а он то, что не хватало мне – свое мужское начало, для меня, правда, только дополнение, но такое нужное и незаменимое.

Семья – это соединение двух начал: женского и мужского, одно из которых обязательно должно доминировать. И, как правило, доминирует мужское начало, видимо, это заложено природой – мужчина добытчик, лидер, организатор. Но для меня сильное мужское начало не подходило, я сама была сильной. Для меня мужское начало было важно именно как дополнение, как то, чего я не могла в себе воспитать и довести до совершенства. Все остальное я дам и сделаю сама, главное, чтобы это мужское начало было самостоятельно и не подстраивалось под меня, а именно *дополняло*. И вот этим он меня взял: даже со мной он оставался самим собой, хотя внутри, и я это видела, он сам был шокирован своей смелостью и напором. Он играл на грани истерики, совершенно не задумываясь о том, что делает и о чем говорит. Но как говорится: «Смелость – города берет» - своим отчаянием он мне и понравился.

Он не замечал мою строгость и неподатливость, не обращал внимания на мои возражения и глупые женские капризы. Большую часть моего возмущения он превращал в шутку, а на многое вообще не обращал внимания. Это был действительно мой мужчина, я это поняла и больше не сопротивлялась. Через три месяца на удивление всех мы расписались. Я создала свою семью и стала Милевской, оставив вместе с фамилией Алмазова многое из того, что не подходило для Светланы Милевской. Вместе с фамилией я словно поменяла личину, тем самым полностью оправдавшись перед собой и найдя внутренний компромисс. Иначе бы свадьба не состоялась – я была чрезмерно горда и неуступчива. Но именно это и многое другое осталось с фамилией Алмазова, а с фамилией Милевская я взяла только самое необходимое и нужное для счастливого и гармоничного брака, для рождения и совместного воспитания детей.

Ощущение острой боли вернуло меня в бытие. Теперь я точно знала, что все виденное до сих пор – это были картины небытия. Я снова обрела точку опоры, даже не пытаюсь разобраться в только что увиденном. Адская боль меня окружала и назойливо ломала, крутила, выворачивала наизнанку. Впервые, за долгое время я испытывала именно ощущение физической боли. Я, наверное, закричала, хотя собственного крика не слышала, но рядом раздался этот знакомый и уже внушающий мне ужас голос:

- Терпи, сучка, угробила семью, так молчи, если не собираешься умирать. – Мозг прорезал этот чужой въедливый запах эмоций и раздражения, и я снова впала в состояние прострации: разве такой бывает действительность? Что со мной происходит? Я чувствовала, как моя кровь мощными волнами начала заливать мозг. Я еще не полностью ощущала свое тело, но мой мозг, то, что оставалось во мне живым и полноценно функционирующим, захлебывался в крови и тонул. Он не мог дышать, он медленно шел ко дну.

- А ну успокоилась, дрянь! – Мозг как корабль начал переваливаться с волны на волну: меня или били по щекам или трясли за голову. Мысли начали терять свою стройность и порядок. Так вот оно какое бытие? Ради этого я карабкалась из небытия, *выживала*?

- Очнись, гадина, приди в себя! Не смей терять сознание! – этот голос преследовал меня, уничтожал, вбивал в землю. Нечто подобное я уже испытывала в небытии, когда из глубин мне открылась малосодержательность собственного присутствия. Но ведь то было *откровение и понимание* своей ничтожности, там были факты и доказательства, которые унижали, смешивали с грязью, но заставляли задумываться, бороться, исправляться. А здесь, в бытии, я испытывала реальное физическое насилие, на которое не могла ничем ответить. Я не понимала причину ненависти ко мне этой женщины, корни ее жестокости. Чем я провинилась перед ней, - тем, что выжила, не умерла? Но я выжила для того, чтобы оправдать смерть своей семьи, чтобы принести пользу человечеству, в том числе и таким как она. За что унижать меня физически и издеваться, пользуясь моей беспомощностью?

Мне тяжело было рассуждать и тем более понять сложившуюся ситуацию, потому что боль переполняла меня, зашкаливала и

требовала выхода. Но, чем я могла помочь себе, как потушить пожар обиды, гнева, боли и страха внутри? Как озарение, просвет, мелькнула странная мысль: единственным спасением от этого кошмара оставалось бегство в небытие, в котором я могла переждать этот непредвиденный ужас, спастись от боли и унижения. И не задумываясь над последствиями, тут же, я впервые самостоятельно бесстрашно ступила в бездну, провалилась в ничто, и голос сразу пропал. Я убежала от него, я снизила давление боли! Последнее, что связывало меня с бытием, замерло на поверхности, а я стремительно начала низвергаться к смерти.

И вдруг я почувствовала, как движение небытия подхватило меня и понесло. Его влечение становилось все быстрее, стремительнее, меня сдавливало, лишнее и напускное отлетало и исчезало позади: меня словно раздевали на ходу, причем, не расстегивая одежду, а срывая ее, разрывая в клочья. Не прошло и мгновения, как от меня осталась только основная часть: очищенная, обнаженная, девственная. Осталось только основное, далее неделимое, то, что определяло мою индивидуальность, что лежало в основе моего «я». И именно этому оставшемуся открылась возможность созерцать и запечатлевать происходящее со мной. А то, что мне открылось, было грандиозно и достойно любых жертв - *я видела судьбу человечества*: его прошлое, настоящее и будущее. Я видела не просто совокупность фрагментов я-мировоззрений ушедших поколений, а именно единство потока, масштаб движения небытия, который и определяет основу человеческого существования. Я обозрела первооснову человеческого бытия как неделимое целое, как мерно разворачивающееся начало, проявляющее себя только избранным.

И я была избранной.

Как в детстве в лесу, я не столько испугалась увиденного, представшего перед моим неокрепшим мозгом, - наверное, в то время я не понимала еще, что такое страх, - сколько почувствовала *соединение* с этим величием, ощутила на себе истинную грандиозность предстоящего мира. Так и сейчас, когда я уже познала чувство страха, когда на себе прочувствовала состояние, превосходящее обыкновенную человеческую боль, обозрение потока фундаментального вызывало не страх, а оцепенение от восхищения открывши-

мся величием. То, что я испытывала, обозревая поток фундаментального, больше напоминало недоумение от возможности происходящего, ощущение предельного наслаждения, экстаза от соприкосновения со сверхъестественным, Божественным, грандиозным, которое, на самом деле длится мгновение, но это мгновение воспринимается как целая жизнь. Я ощутила сопричастность с существованием мира, с энергетической сердцевиной разумной материи – присутствием для Другого. Я словно окунулась в глубины первоизданного, охватила структуру Мироздания, предельно наполнилась энергией Вселенной.

Но где свидетели моего триумфа? Где толпы завидующих и восхищающихся? Кто оценит мою избранность и мой подвиг? Кто увидит, как именно я – единственная и неповторимая, соприкоснулась с фундаментальным и первая смогла обозреть его? И понимание неоченности подвига, разочарование от отсутствия зрителя, начало подтачивать, разрушать грандиозность происходящего, разъедать величие события, но все это происходило уже вне меня, потому что *я уже стала историей*.

Я входила в историю, потому что принимала возможность своего одиночества и избранности. Но для меня было важно другое, что я обозревала существование фундаментального, видела первооснову человеческого бытия и мало того, понимала, что я была ее составляющей. Мое присутствие в небытии важнейшим элементом образовывало основание этого грандиозного сооружения, которое не просто возвышалось как история, а которое *текло, двигалось, эволюционировало*. Это был целостный, развивающийся организм, в котором я выступала составной и незаменимой частицей. Я чувствовала свою значимость, понимала свою необходимость, поэтому не просто присутствовала в этом движении грандиозного и фундаментального, а соучаствовала в его процессах, своими скромными силами дополняя его мощь и величие.

Насколько я понимала из обозреваемого, таких целостных «я», участвовавших в потоке фундаментального, больше не было. Во всяком случае, я их не наблюдала, хотя допускала, что их присутствие возможно, ведь присутствовала же я на этом зрелище. Все остальные элементы потока были фрагментами разорванных «я», которые не носились беспорядочно и с криком, как мне казалось

ранее, а организованно увлекались в будущее, точнее, будущее их втягивало в себя: структурируя, систематизируя, распределяя и организуя в строгие, определенные иерархии. Во всяком случае, мне показалось, что эти разорванные фрагменты я-мировоззрений ушедших поколений *кто-то* распределял и систематизировал для изучения или прочтения. Возможно, *кто-то* по ним анализировал человеческое существование и делал определенные выводы, прогнозы; возможно, для *кого-то* человеческое существование представлялось будничным исследованием, творческим заданием, и он собирал данные для строго аргументированного научного отчета? Но кто бы это ни был, масштаб происходящего поражал. Это был действительно эксперимент планетарного масштаба, который проводил еще более Великий и Грандиозный. Если *Он* сумел втянуть в свое исследование целую планету с шестимиллиардным людским населением, то кто же тогда *Он*? Где *Он* находится и куда это движение небытия направлено?

Я чувствовала себя не просто одинокой и заброшенной в чужом мире, но и виноватой – *преступницей*, которая без разрешения проникла в чьи-то запретные владения. Успокаивало только то, что масштаб происходящего однозначно указывал на то, что это не я сама захотела сюда попасть и проследить за происходящим - это *Он* захотел. Ворочая человеческим существованием, определяя прошлое, настоящее и будущее человечества, эта неизвестная мне сила не просто уже знала, что я здесь нахожусь, но наверняка сама меня сюда затянула. Но для каких целей? Зачем меня сделали *избранной* и открыли тайны существования фундаментального? Что мне даст это обозрение происходящего, из которого я и десятой части не поняла и не постигла, ведь я не готова к этому?! Чтобы обозреть предстоящее величие, нужно не просто быть умным и начитанным, нужно еще быть *раскрытым* и *подготовленным* для этого обозрения. Открытость указывает на возможность психики к масштабному постижению действительности, а готовность говорит о том, что психика, обозрев существование фундаментального, сумеет выстоять и унести в себе это обозрение, потому что грандиозность увиденного раздавит неподготовленную психику как многотонная плита.

Но я же видела движение небытия, обозревала и оставалась целой?!

Неужели гибель моих мальчиков в автокатастрофе настолько закалила мою психику? Неужели я в состоянии не просто обозревать первооснову человеческого существования, но и впитывать ее, сохранять, для того чтобы нести это понимание дальше, возможно вынести его на поверхность, в бытие? Но зачем? Я слабая женщина, которая до сих пор не может утвердиться ни в одном из миров, которая не смогла даже уберечь свою семью...

Но вопросы как осколки отлетали, не задевая основания моего «я». Как загнипнотизированное оно обозревало происходящее, с каждой секундой присутствия успокаиваясь и обретая точку опоры. Оно словно вернулось в родную среду, недостающим звеном вплелось в восходящий поток эволюции и, заняв свою нишу, насыщалось Родиной: своим родовым причастием к происходящим событиям.

Но откуда это чувство родного во мне, ведь я здесь впервые, я никогда ранее даже не подозревала о возможности подобного зрелища? Неужели это было до меня? Но с кем и, причем здесь я?

Последние вопросы остались без ответа, который, в принципе, мне уже и не требовался - я начала *понимать* происходящее, я наконец-то *прозрела*. Окружающий меня мир – это комплекс известного и неизвестного о предшествующем существовании, *дочеловеческом*. Я здесь временно и по приглашению, для того, чтобы постичь основание бытия и в повседневной жизни больше не разминаться на мелочи и второстепенное. Я здесь, чтобы открыть и увидеть в динамике определяющие критерии фундаментальности, чтобы научиться творить капитальное, мощное, великое. Обозрение первоосновы человеческого существования раскрывало совершенно иное понимание повседневной жизни: мне открылось, что все происходящее в бытии нужно не столько для меня, сколько для того, *Кто* проводил этот эксперимент над планетой. Вся обозреваемая суэта живущих и здравствующих, борьба с повседневными проблемами, тяга к материальным благам, удовлетворение примитивнейших потребностей, склонность к развлечениям и праздности, это все уже известно *Ему* и, наверное, уже не интересно, потому что человечество, если брать его в целом, слишком ограничено и

примитивно в своих желаниях и действиях. А *Ему* хочется чего-то нового, *Он* ждет событий, которые бы удивили *Его*, сразили, вышли за рамки стереотипного поведения людей. Возможно, поэтому *Он* и пригласил меня, чтобы я посмотрела, раскрыла содержание происходящего и удивила *Его*. Но чем?

Чем я могу удивить того, кто формирует и определяет судьбу человечества? Я такая же, как все, мне совершенно не чужды человеческие слабости. Я никогда не интересовалась проблемами планеты, перспективами цивилизации Земли - мне это было совершенно безразлично. Для меня всегда главным и авторитетным считались: счастье и достаток в семье, смех сына, сытость мужа, здоровье родителей, а человечество, его настоящее и будущее – этим пусть занимаются другие, у которых нет семьи, нет детей, нет ежедневных проблем и забот. Как можно заботиться о судьбах цивилизации, если мы не в состоянии управлять своей судьбой, если мы не всегда можем заработать на хлеб насущный, удовлетворить простейшие потребности и запросы я-психики? Возможно, когда человек научится управлять своим настоящим и будущим, когда сможет предрешать жизни своих близких и родных, тогда можно задумываться о перспективах цивилизации, выводить деятельность на планетарный уровень. А так, какая от меня польза цивилизации, если я не смогла уберечь даже свою семью, предостеречь ее от случайной, нелепой гибели? Цивилизация хочет от меня такого же конца?

Проявившийся сарказм остановил низвержение в ничто и послужил сигналом к восхождению обратно, в бытие. Видение существования фундаментального практически сразу стало отдаленней и менее отчетливым. Я выходила из этого мира, точнее *Он* возвращал меня назад для того, чтобы я отдохнула, свыклась с увиденным, осмыслила происходящее, открывшееся в содержании. Обозрение первозданного допускается небольшими порциями, потому что оно втягивает, увлекает за собой, в нем легко заблудиться и не вернуться. От всего увиденного, как миг запечатленного, в памяти осталось только два события: понимание присутствия в мире *Его* и то, что *Он* ожидал от меня чего-то необычного и непохожего. Но что мне сделать, в чем реализовать себя, чтобы удивить *Его*, возможно, отблагодарить за то, что *Он* вернул опору, понимание ис-

тинного смысла человеческого бытия? Чем можно удивить подобное величие?

Я пришла в себя и первое, что указало мне на это, был раздавшийся у изголовья незнакомый мне голос:

- Она пришла в себя и, судя по анализам, ей с каждым днем становится все лучше. – Голос был добрый и душевный. За эти дни я научилась различать тончайшие оттенки звуков, ощущать каждую составляющую человеческих интонаций.

- Доктор, а когда вы снимите с ее глаз повязку? – это был до боли родной голос матери. В нем я различила оттенки тревоги, заботы и боли. Мама-мама, как тебе бедной досталось в этой жизни.

- Через неделю. Сейчас она быстрее пойдет на поправку.

- А когда она сможет разговаривать?

- Недели через две-три: у нее сильно пострадала челюсть и лицевые нервы. Но вы не переживайте, вы разговаривайте с нею, будьте рядом, она вас слышит и думаю, что ей нужно ваше присутствие и участие.

- Конечно доктор, я всегда рядом.

Я отчетливо услышала шорох материи, прочувствовала движение, и удаляющийся приятный запах чистого, здорового женского тела, с легким ароматом французских духов. Доктор была молода и здорова, а буду ли я такой?

Мы остались с мамой вдвоем. Я попыталась вслушаться в тишину палаты и ощутить присутствие других тел, но кроме присутствующей мамы я никого больше не обнаружила. Неужели мы действительно одни, но где же остальные, ведь они были?

- Доченька, ты слышишь меня, если да, то подай хоть какой-нибудь знак. – Голос матери был полон слез и отчаянья. Не это мне нужно мама, этого добра у меня и самой хватает.

Я даже не пыталась наладить с мамой хоть какой-то контакт. Что я могла взять от нее: поддержку, надежду? Но я всеми своими полуразрушенными органами чувств ощущала, что маме самой нужна поддержка и моя помощь, ведь речь шла не о здоровом теле, а о здоровой психике. А мамина психика была подавлена и, наверное, даже не мной и теми событиями, которые произошли со мной,

а давно, еще до моего появления - ее собственной судьбою. Мама была добрая, терпеливая, услужливая, но теперь я понимала почему – потому что в основании ее психики лежало полуразрушенное я-мировоззрение, потому что ее внутреннее «я» было неустойчиво и не являлось мощной опорой, фундаментом, на который всегда можно опереться в моменты принятия критических решений.

Мама-мама, ты всегда была для меня образцом терпения и преданности, но неужели это все от твоей внутренней слабости? Неужели твоя доброта души – это от полуразрушенности я-психики?

Понимание фундаментальных процессов человеческого бытия, которое открылось мне после обозрения небытия, в совершенно новом свете представило содержание близких мне людей. Я словно переосмыслила их, раскрыла для себя не поверхностные, а глубинные основания причин их поступков и поведения. Словно шестнадцатилетний подросток, в психике которого только сформировался нейронный ансамбль сознания, я научилась видеть внутренний мир окружающих людей, различать оттенки их поведения, выделять основу их внутреннего «я», т.е. идентифицировать их, исходя из особенностей свежеформированного я-мировоззрения. Вот и маму, самого близкого мне человека, я увидела в совершенно ином свете, и во многом, только теперь я смогла объяснить ее поступки и мою несостоятельность применить их в своей жизни.

Я полные семнадцать лет прожила с родителями и видела место и роль мамы в организации и сохранении нашей семьи. Многого мне не нравилось, но, тем не менее, факт того, что они с отцом прожили вместе больше тридцати лет, говорил о значимости ее роли в сохранении семьи, о важности умения идти на компромисс. А, как правило, только мама искала компромиссных решений, потому что отец был более жестким и принципиальным. И чем больше мама шла на уступки, тем чаще папа показывал свои принципы, потому что знал, в любом случае все будет так, как он хотел.

Я это видела и, в принципе, принимала как должное. Но сейчас я увидела разницу уступок со стороны мамы, и компромиссов с моей стороны, в наших отношениях с Димой. Я, как и мама, часто уступала Диме, но это были компромиссы принятые сознательно. Я научилась выделять в повседневном бытии события важные для

себя и малозначимые, второстепенные. Дима не понимал, что в нашей повседневности было очень много поверхностных и совершенно не главных для меня вопросов. Наверное, поэтому чаще всего уступала я, и он чувствовал себя лидером в семье, как это принято говорить «хозяином».

Я никогда не рвалась на лидерское место в семье, потому что была воспитана в среде, в которой отец был действительным лидером, и в этом я не видела ничего плохого. Мужчина должен быть лидером, иначе, что это за мужчина? Поэтому я оставляла Диме возможность чувствовать себя вожаком в семье и всегда при посторонних людях это лидерство подчеркивала. Мне нравилось казаться слабой, потому что я выросла на понимании того, что женщина должна быть слабой и постоянно нуждаться в опеке и защите. Если женщина не будет слабой, то возникает вопрос, - зачем нужен мужчина?

Но когда речь заходила о вопросах с моей точки зрения определяющих и значимых, я отстаивала свою позицию жестко и не оставляла места для компромиссов. И Дима знал, что есть целый перечень вопросов, по которым со мной лучше не дискутировать, и тем более не затрагивать их при посторонних, потому что в любом случае, я оставляла за собой последнее слово. Помню, один раз он пошел на принцип и хотел довести свою значимость в вопросах, которые были для меня важны. Возможно, мои частые уступки послабили его, возможно, он меня недооценил, но он нарвался на наш первый и последний скандал, который едва не завершился распадом нашей семьи. Во всяком случае, я готова была пойти даже на это. В той ситуации я не оставила ему ни капли надежды, дело дошло до того, что я начала собирать свои вещи, чтобы бросить его, и тогда, по-видимому он открыл истинное положение вещей, понял, кто в доме настоящий «хозяин». Во всяком случае, после того разногласия, все границы наших отношений были строго обозначены, и каждый соблюдал выработанные правила. И это значительно облегчило нам жизнь, причем, внутренний мир каждого из нас остался целостным и не разрушенным. Никто никого не подавлял, не унижал, не оскорблял чувство внутреннего достоинства. Все вели себя корректно, согласно договоренностям: я уступала ча-

сто, но в мелочах, он уступал редко, но в вопросах, для меня принципиальных и значимых.

В этом и заключалось наше различие с мамой: мы пришли к одному и тому же результату, но с совершенно иных позиций. И только теперь я это поняла. Только теперь до меня дошло, почему мама не могла добиться от отца важных для меня решений. Потому что, если разобраться, мама ничего не могла добиться, так как в ее системе взглядов напрочь отсутствовала основа, тот внутренний стержень, на который можно опереться, оттолкнуться для принятия важного решения. Мама никогда бы не смогла забрать нас, детей, собрать вещи и уйти от отца, а я бы, если бы Дима нарушил наши договоренности, сделала бы это не задумываясь, причем, вычеркнув Диму из своей памяти навсегда. Я бы никому и никогда не позволила топтать свои принципы и унижать внутреннее достоинство.

Поэтому, чем она могла мне сейчас помочь, если даже раньше, все принципиальные решения я принимала самостоятельно?

Чем больше я задумывалась над своим возвращением в бытие, тем больше понимала, что мое возрождение будет связано с совершенно новым для меня состоянием присутствия в бытии – *с одиночеством*.

Всматриваясь в проблему одиночества, анализируя ее с открывшихся глубин небытия, я открыла нечто неожиданное и поразительное для себя. До недавнего времени я считала, что проблема одиночества вызвана, прежде всего, несовершенством внутреннего мира человека. С моей точки зрения, чем меньше человек был интересен, чем низших материальных, социальных или духовных вершин он достиг, тем труднее ему было адаптироваться в повседневной жизни. А чем человек внутренне совершеннее, богаче, тем больше места в его жизни занимает общение: знакомства, путешествия, переписка в интернете. На мой взгляд, совершенство человека напрямую было связано с качеством его общения, поэтому одиночество являлось уделом неудачников. Например, до автокатастрофы, лично для меня такой проблемы в принципе не существовало, потому что когда человек живет по общепринятым правилам, когда он реализует себя в повседневной жизни и при этом добивается определенных результатов, он попросту не может быть один,

потому что через общение он самоутверждается, обретает авторитет и представительность. В общении человек заряжается энергетикой окружения, получает необходимые знания, навыки, умения, поэтому, с одной стороны, качественное общение способствует более масштабной реализации личности, с другой – жизненные достижения открывают доступ к еще более качественному общению на более высоком социальном уровне. Одно следует из другого: общение раскрывает доступ к реализации внутренних творческих потенциалов я-психики, а в свою очередь, достижения, результаты творчества повышают значимость я-психики в обществе и она выходит на более «высокие» уровни совершенства. Так шаг за шагом происходит самоутверждение человека в бытии.

Но так я считала до аварии. Сейчас, пересматривая многие аспекты своей внутренней системы взглядов, я вдруг обнаружила, что проблема одиночества имеет совершенно иные корни. Я пришла к выводу, что одиночество возникает не столько от несовершенства я-мировоззрения и вытекающей неспособности я-психики адаптироваться в социальной среде, сколько, наоборот, от ума, от внутренней гармонии. Оказывается, совершенная я-психика, нацеленная на присутствие для других, изначально обречена на одиночество, потому что *присутствие для других - это не присутствие для всех, а присутствие для чего-то определенного, важного, избранного из массы*. Присутствие для других – это четкая направленность на реализацию внутренних потенциалов не для массы, не ради общения, а для воплощения в чем-то конкретном, избранном и значимом. Мне открылось, что одиночество рождается не из каких-то успехов или неудач в жизни, а из понимания *своего предназначения в жизни*, выбора генеральной линии реализации внутренних творческих потенциалов я-психики.

Просматривая свое прошлое через призму изменившейся внутренней системы взглядов, я обнаружила, что действительно к общению тянет людей мелких и несостоявшихся, которые множеством поверхностных связей привязывают себя к бытию. Внутренняя неудовлетворенность от присутствия в жизни, малозначимость и маловесомость своих достижений, вынуждает их заниматься поиском все новых и новых сфер реализации, контактов общения, способов обретения и закрепления своей значимости. Они, как и каждый представитель разумной материи, тоже хотят что-то после себя

оставить в бытии, природная сила присутствия для Другого так же заставляет их в чем-то проявлять свою индивидуальность, этим самым самоутверждаясь и самовозвышаясь. Но с учетом того, что в их системе взглядов отсутствует масштабное видение своего предназначения, отсутствует глобальная цель жизни и четкое понимание смысла своего присутствия в бытии, они разменивают внутренние потенциалы я-психики на удовлетворение простейших потребностей и на достижение сиюминутных, второстепенных и незначительных целей. Они загружают себя целым ворохом мелких бытовых и материальных обязательств: путешествуют, «познавая» мир; ведут обширную переписку в виртуальном интернет-пространстве; «всех» и «все» знают, и «все» решают. Возможно, они даже много читают, но, как правило, это поверхностная, популярная литература: журналы, детективы, фантастика и т.п. Возможно, они быстро и много творят, например, пишут, но в большинстве своем это непоследовательные, отрывочные исследования, лишённые научной значимости – в лучшем случае публицистика, в худшем художественные наработки. Необходимость присутствия для других, как природная сила я-психики, обязывает их творить, но творчество должно опираться на устойчивую внутреннюю систему взглядов, иначе оно будет лишено основания, последовательности и продолжительности полета. У людей, в психике которых отсутствует устойчивое я-мировоззрение творчество переходит в работу, и я-психика не творит, а выполняет определенную форму деятельности, *работает*. Она заставляет себя выполнять то, что от нее ждут или за что она получает материальное вознаграждение. А состояние работы как заставление и творчества как вдохновения – полярные и несопоставимые. В первом случае, я-психика постоянно неудовлетворенна и вынуждена часто менять партнеров общения, потому что поверхностность и простота ее существования быстро обнаруживается и приедается, человек начинает повторяться и становится попросту не интересным. Во втором случае, я-психика обретает понимание своего предназначения и общение для нее превращается не в цель спасения от внутренней неудовлетворенности, а в средство достижения поставленной цели.

Одиночество рождается от переосмысления жизни, от глубоких внутренних потрясений, от пробуждения понимания своего

предназначения в бытии, целенаправленности существования, от возникновения в глубинах я-психики одержимости и веры в возвышенное и прогрессивное. Корни одиночества берут начало с того периода, когда человек вдруг понимает незначительность своего присутствия в бытии и начинает более тщательно и направленно организовывать свое присутствие в жизни. Чувство одиночества появляется тогда, когда человек вдруг открывает глубины своего существования и видит бытие с совершенно иного ракурса – из первоосновы. Первые признаки одиночества обнаруживаются с момента пробуждения уверенности в своих силах, веры в свой выбор и жажды реализовать свое предназначение во благо человечества. Оказывается, не в несовершенстве я-мировоззрения причина одиночества, а в желании ваять масштабное и значимое для людей.

Мне вдруг открылось понимание ожидающего меня одиночества, последствия самоинициированной изоляции от активных проявлений социальной среды: у меня уже не будет времени на пустые разговоры, несодержательное общение, «компания по интересам»; на просмотры телевизора, прослушивание музыки, «гулянию» по поисковым системам интернета. Мне предстоит забыть праздность и развлечения, путешествия и переписки – все это пустая трата времени, все это отвлекает от *предназначения*. На второй план отойдет забота о я-теле: салоны красоты, солярии, «шопинги»; потеряют актуальность материальные цели, ценности и простейшие потребности. Изменится отношение к людям и бытию: из потребительского, рационального и корыстного, оно превратится во взаимовыгодное творческое сотрудничество во благо собственного развития и совершенства общества и цивилизации.

Настоящие причины одиночества кроются в гложущем преобладании *предназначения*, сформировавшегося в глубинах я-психики, *одержимости* присутствовать для других. Я-психика самостоятельно ограничивает пространство своего присутствия для других; сама изолирует себя от множественности потоков информации, чтобы не отвлекаться, не расплыться, а максимально полно сконцентрироваться на достижении конкретно поставленных целей. И для я-психики, нацеленной на полную реализацию внутренних творческих потенциалов – это единственно правильное и допустимое решение. *Полноценная реализация я-психики в бытии воз-*

можно только при: 1) Максимальной концентрации на поставленной цели; 2) На искусственной изоляции внутреннего мира от информации не соответствующей выбранной цели; 3) На сознательном ограничении реализации возможностей своей психики в других сферах деятельности.

Полноценность реализации я-психики в бытии обеспечивается: 1) Дисциплиной психики; 2) Целенаправленностью (*предназначением*) и 3) Сознательно наложенным ограничением на взаимодействие, как с предстоящей материальной средой, так и с организациями социума. Все это приводит к профессиональному росту, увеличению значимости присутствия я-психики в бытии, к более качественным и эффективным решениям и, безусловно, к одиночеству.

Одиночество – это состояние избранных, это судьба людей посвятивших себя *предназначению*. Одиночество – это следствие преобладания в я-психике природной силы разумной материи – присутствия для Другого. При этом глубоко заблуждаются те, кто считает, что одиночество – это крайность и насилие над собой, ограниченность и сумасшествие. Безусловно, фанатизм предназначения и веры – это патология, особенно если он связан с разрушением устоев общества. Никто не собирается оправдывать жестокость и преступления против общества, совершенные фанатиками и экстремистам. О таких крайностях даже не стоит писать – это моральные уроды, выбраковка, недостойная внимания и рассмотрения.

В нашем случае, когда мы говорим о предназначении, мы понимаем исключительно возвышенное и бескорыстное служение своему народу, обществу, цивилизации Земли. Предназначение, в нашем понимании, – это не фанатичная мечта больной психики, не слепая жажда воплощения корыстного, бытового, материального, а доминирование общечеловеческих ценностей, преобладание законов морали и нравственности в непрерывном стремлении я-психики к совершенству присутствия в себе и для других.

Важно понять, что одиночество – это, прежде всего, самостоятельный выбор. Это *сознательный выбор и самоограничение в желаниях и возможностях*, это познавательная активность только в том направлении, которое способствует качественному развитию я-мировоззрения и совершенству образа присутствия внутреннего «я» в повседневном бытии. Это наслаждение от самого акта творчества,

творения, умиротворение от впечатляющих конечных результатов во благо человечества, удовлетворение от постоянного внутреннего совершенства, но и самое главное – восхищение от открывшихся глубин первозданного. Еще древние говорили: «дорогу осилит идущий» - глубины существования мира, первозданность природного, пространство небытия, открываются только достигшим внутреннего совершенства, только «идущим» по тернам существования мира.

- А когда отдыхать? – поставленный вопрос сначала рассмешил, но потом заставил задуматься: откуда в современной я-психике вдруг проснулась такая тяга к отдыху? Кто придумал эту необходимость *отдыхать*? При этом отдых придуман для я-тела или для я-психики? Вопросы возникали поочередно, без суеты. Меня поразила глубина и охват вопросов – это подчеркивало мой внутренний рост, совершенство мыслительной деятельности. Прошел уже достаточно долгий период времени, когда я вышла из состояния комы, но не обрела связи с я-телом. Я жила только на уровне своей я-психики, не по дням, а по часам совершенствуя ее работу. И что было отрадно отметить, за этот период времени я выросла в плане самопонимания, усовершенствовала возможности глубинного и масштабного обозрения проблем, научилась грамотно ставить вопросы и находить на них ответы, используя даже тот незначительный объем внутренней информационной базы, которым обладала моя я-психика. Мне очень помогло изменение угла обозрения бытия – видение его не в плоскости, а «из глубин», «со стороны». Такой подход словно «обнажал» бытие, выворачивал его наизнанку, что облегчало раскрытие содержания, получение ответов на многие ранее «не решаемые» для меня вопросы.

Как и на проблему одиночества, на *отдых* я смотрела словно со стороны, отрешившись от привычного, поверхностного и напрашивающегося. Действительно, физиология я-тела требует периодического отдыха после физических нагрузок. Но разве в современном обществе так сильны физические нагрузки, что культ отдыха возведен чуть ли не в ранг фетиша, обязательности? Безусловно, нет, скорее наоборот, современная медицина обеспокоена резким снижением физических нагрузок и вытекающими патологиями

в функционировании организма. Поэтому для я-тела современного человека нужен не столько отдых, сколько повышение физических нагрузок: больше движения, активности, спорта, физкультуры.

Выходит отдых нужен для я-психики? Но природно я-психика отдыхает во время сна и восьмичасовой ночной сон, максимум, дополнительный час сна в обед, полностью восстанавливает функциональную активность я-психики и обеспечивает полноценную реализацию заложенных в нее творческих потенциалов. Даже предельная работа сознания сторицей компенсируется сном и совершенно не требует иной формы «отдыха».

Так на чем основан культ «отдыха»? Неужели психика настолько устает от присутствия в бытии, что уже с первых шагов своего становления, со школьной скамьи, требует систематический отдых? От чего она отдыхает: от полученных знаний, от общения с родителями и педагогами, от внутреннего самосовершенствования? Но это полнейшая чушь. Психика природно открыта перед предстоящим миром. Наша психика – это «психика о», постоянно нацеленная на усвоение новой информации, необходимой для формирования качественной и многогранной структуры я-мировоззрения. Для психики не свойственен отдых, потому что процесс познания – это: 1) условная потребность, берущая начало в глубинах присутствия я-психики в бытии – из присутствия для Другого, т.е. обеспечиваемая первоосновой разумной материи; 2) непрерывный процесс, обусловленный фундаментальной силой – присутствием для Другого. Я-психика изначально предназначена для реализации внутренних творческих потенциалов в бытии – в организации на основе присутствия в себе и для себя присутствия для других. Она функционально ориентирована на воплощение формирующегося внутреннего «я» в продуктах творчества – конечных материальных формах, которые представлены в бытии.

Психика предназначена для того, чтобы творить – воплощать себя в чем-то конкретном и материальном. Творчество – это и есть отдых для психики, потому что она выполняет характерную для нее форму деятельности. Для психики скорее не свойственен отдых как действие, потому что психика постоянно нацелена на взаимодействие с информацией и на реализацию внутреннего «я» в бытии. Присутствие я-психики в бытии складывается из двух взаимосвя-

вязанных процессов: усвоения информации и реализации внутренних потенциалов в бытии. Для я-психики характерна важнейшая закономерность: *чем больше она усваивает качественной информации - просвещается, тем продуктивнее и масштабнее реализация ее внутренних потенциалов.* У психики просто нет времени на отдых. Для нее отдых – это потеря времени, это отставание от неутомимо уходящего поезда жизни. Чем больше психика отдыхает, тем больше она теряет в жизни – она не совершенствуется, снижается продуктивность ее творческой активности, она меньше знает, чаще принимает неэффективные, ошибочные решения, что приводит к снижению коэффициента полезного действия ее присутствия в бытии. Отдыхая, психика сама себя уничтожает для бытия, снижает значимость своего присутствия в мире.

Открытие истинного места отдыха как действия в бытии, меня возмутил, агрессивно настроил. Я вдруг обнаружила причину несостоятельности своей прожитой жизни – меня постоянно заставляли отдыхать! Начиная от родителей и заканчивая сыном, все призывали меня «быть человеком» - отвлекаться от своих творческих планов, от своей цели, для того чтобы, например, выехать со знакомыми на природу, съездить на пикник, уехать путешествовать, поучаствовать в вечеринке. Но меня такой «отдых» внутренне разрушал, эта вынужденная бездеятельность раздражала, но так как этот вопрос для меня не был принципиальным, я уступала Диме, который любил блеснуть в компаниях и покуражиться. Я терпеливо сносила новые знакомства и трату своего драгоценного времени, лишь бы не возводить до уровня проблемы наше отношение к пониманию «отдыха». Я, в отличие от Димы, прекрасно и полноценно отдыхала на работе, особенно, когда у меня все получалось – творческие проекты реализовывались, дела соответствовали планам, и я видела значимость их результатов. Ощущения от успехов воплощаемых проектов в эмоциональном плане намного превышали бессодержательное времяпровождение на «отдыхе».

Я устала от анализа проблем одиночества и отдыха, и забылась в легкой дремоте. Это не было низвержение в ничто, со всеми вытекающими обозрениями глубины, а был настоящий легкий пос-

леобеденный сон, который я видела словно наяву. Я запомнила его до мелочей, словно сама поучаствовала во всем происходящем. Я увидела *будущее человечества*.

Это был космический корабль, или планировка квартиры будущего - небольшое изолированное помещение 15-20 квадратных метров с аскетической обстановкой: удобное, совмещенное стол-кресло, матрас и практически никаких посторонних вещей. Все было самое необходимое для творчества с небольшим добавлением личностного, которое легко убиралось, и было явно мобильным, переносным, как говорили древние: «все свое ношу с собой». Свет в помещении был мягкий, воздух свежий, настоящий, лесной. Я сразу обратила внимание, что несмотря на явный аскетизм обстановки помещения, в ней все было дорогим для нашего времени и имеющим четкую направленность и обусловленность – на человека. Стол-кресло было без инкрустаций и дорогих обвесов, но сконструировано согласно глубоким знаниям физиологии организма и индивидуальных запросов заказчика. В нем менялись углы наклона, расстояние, цвет, даже ощущение твердости и запаха. Стены, потолок и пол меняли свои конфигурации, цвет и структуру рисунков, единственное, противоположная стена оказалась проектором формата 3D – полукруглая, позволяющая организовать собственное присутствие в любой точке планеты и мира.

Мне открылось, что подобная организация помещения позволяет хозяину физически не покидать его долгое время, при этом организуя присутствие я-психики в любой выбранной материальной среде и под любое настроение. Присмотревшись внимательно к интерьеру, я обнаружила в центре помещения нечто напоминающее беговую дорожку – жилец мог бегать или гулять, выбирая для себя любые реальные пейзажи на стене-проекторе 3D. Дальний угол был предназначен для естественных потребностей организма: туалет и душ.

Обстановка комнаты говорила об одном – здесь доминировало одиночество - сознательная изоляция я-психики от внешнего мира. Обозреваемое мной помещение походило на келью аскета, только, безусловно, напичканную современнейшими средствами коммуникации и удовлетворяющую практически все естественные потребности организма. Хотя функционально они ни чем не отли-

чались: по желанию жильцы кельи и этого помещения могли отрешиться от внешнего мира и надолго остаться в одиночестве – для созерцания внутреннего мира, или решения мыслительных задач.

Неожиданно стол-кресло отъехало на центр помещения, и я увидела хозяина-жильца. Ничего необычного – только бросающаяся в глаза сухость фигуры, ее поджарость и подтянутость. Ничего лишнего, хотя чувствовалось, что я-тело уже являлось органом второго плана: за ним следили, его запросы удовлетворяли, но ровно настолько, насколько это было необходимо для полноценной функциональной активности. На первом месте, хозяйкой помещения, ради которой и была создана подобная архитектура, вне всяких сомнений являлась я-психика.

Приоритет психики в организации быта просматривался во всем: от мелочи до целого. Было продумано и присутствие в себе и для себя, и возможность присутствия для других, причем с наибольшим коэффициентом полезного действия. В связи помещение–я-психика чувствовалась взаимозависимость и взаимодополняемость: с одной стороны, помещение было предоставлено в распоряжение я-психики, и способствовало эффективности ее активности, с другой стороны, я-психика вносила в него индивидуальный фактор, имела возможность организовать и перестроить его под себя. Учитывался фактор необходимости присутствия я-психики и для себя.

Вдруг стена-экран стала прозрачной, и я увидела город будущего. Это не был космический корабль – это был земной город, поражающий глубиной и продуманностью своей организации не меньше чем существование небытия! небоскребы - сейсмически устойчивые и обеспечивающие минимум затрат на передвижения. В них были сады для прогулок, комнаты для развлечений, библиотеки печатных и электронных изданий, конференц-залы и производственные цеха, склады необходимых мелочей и продуктовые магазины. небоскребы были полностью автономны и рассчитаны как на изоляцию, так и, при необходимости, на полноценное общение. Мало того, все жильцы в них собирались по интересам, что позволяло оперативно получать наиболее качественную информацию от полноценного непосредственного общения. Люди не были привязаны к жилью. В городах будущего жилье выполняло совершенно иную функцию – это были локальные приспособления,

микросоциальные группы, которые самостоятельно организовались исходя из *предназначения*, внутренних интересов. И дома, по всей видимости, росли в зависимости от количества людей желающих творить совместно, в одном направлении. Помещения в домах назывались как бисер в бусах – чем больше людей реализующих себя в данном направлении, чем перспективнее данное направление исследований, тем выше небоскребы, тем больше их количество. Я-психика самостоятельно выбирает пространство своего присутствия в цивилизации, при этом средства коммуникации позволяют ей без траты времени на транспорт присутствовать в любом социальном институте, в любой научной организации, если ее участие приветствуется со стороны остальных участников. В небоскребах были созданы все условия, для того чтобы сформировать качественную внутреннюю информационную базу и предоставить ей возможность максимально полно проявить себя в бытии.

Небоскребы окружали сосуществующие рукотворные и совершенно дикие естественные пейзажи. Я-психика нашла компромисс в отношениях с материнским состоянием материи и организовала с ним не противостояние, а качественное взаимодействие. На выбор можно было прогуляться или заняться любой формой деятельности как в окультуренном парке, так и в диком заповеднике, естественно, с учетом собственной безопасности. Сообщение между небоскребами и городами по планете осуществлялось городским и межгородским воздушным транспортом, что до минимума свело строительство магистралей, дорог и путей сообщения. Воздушное пространство было полностью предоставлено автоматическим средствам передвижения, которые по расписанию оперативно доставляли пассажиров и их личный багаж в выбранные места присутствия на планете. В руководстве средствами передвижения людской фактор был сведен до минимума.

За небольшой промежуток времени обозрения образа жизни человека будущего, я видела как он успел организовать свое присутствие и на прогулке в парке Свято-Михайловского Собора в Киеве, и на конференции в Париже, и в одной из нейрофизиологических лабораторий в Москве, и на семинарском занятии со студентами в Оксфорде. Он присутствовал там, где считал нужным, при этом, не покидая своего помещения. Он *реально* присутствовал в

виртуальном пространстве: то есть присутствовал в бытии не как надуманный образ супер-плейбоя, а как реальный образ, только в виртуальных организациях. Он был узнаваем и идентифицируем как в виртуальном пространстве, так и при очной встрече. У него не происходило раздвоение личности, как у современной молодежи, которая в виртуальных образах выдает себя за супергероев, а на самом деле не имеет даже собственного «я».

Обозревая поведение человека будущего, я отчетливо просматривала одержимость его психики в достижении поставленных результатов. Его я-психика искала какого-то важного для себя результата и поэтому каждое ее действие: начиная от прогулки в парке и заканчивая диспутом в лаборатории и дискуссией со студентами, были направлены на достижение поставленной цели. Причем, меня поразила организация мыслительной деятельности. Во-первых, из поля активности были устранены все отвлекающие раздражители: все не нужное, мелочное и второстепенное. Возможно, оно и было в городе, но, во всяком случае, не на виду, поэтому не отвлекало и не мешало активному поиску я-психики. Во-вторых, в распоряжение я-психики были предоставлены все доступные средства для материализации творческой активности, выполнения поставленных задач. Из всего множества предоставленных средств труда психика сама выбирала наиболее оптимальные средства информационного поиска, коммуникации, идентификации и т.п.. При этом характеристики средств труда говорили об одном - психика максимально освободила себя и свое я-тело от физической, механической и другой черновой работы, оставив за собой единственно важное и определяющее в процессе творчества – *организацию* творческого процесса и *выбор направленности* мыслительной деятельности.

Обозревая организацию быта человека будущего, я вдруг уперлась в стену-вопрос, который отвлек на себя внимание, загорел обозрение картин будущего - неужели внутреннего самоконтроля достаточно для любой сферы деятельности? А где контролирующие организации, где стимулирующие средства, где черпается вдохновение для творчества?

Чтобы вот так полно отдаться *предназначению*, выдержать жесткие критерии дисциплины, не сорваться на облегченный путь

праздности и развлечений, нужно иметь больше, чем внутреннее совершенство. Так в чем сила и устойчивость одержимых?

Ответ пришел мгновенно, как озарение – *в вере*.

- В вере? В вере во что, в Бога?

- Нет, в вере в *Него*, в Творца.

И я проснулась с чувством недосказанности и незавершенности увиденного.

Глава 8.

Обнаружение Его, Творца

Я долго не могла забыть свой сон-обозрение человека будущего. Причем будоражили не столько картины продуманной организации быта, который был направлен исключительно на полноценную реализацию внутренних творческих потенциалов я-психики, сколько волновал вопрос *о вере в творца*. Для меня это было ново и необычно, поэтому я засыпала и просыпалась с мыслями о Нем, и с желанием, что вот именно сейчас я попаду в небытие, и мне откроется обозрение образа-ответа на возникший и мучавший меня вопрос. Но в последнее время мой сон все реже и реже сопровождался обозрением небытия. Я выздоравливала, поэтому засыпала крепким здоровым сном без сновидений, а мои утренние пробуждения сопровождались легким разочарованием – и сегодня я не побывала на *зрелище*.

Но как-то, в один из вечеров, сравнения своего внутреннего мира с маминым, плавно перешли в размышления о первооснове человеческого существования, и я с радостью констатировала, что я вновь вовлечена в движение небытия и приглашена на обозрение основы *существования человеческого*. Сразу открылось и ее название – *логоинформационное предопределение*, - странное название, представшее в готовом виде, как данность, как констатация. Я никогда раньше не встречала такого словосочетания, и в предшествующих обозрениях небытия с ним не сталкивалась. Почему именно *логоинформационное предопределение*? Что это за набор слов, откуда он во мне?

Комфортно расположившись на своем месте, я обозревала происходящее и пыталась разобраться, почему именно меня приг-

ласили на зрелище, и почему это зрелище так странно называется? Поток осколков разорванных я-мировоззрений протекал вокруг и сквозь меня. Я видела это движение, отмечала его структуру, причем, не только участвуя в нем, но и обозревая его - впрочем, все как было и раньше. Но, чем больше я в него всматривалась, чем дольше запечатлевала, тем доступней становилось само название – оно словно раскрывалось в своем содержании, втягивая меня в себя, делая своей соучастницей, одновременно, через себя раскрывая содержание потока. Обнаружилось, что поток и название представляли собой единое целое, обуславливая существование друг друга. Это в бытии название события не всегда следует из его содержания, а если и соответствует, то представляет событие не как поток – непрерывное действие, а как застывший фрагмент, вырванный из *существования*. Здесь, в небытии, название, как и сам поток, было движущимся, неотделимым от самого события. Они присутствовали друг в друге даже не как дополнения, а как единое целое. Постигая название, я открывала для себя содержание потока – *существование человеческого*.

Логоинформационное предопределение указало мне на разницу между *движением небытия* и потоком существования человеческого. Движение небытия являлось *общим* движением всего существования предшествующего бытию человека. Это было существование мира, начинающееся от космического вакуума и заканчивающееся пространством молекул и генов. Именно в движении небытия присутствовало логоинформационное предопределение и существование человеческого, как единое целое: логоинформационное предопределение как название, знаковое обозначение процесса, а существование человеческого, как сам процесс. Существование человеческого и его знаковое обозначение закономерно следовало из движения небытия, конями уходило в его структуру, образуя с ним неделимое целое. Только логоинформационное предопределение позволяло идентифицировать в движении небытия поток человеческого существования, обнаруживать его, узнавать и рассматривать содержательные особенности. Логоинформационное предопределение не просто набором букв-знаков обозначало существование человеческого как событие, оно являлось самим событием, только присутствующим в знаковой форме – по всей видимос-

ти, созданной специально для идентификации человеком, для возможности проникновения я-мировоззрения в сам процесс существования. Логоинформационное предопределение было таким же ускользающим, как и сам поток, но, раскрывая содержание понятия «логоинформационное предопределение» я-мировоззрение могло проникнуть в содержание *потока-существования*, который в иной форме был недоступен обозрению я-психики. Название потока открывало возможность я-психике проникнуть в него, вскрыть содержание, *познать*. Я-мировоззрение могло обозревать существование и без названия, как мое «я» это делало ранее, но в этом случае существование не могло быть идентифицируемым в принципе, потому что его природа принципиально отличалась от той среды *с* и *в* которой работало я-мировоззрение. В этом случае обозрению открывались лишь общие черты существования - существование как целое, как движение небытия. Обозрение как *постижение* существования человеческого, как *проникновение* в его структуру, возможно было только через постижение названия - через логоинформационное предопределение. Только как логоинформационное предопределение существование человеческого становилось узнаваемым для я-мировоззрения, способствовало проникновению в свое внутри, раскрывало структуру и содержание.

Из логоинформационного предопределения, наиболее быстро раскрылось содержание понятия «предопределение». Оно предстало как целостная картина собранных воедино множественных действий. И я не просто *узнала* ответ, я его *обозрела*, присутствуя в нем. Находясь в потоке *существования*, я не просто являлась составной частью этого потока, я пропускала его через себя, через свое я-мировоззрение, тем самым, впервые получив возможность не просто обозревать и высвечивать отдельные составляющие движения небытия, а анализировать их, сравнивать и оценивать. Получалось, что я присутствовала в движении небытия, но при этом была не простой составной частицей этого движения, как ранее, а выполняла иные функции: анализа и синтеза происходящего. В отличие от остального множества разорванных я-мировоззрений, из которых и состоял сам поток, мое я-мировоззрение оставалось целостным и самодостаточным, что позволяло являться не просто участником движения небытия, а постигать его отдельные аспекты: раз-

лагать целое на части и рассматривать целое уже через призму функционирования частей.

Понятие *предопределение* напрямую было связано с пониманием того, что за всем этим движением и за моим присутствием в этом движении *кто-то* стоит, определяет и направляет. Я четко ощутила присутствие некой сверхъестественной силы, которая вершила организацию *существования человеческого*, вырабатывая законы и принципы организации движения небытия. При этом понимание этой силы, или этого *кого-то*, было скрыто от меня и не выпячивалось. Я констатировала присутствие третьей силы как данность, не задумываясь над тем, что это за сила, и что собой представляет. Но при всем при этом, я не на секунду не сомневалась, что эта третья сила не Бог и не любая другая сверхъестественная организация придуманная человеком. Эта третья сила не была связана с религией, и почему-то этот факт не вызывал во мне никаких сомнений. Была уверенность, что это нечто природное, закономерное, реально существующее в мире, более совершенное, чем человек и его фантазии. По всей видимости, ответы на эти вопросы меня ожидали в дальнейшем, а сейчас мне открывалось (или мне открывали) понимание *предопределенности существования человечества как нечто независимое от воли и желания человека и организованное гораздо раньше, чем возникли истоки человеческого*.

Обозревая поток фундаментального, я различала действия, которые хотя и присутствовали в фундаментальном, образовывали его структуру, но слагали картину, указывающую на прочную взаимосвязь всего происходящего с *Его* волей. Я понимала, что не мы, люди, писали эту картину, не мы вершили свои судьбы, это делал все *Он*, поэтому все происходящее в мире реальных событий было определено и предусмотрено *Им*. Но одновременно, мы не были его рабами – *Он творил*, поэтому допускал в происходящем и элемент случайности, творчества. Поэтому, несмотря на всю определенность и прогнозируемость происходящего, *Он* создавал условия для креативности, различных отклонений, авторских вкраплений, но которые, по большому счету, все же вписывались в *Им* установленные правила и границы. То есть все происходящее в планетарном масштабе не было строго запрограммированным и запланированным, и в этом открывались возможности бытия. Оказывается,

у нас были рамки, в пределах которых мы, люди, могли творить, изменять очередность событий, показывать свою креативность и самостоятельность, но эти рамки были регулируемы и определяемы. Все случайности, отклонения, которые происходили в бытии, легко вписывались в генеральную линию событий, которую установил Он. Поэтому все происходящее с человечеством было не определено, а *предопределенно*. Это не была жестко установленная последовательная цепь событий, это была прогнозируемая картина происходящего, когда случайности, отклонения, были предопределены и следовали из определенных событий. Никто не мог вырваться из этой предопределенности. Человечеству на данном этапе развития не нужна полная свобода действий, она опасна для него, потому что из-за своего несовершенства он мог направить ее не только против себя, но и против всей многомиллиардной истории Мироздания. Поэтому человечеству предоставили свободу дозированную, ограниченную, ровно столько, сколько человек мог использовать, не в силах навредить себе. И до тех пор, пока люди не созреют для масштабного видения своего существования, понимания своей роли и задач в масштабах мира, эта свобода будет минимальна, потому что слишком огромные потенциалы заключены в эволюционирующей психике.

От понимания предопределенности существования человеческого совершенно не веяло пессимизмом. Наоборот, где-то внутри, в глубинах психики, почувствовалось облегчение, причем открылись сразу две причины этого облегчения. Первая причина облегчения была вызвана пониманием того, что у человечества все же есть будущее, что, несмотря на многие негативные и пугающие моменты разворачивающихся событий в бытии, человечество выживет, достигнет более высоких ступеней совершенства. В борьбе зла с добром победит добро, потому что зло по природе своей – это разрушение, низвержение человечества в *ничто*, в прах. А смысл бытия и деятельности заключается в созидании, творении, в *перспективах*. Без веры в будущее, тревоги за будущее, вопрошания в будущее, невозможно полноценное существование настоящего, ибо большая часть человеческой активности в настоящем посвящена будущему: детям, внукам, правнукам. Предопределенность существования как раз это будущее гарантирует, потому что природа не

признает временных событий: что уже устоялось как структура и эволюционирует как система, то однозначно имеет будущее. И я, почему-то прониклась уверенностью, что человечество, несмотря на свою относительную молодость, в *существовании* перспективно; что его история измеряется не миллионами лет, и не только масштабами планеты Земля, а речь идет о миллиардах лет, и о космических масштабах существования разума.

Вторая причина облегчения, вызванная раскрытием содержания предопределенности существования человечества, заключалась в освобождении от страха одиночества. Мне показалось, что необходимость человечества во что-то верить, кому-то преклоняться и подчиняться, как раз и брала начало от страха в одиночку предстоять силам природы, от обреченности несовершенной психики перед могуществом и масштабом Вселенной. Страх остаться и быть одним в масштабах Мироздания был таким чудовищным и сильным, что не будь этого понимания предопределенности, с ним было бы нелегко совладать. А так, если все предопределенно, если в этой жизни мы делаем только то, что нам не запрещено сверхъестественными силами, значить у нас остается шанс достойно встретить будущее. Если в мире существуют структуры более совершенные, чем человечество, значить они прошли этапы, которые проходим сейчас мы. Значить все те апокалипсисы, провозглашаемые каждое десятилетие кликушами и славящими смерть - это призывы для слабых и сломленных, а у сильных есть будущее, остается шанс дойти до новых ступеней совершенства цивилизации. Только к этому будущему нужно идти, совершенствуя себя, развивая в себе способности пользоваться свободой и возможностями своей психики.

Предопределенность существования пробудила уверенность в том, что человечество не одиноко в масштабах Вселенной, что существуют иные цивилизации, стоящие как на более высоких ступенях развития, так и на низких. Мы, цивилизация Земли, лишь звено в развитии разумной материи в структуре Мироздания, поэтому наше существование, несмотря на сложные перипетии повседневности, все же прогнозируемо, предопределено и имеет конкретные перспективы. Мы частица вечности, и время играет нам наруку, потому что наше существование направленно в будущее, и с

каждым периодом в своем развитии мы прогрессируем. Несмотря на все сложности повседневного бытия, мы перспективные, мы идущие и побеждающие...

Раскрытие содержания предопределенности существования на первый план вывело вопрос о понимании *Его*, Творца. Я никогда не задумывалась о существовании некоей третьей силы, которая как в кукольном театре управляет нами, людьми. Я не была верующей, ровно относилась к церкви и ее бизнесу, но обозрение *существования мира* и обнаружение его предопределенного характера, вывело из тени вопрос о Творце.

Творец – это кто? Как всегда, возникший вопрос пробудил ответ, который предстал в готовом виде для обозрения. Но, обозревая ответ, я не могла избавиться от ощущения недосказанности и такой открытой двусмысленности, что удовлетворения от обозреваемого и высветленного впервые совершенно не получила. Возможно, я не была готова воспринять его, но в любом случае представший образ-ответ вызывал еще большее количество вопросов и совершенно не нес в себе определенности и понимания.

В образе-ответе просматривалось кое-что из знакомого, встречаемого в современных религиях, например, *грандиозность* масштаба Творца. В образе-ответе обнаружилось, что Творец был не просто планетарного масштаба, - он выходил даже за пределы человеческого существования и соприкасался с существованием первозданного, космического. В нем было что-то от существования мира, что подчеркивало единые корни человеческого и космического. Кроме этого, я с очевидностью обнаружила, что Творец непосредственно связан с существованием человеческого, что он влияет на его протекание и в какой-то степени регулирует, определяет, направляет и оберегает его. В этом плане существующие религии вносили в человеческую массу правильное истолкование – *Он* заботится о нас, мы *Его* детище. И даже здесь, на зрелище, я постоянно чувствовала *Его* незримое присутствие и заботу о себе, *участие*.

Он действительно был многолик, но это многоличье объяснялось его масштабом – *Он* был вездесущ и всесторонен, потому что выходил из глубины, из первозданности и лежал практически

во всем, что образовывало поверхность существования человека, повседневность его бытия. Он был не только в нас, людях, но и во всем сделанном нами, возводимом, творимом. Человечество и его творения – это *Его* творчество, и *Он* узнает о нем, прочитывая в разорванных фрагментах я-мировоззрений уже отживших, соприкоснувшихся со смертью поколений. Он возводит человека в бытие во имя творчества, построения великого в повседневности, и со временем, когда приходит время, спрашивает за сделанное, в своем роде принимает отчет о проделанном. Смерть – это черта, за которой подводятся итоги присутствия в бытии. Мы все отчитываемся перед ним, и в зависимости от сделанного, одни полностью удаляются из бытия, стираются из памяти последующих поколений, а другим дается бессмертие, не телесное, а социально-культурное. Умирают тела людей, а их творчество, их вклад в историю цивилизацию сохраняется в памяти цивилизации, и живет, передаваясь от поколения к поколению. Наверное, это высшее признание заслуг перед цивилизацией, когда творчество твоей психики на века входит в историю и продолжает жить в ней ровно столько, сколько живет сама цивилизация.

Обозрение первозданного не раскрывало полный образ Творца. Возможно, его и не было, потому что формировать образ – это чисто человеческое свойство. Люди знаками, понятиями, рисунками пытаются обозначить и тем самым материализовать силу, которую они чувствуют, воспринимают, но не видят и не понимают. Так создаются образы – совокупности тех или иных характеристик, запечатленных в знаках: текстах, рисунках, музыке, танцах. Возможно, образ Творца, который представлен в религиях цивилизации – это и есть попытка материализовать и сделать доступными для восприятия масс совокупность характеристик силы, которая представлена в каждом человеке; силы, которая, в принципе, и открывает возможность восхождения к жизни и низвержения к смерти. Но на самом деле, в природе, этого образа не существует, а есть наличие первозданности существования, есть то, что предшествовало формированию человеческого существования, и то, на чем это формирование произошло. Есть не *образ* Творца, а *сила* Творца, которая вытекает из существования мира, законов, которые лежат в основе формирования Мироздания. И эта сила – это одно из проявлений движения небытия, которое в первых образах-ответах пред-

ставлялось мне как присутствие для Другого. Это сила, которая исходила из первооснов разумной материи и образовывала основание человеческого существования. В каждой я-психике сила присутствия для Другого воплощалась в активности творческого потенциала, в потребности присутствия для других.

Но сейчас, обозревая существование человеческого как логoinформационное предопределение, открыв для себя возможность проникнуть в глубины существования человеческого через название события, сила присутствия для Другого обнаружила себя в более конкретной форме: как сила биологического начала, которая предшествовала формированию психики, и как сила космоса, которая в свою очередь предшествовала силе биологического начала. То есть сила присутствия для Другого – это сила предшествующих систем живой и косной материи. Поэтому Творец, по всей видимости, - *это существование мира как единой организации, как Мироздания, в том числе с включением силы более совершенных организаций разума, развитие которых происходило на порядок дальше развития человечества.* Творец – это все, что предшествовало человечеству и, что в своей организации совершеннее системы разумной материи Земли.

Не исключено, что пройдет время, человечество в своей эволюции достигнет определенного совершенства, распространит свою активность на просторы космоса, и в один прекрасный момент выступит для предопределенно развивающейся разумной организации какой-то далекой планеты в образе того же божества, Творца, который запечатлеется в мифах, сказаниях, песнях, или в образе Бога. Но это далекая перспектива, которую, тем не менее, нельзя исключать. Существование человечества эволюционирует, и как любая эволюционирующая организация, она достигает новых качественных уровней, которые возвышают данную организацию над другими подобными организациями. Главное правильно воспринять эту относительность, не воспользоваться совершенством для порабощения и угнетения, а найти иные, гармоничные, соответствующие законам существования мира, пути взаимодействия двух организаций.

Возможно, Творец и не проявляет себя, потому что мудрость более совершенной организации подсказывает ему, что *Его*

появление перед менее совершенной цивилизацией может вызвать цепь непредсказуемых разрушительных последствий. Возможно, те Божества, которые покажут себя и иногда объявляются в образе инопланетян, или неопознанных летательных объектов, это не такие уж и совершенные организации, которые могут принести цивилизации Земли существенные проблемы, *зло*? И, возможно, зря человечество ищет «братьев по разуму» во все колокола трубя по Мирозданию о своем существовании? Возможно, люди еще не готовы для встреч с высокоразвитыми организациями разумной материи, и первые нелепые попытки организации присутствия в масштабах космоса обернутся для человечества трагедией?

Всматриваясь в образ-ответ Творца, я видела в перспективе совместное существование цивилизации Земли с иными цивилизациями, но это было совершенно не так, как представляется людям. Сосуществование цивилизаций возможно только при полном понимании содержания логоинформационного предопределения и воплощения этого содержания в повседневной жизни. Содержание человеческого существования – это эволюция психики, поэтому сосуществование цивилизаций возможно только на основе единого *псипространства*, когда во внимание не будут братья особенности я-тела, или других форм, в которых психика, как содержание, присутствует. Я-тело – это не более чем форма, в которой развивается истинное содержание человека. До тех пор, пока форма будет оставаться на первом месте, пока ей будут уделять внимания больше, чем содержанию, ни о каком сосуществовании цивилизаций не может идти и речи. На уровне биологических форм в космосе уже давно происходит обмен, и Земля, с ее формами биологических организмов уже не один миллиард лет составной частью включена в космический круговорот вещества и энергии.

Но взаимодействие Земли с космосом на уровне биологических организмов не сравнимо с совместным существованием цивилизаций на уровне психики. Это качественно иное взаимодействие, в основе которого лежит обмен информацией: совместимость знаковых систем, понятий, знаний, и вытекающей из них культуры, ценностей, образа жизни, технологий и т.п.. Различная степень совершенства психики – это, прежде всего, различие в формах, непохожесть я-тел и сфер их присутствия. Поэтому современный спад

культы я-тела в масштабах цивилизации, это только начало того массового пренебрежения формой, которое начнет просматриваться в период еще более качественного совершенства психики.

Психика, как основа человеческого существования будет все время искать выходы за пределы я-тела, потому что для психики важно иметь форму, обеспечивающую более длительное ее присутствие в бытии. А жизнь тела, его биологический возраст ограничен генетическими программами, поэтому психика будет искать или другие формы, или совершенствовать я-тело как форму, в целях увеличения срока своего присутствия в бытии. Соответственно, цивилизации, находящиеся на более высоком уровне совершенства, будут обязательно отличаться от нас по форме, и их форма, будет совершеннее нашей. Чем слабее спрос на биологические возможности я-тела, чем больше они заменены или дополнены искусственными характеристиками, тем выше совершенство психики и цивилизации в целом, потому что речь идет не о гармонии и красоте тела, а об увеличении средней продолжительности присутствия в бытии я-психики. И с точки зрения совершенной цивилизации, чем дольше я-тело позволяет я-психике присутствовать в бытии, тем оно *гармоничнее* и *красивее*. Таким образом, эволюция я-психики влечет за собой существенное изменение критериев красоты: красиво не то что естественно и эстетично, а то, что способствует продлению присутствия я-психики в бытии.

Отсюда, возможно, образ Творца с нашей точки зрения, окажется и не столь совершенен. Но это точка зрения современного поколения, которое само находится на первых этапах своего развития, не умея даже обнаружить первооснову своего существования. С точки зрения Творца, или организаций, стоящих на более высокой ступени развития, наша психика вместе с формой, в которую она заключена, до ужаса примитивна, потому что гибель психики, как содержания из-за не совершенства формы - я-тела, это до такой степени примитивно, что наводить контакты с такой цивилизацией – это глубокая ошибка. Мы для них, Человек Эмоциональный - психика, по степени совершенству едва перешагнувшая порог психики Человека Примитивного. Именно поэтому нам недоступен образ Творца, - *Он* не раскрывает и не обнаруживает себя, потому что за ним стоят силы, которые становятся опасными во власти не-

совершенного разума. И если мы хотим высветлить его, обнаружить, нам нужно сначала довести совершенство своего бытия хотя бы до уровня небытия. В этом случае цивилизация достигнет первых ступеней гармонии, и приведет бытие в порядок созвучный порядку небытия. Для небытия неважны особенности я-тела: морфология, анатомия и физиология. Тем более для небытия безразлично, во что это все одето, на чем ездит и где живет. *Небытие – это совокупность фрагментов распавшихся я-мировоззрений.* Так вот если в бытии я-мировоззрение, как основа индивидуальности я-психики, займет такое же доминирующее место как в небытии, цивилизация Земли выйдет на новый уровень совершенства, представит в существовании мира в более качественном образе, с которым, возможно, Творец начнет общаться более тесно и открыто.

Обозреваемый образ-ответ Творца начал рассеиваться как дымка и вместо него все четче и громче в мой мозг начали пробиваться слова молитвы, которую читала у моего изголовья мама. Я возвращалась в бытие под мелодию и глубокое содержание слов о Творце. Мама настолько углубилась в содержание молитвы, что я впервые прочувствовала, насколько вера в Творца спасает людей от гибели, насколько она важна и незаменима как опора для психик, которые не в состоянии самостоятельно выстоять под ударами судьбы.

Этот аспект инициировал новую цепь рассуждений – вера в Творца, как своеобразный регулятор чувственно-эмоциональных порывов для несовершенных психик. Я знала, что психика мамы неустойчива и подвластна порывам. И таких психик, по всей видимости, в современном психпространстве большинство. Соответственно, если бы не существовало силы, регулирующей чувственно-эмоциональные порывы нейронных комплексов подсознания, то бытие человека превратилось бы в анархию – в хаотично проявляемые, неконтролируемые массовые всплески психической активности. В этом случае, даже самые совершенные государственные институты власти не смогли бы привести психически неустойчивые массы в состояние организованности и системности.

Если на миг допустить, что кто-то заберет у людей веру в нечто сверхъестественное, сверхмогущественное, например, в того

же Творца, то мама, уже давно бы потеряв человеческий облик, билась в истерику, разбивая себя в кровь от переполняющих психику эмоций. И таких людей как мама в современной цивилизации - миллиарды. Но она не делает этого, она не теряет человеческий облик, тем самым, доказывая, что даже ее несовершенная психика умеет обуздывать природные силы подсознания. Выходит, за понятием «вера» стоит работа мне неизвестных нейронных комплексов, которые функционально обуздывают чувственно-эмоциональные порывы подсознания, регулируют их, укрощают и перераспределяют. Но где эти механизмы находятся и что собой представляют?

Я заметила, что состояния самоанализа, масштабной мыслительной деятельности, в своем роде прокладывали мост между миром бытия и небытия. Разница заключалась только в том, что в небытии ответы представляли в едином, целостном *образе-ответе*, который выступает как данность, возникает ниоткуда, оставляя право лишь обозреть его, а в бытии ответ нужно выбирать самостоятельно среди множества возникающих и распадающихся *образов-предположений*. Но как обозрение единственно представленного образа-ответа в небытии, так и выбор множества образов-предположений в бытии вызывали во мне состояние удовлетворения и умиротворения. Я получала спектр положительных эмоций не от акта физической работы, движений, которых в силу полуразрушенности моего я-тела была лишена, а от акта *творчества*, мышления, работы с внутренней информационной базой. Причем удовлетворение от интенсивной психической деятельности воспринималось эффективнее, глубже, полнее, чем удовлетворение от движений, которыми ранее я заполняла повседневную действительность. Получалось, что чувственно-эмоциональная составляющая моей психики больше наслаждалась открывшимися и в полную меру используемыми возможностями мыслительной деятельности, чем активностью я-тела.

Это состояние я четко ощущала, но не совсем понимала. Ведь активность тела – это жизнь, это та истина, которая красной нитью проходит в системе образования любого государства. По логике вещей, следуя этой «истине», лишившись активности я-тела, я должна была умереть, в лучшем случае остаться инвалидом, постоянно чувствующим ущемленность и неполноценность своего при-

сутствия в бытии. Но я не только не умерла и не почувствовала своей «ущербности», я до сих пор продолжаю наслаждаться присутствием в бытии, причем больше, чем наслаждалась им при здоровом я-теле! Это факт! Открыв для себя возможности я-психики, установив очевидные приоритеты, я совершенно перестала беспокоиться за состояние своего я-тела. Безусловно, я думаю о нем, этот вопрос в той или иной степени беспокоит меня, но впервые для меня я-тело стало не самой жизнью, а всего лишь формой, в которой присутствует и развивается настоящая жизнь. Меня перестало волновать мое физическое состояние и внешний вид, главное, чтобы я-тело по максимуму позволяло функционировать я-психике, а все остальное я самостоятельно доведу до логического завершения, компенсирую искусственными средствами, достижениями современной медицины. Поэтому, обнаружив реальную малозначимость я-тела в бытии, я перестала задумываться о его перспективах, отдавшись наслаждению от самоанализа, от обозрения своей я-психики и тех глубин, которые за ней стояли. Я любовалась своим внутренним «я» - присутствием в себе, своим внешним образом – присутствием для себя и для других, и наслаждение от красоты присутствия в целом настолько заменяло наслаждение и удовлетворение от ощущения красоты тела, что я уже смело могла пренебрегать последним. Мне уже было безразлично, как выглядит мое я-тело, потому что я-тело впервые перестало выступать для меня основным объектом присутствия. Я-тело превратилось в составную часть моего внутреннего «я» - образа, в котором моя психика преподносила себя людям. Но я уже знала, что я могу изменять этот образ, редактировать его, перекраивать, трансформировать – все это было во власти моей психики. Соответственно, и роль я-тела, во всех этих изменениях коррелировалась, изменялась.

Молитва, которую не переставая читала мама, вновь вернула меня к размышлению о понятии «вера». Мне важно было раскрыть, как вера как нейронная организация, контролирует природную необузданность чувственно-эмоциональных сил подсознания? Что представляет собой вера как функция определенного множества нейронов? Обозревая внутреннюю структуру своей психики, я не могла выделить конкретные нейронные объединения, отвечающие за активацию функции «вера». Возможно, их и не было, воз-

можно эта функция обеспечивалась целым комплексом нейронных организаций. Бодрствующий мозг пробуждал целое множество образов-предположений, но все они не удовлетворяли, не заключали в себе категоричность и определенность. И меня это начало раздражать. Я привыкла, что в небытии *Он* сам мне всегда все открывает и доносит, предоставляя мне возможность только внимать, обозревать и запечатлевать. А здесь, в бытии, в состоянии бодрствования, я вынуждена постоянно *заставлять* себя думать, *принуждать* себя анализировать, самостоятельно выискивать удовлетворяющий меня ответ, а это было трудно и утомительно. Возможно поэтому, человеческий мозг не склонен к продолжительной мыслительной деятельности и всячески пытается уклониться от нее, сфилонить – для него это слишком хлопотно и напряжно.

Но я настойчиво и последовательно заставляла себя думать, потому что мне хотелось понять значимость понятия «вера» для человека. Напрягая возможности своего волевого механизма, концентрируя внутренний взор на анализе именно этой информации, я целенаправленно пробуждала активность я-сознания, активируя связку я-сознание-я-мировоззрение. Я уже знала, что именно работа этого дуэта лежит в основе сознательной деятельности – *выборочной, избирательной и целенаправленной* работы я-психики с внутренней и внешней информационной средой. В данном случае, чтобы найти ответ, мне нужно было из всего объема запечатленной в памяти информации отыскать, активировать и извлечь единственно возможную ассоциацию – образ-предположение.

Наконец, продолжительная принудительная активация я-сознания стала приносить свои результаты - я начала четче различать пробуждаемые мыслительной деятельностью образы-предположения. Они стали более узнаваемыми и доступными для восприятия, больше походить на образы-ответы, с которыми я работала в небытии. И хотя в образах-предположениях по-прежнему катастрофично не хватало категоричности и однозначности, теперь в них хоть что-то можно было узнать, идентифицировать и выделить.

Во всем множестве представших ответов-предположений выделялось два основных множества-позиции. Первая позиция акцентировала внимание на следующем: вера во что-то внешнее и сверхъестественное довольно часто присуща я-психикам с *неусто-*

явшимся, полуразрушенным я-мировоззрением, склонным к объединению в массы, к коллективной работе, в которой неустойчивость основания компенсируется силой массы, а слабость и неуверенность в собственных силах, скрывается за спинами других. Вера как упрощенное множество стереотипных воззрений на структуру мира практически заменяла я-мировоззрение, перебирая на себя его организующие и направляющие функции.

Я-мировоззрение – это система устойчивых, разносторонних, лишенных догматизма и фанатизма воззрений на мироустройство, которая формируется за годы взросления психики в определенной социальной среде. Чем последовательнее, глубже, масштабнее информация, закладываемая в основу долговременной памяти взрослеющего ребенка, тем устойчивей, гармоничней и богаче образ внутреннего «я» сформировавшейся психики взрослого человека. Этот формируемый системой образования образ внутреннего «я» и есть я-психика, с индивидуальными, а в последствие и с личностными характеристиками.

Но очень часто, как правило, в силу непрофессионализма родителей, педагогов и близкого окружения, формируемый образ внутреннего «я» получается противоречивым, неустойчивым и деструктивным (полуразрушенным). Среда, в которой одно говорится, другое делается, а третье подразумевается, создает образ, который не имеет единой внутренней основы и, соответственно, лишен устойчивости, категоричности, принципиальности. В результате отсутствия единой и целостной внутренней основы, природный потенциал я-психики – присутствие для Другого или логоинформационное предопределение, не может эффективно использоваться – он бездарно, глупо разбазаривается. Я-психика взрослого человека с таким деструктивным основанием уже просто не в состоянии сформировать *индивидуальное*, направленное, целеустремленное и активное присутствие для других. Она уже организационно не может планировать деятельность на перспективу и длительный период времени придерживаться запланированного. Она уже не в состоянии мыслить масштабно: осуществлять полноценную и, главное, *систематическую и последовательную* аналитическую деятельность. Она уже лишена возможности достигать глобальных целей, требующих продолжительной и предельной концентрации энергии я-сознания. Но главное, лишившись устойчивого, постоян-

но совершенствующегося основания, я-психика уже не в состоянии организовывать *индивидуальное* присутствие в бытии, потому что любое индивидуальное проявление нужно отстаивать, аргументировать, доказывать, потому что бытие – *это конкуренция*, и побеждают в ней не сильнейшие я-тела, как это было ранее, а более совершенные и устойчивые к стрессовым ситуациям я-психики.

Таким образом, по причине безответственного и халатного отношения родителей, близкого окружения и представителей системы образования, в результате их *преступной* деятельности, к совершеннолетию формируется я-психика, которая мало сказать несовершенно – она никакая, потому что отсутствие устойчивого я-мировоззрения, целостности и единства внутреннего «я», делает ее неконкурентоспособной в бытии, полностью зависимой от непостоянства и агрессивности внешней социальной среды. Ее значение для бытия ничтожно, потому что она практически лишена самостоятельности и не в состоянии организовать не то что присутствие для других, но даже присутствия для себя. Все, что происходит с данной психикой – это не ее заслуга, а стечение обстоятельств. У таких психик практически нет будущего в плане полноценной реализации внутренних творческих потенциалов в бытии, за исключением одного «но». Гармоничное я-мировоззрение организационно стоит выше веры – комплекса стереотипов, формирующих более упрощенный религиозный способ восприятия мира. Поэтому неполноценность я-мировоззрения оставляет я-психике последний шанс на обретение одержимости и предназначения в своем присутствии в бытии – это обретение веры.

Психики с деструктивным я-мировоззрением, при условии обретения веры – более упрощенной, но одновременно и более устойчивой внутренней системы взглядов, в состоянии организовать качественное присутствие в бытии. Вера заменяет я-мировоззрение и внутренняя структура я-психики практически не нарушается, разве, что основание, которое и представляет я-психику в повседневной жизни, воспринимает окружающий мир в несколько «старомодном», догматичном, религиозном аспекте: как *данность, неизменность, непознаваемость*. Вера как основа я-психики обуславливает религиозный способ восприятия мира, который в отличие от более совершенного – научно-философского способа не позволяет творческим потенциалам я-психики реализо-

ываться в процессе *познания* мира. Для религиозного способа восприятия мира – структура Мироздания статистична и *непознаваема*. Но в любом случае вера, становится действенным основанием для организации качественного присутствия я-психики в бытии, наполняя смыслом ее присутствие в себе, для себя и для других, открывая возможности для полномасштабной реализации внутреннего «я» во внешнем образе присутствия.

Вторая позиция, просматривающаяся в ответах о структуре понятия «вера», заключалась в следующем: совершенная я-психика в редких случаях прибегает к стереотипам, присущим массе, поэтому практически не зависит от понятия «вера». В основе совершенной я-психики лежит гармоничное и целостное я-мировоззрение, которое формирует научно-философский способ восприятия мира и индивидуальную, личностную позицию присутствия в бытии. Я-мировоззрение не только полноценно организует индивидуальное и неповторимое присутствие в себе, для себя и для других, но и своим присутствием *преобразует бытие*. Присутствие совершенной я-психики в бытии отличается от присутствия в бытии верующей психики тем, что последняя *не допускает и запрещает преобразование пространства присутствия*, для нее это кощунственно и противостоит естеству. А для я-психики с я-мировоззрением как основой, само присутствие без преобразования не корректно, лишено смысла и *несвободно*. Для нее присутствие для других в обязательном порядке должно быть связано с *преобразованием и созиданием, со свободным волеизъявлением и торжеством знания, с просвещением и творчеством во имя будущего*.

Безусловно, совершенная я-психика тоже «верит» и «верует», но эта вера не в абстрактную, полумифическую силу, а в более конкретное и практическое, например, в свои силы, в более совершенные цивилизации, в космический разум и т.п.. И это понятно, потому что гармония я-мировоззрения – это более высокая степень совершенства я-психики, которая предусматривает более глубокую и качественную наполненность внутренней информационной базы. Вера, как я-мировоззрение – это прошлое и настоящее человечества, а я-мировоззрение, как самостоятельный абстрактный образ, представляемый в бытии как присутствие я-психики для других – это настоящее и будущее психипространства. Это более полное про-

явление индивидуальных качеств и свобода в творчестве, большая самостоятельность и неограниченная предрассудками поисковая активность, это отход от массовости и возрастание индивидуальной ответственности за происходящие процессы в масштабах Земли и космоса.

Поэтому однозначно, понятие «вера» напрямую связано с совершенством я-мировоззрения: чем качественней его организация, тем меньше я-психика нуждается в опеке и защите извне. Его внутренней гармонии и целостности вполне достаточно, для того, чтобы организовать полноценное присутствие внутреннего «я» в бытии. Но чем больше в я-мировоззрении заложено неорганизованности и противоречия, чем менее оно устойчиво, тем больше я-психика нуждается в основании иной формы: упрощенной, простой, но не менее устойчивой – в вере. Вера замещает богатство я-мировоззрения, спасая я-психику от неминуемой гибели в социальной среде, но при этом, существенно ограничивает свободу проявлений и активность: психика становится предсказуема, управляема со стороны, склонна к подчинению и послушанию, довольствуется предоставляемым информационным минимумом, к тому же склонная к присутствию в массе.

Безусловно, это только основные отличия между я-психиками с разными основаниями: с верой и я-мировоззрением. Я видела, что между ними присутствуют корреляции, потому что как в вере присутствовала определенная система взглядов на мир, так и я-мировоззрение не могло существовать без веры. Были и другие нюансы, значительно обогащающие понятие «вера», представляющие его в совершенно ином свете. Но я увидела то, что хотела увидеть – *веру, как ступень в эволюции я-психики*. И собирая воедино все промежуточные образы-предположения, я пришла к выводу, что моя психика отличается от психики мамы в основном тем, что в основе ее психики находится более ограниченный и специфически организованный объем информации, который и сформировал так называемую «веру» – догматическое, типичное, массовое мировосприятие. А в основе моей психики лежит гармоничное и устойчивое я-мировоззрение с более широким объемом информации, которое позволило мне организовывать свободное, индивидуальное, ни на кого не похожее поведение, без оглядки на сверхъестественные

силы и придуманные человеком для организации и руководства массой стереотипы.

Непосильный труд аналитической работы в бытии истощил и утомил - это было совершенно иное, чем праздное присутствие на зрелище в небытии. Мне очень сильно захотелось попасть в небытие, чтобы отдохнуть и возможно еще глубже обсудить открывшееся, сверить результаты своей сознательной деятельности с открывающимся в небытии. И на этот раз *Он* внял моей просьбе. Хотя я и не верила в *Него*, считала себя совершеннее, чем те, кто верил в *Него*, *Он*, тем не менее, как капризную, балованную барышню, бережно перенес меня в небытие, *вернул на зрелище*.

Почему наше предопределение *логоинформационное*? Что означает понятие «логоинформационное»?

Я пристально всматривалась в поток *существования*, в движение небытия, но ответ не открывался мне. Систематизированный поток разорванных фрагментов ранее целостных я-мировоззрений величественно проходил сквозь меня, но в этой системе я не видела ответа на свой вопрос. Какое отношение к этому движению имеет понятие *логоинформационное*? Если «предопределенность существования» практически сразу раскрыло свое содержание, объяснило истоки прошлого, настоящего и будущего бытия человека то, причем здесь словосочетание *логоинформационное*?

Я не спешила и не расстраивалась от первых неудач, потому что была уверена в том, что у меня еще остается время в запасе для обозрения *существования небытия*. Я ждала своего часа, потому что понимала, если меня сюда пригласили, если передо мной раскрыли содержание многих процессов и явлений, значить, я для чего-то нужна *Ему*, значить вскоре мне раскроют понимание и того, о чем я до недавнего времени даже не подозревала. Ведь это не я придумала такое название, оно само было предъявлено мне, поэтому мне обязательно помогут в нем разобраться.

Обозрение происходящих событий в небытии умиротворяло и вдохновляло. Это уже было не просто зрелище, в котором вроде бы и соучаствуешь, но все равно остаешься зрителем - это больше напоминало присутствие в строящемся, возводимом, где

вклад каждого участника был востребован и необходим. Само мое присутствие здесь и факт обозрения происходящего уже являлся неким актом творения, потому что я не просто составной частицей образовывала поток и соучаствовала с ним, а присутствовала в нем как заинтересованный наблюдатель, своей заинтересованностью уже внося элемент творчества в строительство другого. К тому же, этим заинтересованным наблюдателем была не столько я, сколько *Он*, присутствующий во мне и наблюдающий за происходящим строительством моими глазами. Именно, через меня, через мою внутреннюю систему взглядов, *Он* пытался оценить величие своего творения. Видимо, для *Него* вдруг стало важно, как человек – простой смертный – воспримет величие основания собственного существования; как унесет понимание этого величия, и как станет жить с пониманием грандиозности происходящего, строящегося.

Как и я, *Он* знал, что большинство из живущих и здравствующих не задумываются над своими корнями, не обращаются к своему основанию, на котором возводится человеческое бытие. И возможно, до определенного периода с этим можно было мириться, так как обозрение собственного основания требует совершенства я-психики, нуждается в устойчивости и крепости я-мировоззрения. Но время не стоит на месте, на подходе новый этап совершенства цивилизации – полноценная реализация внутреннего «я» во имя будущего системы разумной материи в масштабах Земли и космоса. И вот здесь уже недостаточно веры, здесь нужно *познание и свободное творческое проникновение* в глубины собственного основания. И еще – готовность унести открывшееся, потому что слишком жуткое разочарование ждет первопроходцев, кто решил обратиться к познанию своих корней. Они первыми обнаружат, что многое из того, в чем современные поколения организуют собственное присутствие в бытии, на что тратят время бодрствования и отведенную жизненную энергию, не представляет значимости для первозданности. В отражении глубин существования многое из активности человечества – это не просто суета, пустота и праздное времяпровождение, это печаль, которая сопровождает почти каждого в падении в ничто, потому что только в соприкосновении со смертью им открывается собственная ничтожность и безмерная глупость, застилающая глаза все годы так называемой земной жизни.

А ведь не этого каждый из нас хочет и ожидает от жизни. Все мы хотим славы, признания, уважения, почитания; мы хотим, чтобы нами гордись наши родители, дети, близкие и знакомые – и наша жизнь построена на достижении всего этого. Но каким кошмаром оборачивается действительность в зеркале перводанного – оказывается слава в современном образе жизни, утратив фундаментальность содержания и основательность веков, превратилась во временное и зыбкое: популярность, известность. Теперь это эпизод, фрагмент, который пером от крыла взлетевшего голубя медленно опускается на землю, и, как правило, тут же втаптывается в грязь наблюдающими за полетом голубя. Зрители только на мгновение обращают свой взор на перо, потому что им интересен только голубь. И ведь действительно, голубь – это событие, жизнь, а перо, лишь мгновение, эпизод этого события. Вот только этим мгновением, эпизодом, и оказывается мимолетная известность, за которой, к сожалению, на самом деле, стоит исковерканная человеческая судьба. Но до этого, впрочем, никому нет дела. Посвятив свою жизнь этому мгновению, человек лишает себя жизни – истинных глубин существования. Поэтому Творец долгое время мирился с тем, что люди развлекаясь, транжирили то, что *Он* им даровал. *Он* переживал, что многие из людей не выдержат, сломаются, не переживут обнаженную правду о своей жизни, поэтому прощал праздность и суету жизни верующих, но не творящих. *Творчество верующего, в большинстве своем ограничено рамками веры, а творчество свободной, не заикленной психики – бескрайне и глубоко.* Возможно, ему уже надоела ограниченность и примитив, поэтому он начал приоткрывать глубины существования человечества и нагружать япсихики ответственностью и долженствованием.

Возможно, действительно человечество уже достигло периода в своем развитии, когда внутренние потенциалы психики, стали чрезмерно открыто использоваться не по назначению, на решение второстепенных задач, на достижение целей, противоречащих развитию фундаментального. И для того чтобы это все скорректировать, согласовать, пришло время раскрыть людям глубину их мира, показать особенности существования бытия, потому что развитие в масштабах цивилизации требует согласованности и слаженности, и ни в коем случае не противостояния. И на мне *Он* решил испробо-

вать, как человек вынесет понимание основ первозданного, как с этим станет жить и применять в повседневном существовании. Пойдет ли это ему на пользу, или нужно еще подождать, подготовить я-психику к восприятию глубин бытия?

Получается, что я часть нового эксперимента? Меня, с искалеченным телом, потерявшую мужа и сына, но устоявшую на уровне психики, *Он* выделил из человеческой массы падающей в ничто, остановил мое падение, дал возможность *восходить к бытию и низвергаться к смерти*, тем самым, обозревая мир бытия и небытия, сравнивая их, проводя между ними параллели. *Он* помог мне выстоять в соприкосновении со смертью, не превратиться в «черную вдову», не кануть обреченной в небытие, а вдохнул жизнь, новые цели и желания. *Он* позволил мне самостоятельно выбрать мир, который мне близок, в котором бы я смогла реализовать творческие возможности своей психики в оставшиеся годы присутствия в бытии. *Он* наблюдал за мной и изучал.

Но для чего *Он* все это делал?

Теперь я поняла - *Он* приступил к изучению поведения психики, которая в бытии обстоятельствами, вынужденно, попадет в изоляцию, потому что, соприкоснувшись с глубиной, обозрев основы существования мира, я-психика однозначно перестанет вписываться в нормы повседневного образа жизни. Она станет являть себя в образе, критерии которого для остальной массы психик, покажутся неадекватными, *сумасшедшими*. И *Ему* было интересно, сможет ли психика с клеймом «сумасшедшая» выжить в повседневном мире? Сможет ли психика, прошедшая падение в ничто, выдержавшая соприкосновение со смертью, отстоять свой внутренний мир и образ, старательно воплощаемый в повседневности? Стоит ли такие психики спасать от окончательного погружения в небытие? И, наконец, сможет ли прижиться новый образ присутствия я-психики с элементами небытия в существовании глади, в бытии, не затопчут ли его, не разнесут ли на мелкие кусочки сарказмом, жестокостью и показательным игнорированием?

Понимание своего *предназначения* в жизни, своего *долженствования*, моментально пробудило во мне два основных чувства, которые укрепили и вознесли на пьедестал внутреннее «я». Первое чувство - это понимание того, что я однозначно выживу, причем не

только выживу, а буду полноценно существовать, потому что иначе зачем *Ему* раскрывать передо мной глубины существования, зачем вовлекать в свой эксперимент? И второе чувство – это чувство гордости за то, что *Он* выбрал именно меня, поверил в меня, выделил. Я избранная, я не такая как все – эта мысль молнией поразила мою психику.

Эти два чувства оказались настолько сильны и устойчивы, что спокойный ряд мыслей начал разрушаться, эмоции стали захлестывать, заливать, выходить из-под контроля. Но посреди этого начала разгула, я вдруг поняла, что и мое понимание своего предназначения, и моя реакция на это понимание, как раз и представляют собой до ужаса примитивное человеческое поведение. Избранность и гордость за эту избранность – это настолько прогнозируемое человеческое качество, что здесь я *Ego* мало, чем удивлю. «Из грязи в князи» – эта народная мудрость заранее объясняет поведение избранника. Все типично, предсказуемо, и для *Него* понятно. А нужно другое, нечто необычное, возможно, действительно сумасшедшее, чтобы удивить, сразить его.

И я успокоилась. Избранница, ну и что? Кто кроме меня знает об этом? Кто кроме меня видит то, что вижу я, и где гарантия, что после того, как я попытаюсь раскрыть увиденное окружающим, меня не заклеят сумасшедшей и не отправят в психушку? Кому нужна эта глубина, когда вокруг и без того хватает проблем и страстей?

И как только я успокоилась, как только сама сняла себя с надуманного трона-пьедестала, передо мной открылось понимание словосочетания «логоинформационное». *Логос* – это содержание речи, глубинный смысл знаков и понятий, которыми человек обозначает предстоящее информационное пространство, а *информация* – эта среда, в которой только я-психика может существовать. Обозначая словами, словосочетаниями и понятиями окружающий мир, человек, как, прежде всего, существование я-психики, опредмечивает его, фиксирует, и фрагмент за фрагментом использует в организации собственного присутствия в мире, тем самым, раскрывая содержание предстоящего мира, его глубинный, фундаментальный смысл. Только опредметив предстоящий мир, зафиксировав его в знаковых обозначениях, понятных определенной группе людей,

психика раскрывает содержание этого мира, познает глубинное и первозданное, тем самым, соприкасаясь со своими корнями, обретая глубочайший потенциал предшествующих состояний материи.

А информация для человека – это его жизнь, это основа его существования. Обозревая поток, я обозревала информацию, которая множеством фрагментов протекала мимо меня, уносясь в вечность. Ничто иное не значимо для человека, как информация. Все материальное, повседневное, бытовое остается вне человеческого существования. Сам человек приходит в жизнь голым и уходит голым, оставляя после себя только одно – информацию. Тот, кто над нами экспериментирует, не только забирает и анализирует происходящее по разорванным фрагментам я-мировоззрений, которые и есть фрагменты запечатленной при жизни информации, *Он* эту информацию оставляет для следующих поколений взошедших в бытие, чтобы они не начинали свою жизнь с нуля, а строили ее на достигнутом, уже открытом предшественниками. *Творец* заботится о нашем развитии, потому что, наверное, и сам есть ни что иное, как развитие, *эволюция*. А если так, то логоинформационное предопределение – это первооснова человеческого существования, которая берет начало из небытия, из первозданного, и восходит к бытию. В логоинформационном предопределении трудно различить границу конца небытия и начала бытия – у них единые корни. Бытие следует из небытия, а небытие в свою очередь, проявляется только через призму бытия. Не будь бытия - жизни, мы бы никогда не узнали о небытии – смерти. Поэтому они дополняют друг друга, и как две полярные силы развивают и совершенствуют первооснову человеческого присутствия в структуре Мироздания – логоинформационное предопределение.

Понимание основы своего существования наделяет человека мудростью, потому что он не растрчивает внутренние творческие потенциалы собственной психики на достижение второстепенных целей, а концентрируется на достижении главного для себя, единственного и значимого. И чем больше человек реализует себя в главном, тем больше у него шансов удивить экспериментатора, потому что факт воплощения потенциалов я-психики в чем-то конкретном, да еще масштабном и глубоком, уже, сам по себе вызывает уважение, потому что на это нужна воля, а воля следует из сове-

ршенства внутреннего мира, я-психики. Не каждый сможет оградить себя от разлагающего влияния развлечений и праздности, но тот, кто смог это сделать, в состоянии покорить мир своими свершениями, реализовать свои внутренние потенциалы в великом и важном.

Раскрытие содержания логоинформационного предопределения открыло доступ к содержанию *существования человеческого*. Как в формате 3D я прямо со своего места на зрелище оказалась внутри потока и с увлечением стала обозревать его сущность как мгновение, озарение. Я убедилась, что, действительно, существование человеческого – это не просто множество суетящихся по жизни я-тел, это множество реализующихся и пытающихся реализовать себя я-психик, совокупность которых в масштабах Земли образует психпространство. Я обнаружила, что существование человеческого - *бытие*, имеет два основных уровня: 1) глубинный уровень – это я-психика и организация ее присутствия в себе, 2) поверхностный, «видимый» уровень – это присутствие образа, в котором я-психика реализует свои творческие потенциалы: присутствие для себя и для других. В совокупности первый уровень образывал психпространство, а второй – социальную организацию общества, цивилизацию. Таким образом, обнаружилось, что повседневное бытие – это сосуществование психпространства и образов, в которых каждая отдельная психика являет свое внутреннее содержание.

Так как я не знала, долго ли я смогу наблюдать раскрывшееся в содержании *существование человеческого*, я не стала отвлекаться на познание *существования образов*. Это видимый, наблюдаемый уровень бытия, который довольно полно исследован в философских и социологических работах. Я сконцентрировала все свое внимание на *существовании психпространства*, о присутствии которого до недавнего времени даже не подозревала. Психпространство, как совокупность присутствующих и претендующих на присутствие в себе я-психик, несмотря на свою фундаментальность и определяемость, тоже имело свою глубину. Это были недра предшествующей психпространству системы живой материи – пространство эволюции молекул и генов. Именно здесь организовывались структуры, предшествующие структурам нейронов и нейронных организаций. Я-психика корнями уходила в биохимическое предопределение, кото-

рое на уровне молекулярно-генетического пространства организовывало не только клетку и клеточные органеллы, которые, эволюционируя, привели к образованию множества одноклеточных и многоклеточных организмов – *системы* живой материи, но и нейрон – нервную клетку, со специфической структурной организацией. Именно эволюция этой структуры привела к организации логоинформационного предопределения и психпространства – первоосновы разумной материи. Я вдруг увидела обозначение этого процесса – *цефализация*. Цефализация – это непрерывная, последовательная и предопределенная многомиллиардная эволюция нейронов, внутринейронных и межнейронных связей в условиях эволюционирующей системы живой материи на отдельном материальном объекте. Появлению психпространства в масштабах Мироздания предшествовали миллиарды лет процесса цефализации.

Но и это было не все. Биохимическое предопределение, как первооснова живой материи, в своем существовании уходило еще глубже – в геологическую летопись планеты, в этапы формирования и развития Солнечной системы, Млечного Пути и Мироздания в целом. Обозревая психпространство, я раскрывала единую структуру Мироздания, в которую существование человечества входило составной частью, как предопределенность. И это был факт: нельзя рассматривать бытие человека как некую оторванную от вечности данность. Это глубочайшая ошибка, потому что бытие корнями уходит в существование мира. И *Он* мне на это указывал, подчеркивая, что в организации я-психики задействованы многие космические силы и закономерности структуры Мироздания. Психпространство – это не просто совокупность я-психик – это космическая мощь разумной материи, которая через логоинформационное предопределение проявляется в существовании человеческого.

Окружающий человека мир – это стройная структура Мироздания, которая выглядела следующим образом: 1) Косная материя (Вселенная), которая, как считается, является первоосновой современного мира. Ее основу составляет космический вакуум, и этапы ее формирования и развития обосновывают целым рядом космологических концепций: инфляционной, концепцией Большого Взрыва и т.п.

2) Живая материя (жизнь), которая *закономерно* формируется на основе высокоразвитых косных организаций (органических молекул и макромолекулярных соединений) в условиях отдельного материального объекта. В современной науке допускают существование переходного состояния материи между косной и живой материей – биокосной материи. Основу живой материи образуют: молекулярно-генетическое пространство и биохимическое предопределение, взаимодействие между которыми закономерно переходит в организацию *системы* живой материи. Переход косной материи через биокосную в живую отслежен в целом ряде научных концепций, причем имеющих определенные лабораторно-практические подтверждения. Эволюция непосредственно живой материи и ее системы довольно полно и убедительно представлена в синтетической теории эволюции, состоящей из генетической и популяционно-эволюционной теории.

3) Разумная материя (эволюционирующая психика), закономерно, в результате процесса цефализации, формируется на основе высокоразвитых структур жизни. Считается, что между живой и разумной материей существует переходное состояние материи – биоразумная, к которой относятся все позвоночные от рыб до высших животных. Именно на этой стадии эволюции четко прослеживается цефализация – формирование архитектуры центральной нервной системы и головного мозга в частности. Первооснова разумной материи – это логоинформационное предопределение, которое через организацию нейронных ансамблей подсознания и сознания формирует психику и ее активное начало – «психику о». Разумная материя на планете Земля представлена псипространством – совокупностью психик с разной степенью внутреннего совершенства. Псипространство, в силу своего активного начала (логоинформационного предопределения или присутствия для Другого), используя возможности я-тела как формы, организует образ своего присутствия для себя и для других – сферу присутствия разума на отдельном материальном объекте (ноосферу). Совокупность псипространства и образов его присутствия получило название бытие. Бытие, как понятие, - это присутствие я-психики в себе, для себя и для других в условиях отдельного материального объекта, т.е. совокупность активности псипространства и его внешних проявлений.

Именно таким образом выглядит современная картина существования мира, в которой *существование человеческого* – это не более чем очередная ступень эволюции. Это нужно понять и к этому нужно привыкнуть, потому что без этого понимания невозможно качественное прогнозирование будущего цивилизации. Выделяя бытие *из* мира, возводя его на эфемерный пьедестал избранности и центризма, мы отрываем его от корней, от живительной силы первозданного, с которым оно связано прочными и нерушимыми связями.

Бытие человека как составная часть существования мира – это азбучная истина. Как раз на уровне существования мира бытие и небытие, как все предшествующее бытию, сливаются, находят друг друга и образуют гармоничное целое, превращающее человеческое существование в более мощную, совершенную, космическую силу, воплощающую в себе лучшее от разумной материи. Только воссоединив свои внутренние возможности с возможностями космоса, мы сможем продолжить творить историю своей цивилизации, достойно конкурируя как с предшествующими состояниями материи, так и с иными цивилизациями, заселяющими космическое пространство.

Я хотела продолжать обозрение, до конца досмотреть это захватывающее зрелище, но меня насильно вернули в мир реальных событий голоса: сначала они раздавались где-то далеко, создавали шумный приближающийся фон, но в последствии ворвались и разбудили меня, прервав обозрение логотипического предопределения. Каким болезненным оказалось это насильственное возвращение в бытие, даже, несмотря на радостную весть:

- Милевская, я знаю, что вы меня слышите, радуйтесь, мы вас переводим в обычную палату. С возвращением! – я узнала голос врача, услышала радость в ее голосе, но сама никаких эмоций не испытала. Я еще сама не совсем понимала, что хорошего сулит мне возвращение в бытие.

Я слышала, как вокруг меня закипело движение: люди переставляли оборудование, что-то собирали, отключали, выносили и приносили. Они практически не разговаривали между собой, но энергия движений, концентрированность на выполняемой работе,

тела с разными запахами, все это неприятно давило на мою я-психику, угнетало. Я привыкла к тишине и размеренности своего присутствия в этом мире, и новизна, которая меня окружила и, главное, которая меня ожидала, неприятно беспокоила и волновала. Я уже понимала, что опасность смерти миновала, что я иду на поправку, и это заставило меня задуматься о перспективах, о том, что ожидало меня в ближайшем будущем.

Я почувствовала, как моя кровать тронулась с места и меня покатали длинным коридором – это было мое первое путешествие за последние несколько месяцев. Что я испытывала? Трудно сказать. Мое тело по-прежнему было все в гипсе и на растяжках, я его по-прежнему практически не чувствовала. Я ничего не видела из-за повязки на глазах и не могла разговаривать, потому что голова была в бинтах. Единственное, я немного слышала и воспринимала обонянием. Но как кипела жизнь в моем внутри, насколько впечатляюще была активность моей психики!

Меня закатали в лифт, подняли на несколько этажей и снова покатали коридорами. Такое ощущение, что я путешествовала в свое будущее! Меня закатали в просторное помещение, снова долго возились, устанавливая и подключая аппаратуру и, наконец, оставили одну. Путешествие закончилось и все вернулось на свои места: меня окружила долгожданная тишина и я окунулась в не менее ожидаемое одиночество. Жизнь у меня снова наладилась.

Как только мое присутствие в бытии вошло в привычное русло перед я-психикой во всей полноте и насыщенности предстал вопрос: насколько я внутренне готова к возвращению в повседневное бытие и налаживанию образа присутствия для себя и для других? Я уже научилась не просто формулировать конкретные вопросы, но и выстраивать их в порядке очередности. Поэтому моя психика уже не сталкивалась с ажиотажем и хаосом актуализированных вопросов, которые плотной массой забивали восприятие и делали невозможным сам процесс мышления, а работала конкретно, с наибольшей эффективностью и пользой.

Образ-ответ не предвиделся, поэтому я вынуждена была анализировать, думать, перебирая образы-предположения. То, что присутствие в себе я довела до невиданного для себя совершенства, мне было и самой понятно. Но насколько я смогу поднять планку

совершенства организации присутствия для себя и других? В чем разница между присутствием для себя и для других?

У меня возникло ощущение, что я уже встречалась с этим вопросом и рассматривала его. Но, возможно, та встреча была в небытии, и я обзревала только образ-ответ? В любом случае, у меня не вызывало сомнений, что присутствие для себя – это первый этап идентификации я-психики в бытии. Это в принципе то, что позволяет каждой психике сформировать в себе определенные индивидуальные черты, обрести свое «я» и выйти на уровень я-психики. С первых шагов своего появления в онтогенезе, психика эволюционирует в своей форме – в я-теле. Связь между психикой как содержанием и телом как формой – опосредована. В ней просматривается четкая закономерность: чем совершеннее организация психики, тем меньше она зависит от своей формы. Совершенство содержания приводит к качественным изменениям формы.

Современная наука уже имеет определенное представление об основных этапах эволюции психики в онтогенезе. Я смогла выделить только основные: первый этап – это формирование и развитие нейронного комплекса подсознания (примерно до одиннадцати-двенадцати лет); второй этап – формирование на основе подсознания нейронного комплекса сознания и организация первичного взаимодействия между подсознанием и сознанием (с одиннадцати до шестнадцати лет); третий этап – первичная работа психики – единого нейронного ансамбля подсознания и сознания (от шестнадцати лет до, примерно, двадцати двух лет); четвертый этап – апробирование внутреннего «я» в социальной среде, непосредственное формирование я-психики – нейронной организации, со сложившейся индивидуальной внутренней информационной базой (от двадцати двух лет до двадцати восьми-тридцати лет); и пятый этап – непосредственное воплощение я-психикой в бытии своего образа присутствия для других: организация социальной значимости я-психики.

Если присмотреться к этапам эволюции психики в онтогенезе, то можно обнаружить, что непосредственный выход психики за пределы присутствия в себе, начинается уже на первом этапе, но отчетливо просматривается на втором этапе, когда формируется каркас внутреннего «я» - будущего я-мировоззрения, и осуществляется первичная организация нейронного комплекса сознания. Практически

ки, подростковый возраст – это первые шаги самоидентификации психики, организации присутствия в себе в образе присутствия для себя. Именно поэтому подростковый период самый сложный и непредсказуемый в воспитательном плане – психика подростка начинает впервые выходить за свои внутренние пределы, впервые обнаруживать себя на людях в образе. И, безусловно, этот образ еще далек от полноты и совершенства, он неустойчив и в нем много скопированного из наиболее авторитетных для подростковой психики образов, но, тем не менее, он действенен, он присутствует в бытии, заявляет о себе и требует, чтобы с ним считались.

Если до подросткового периода психика только формируется и проявляет себя лишь в отрывочных чувственно-эмоциональных проявлениях, то в подростковый период, наравне с формированием присутствия в себе, она начинает организовывать образ присутствия для себя, через который присутствие в себе словно отражается и корректируется, постоянно изменяется и совершенствуется. Связка внутреннего развития с образом внешнего присутствия является необходимым условием эволюции психики, так как природой в нее заложена открытость, в своем роде недозавершенность, недосказанность. Присутствие в себе – это только начальный уровень развития психики, который без присутствия для себя деградирует, становится патологичен. Психике нужно видеть себя, обнаруживать свое «я» в поступках, действиях и т.п. Психика как «психика о» с первых этапов своего формирования вынуждена организовывать образ присутствия для себя, чтобы тем самым совершенствовать присутствие в себе. Начиная с подросткового периода, связка: присутствие в себе и присутствие для себя становится очевидной и действенной. Неправильно ожидать и требовать от детей и подростков внимания и участия – присутствия для других, их психика к этому только организационно подготавливается. Дети и подростки, главным образом, живут *своими* проблемами, решают *свои* задачи, и в этом их надо только поощрять, потому что связь присутствия в себе и для себя в этот период очень неустойчива. Главное создать определенное социальное клише, в рамках которого образ присутствия для себя может формироваться. Это должно быть устойчивое и категоричное клише, чтобы форми-

рование присутствия для себя не вышло за рамки морали и нравственности, не приобрело деструктивные для общества формы.

В созданном системой образования и родителями едином социальном клише, формирующийся образ присутствия для себя приобретает характерные для данной социальной группы характеристики, которые воплощаются и в присутствии в себе – ложатся в основу формирующегося внутреннего «я» психики. Изменяя образ присутствия психики на начальных этапах ее формирования, общество изменяет и внутреннюю систему взглядов, присутствие в себе, через которую «психика о» налаживает свое взаимодействие с информационным пространством.

Очень важно не допустить заикливания присутствия в себе в образе присутствия для себя. Уже к концу подросткового периода психика должна переориентировать образ присутствия для себя в образ присутствия для других, который эволюционно более совершенный, чем образ присутствия для себя. В образе присутствия для других присутствие для себя должно занять свою определенную нишу, которая, с одной стороны, не должна попирацца и игнорироваться, но, с другой стороны, не должна доминировать в активности психики. Соотношение в образе присутствия психики для себя и для других – это вопрос совершенства самого общества. Если в образе, который формирует психика, присутствие для себя доминирует, то общество получает крайне эгоистичную психику, заботящуюся только о себе и своих проблемах. В масштабах психического пространства, безусловно, такая психика патологична, потому что психическое пространство – это *сообщество* психик, целостная организация, в которой каждая психика должна не только присутствовать для себя, но и для других. Если в обнаруживаемом психикой образе доминирует присутствие для других, то активность я-психики тоже нельзя назвать гармоничной, потому что страдает ее внутреннее «я», и в организации присутствия теряется личностный аспект. В масштабах психического пространства психики с преобладающим присутствием для других, возможно, и не столь патологичны, как психики с доминирующим присутствием для себя, но, безусловно, они и не столь значимы, потому что присутствие для других в значительной степени снижает значение присутствия в себе. Такая психика альтруистична, толерантна, общительна, щедра, но внутренне несовершенна. Как правило, главным образом, я-психики в основе которых

лежит понятие вера, столь откровенно и показательно организуют образ присутствия для других. Доминирование в психике присутствия для других – это нацеленность на коллективную работу, склонность к различным социальным объединениям, направленность на массовость – это уровень совершенства современного общества.

По всей видимости, между присутствием для себя и для других должно существовать подвижное равновесие - корреляция. Психика в зависимости от обстоятельств и условий бытия должна организовывать и качественное присутствие для себя, в котором она совершенствуется, прежде всего, присутствие в себе – свое внутреннее «я», и присутствие для других, которое более опосредованно от совершенства присутствия в себе. Только совершенствуя себя, беря для себя что-то важное и стоящее из бытия, можно организовать качественное присутствие для других. Чем выше совершенство я-психики, чем больших социальных, материальных и духовных уровней она достигнет, тем качественней она сможет организовать присутствие для других, тем больше она может дать цивилизации. Присутствуя в себе, психика должна обращаться как к присутствию для себя, так и к присутствию для других, причем процесс обращения должен соответствовать условиям социальной среды, конкретным ситуациям, требованиям времени.

Я понимала, что свои тридцать два года я присутствовала в бытии, не задумываясь ни о причинах своего присутствия, ни об условиях его организации – я просто жила. Но «просто жить» - это самая простейшая форма организации присутствия психики. Совершенно другой уровень, когда психика открывает присутствие в себе и подготавливает организацию присутствия для себя и для других. Именно это теперь меня ожидало. Я понимала, что возникающая тревога за свое ближайшее будущее вызвана, прежде всего, тем, что мне предстояло вхождение в бытие на уровне сознательной организации присутствия для себя и для других. Если раньше я «просто жила», то сейчас мне нужно было планировать и соизмерять с планами свое присутствие в бытии. Я начала задумываться над образом, в котором я покажу свое изменившееся внутри, и меня начало волновать то, как этот образ воспримут другие, как он приживется в моем устоявшемся социальном окружении.

Именно поэтому мое выздоровление не столько радовало, сколько тревожило, потому что я понимала, что все ближе время, когда от присутствия в себе я должна перейти к присутствию для себя и для других, когда я должна представить свой изменившийся образ окружению. Но насколько этот новый образ будет отличаться от моего старого образа, как его воспримут знающие меня люди? Смогу ли я со своим новым образом добиться такого авторитета, который добилась со своим старым образом, или стану изгоем, сумасшедшей? Ведь по большому счету, если мой новый образ присутствия не станет авторитетен в бытии, то я не смогу выполнить своего предназначения, и мое возвращение в бытие потеряет смысл. Образ сумасшедшей может довести только до психиатрической клиники, а разве ради этого я стремилась вернуться в бытие?

На эти вопросы я пока не могла дать ответы, но ощущала отчетливо, что, чем ближе приближалось мое выздоровление, тем сильнее меня охватывала тревога за судьбу образа, в котором мое присутствие в себе явит обществу.

Насыщенный событиями день утомил, и я незаметно для себя уснула. Проснувшись я практически сразу, но уже в небытии на тех же местах в партере, с которых ранее обзревала логоинформационное предопределение. Я словно и не уходила отсюда, просто на мгновение отвлеклась, забылась и, очнувшись, вновь стала наблюдать за происходящим в потоке первозданного. Причем открывшаяся возможность с достаточной легкостью восходить к бытию и низвергаться к смерти меня уже не удивила. Я знала, что это *Он* давал мне возможность не просто обзреть глубины Мироздания, но и постепенно привыкать присутствовать в бытии с открывшимся пониманием небытия. *Он* помогал мне формировать тот новый образ присутствия, с которым я должна вскоре предстать в бытии, потому что *Он*, так же как и я был заинтересован в успехе эксперимента. Я примеряла на себя новый образ присутствия, привыкала к нему, осваивалась в нем.

Меня уже не пугало падение в ничто – этот первый шаг к проникновению в небытие, я знала, что быстро пройдя этот этап я попадала в мир, который не просто наполнен содержанием и смыслом, а которой это содержание и смысл рождает. Обзреть пер-

возданность, пространство, в котором человеческое смешивается с тем, что ему предшествовало – это уже есть в своем роде *прозрение*. Я открывала для себя не просто связь человеческого с предшествующей системой живой материи, я раскрывала *космические корни существования человеческого*. Логоинформационное предопределение несло в себе понимание вечности, а сама вечность выходила за планетарные масштабы и наполняла существование всего земного *космическим* пониманием. *Наши корни в космосе и наше будущее тоже там* – эту истину Он как клеймо выжиг в моем я-мировоззрении, тем самым, заложив основу нового каркаса образа присутствия в бытии. Реорганизовав мое присутствие в себе, Он создал каркас образа присутствия для себя и для других основанный на *космическом* понимании бытия. Моя дальнейшая жизнь заключалась в наполнении и обогащении каркаса образа присутствия и реализации внутренних творческих потенциалов я-психики уже через этот обновленный образ.

Но если мы из космоса и наше будущее в космосе, то и повседневная жизнь человека должна ориентироваться на перспективу, на освоение космических просторов, на формирование в подрастающих поколениях личности *планетарно-космического типа как образа* присутствия я-психики в бытии. Люди должны свыкаться с мыслью о своем космическом будущем, цели каждого человека должны ориентироваться на совершенство цивилизации, на качественное и продуктивное освоение космических просторов. Каждый человек должен с молоком матери усваивать важность достойного представительства цивилизации Земли в масштабах космоса. Только в этом случае возможно соединение основания существования человеческого – небытия, с повседневной активностью людей - бытием.

И вдруг я снова увидела человека будущего только уже не как форму, не как я-тело, а как присутствие образа. Как данность передо мной предстал *образ* человека будущего как планетарно-космический тип личности. Я впервые смогла оттенить его основные характеристики, проникнуть в аспекты содержания и, главное, сравнить планетарно-космический тип личности как образ человека будущего с образом, представленным в бытии современной я-психикой.

Образ человека будущего отличался от образа современной я-психики следующими характеристиками:

Во-первых, знанием своего прошлого, причем не только исторического, связанного с развитием общества в масштабах Земли, а космического, связанного с этапами формирования и развития структуры Мироздания. Как мне открылось, только такой *масштабный* подход к прошлому цивилизации раскрывает перед психикой истинный смысл ее существования, отвечает на вопросы «о месте человека в материальном мире», «о предназначении человечества», «о смысле человеческой жизни» и т.п. В этом случае я-мировоззрение изначально формируется на основе понимания единства всего человеческого с фундаментальными космическими силами и явлениями.

Во-вторых, масштабом мышления. Планетарно-космический тип личности умеет мыслить стратегически (глобально), планетарными масштабами, организовывать взаимодействие процессов, происходящих в масштабах Земли с активностью космоса (т.е. организовывать взаимосвязь локальных процессов с глобальными). Одна из основных проблем современной цивилизации заключается в том, что стратегические решения, принимаемые в том или ином государстве (в той или иной части планеты), нацелены на решение локальных проблем, практически не связанных и не скоординированных с планетарной активностью цивилизации. Но любая локальная активность, не соответствующая тенденции развития цивилизации, изначально неэффективна, разрушительна и проигрышна. Развития и процветания достигают только те государства и, соответственно, те стратегические решения, которые связывают локальные решения с особенностями закономерного развития цивилизации.

В-третьих, последовательностью деятельности. В современной космологии существует фундаментальный принцип «матрешки», который с физико-математической точки зрения обосновывает, что каждое событие (процесс, явление) происходящее в мире, в том числе и в масштабах ноосферы, с одной стороны, основано на предшествующем событии, с другой стороны, заключает в себе начало следующего события. В этом и заключается содержание преемственности: знание прошлого раскрывает понимание настоящего и одновременно, позволяет прогнозировать будущее. Как только любая микро или макро социальная группа в структуре цивилизации в результате очередной «революции», или по другой

причине, «отказывается» от своего прошлого и начинает строить свое существование «по-новому», она изначально вносит неопределенность и неустойчивость в свое настоящее и лишает себя будущего. Фундаментальные законы существования мира ни оставляют никаких других альтернатив. Перспектива, прогресс возможны только в одном случае: *преемственности* между поколениями и *соответственности, последовательности* деятельности.

В-четвертых, целенаправленностью деятельности. Для того чтобы любая деятельность была последовательна и прогнозируема, нужно с самых первых этапов процесса образования в основу внутренней системы взглядов детей закладывать понимание того, какому виду деятельности они хотят посвятить свою дальнейшую жизнь и каких результатов на этом поприще они планируют достигнуть. Целенаправленная деятельность, это прежде всего актуальность глобальной цели, т.е. цели всей жизни, и достижение определенного множества целей частных, которые организуют последовательность воплощения глобальной цели. Глобальная цель деятельности — это ориентир и постоянный стимулятор жизненной активности человека, частные цели — это мобильная, формирующаяся в зависимости от особенностей повседневного существования, структура «прохождения» жизни в направлении ориентира.

Обозревая образ человека будущего в целом, я констатировала, что личность планетарно-космического типа - это гармония ума, души и тела, направленная на реализацию внутренних творческих потенциалов в масштабах Земли и космоса. Достижение подобных критериев в каждом представителе цивилизации - это основная задача системы образования и авторитетного для эволюционирующей психики близкого окружения: родителей, родственников, друзей семьи и т.п. Только созданием единого социального клише, объединенным усилием родителей, близкого окружения и государственной системы образования, можно гарантировать переход образа современной я-психики к образу человека будущего.

Размышляя о космическом начале цивилизации, об образе человека будущего, я вдруг открыла важность понятия «принуждение» в закономерном онтогенетическом становлении я-психики. Что же важного открылось мне в принуждении?

Во-первых, принуждение в процессе формирования образа человека будущего – это активность, это *процесс, действие*, реализация внутренних потенций, вопрошание. Это не только принуждение извне, со стороны социального окружения, но это, главным образом, принуждение изнутри, из «психики о», из присутствия в себе. Это то, что увлекает, заставляет искать, думать, анализировать; что стимулирует работать над проблемой на грани умственного истощения, боясь не успеть, опасаясь, что не хватит жизни, забывая о насущном, земном. Это грань между фанатизмом и должествованием, между счастьем и болью, между любовью и ненавистью; это беспокойство, надрыв, постоянная неудовлетворенность достигнутым. Это полная власть присутствия для Другого, которая через открытость психики проявляется в активной позиции я-психики в бытии.

Во-вторых, принуждение в формировании образа человека будущего – это *направленность*. Это движение к чему-то определенному, заранее выбранному, намеченному, единому, скомпонованному в целостное клише. Происходит не просто накопление информации, усвоение открытых знаний, умений, навыков, а накопление информации *определенной*, необходимой для чего-то конкретного, намеченного, заранее продуманного и запланированного. Это, как «давать вид, образ», направляя активность внутренних потенциалов я-психики к выбранному, намеченному, представленному в мысленном образе. Принуждение как направленность – это стремление воплотить нечто в образе присутствия для себя и для других, довести начатое до *определенного* совершенства.

В-третьих, принуждение в формировании образа человека будущего – это *сознательная* деятельность. Это заставление, понуждение себя во имя чего-то определенного, заранее запланированного. Наш мозг работает над этим, мы продумываем каждое действие, планируем его, анализируем каждый свой шаг. Мы осознаем то, чего хотим; делаем действие не просто ради самого акта движения, а мы совершаем действие во имя достижения конкретно поставленной цели: *достижение* человеком мудрости, необходимость *придавать* присутствию в себе определенный внешний *образ*. Мы уже знаем, куда направлять активность внутренних потенциалов, мы делаем то, в чем хотим обнаружить себя, проявить и заявить о

себе. При этом мы организуем не только себя, но и окружение, на которое направлен акт принуждения. Принуждение как сознательная деятельность – это не только организация образа присутствия для себя и для других, но и *формирование отношения социального окружения к создаваемому образу*.

В-четвертых, принуждение в формировании образа человека будущего это *дисциплина*, это гарант порядка, исполнительности, преемственности и последовательности поведения. В подтверждении этого аспекта образа-ответа, я вдруг увидела цитаты, людей, вошедших в историю цивилизации: «Дисциплина не дает человеку под влиянием его животных наклонностей уйти от его назначения, человечности. <...> Дисциплина подчиняет человека законам человечности и заставляет его чувствовать власть законов»². Настоящая дисциплина – это, прежде всего, проявление *«внутренней свободы*, т. е. духовного самообладания и самоуправления. Она принимается и поддерживается *добровольно и сознательно*»³. Труднейшая часть воспитания как раз и состоит в том, чтобы «укрепить в ребенке волю, способную к автономному самообладанию. Способность эту надо понимать не только в том смысле, чтобы душа умела *сдерживать и понуждать* себя, но и в том смысле, чтобы это было ей *нетрудно*. Разнузданному человеку всякий запрет труден; дисциплинированному человеку всякая дисциплина легка: ибо, владея собой, он может уложить себя в любую благую и осмысленную форму. И только владеющий собою способен повелевать и другими. Вот почему русская пословица говорит: «Превысокое владительство – собою владеть»⁴.

По окончании обозрения образа-ответа проблемы принуждения в формировании образа человека будущего, возник следующий вопрос: «Не приведет ли принуждение к разрушению я-мировоззрения психики?» Принуждать и заставлять – это всегда идти против образа присутствия в себе, для себя и для других, поэтому насколько эффективно и безопасно для формирующейся я-психики принуждение?

² Кант Иммануил Лекция «О педагогике» — в книге: Кондрашин И.И. Истины бытия в зеркале сознания. — М.: МЗ Пресс, 2001. — С. 433.

³ Ильин И. А. Путь к очевидности. — М.: «Республика», 1993. — С. 213.

⁴ Ильин И. А. Путь к очевидности. — М.: «Республика», 1993. — С. 213.

Как всегда ответ предстал моментально в определенном образе. Обозревая его, я обнаружила, что в природе принуждение присутствует и как насилие, и как «заставление», «понууждение». Причем как «заставление» и «понууждение» принуждение используется как педагогический метод, который в ходе нескольких столетий показал свою эффективность и дееспособность. При этом, когда принуждение, особенно в системе образования, переходит в форму насилия над внутренним миром человека (ученика), то в действие, действительно, незамедлительно должны вступать статьи уголовно-процессуального кодекса, призванные защитить внутренний мир каждого ученика от посягательства со стороны любого человека, в том числе родителей и представителей государственных институтов. Принуждение-как-насилие – это, безусловно, беспощадно наказуемое деяние, так как влечет за собой разрушение оснований я-психики и патологию в формирующемся образе присутствия для себя и для других. Это плохо прикрытый негатив как для психического пространства, так и для бытия, который нельзя допускать изначально, потому что он может привести к непредсказуемым последствиям. А принуждение-как-понууждение (или как заставление) – это эффективный и допустимый способ формирования гармонии не только в образе присутствия в себе, но и в образе присутствия для себя и для других. Принуждение-как-понууждение – это основа сознательной деятельности, целеустремленность, возможность достижения глобальной цели, последовательная реализация внутренних творческих потенциалов и многие другие положительные проявления я-психики в бытии.

Обозревая небытие через логотворение, я очередной раз отметила важнейшую закономерность: *в существовании человеческого ценны только содержательные и масштабные творения, а повседневное и поверхностное в оценке качества прожитой жизни пренебрегается.* И как только эта мысль усвоилась и закрепилась, я обнаружила, что содержательность потока существования человеческого на Земле несоизмеримо мала в сравнении с содержательностью существования живой и косной материи. Видимо, действительно, разумная материя в масштабах Солнечной системы

только проходит первые этапы становления и развития, и поэтому не имеет прочного и устойчивого основания.

И мне вдруг показалось, что я поняла *Его* задумку: *Он* специально открыл передо мной содержание существования человеческого, чтобы донести понимание истинного предназначения человека – *творить фундаментальное*. Через меня *Он* хотел донести до людей, что только в образе человека будущего, через личность планетарно-космического типа, можно укрепить основание бытия: *организовать насыщенное и полноценное присутствие в себе, для себя и для других, причем ориентированное на масштабы космоса*.

Для меня вдруг открылась страшная правда – современная организация бытия, как пространство присутствия психопространства и воплощаемых им образов присутствия, далека от совершенства. Мы, называющие себя Человеком Разумным, на самом деле далеки от этой разумности, и достигли, разве что стадии Человека Эмоционального, потому что даже в моей психике, дуэт я-сознания и я-мировоззрения несовершенен и бессилён перед природными силами я-подсознания. О каком доминировании разума может идти речь? Заяц может назвать себя львом, но от этого в действительности не станет царем зверей. И человек, назвав себя Homo Sapiens, от этого не стал более разумен. До тех пор, пока в я-психике преобладает активность нейронного комплекса подсознания, пока в образе присутствия для себя и для других доля сознательной деятельности существенно уступает активности бессознательного, мы можем называть себя разве что Человеком Эмоциональным. И в этом нет негатива или пренебрежения, - это закономерность развития, это то, через что человек должен пройти, прежде чем достичь стадии Человека Разумного.

Психики, образующие современное психопространство Земли, эволюционно еще не готовы проявить природный потенциал присутствия для Другого, поэтому организуют свое присутствие в столь непривлекательном, малосодержательном и поверхностном образе. Незнание своих истинных возможностей, преклонение перед авторитетом я-тела, доминирование простейших потребностей и фанатичное желание их удовлетворить, слепая вера в сверхъестественные силы и нежелание совершенствовать себя, превращает присутствие я-психики в бытии в мгновение, в один единственный

фрагмент, длящийся от двадцати до восьмидесяти лет. Страшно то, что в этом случае, разницы между качеством образа присутствия я-психики двадцатилетнего человека и восьмидесятилетнего – практически нет. Шестидесятилетняя разница в возрасте не заполняет психику качественной информацией и, соответственно, не проявляется в совершенстве образа присутствия в бытии, поэтому на ко ну истории эти психики равноценны.

Но где делись шестьдесят лет жизни, на что были потрачены? Почему факт присутствия в бытии еще не означает совершенства психики? Почему нынешнее повседневное существование не ценится в небытии? Разве построить дом, родить ребенка и посадить дерево – этого мало для полноценного присутствия в бытии?

Оказывается мало. Но почему мало?

Я обзревала движение небытия, пытаюсь извлечь из него ответ на свой вопрос. Всматриваясь в логоинформационное предопределение, я старалась проникнуть в глубину, в содержательность тех, кто образовывал его основание – но слишком целостно и масштабно было основание, чтобы познать его, разложить на составляющие части и идентифицировать. Оно было настолько монолитно и подогнано, что в нем не наблюдалось разорванности. И это вызывало удивление, потому что я точно знала, что основание потока существования человеческого состоит из множества фрагментов разорванных я-мировоззрений. Неужели в своем существовании они были настолько последовательны и целостны, что, соприкоснувшись со смертью, попав в существование небытия, они дополнили друг друга, превратились в неделимое целое? Но разве такое возможно? Как люди из разных поколений могут дополнять друг друга в условиях небытия?

Я устала от непонимания, от постоянного обнаружения собственной ничтожности в масштабах движения небытия. Мне становилось все удушливей и тревожней, словно что-то громоздкое и незнакомое надвигалось на меня и раздавливало своей предвзятостью и значимостью. Состояние паники, возникшее неожиданно и мгновенно, словно выдавило меня из глубин небытия на поверхность, и я с облегчением обнаружила, что проснулась, вернулась в бытие.

Глава 9. Возвращение в бытие

- Доченька, ты слышишь меня? – голос матери звучал рядом, но не казался родным - в памяти еще свежими оставались следы обозрения фундаментального. Неожиданно возникла мысль, если мое существование так ничтожно в масштабах фундаментального, то какова значимость я-психики мамы, которая все годы своей жизни отдала сохранению семьи, заботе об отце и воспитанию нас с братом? Выходит, что все эти жертвы напрасны и ее ждет полное забвение в небытии?

- Доченька, я знаю, что ты меня слышишь, меня врач научила определять по прибору, когда ты спишь, а когда бодрствуешь. Сейчас ты проснулась, ты слышишь меня, Светочка? – в голосе мамы не было тревоги, скорее прослеживалась радость и гордость за свои новые познания в медицине. Но мне все еще тяжело давались возвращения из небытия, с трудом удавалось заставить себя мыслить категориями присутствия в бытии – слишком масштабными и весомыми оказывались откровения небытия, чересчур разительным было несоответствие ценностей повседневного существования и небытия. И это нужно было постигнуть, осознать, принять. Наконец, нужно было что-то предпринять для того, чтобы навести какой-то порядок, элементарную согласованность между пространствами присутствия, потому что иначе терялся смысл восхождения к бытию и присутствия в нем – каждое событие присутствия для себя и для других теряло свою ценность и из глубин небытия казалось малозначимым и второстепенным. Но в чем я-психике нужно воплотить себя, чтобы добиться значимости в небытии?

- Мы проснулись! Как самочувствие? – бодрый голос врача не просто ворвался в мою психику – он пробудил ее основание, окончательно выбив остатки впечатлений от обозрения. Психика, активи-

рованная ее энергией, замерла в предвкушении чего-то значимого и важного для себя. И оно произошло. – Светочка, я знаю, что вы меня слышите, поэтому обращаюсь к вам – будьте готовы, минут через десять мы снимем с ваших глаз повязку. Вы должны настроиться на это событие, потому что для вашего мозга, долгое время лишённого зрительного восприятия, это большая нагрузка. Подготовьте себя, честно скажу, будет больно и неприятно, договорились? – И не дожидаясь от меня ответа, закончила – Вот и хорошо, подготавливайтесь к возвращению в нашу повседневную жизнь.

Она ушла, оставив после себя такой энергетический заряд, что мне казалось, что я вот-вот разорвусь на мелкие кусочки. Но особенно впечатлила ее последняя фраза о *возвращении*. Неужели она знает о существовании двух пространств существования: бытия и небытия? Неужели мое участие в зрелище – это обычное явление для людей, которые находились в состоянии комы? Или ее «возвращение» - это обычный набор слов, который сопровождает восходящую к бытию я-психику?

Я не могла ответить на этот вопрос, потому что меня постоянно будоражила и отвлекала мама. Нахлынувшие на ее психику эмоции сделали ее неуправляемой и эгоистичной – она совершенно не думала обо мне и о предстоящем для меня испытании. Она то ходила по палате, то подсаживалась ко мне, то что-то восторженно восклицала, то начинала плакать. Шквал эмоций, который исходил от нее, меня накрывал и подавлял.

- Доченька, какое же это счастье! Наконец-то! – Своими репликами и возгласами, она мешала мне сконцентрироваться на главном и важном для себя. Мне уже было не до собственного внутреннего настроя - я уже боялась за нее. - Какая радость. Почему же меня не предупредили, я бы папу твоего оповестила, он бы бросил все и приехал сюда! – Новость своей значимостью ошеломила психику мамы. Я поняла, что врачу нужно было подготавливать не столько меня, сколько маму, потому что если я могла обуздывать чувственно-эмоциональные порывы своей психики, то у мамы с этим всегда были проблемы. В ее поведении преобладали чувства и эмоции, поэтому любое важное событие, всегда выбивало ее из колеи – она реагировала на него не так, как мы с отцом. Возможно поэтому, ни я, ни папа, часто не понимали ее поступков и принятых

решений. Но если папа смотрел на ее поведение в моменты стрессов снисходительно или презрительно, то мне всегда было жаль маму, и я старалась помочь ей выбраться из лабиринтов эмоций, определить правильную, соответствующую событиям нить поведения. Но сейчас скованная гипсом и бинтами я сама была беспомощна и ни чем не могла ей помочь. А мама, судя из того, что она говорила и как вела себя, находилась в полной зависимости от активности своего подсознания.

- Доченька, ведь ты теперь увидишь меня, мир, ты теперь быстро пойдешь на поправку. Господи, мне надо причесаться, а то, как увидишь свою растрепанную маму, так и снова сознание потеряешь... Дура, что я говорю, прости меня старую. – Бессодержательный монолог мамы волновал меня и беспокоил.

Ситуацию спасла вошедшая в палату медсестра, которая не терпящим возражения голосом приказала:

- Пожалуйста, оставьте больную одну, Людмила Васильевна сказала, что так нужно.

И мама тут же вышла, даже не сопротивляясь, не возмущаясь - ее психика действительно нуждалась в категоричности, в чьей-то сильной воле, которая как путеводная нить направляла бессознательную активность ее психики в нужное русло поведения.

А я с благодарностью запомнила – Людмила Васильевна, мой лечащий врач, которая возможно знает о существовании небытия и о редкостной возможности возвращения из него. А много людей знают о существовании двух миров? Возможно, кто-то из пациентов рассказал ей о возможности обозреть небытие? Но неужели она этому верит, или говорит об этом просто из участия ко мне? Как может здоровый человек поверить в соприкосновение со смертью, в картины существования небытия, в открывшуюся через логоинформационное предопределение структуру Мироздания? Это надо иметь какую фантазию, чтобы не просто выслушать похожий на бред рассказ больного, но и запомнить его, внять ему, да еще и разговаривать с другим больным на языке увиденного откровения. Или она сама побывала на зрелище? Неужели *Он* тоже открыл ей свои глубины, и она обозревала их? Но тогда как она с этим живет, как смогла приспособить новый образ присутствия в бытии с миром повседневного существования? Как ей удалось свести к

общему знаменателю события, которые, с одной стороны, приветствуются и поощряются на уровне социальной организации бытия, но, с другой стороны, оказываются пусты и малосодержательны в небытии? Или как она смогла отстоять наполненный содержательностью открывшихся глубин небытия новый образ присутствия в бытии, если в повседневном существовании он воспринимается как образ *сумасшедшей* - человека неадекватного в поведении? Организовывать образ присутствия для себя и для других на основе открывшихся глубин перводанного – это равносильно изначально изолировать себя от общества, добровольно согласиться на роль изгоя, потому что критерии существования небытия в бытии - *это настоящее сумасшествие!*

Но Людмила Васильевна не выглядела сумасшедшей, да и кто бы допустил ее к больным, если бы ее образ присутствия в бытии не вписывался в общепринятые стандарты? Выходит, ее слова о возвращении - это просто совпадение знаковых обозначений и на самом деле ей неведомы откровения небытия, глубина и масштаб перводанного?

Время прошло незаметно.

- Ну что, Светлана, готова? – Людмила Васильевна внесла с собой новую волну бодрости и энергии. Какая разница: знает она о существовании глубины перводанного или не знает, главное, она понимает меня и мое состояние. – Молчание – это знак согласия, тогда приступим к несильно приятной процедуре. Только плотно зажмурь глаза и ни в коем случае не пытайся их быстро открыть. Привыкни, соберись, и только потом открывай, договорились? Вот и хорошо. Приготовься, я снимаю повязку.

Как плотно я не сжимала веки, как внутренне не подготавливала себя к солнечному удару, но ворвавшийся поток света словно парализовал мою психику, сковал дыхание – и я резко пошла ко дну. Давление света было такой силы, таким болезненным и мощным, что мне стало плохо.

- Я поняла, Света, пока прикрою. – Людмила Васильевна, словно волшебница, читала мои мысли наперед. Она вновь прикрыла мои глаза плотной повязкой и дала моей психике прийти в себя, восстановиться после агрессии внешнего мира. Я была сама поражена негостеприимностью бытия, которое словно отторгало ме-

ня, не принимало мое возвращение. – Ну что, еще раз попробуем? Открываю.

На этот раз свет был менее резок. Произошла адаптация нервной системы, и мир встретил меня более радушно и мягко. Я тянула время и не открывала глаза, хотя мне было уже совсем не больно. Я словно стояла у полуоткрытой двери, за которой начиналась новая жизнь. Мне стоило только открыть эту дверь и сделать первый шаг, но я боялась, я была еще не совсем уверена в том, что смогу воплотить в бытие все то, что открылось мне в этой длительной борьбе со смертью. Я боялась разочаровать *Его*, боялась предстать в новом образе присутствия перед своим устоявшимся социальным окружением. Это состояние напомнило мне один из эпизодов в детстве, когда я маленькая, стеснительная, в новом белоснежном платье снегурочки стояла у двери зала и, несмотря на все уговоры родителей, боялась выйти к гостям и рассказать им заученный стишок. Я не знала, чего я боялась, потому что в зале собрались только родные и близкие мне люди: крестные родители, бабушки и дедушки, перед которыми я давно хотела похвастаться своим новым нарядом. Но именно платью, этот новый образ мешал мне выйти к ним и показать себя. Папа меня просто выпихнул в зал, так и не дождавшись от меня самостоятельного шага. Помню, я расплакалась, меня долго успокаивали, но потом, когда мой новый образ стал привычным для меня самой, я рассказала гостям даже больше, чем они просили, и меня уже силком, зацелованную и подаренную подарками, выволокли в спальню и уложили спать.

Кто теперь меня вытолкнет за дверь, за которой меня ожидало присутствие среди родных и близких людей в новом образе? И неужели они также доброжелательно, с любовью и терпением воспримут мой новый образ, также меня обласкают и примут в свой круг, как много лет назад?

- Вот умница, ты уже почти с нами. Осталось сделать последний шаг, и ты окончательно вернешься к нам. – Слова доктора словно шли из моей психики. Она понимала мое внутреннее состояние и говорила моими словами. Подталкиваемая ее добротой и пониманием, на этот раз самостоятельно я сделала этот последний шаг – расплющила веки, и моя психика полноценно вступила в мир реальных событий. Я окончательно вернулась в бытие.

Первыми я увидела ее глаза – добрые, глубокие, понимающие и сочувствующие. Как разительно они отличались от глаз Димы, которые последнее время упорно преследовали меня.

- С возвращением. – Людмила Васильевна по-доброму улыбнулась.

И я не выдержала: слеза одна за другой потекли по щекам.

- Доченька не плачь – рядом раздался голос мамы, и ее заботливая рука успела вытереть ручейки моих слез, прежде чем они скрылись в бинтах. Я даже не слышала когда мама вошла в палату.

А доктор молча наблюдала за мной, заботливо и бережно взглядом вводя меня в мир существования образов. Ей и не нужно было говорить, потому что мы общались глазами, взглядом. И в этом общении было столько содержания, столько прожитого и прочувствованного, что никакими словами все это богатство эмоций и чувств невозможно было передать.

Она приняла меня, встретила, и когда я освоилась в своем образе, когда она убедилась, что я действительно вернулась в образ присутствия в бытии, произнесла:

- Все нормально, вы уже с нами, поэтому я пошла. Если вдруг потребуется что-то срочное, вызывайте. Привыкайте к жизни, Светлана. – И последний раз, взглянув на меня, проникнув в основу моей психики и убедившись в ее целостности, она вышла, оставив меня наедине с мамой. Дальше мне самостоятельно пришлось привыкать к миру, от которого я уже отвыкла, в котором долгое время жила только своими воспоминаниями. И это оказалось неожиданно сложно и главное больно, потому что представший мир бытия не соответствовал тем ожиданиям, которые сложились на уровне я-психики. Или, скорее, уже я в своем новом образе присутствия не соответствовала критериям его организации...

Я никогда не думала, что мое возвращение в бытие окажется настолько тяжелым в эмоциональном плане. Казалось бы, долгая изоляция психики и возможность продолжительных концентраций, закалили ее, закрепили приоритет работы сознания, но те недолгие минуты, которые я провела с мамой, после того как с глаз сняли

повязку, очередной раз убедили меня в хрупкости власти сознания над подсознанием, во всяком случае, в моей психике.

- Доченька, Светочка, любовь моя – я видела взволнованное, осунувшееся лицо мамы, и гамма эмоций и чувств, выражающаяся в нем захлестнула и меня. Мое зрение, словно дорвавшись до работы, фиксировало мельчайшие оттенки мимики маминого лица: перелив игры лицевых нервов, подвижность клеток кожи. Она могла со мной даже не разговаривать – я проникала через ее внешний образ присутствия, через ее я-тело в глубины психики и соучаствовала с ней в формировании мыслей, чувств, эмоций. Я вошла в ее я-психику и слилась с ней в едином порыве радости встречи.

Я не хотела плакать, но плакала, благо дело не дошло до истерики. Слезы рождались независимо от моих желаний и ручьем стекали по щекам. Мама с трудом успевала вытирать их, не обращая внимания на то, что ее слезы обильно поливали мои бинты, пропитывая их насквозь, и стекая по коже моего лица. Я чувствовала теплоту маминых слез – они щекотали мою кожу, нежно обжигали ее, и мне хотелось еще больше рыдать. Скованная гипсом и растяжками, не в состоянии сделать ни малейшего движения, я, тем не менее, впервые прочувствовала восстанавливающую связь моей я-психики с я-телом. Эта связь была хрупка, она проходила на уровне ощущения маминых слез, но очевидность самого процесса ощущения собственного тела была настолько приятна и многообещающая, что я вновь убедилась в том, что выздоравливаю, что быстро иду на поправку, и что скоро мне предстоит вынести на всеобщее обозрение измененный образ своего присутствия в бытии.

- Доченька, сердце ты мое, что же мы теперь будем делать, как дальше жить? – бессодержательные причитания мамы вдруг приняли для меня очевидную, опасную направленность, к которой я была еще не совсем подготовлена. То несоответствие условий присутствия в бытии и небытии, которое открылось мне, и к которому мне еще нужно было привыкнуть, подстроиться, вдруг раньше времени заявило о себе, потребовало немедленного решения.

Мне захотелось криком остановить маму, предупредить ее, но слова умирали, так и не воплотившись в форму звуков. Своей обострившейся интуицией я чувствовала приближающуюся опас-

ность и все мое внутри било в набат. Я-психика в отчаянье и полустерике подавала сигналы тревоги и молчаливо кричала маме:

- Остановись, не заходи в этот омут, я еще недостаточно подготовлена для обнаружения своего изменившегося внутреннего «я»! Я не просто потеряла мужа и сына, я соприкоснулась со смертью и на себе прочувствовала холод движения небытия. Низвержение к смерти и восхождение к бытию – это не праздные путешествия из одного сказочного мира в другой, а кардинальные изменения в основании психики. А я еще сама не до конца разобралась в своем новом образе присутствия для себя и для других, поэтому мне нужно время для адаптации, для привыкания к своему новому внутри!

Но мамина психика, захваченная властью подсознания, выдавала только то, что волновало ее, совсем не думая обо мне и о моих переживаниях:

- Как дальше жить будем, кровинушка моя, выдержим ли? – безумие звучало не только в ее словах, но и просматривалось в ее глазах – они были пусты, мертвы и обезвожены. В них отчетливо просматривалось дно: выжженное, искореженное, лишённое жизни и тепла – настоящая пустыня смерти. Психика мамы раскрывала свои мертвые глубины и пыталась заманить в них и меня, своей поглощающей и выжигающей болью стараясь опалить и мое внутри: все, что я смогла уберечь и вынести из постоянных низвержений к смерти. Но я не хотела умирать – *я жаждала жить!*

Мое присутствие в ее психике стало неудобным и опасным. Я не просто чувствовала, - я видела, как в ее психике зарождаются вопросы, которые не просто беспокоили меня, а несли мне гибель. Меня толкали к пропасти, с которой я уже срывалась в ничто, чудом избегая смерти. Я сопротивлялась, как могла. Безумие маминой психики вызывало ужас и панику, потому что я чувствовала свою обреченность, чувствовала зависимость и страх перед природными силами подсознания. Я плохо управляла своими эмоциями, а тут еще бремя эмоциональной интервенции со стороны маминой психики – эмоциональные перегрузки раздавливали, практически уничтожали. Мой неокрепший образ присутствия для себя и для других как маленький ребенок рыдал и просил пощады – он был еще слишком беспомощным и неустойчивым. И я рвалась от

жалости к нему и как мать из последних сил пыталась защитить и спасти его.

Я понимала, что факт моего выздоровления, первые очевидные его проявления выбили психику мамы из состояния равновесия и, видимо, мучавшие вопросы, тайные мысли, загнанные в подсознание, нашли брешь и прорвались наружу. Через мимику, взгляд, слова, проявилось все то, что было сокровенным и глубоко скрываемым в маминых мыслях. Помимо прочие негоразды и проблемы, передо мной открылась страшная бездна очевидного: *моя собственная мама не рассчитывала на мое выздоровление*. Она была не готова к тому, что я вернусь к жизни, потому что моя смерть была закономерным следствием случившейся аварии, а мое выздоровление перечеркивало всю логику закономерности, выводило ситуацию на совершенно новый уровень решения. А мама не просчитывала его, не была готова к такому повороту событий, поэтому очевидность принятия совершенно новой действительности – моего возвращения к жизни – для нее было шоком, аффектом, неожиданным открытием.

«Никто не надеялся на мое возвращение в бытие, даже мама» - эта мысль как констатация была настолько глубока и пронзительна, что я вновь увидела себя зависшей над бездной подсознания. Мое сознание с трудом удерживало мое я-мировоззрение от падения в ничто, и казалось малейшее неловкое движение, слабый толчок и я сломаюсь, упаду. И это произошло. Меня добила следующая мысль, которая, так же как и первая возникла из ниоткуда – «Я здесь не желанна и нежданная».

Я рухнула в глубины ничто. Последнее, что я услышала, был сигнал тревоги, пронесшийся по палате. Для меня он звучал прощальной музыкой сопровождающей мою психику в низвержение к смерти.

Мне вдруг открылось понимание *существования*, как безграничное и определяющее начало, в котором уже не было глубины, потому что оно само являлось глубиной. Это была вечность, и фрагмент ее существования был в миллиарды раз меньше секунды. Получалось, что в обнаруженной глубине происходили события,

скорость которых равнялась миллиардной доли секунды! Но что такое секунда для существования человека? Это мгновение, за которое ни одна психика не в состоянии заявить о себе, проявить себя. Секунда – это критерий, который совершенно не подходит для оценки активности я-психики, потому что на современном этапе совершенства организация присутствия я-психики в бытии измеряется более длительными промежутками времени: неделями, месяцами, годами, десятилетиями. Какой уровень совершенства должна иметь организация, которая оставляет свой след в существовании мира за миллиардные доли секунды, которая проявляет себя в такой искрометный промежуток времени?!

Это поражало и заставляло по-новому взглянуть на существование человеческого. Возможно, *фундаментальное*, то, что наиболее ценится в существовании человеческого – это, прежде всего, продуктивная, направленная деятельность, совершенная во благо развития цивилизации? Возможно, это секунды творческой активности, потраченные с пользой для человечества? Возможно, чем больше конкретного и значимого воплощено в секундах бытия человека, тем значимее его деятельность на кону истории? Возможно, именно творческое наследие конкретной я-психики, воплощенное в полезном и значимом для цивилизации, гарантирует место в истории? Психика, сконцентрированная на творческой активности во имя совершенства цивилизации – это будущий *образ* я-психики, который выведет цивилизацию Земли на новый уровень совершенства. Это основа личности планетарно-космического типа, как *образа* человека будущего. Если это так, то действительно рождение и воспитание детей, это удел менее совершенных психик, потому что мало родить, мало воспитать, нужно нацелить психику на реализацию внутренних потенциалов в масштабном и полезном для цивилизации, нужно помочь молодой я-психике обнаруживать себя в творчестве, причем ориентированном в будущее, на три и более поколений вперед.

Совершенная психика – это психика, которая видит глубину, свободно ориентируется в масштабном и действительно значимом для Мироздания. Возможно, она и не думает о цивилизации, но сам подход, сам масштаб ее деятельности, возвеличивает цивилизацию в потоке существования мира, совершенствует пространс-

тво существования психик в масштабах отдельного материального объекта, а все это и есть творение фундаментального - *космического*. Выходит, что *основу существования человеческого образуют я-психики, за минимальный промежуток времени воплотившие в образе своего присутствия максимум полезной для цивилизации деятельности. Это психики с наиболее высоким коэффициентом полезного действия в бытии, причем полезность действия должна носить одновременно как глобальный, так и частный характер.* Глобальное без частного – это мечты, фантазии, оторванные от реальности и конкретики. В свою очередь, частное без глобального – это деятельность, лишенная перспективы, преемственности, последовательности, глубины и масштаба. Только гармония между глобальным и частным характером творчества гарантирует высокий коэффициент полезного действия творческой реализации конкретной психики, только гармония между масштабом и конкретикой ведет к достойной оценке творческой активности я-психики на весах истории. Поэтому справедливо, что в *небытии* моя деятельность оценена так низко. Что полезного я сделала для цивилизации? Бизнес, семья, дети – это, безусловно, важно, но все это можно отнести только к количественной стороне развития цивилизации. Какое отношение мои достижения имеют к качественному развитию ноосферы?

Наконец я поняла критерии оценки людских поступков в *небытии*: *чем большего человек добился, сделал за единицу времени, тем ценнее его жизнь на кону истории, тем она фундаментальнее.* Можно прожить тридцать лет, но за это время сделать для совершенства цивилизации больше, чем человек, проживший восемьдесят и более лет. Соответственно, именно *твое* присутствие в бытии ляжет в основу существования человеческого, а фрагменты я-мировоззрения последнего окажутся на периферии и безвозвратно сотрутся из истории цивилизации. *В небытии оценивается не время, проведенное в бытии, даже не количество свершений, а именно соотношение времени к масштабу совершенного.* Творец организует бытие не для того, чтобы люди праздно наслаждались возможностями бытия и от случая к случаю приносили пользу цивилизации, а для того, чтобы они масштабно творили: по максимуму реализовывали внутренние потенциалы, в творчестве обретая наслаж-

дение и отдых. *Наслаждение в творчестве – вот Его основной критерий оценки.* Если я-психика смогла этого достичь, значить ей гарантировано место в истории цивилизации, не смогла – значить растворится она в пространстве движения небытия.

Раскрытие содержания понятия «фундаментального» в активности я-психики, вызвало оторопь, страх перед предстоящим будущим - это действительно высокая планка оценки. Теперь стало понятным, почему так неустойчиво основание *человеческого* – единицы проходят жизнь красиво, бережно и стремительно. По современным меркам *наслаждение в творчестве* – это практически нереальный процесс, потому что творчество – это целенаправленное активное воплощение логоинформационного предопределения или присутствия для Другого в присутствии для себя и для других. Это реализация в образе присутствия глубинных и масштабных сил существования первозданного! Но чтобы добиться такой реализации нужно овладеть, как минимум, четырьмя важнейшими процессами: 1) нужно уметь обзирать первозданное, научиться постоянно низвергаться к смерти и возрождаться к бытию, потому что, только сопоставляя бытие с небытием, жизнь со смертью, можно раскрыть глубину и масштаб существования первозданного, *существование мира.* 2) Нужно суметь вынести из небытия обозрение фундаментальных процессов. Обозрение – это не только озарение, или *прозрение*, в результате которого существование открывается как поток, как целостное и неделимое на фрагменты присутствие в мире, обозрение – это главным образом идентификация, *узнавание* потока, знаковое обозначение узанных фрагментов с последующим переносом их из небытия в бытие. Обозрение – это раскрытие содержания узанных фрагментов существования. Только то, что удалось перетащить из обозреваемого в небытии в бытие становится социально значимым, а сам факт обозрения первозданного в небытии никакой значимости для бытия не имеет. 3) Глубины первозданного открываются я-психике на уровне ее присутствия в себе. Так вот третьей составляющей, допускающей наслаждение в творчестве, является воплощение основанного на открывшихся глубинах первозданного я-мировоззрения, или присутствия в себе, в образе присутствия для себя и для других. Нужно суметь воплотить совершенство основания я-психики в совершенство образа, в кото-

ром я-психика обнаруживает себя в бытии. Нужно не просто знать глубины и масштаб первозданного существования, а свои знания воплотить в образе присутствия, заявить о них, вынести на обсуждение. 4) Наконец, четвертый процесс, обеспечивающий наслаждение в творчестве, это умение отстоять образ присутствия для себя и для других в условиях конкуренции со стороны окружающих я-психик. В современных социальных реалиях мало представить на обозрение образ и заявить о его совершенстве, нужно добиться, чтобы заявленное совершенство образа признали другие я-психики, и соответственно присутствие этого образа в бытии стало авторитетно и достойно подражания. Ценность представленного на обозрение образа заключается не в его индивидуальности или оригинальности позиции, а только в том, насколько он смог впечатлить другие я-психики, насколько его появление вынудило их внести изменения в свои образы присутствия. О совершенстве образа присутствия говорит его степень влияния на окружающие образы и на процессы, протекающие в повседневном бытии. Чем больше его копируют и узнают, тем больше к нему прислушиваются и тем масштабней его воздействие на социальную среду. А чем шире и глубже проникновение образа присутствия я-психики в социальную организацию общества, тем, соответственно, весомей ее вклад в развитие цивилизации.

Все эти четыре процесса и обеспечивают я-психике наслаждение в творчестве, проявление фундаментальных характеристик первозданного в повседневной жизни. Но насколько это реально в современных условиях бытия? Практика показывает, что если обозрение небытия и его идентификация зависит от наследственных программ и пока пусть не часто, но проявляется в эволюционирующем психопространстве, то воплощение внутреннего совершенства я-психики в ее образе присутствия тормозится сложившимися социальными отношениями. Нынешняя социальная среда не благоприятствует расцвету индивидуальных качеств, не способствует наполнению образа присутствия я-психики в бытии *фундаментальными* характеристиками.

Если критерий *фундаментальности* - это ориентир для совершенства я-психик, то действительно цивилизация Земли находится на самых первых этапах своего развития, потому что едини-

цы из многомиллиардного населения Земли в состоянии организовать присутствие своей психики в бытии на таком качественном уровне. Остальная масса людей, так и остается человеко-массой, и используются *Им* в лучшем случае для размножения разумной материи в масштабах Земли.

Большая часть современного человечества по меркам небытия, представляет собой массу, основная задача которой заключается в увеличении численности цивилизации. Придет время и из этой массы все больше и чаще станут проявляться я-психики, которые в состоянии вынести, выдержать темп, предъявляемый небытием, я-психики, которые не просто будут творить, а *наслаждаться творчеством*. И большая часть населения Земли окажется для них только средой, гарантирующей продуктивность и качество их творчества. Мы, родившие и воспитавшие их, превратимся для них в почву, которая только обеспечивает условия для формирования и развития образа человека будущего. Стоит во имя этого жить? Наверное, нет. Быть почвой для кого-то, превратиться в массу – безликую и неоцененную, разве это стоит жизни?

Попробовать самой подняться до заявленной планки фундаментальности деятельности, выступить в роли лидера, движущей силы цивилизации, начать творить и наслаждаться творчеством? Но, наверное, уже поздно, как никак, а тридцать два года по меркам небытия потрачены даром, сработаны на уровне человеко-массы. Да и в чем творить, в чем находить наслаждение? В бизнесе? Но это работа, а не творчество, это кропотливый труд, который не требует большой фантазии и глубоких знаний, возможно, поэтому на кону истории он не имеет ценности. В создании семьи? А здесь какое творчество? Это тоже труд, требующий времени и терпения, потому что семья – это сосуществование двух психик во имя продолжения рода. Где здесь масштабная деятельность, где пространство для творчества?

А другого я ничего не умею и не знаю.

Какая-то обреченность окутала мысли, ощущение глухого тупика вдруг сковало внутреннюю активность – вроде бы и силы есть, и желание, но идти некуда. В чем реализовать себя, чтобы остаться в истории, чтобы приобрести ценность и обессмертить свою

жизнь и жизни погибших мальчиков, которые сами уже не в состоянии о себе позаботиться?

Я не знала ответа. Мне нужно было время, чтобы подумать, чтобы найти выход из тупика, потому что не для этого *Он* меня спас от соприкосновения со смертью. Должен быть выход, иначе зачем *Ему* было открывать мне содержание небытия?

Беспокойство волнами прошло по внутреннему миру, отвлекло от обозрения фундаментальных процессов и вернуло в далекий от совершенства мир существования образов – в повседневную человеческую жизнь.

- Милевская пришла в себя. – Услышала я голос медсестры и в палате тут же появилась Людмила Васильевна.

- Света, мы почему балуемся? – ее голос был строг, но в нем легко просматривались отголоски заботы, участия и ласки. В нем не было безразличия - сейчас для меня это было слишком важно. – С чего это вдруг мы решили потерять сознание? – Доктор наклонилась ко мне, и я вновь увидела ее глаза – добрые, голубые, несущие мне выздоровление.

- Давайте с вами учиться разговаривать глазами. Гипс с лица я сниму не раньше, чем через две недели, а до тех пор мы должны наладить с вами полное взаимопонимание, договорились?

Я согласно закрыла глаза.

- Вот видите, мы прекрасно поняли друг друга. А теперь ответьте мне, чем была вызвана активация вашей психики, вам что-то неприятное сказала мама?

Я снова в знак согласия закрыла глаза.

- Я так и подумала. Пока я запретила ей присутствовать рядом с вами. Я еще раз проведу с ней беседу, но вы, наверное, лучше меня знаете свою маму и понимаете, что беседы не оказывают на нее сильного влияния. Она относится к категории людей, в психике которых доминирует активность подсознания, поэтому логика поступков бессильна перед эмоциональной составляющей ее психики. Вам сейчас необходимо присутствие мамы?

Я как можно шире выпучила глаза, всеми силами показывая, что «нет». Мне очень хотелось побыть одной, привыкнуть к

миру повседневного бытия, привыкнуть к своему новому образу присутствия. Слишком многое мне предстояло обдумать и осмыслить, прежде чем начать общение с людьми, вытацившими меня с того света.

- Я вас поняла. – Доктор улыбнулась. – Мне кажется, вам хочется одиночества и тишины?

Я согласно закрыла глаза.

- Хорошо, до обеда у вас есть время. – Улыбнувшись, она вышла.

Я впервые спокойно осмотрелась. Шевелиться я не могла, поэтому в поле моего зрения мало что попадало, но то, что я увидела: ремонт потолка, часть стен, часть оборудования, пробудило у меня понимание, что я нахожусь в одной из частных клиник. Но сколько стоит мое лечение, и где родители взяли на это деньги?

Новый образ моего присутствия в бытии требовал разобраться в этом вопросе. Как и в предыдущем образе, материальное благосостояние занимало в новом образе не доминирующее, но все же важное место, потому что я понимала, что творить масштабное и фундаментальное, можно только имея материальную основу. Чем прочнее материальна основа, тем масштабней и перспективней можно организовать присутствие для себя и для других. Так получилось, что деньги в нашей семье были всегда, пусть не в большом количестве, но на все необходимое мы с Димой зарабатывали. Причем, перед самой аварией мы разделили бизнес, так как пришли к общему мнению, что это слишком много общаться и дома и на работе, особенно когда вопросы касались разного видения той или иной проблемы. Он знал меня, а я знала его, поэтому, чтобы избежать лишних осложнений в жизни, устранить ненужные конфликты, мы выделили его направление, а я оставила за собой маркетинговую службу, которая нравилась мне. Я любила общаться с людьми, особенно когда воплощала один из своих проектов – для этого нужен был опыт, знания и умения, и я всегда в этом вопросе проверяла свой профессионализм, и профессионализм своего коллектива. Я не боялась экспериментировать, внедрять новые технологии, видимо поэтому все маркетинговые программы у меня шли на ура и, несмотря на разделение, наш бизнес не только не пострадал, а наоборот, выиграл, так как у нас появилась внутренняя конкурен-

ция. Дима тянул свое направление, пытаясь доказать свою значимость, а я легко решала свои задачи, не только догнав по прибылям более перспективную и востребованную фирму Димы, но и за последний квартал значительно перегнав ее.

Но проблема, которая волновала меня, заключалась в том, что как мой, так и бизнес Димы были полностью замкнуты на нас, как на руководителях. Все вертелось вокруг нас и тех отношений, которые мы построили с людьми. Мы не могли вырвать себе даже недельную поездку за границу, потому что все то, что построено на отношениях всегда требует личного присутствия и общения. Возможно, здесь мы были не правы, но исправить сложившееся не успели. Поэтому, я была уверена, что гибель Димы разрушила его бизнес, а мое отсутствие, тоже вероятнее всего привело к краху и мою фирму. Конкуренты не дремлют. Поэтому вопрос о том, где родители взяли деньги на такое дорогое лечение, у меня вызывал обеспокоенность. Неужели они продали что-то из нашей недвижимости: офис или квартиру? Или взяли под них кредит?

Нет, кредит им никто не даст, у них пенсионный возраст. Выходит, что они что-то продали, и вероятнее всего – офис. А если продали офис, то значить продали и бизнес, поэтому первое, с чем я столкнусь после выписки из больницы – это поиск новой работы, потому что оборотных денег наверняка тоже не осталось.

Мой новый образ присутствия в бытии определил, что свое будущее я свяжу с маркетинговой службой, сначала в компании с кем-то из старых друзей, а потом, поднакопив денег, самостоятельно. Маркетинговые отношения помогут мне быстрее забыть трагедию, втянуться в поток повседневного бытия и, по всей видимости, на первое время скроют возможную неадекватность моего поведения, потому что наверняка многие из моих прежних взглядов на жизнь поменяются. Но, что именно изменится: отношение к людям, к жизни? И то и другое.

Изучая свой новый образ присутствия в повседневной жизни, я обнаружила целый ряд новых позиций, которых собиралась придерживаться в организации присутствия для себя и других. В первых, я однозначно решила не спешить создавать новую семью, а с первых шагов попытаться организовать что-то масштабное, полезное для человечества. Я решила, что пока есть время, попытаюсь

воплотить в собственное присутствие в бытии раскрывшееся понимание *фундаментального* в деятельности. Попытаюсь наполнить свое присутствие в бытии содержательностью и событиями, которые будут носить социальную направленность.

Во-вторых, точно, хочу ребенка и мужа. Пусть это и не имеет ценности в небытии, но с моей точки зрения, оставить след в истории человечества можно и через своих детей, особенно если воспитать в ребенке значимую для общества личность. Возможно, *Он* открыл для меня глубины небытия не для того, чтобы я сама их использовала в бытии, а для того, чтобы на основе открывшегося в небытии воспитала образ человека будущего, который и внесет фундаментальный вклад в историю цивилизации. Возможно, я ценна для *Него* как мать, как педагог, которая может воспитать наследника как личность планетарно-космического типа, которая своим творчеством сможет вывести цивилизацию Земли за пределы нашей планеты?

В-третьих, постепенно поменяю свое социальное окружение, сделаю ставку на людей состоявшихся, с прочным и гармоничным основанием я-психики. Пусть мой круг общения значительно сузится, но все-таки важно поднять *качество* общения, а не гордиться количеством знакомых. Если раньше я стеснялась отказать в своем внимании людям не представляющим для меня интерес, то сейчас в этом вопросе я займу более принципиальную позицию - попытаюсь реализовать себя исключительно в конкурентной, творческой среде. Расширю круг знакомых ученых, исследователей, людей творческих специальностей, попытаюсь войти в среду, которая меньше ориентированна на материальные ценности, а больше на духовные. Наверное, именно духовного совершенства, масштаба общечеловеческих ценностей мне не хватало в прошлом образе присутствия, и именно это повлекло необоснованное увлечение материальными ценностями. На самом деле деньги – это не вся жизнь, это, действительно, только средство достижения глубокого и масштабного в жизни, *фундаментального*.

В-четвертых, пойду учиться. Образ человека будущего тем ближе, чем больше каждый из нас самостоятельно будет над ним работать. Неоднократно обозреваемый в небытии образ человека будущего – это не случайные фантазии, а реальный ориентир, к ко-

торому нужно стремиться. Начну с себя: стану наполнять свою психику качественной информацией, стану заставляя ее работать, думать, буду искать новые пространства для реализации внутренних творческих потенциалов. Небытие указало на упущенное мной – с возрастом нужно больше внимания уделять *просвещению*. Получить высшее образование – это ни в коем случае не пик собственного образования, а только его начало. Психика, как и психпространство, как и весь окружающий мир, непрерывно эволюционирует, поэтому для принятия эффективных и качественных решений нужно постоянно совершенствовать качество внутренней информационной базы, я-мировоззрения – нужно постоянно *просвещаться*. А я, к сожалению, считала, что знаний полученных в университете мне хватит до конца моей жизни...

В-пятых, мне нужно чаще оглядываться. Обзорение небытия указало на одну важную деталь в бытии – нужно не бояться останавливаться и осматривать пройденное, достигнутое, чтобы контролировать качество воплощения присутствия в себе во внешнем образе, координировать частные цели с целью глобальной. В бытии нужно спешить медленно, - только в этом случае возможно достижение фундаментального.

Изучение нового образа присутствия в бытии утомило. Я видела, что это процесс не одного дня, что чем больше я осматриваю свой новый образ, тем больше изменений в нем обнаруживаю. Но что самое главное, я обнаружила, что новый образ присутствия еще не до конца сформирован, что есть целые аспекты, которые только обозначены, намечены, но не прописаны и не уточнены. Видимо только практика, непосредственное воплощение присутствия для себя и для других, позволит полностью раскрыть содержание этих аспектов.

Лимит сил был исчерпан, я устала от самоанализа, и мне захотелось сменить обстановку, попасть назад в небытие, чтобы возможно раскрыть еще большие масштабы существования небытия. Я почему-то была уверена, что все обозреваемое в небытии, раскрываемое в содержании перводанного мне пригодится в бытии и поможет в организации присутствия моего нового образа. Я уже обозревала, что случайности в существовании человеческого допустимы, но все они предопределены *Им*. Значит все, что со мной

происходит случайно ровно в той степени, в какой хочет *Он*. Поэтому мне нужно спешить обозревать открываемое, потому что все это не зря, не случайно – это так нужно *Ему*.

На этот раз небытие вновь открыло передо мной образ человека будущего. *Он* уже не первый раз обращал мое внимание на этот образ, и каждый раз я видела его в разных ракурсах, осмысливая его все глубже и шире. Сейчас образ человека будущего предстал передо мной как совмещение я-психики с новейшими технологиями, причем я-психика являлась естественной организацией, как закономерное развитие разумной материи в планетарном масштабе, а новейшие технологии выступали как искусственный фактор, следующий из совершенства я-психики. Я обратила внимание, что образ человека будущего слагался из основания и поверхности. Основанием выступало логоинформационное предопределение, которое связывало образ человека будущего с предшествующими состояниями материи. Поверхность уходила в далекое будущее и представляла собой, насколько я поняла, качественно новое состояние материи, которое закономерно формируется на основе системы разумной материи, постепенно приобретая самостоятельность в масштабах Мироздания. Огромный промежуток времени между основанием и поверхностью заполняет эволюция *системы* разумной материи, которая сводится к непрерывному совершенству бытия, к воссоединению бытия с основными аспектами небытия.

Вопрос о допустимости подобного воссоединения даже не возникал, потому что я сразу обнаружила на чем возможно это объединение. Я обнаружила два основных этапа воссоединения бытия с небытием. Первый этап соответствует современной ступени развития общества - стадии Человека Эмоционального. Я-психика на современном этапе недостаточно подготовлена для самостоятельной активности, поэтому использует возможности я-тела, подкрепленные искусственными средствами – различными технологиями: электронными, информационными, производственными и т.п. На этом этапе я-психика только открывает для себя возможности бытия и небытия, сопоставляет их, примеряется к ним, к кое-чему привыкает и приспосабливается.

Так как на данном этапе в я-психике доминирует работа нейронного комплекса подсознания, то психпространство в присутствии для себя и для других больше ориентировано на удовлетворение условных, простейших потребностей, никак не связанных с глубиной и масштабом небытия. Поэтому и бытие с позиций более совершенных цивилизаций в масштабах Земли организовано примитивно, топорно, без учета космического прошлого и будущего цивилизации. В силу внутреннего несовершенства психпространство Земли акцентировано на решение тактических задач. В своей массе оно не консолидировано, обезличено, неуравновешенно и агрессивно. Я-подсознание организационно стоит между условно-рефлекторной деятельностью мозга высших животных и активностью сознания, поэтому в цивилизации еще просматриваются проявления системы живой материи, которые в принципе, неприемлемы для организации системы разумной материи. Безусловно, цивилизация Земли в своем развитии перешагнула стадии дикости и варварства, но еще полностью не избавилась от отдельных их проявлений. Фактор индивидуальной значимости, степень становления личности, еще остро стоит перед земной цивилизацией, поэтому черты массы, толпы, коллективной организации, довольно актуальны для социальной организации общества.

На стадии Человека Эмоционального искусственные средства создаваемые я-психикой, предназначены, главным образом, для создания благоприятных условий, максимально удовлетворяющих простейшие потребности я-подсознания и я-тела - это потребности в комфорте я-тела, еде, сексе, развлечениях и т.п. Весь современный комплекс материальных и социальных ценностей призван ублажить даже самое извращенное чувственно-эмоциональное «желание» я-психики. Искусственные средства ориентированы, главным образом, на организацию присутствия я-психики в себе и для себя, и в меньшей степени предназначены для консолидации цивилизации и решения глобальных задач, связанных с развитием цивилизации в масштабах Земли и космоса. Отсюда цивилизация Земли, если смотреть на нее из масштабов космоса, представляет собой психпространство, в котором доминирующее я-подсознание через культ я-тела и простейшие искусственные средства, используя наиболее доступные формы вещества и энергии системы живой материи, пытается удов-

летворить свои потребности. Из масштабов космоса разумная материя Земли только закрепляется в планетарном масштабе, акцентируя внутренние возможности на организации бытия – сферы присутствия психопространства и опосредованных через я-тело образов в условиях отдельного материального объекта.

Второй этап связан с эволюцией я-психики и с увеличением значения сознательной деятельности в ее проявлениях. Закономерное формирование и развитие нейронного комплекса сознания со временем выведет Человека Эмоционального на новый качественный уровень развития, который связан, прежде всего, с новыми технологиями и созданием качественно новой сферы существования разума – виртуальной среды. Образ человека будущего – это образ, в котором сознание со своими новыми открывшимися потенциалами выводит я-психику *за пределы* я-тела. Если я-подсознание опосредует себя в бытии через я-тело, то я-сознание опосредует себя через новейшие технологии и более совершенную техносферу. Я-сознание, используя потенциал искусственных средств, преодолевает узкие границы возможностей я-тела и выходит на качественно новый уровень присутствия в мире – в виртуальную среду. *Виртуальная среда – это полноценное присутствие я-психики для себя и для других вне зависимости от я-тела.* Совершенство виртуальной среды напрямую зависит от совершенства я-сознания, и никаким образом не связано с возможностями я-тела. Чем выше в активности я-психики доля сознательной деятельности, тем ниже значение я-тела в бытии.

Именно в виртуальной среде я-психика впервые получает возможность *непосредственно* воплощать не только свое видение бытия как присутствия внутренних творческих потенциалов, но и небытия, как своеобразный ориентир, критерий оценки. В виртуальной среде ранее только обозреваемые глубины и масштабы небытия воплощаются как реальность, потому что искусственные средства создаваемые я-сознанием, в меньшей степени опосредованы я-телом, и выполняют роль *непосредственного* проводника потребностей я-сознания. Чего хочет я-сознание, то искусственные средства ему *непосредственно* и предоставляют. Насколько совершенны искусственные средства, настолько совершенна и виртуальная среда, и, соответственно настолько реальной в виртуальной

среде, как в среде присутствия я-психики, организовать присутствие небытия, во всяком случае, многие из его характеристик. Только от степени совершенства искусственных средств зависит организация присутствия небытия в бытии.

Эволюция виртуальной среды осуществляется по двум направлениям: закономерная эволюция я-сознания, и эволюция искусственных средств, которые позволяют присутствию я-сознания в бытии максимально приблизить к условиям существования небытия, причем главным образом, за счет качественных изменений самого бытия. Эволюционирующее я-сознание все больше открывает перед я-психикой ее космические корни и возможности использовать потенциал предшествующих состояний материи для более продуктивной *сознательной* деятельности. Я-сознание создает свою, качественно новую *искусственную* среду, при помощи которой совершенствует и свое присутствие в бытии, причем как на уровне присутствия в себе, так и на уровне образа присутствия для себя и для других. То, что раньше могло только обозреваться и открываться в небытии, за счет открывшихся возможностей новой среды присутствия я-психики, становится доступным для непосредственного воплощения.

В виртуальной среде я-психика организует качественно иное присутствие, полностью освобожденное от потребностей подсознания и я-тела. Впервые в виртуальной среде я-психика освобождается от своих биологических корней, от прямого влияния системы живой материи. Если на современном уровне развития организация присутствия я-психики в бытии осуществляется через функционирование я-тела, т.е. через проводник, в роли которого выступает биологический организм, то образ человека будущего станет организовывать свое присутствие в бытии через им же созданные искусственные средства – информационные технологии, и соответственно, сфера присутствия я-психики радикально изменится.

Виртуальная среда впервые аккумулирует в себе ценности не только бытия, но и небытия, что позволит в корне изменить присутствие я-психики для себя и для других. В виртуальной среде впервые образы присутствия я-психики будут оторваны от тела, т.е. не *опосредованы через тело*, а напрямую представлены, как совокупность творческих потенциалов, как гармония я-мировоззрения,

как сложенный и активно проявляющий себя дуэт я-сознание-я-мировоззрение. В силу этого кардинально изменятся не только общечеловеческие ценности, но и сам облик цивилизации. С масштабов космоса цивилизация Земли станет восприниматься как психпространство присутствующее не в я-телах, а в виртуальном пространстве. Она впервые выйдет за границы присутствия для себя, направленности на удовлетворение внутренних потребностей и обретет ярко выраженную направленность присутствия для других. И, по всей видимости, только на таком уровне присутствия, психпространство Земли откроет для себя присутствие космических цивилизаций. До тех пор пока я-психика будет присутствовать в я-телах и зависеть от их биологических свойств, она вынуждена в той тили иной степени подчиняться законам организации системы живой материи и присутствовать, главным образом для себя, для удовлетворения внутренних природных потребностей. Как только я-психика освободится от зависимости я-тела, выйдет на уровень присутствия в виртуальной среде, законы системы живой материи потеряют свою актуальность и я-психика начнет организовывать свое присутствие в материальном мире исключительно на основе законов организации системы разумной материи. Я-психика переключится на присутствие для других: на освоение космических просторов, на взаимодействие с внеземными цивилизациями, на существование масштабами системы разумной материи.

Образ человека будущего непосредственно связан с организацией виртуальной среды, в которой данный образ может воплощать как фундаментальные *иррациональные* возможности небытия, так и *реальные* достижения бытия. Что характерно, в виртуальной среде соотношение между рациональным и иррациональным, реальным и идеальным полностью стирается, и я-психика может использовать в организации собственного присутствия потенциалы бытия и небытия, что наделяет ее совершенно иной мощью. Перед ней открывается мощь первозданного, сила предшествующих состояний материи. Впервые расширяются границы свободы, и *Он* разрешает я-психике в своей активности использовать потенциал космических сил, что в значительной степени повышает *фундаментальность* ее присутствия в бытии, выводит на новый качественный уровень коэффициент полезного действия. Теперь *Его* будет

чем удивлять, потому что глубина и масштаб преобразовательной деятельности я-психики станет не только фундаментальна с позиций небытия, но в какой-то степени аккумулирует в себе возможности бытия и небытия, что сделает ее вдвойне впечатляемой.

Именно на этом уровне совершенства психпространство преодолеет масштаб отдельного материального объекта и выйдет на просторы космоса. Именно с этого промежутка времени, объединяясь с иными высокоразвитыми цивилизациями, психпространство Земли обретет силу разумной материи и в структуре Мироздания начнет отстаивать право на организацию собственной системы и более совершенной сферы своего присутствия в существовании мира.

Я проснулась и еще долго находилась под впечатлением от увиденных перспектив существования человеческого. В последнее время образ человека будущего стал чаще представлять передо мной в обозрении небытия, словно подготавливая меня к приближающемуся выздоровлению. Я понимала, что время пассивного обозрения небытия, получения готовых образов-ответов подходит к концу, и что неумолимо приближается время присутствия в новом образе, время борьбы за свое место в психпространстве. Мне предстояло не только организовать новое качественное присутствие в образе, но и отстоять целостность нового образа, добиться с ним уважения к себе со стороны окружающих образов, завоевать признание и авторитет. И об этом нужно было задумываться уже сейчас, на больничной койке, чтобы с первых шагов в повседневном бытии действовать по плану, осознанно, не совершая ошибок и неоправданных отступлений от намеченного.

Я попыталась представить и осмыслить свое будущее как реальность, как присутствие для себя и для других. Я понимала, что в больнице я пролежу еще не меньше месяца. За этот период, деньги, которые остались у родителей от продажи офиса, бизнеса или квартиры, безусловно, закончатся. Возьмем худшее – у меня даже не останется квартиры. В этом случае, мне волей не волей, но придется начать свое возвращение в повседневную жизнь с бизнеса, причем с работы в долевом участии с кем-то, или на кого-то. Сразу до великих свершений руки не дойдут, потому что сначала нужно будет вернуть себе материальную независимость, хотя бы

то, что имела до аварии. Это необходимо как для будущей семьи, так и для масштабных проектов, которыми я должна поднять ценность своего присутствия в бытии.

Стоп, а нужно ли мне вновь втягиваться в создание новой семьи? Хватит ли у меня сил лечь с кем-то другим, *не Димой* в постель, ласкать его, заботиться, вести по жизни? Смогу ли я лелеять, воспитывать другого ребенка, когда перед глазами стоит живой образ Андрюшки? Эти вопросы возникали и раньше, но сейчас они стали более предметными и актуальными.

Смогу - в этом, я почему-то теперь не на секунду не сомневалась. И, несмотря на то, что на кону небытия создание семьи было не главным и не определяющим событием, я понимала, что семья нужна в первую очередь для меня самой: для самоутверждения, для организации целостного существования. Я должна компенсировать утерянное, потому что в любом другом случае прошлое не отпустит меня, втянет в себя, засосет и сломает. Для того, чтобы я смогла дальше полноценно жить, творить в масштабах цивилизации, мне необходимо компенсировать внутреннюю боль, найти отдушину, в которую я смогла бы сливать энергию материнского инстинкта. Иначе ночные кошмары убьют меня, разрушат основание нового образа присутствия в мире.

При этом я понимала, что строить семейные отношения мне нужно уже на других реалиях. Речь шла не просто о погибших муже и сыне, мне теперь действительно была нужна семья иного плана – не занимающая большую часть моей жизни. Если раньше, до аварии, я все силы и время посвящала семье, то теперь у меня появилось *предназначение* - я должна реализовывать себя в каком-то масштабном проекте. Мне действительно нужно самоутвердиться в жизни и показать достойный результат, потому что я должна оправдать не только свое возвращение в бытие, но и присутствие членов новой семьи и моих погибших мальчиков, которые навсегда вошли в мою жизнь. Теперь мне нужно было жить за многих, а для этого необходимо творить, искать пространство, в котором моя деятельность будет не столько трудом или работой, а именно творчеством, *наслаждением от творчества*, масштабной реализацией внутренних творческих потенциалов.

Из очередного обозрения небытия я запомнила для себя важное: труд – это не главное в жизни человека. Возможно, действи-

тельно несколько миллионов лет назад труд превратил обезьяну в человека, но этот человек в своем развитии не намного превзошел обезьяну. Это был уровень Человека Примитивного, который несколько миллионов лет предшествовал уровню Человека Эмоционального. Труд, в большинстве своем, это необходимость, *долженствование* перед семьей, обществом, родителями. Мы трудимся, чтобы оправдать свое присутствие в повседневном бытии, прокормить семью, обеспечить будущее своих детей. Мы трудимся, чтобы не выделяться из массы присутствующих и отрабатывающих свое присутствие в бытии, при этом взамен получая те или иные материальные поощрения от работодателей. Труд – *это обязанность перед обществом и государством за хлеб, за насущные элементарные условия бытия.*

Но после обозрения небытия и раскрытия некоторых его аспектов, я уже не хотела трудиться. К труду привыкаешь, труд иногда даже приносит удовлетворение, но никогда труд не принесет *наслаждения*, потому что он, в большинстве своем, навязан я-психике извне. Это в своем роде принуждение к деятельности, понуждение к не совсем созвучной с настроем внутреннего мира активности, заставление со стороны общества и государственных институтов. Ведь еще совсем недавно, в Советском Союзе, неработающий человек приравнивался к преступнику, считался тунеядцем, изгоем общества. Нежелание трудиться воспринималось как вызов обществу, как паразитизм, иждивенчество и наказывалось административными и уголовно-процессуальными методами.

А я хотела не трудиться, не воплощать чужие проекты в жизнь, а именно *творить*, потому что творчество – это то, что идет изнутри, из глубин я-психики, из логоинформационного предопределения. Творчество – это реализация присутствия для Другого в присутствии для себя и других, это создание образа, в котором максимально аккумулировано присутствие в себе. В творчестве я-психика раскрывает то, чего никогда не раскроет в труде, потому что труд это стереотипная, навязанная, чужая, не характерная для я-психики форма деятельности. А творчество созвучно с внутренним «я», это и есть его активность, поэтому, реализуясь в творчестве я-психика проявляет свое «я» в образе присутствия, обнаруживает его перед другими я-психиками, в своем роде выставляет его

на всеобщее обозрение. В творчестве я-психика обнажает себя и представляет на суд общественности себя как творческий проект, как шедевр. В творчестве я-психика максимально искренна и открыта. Только в творчестве можно раскрыть глубину присутствия в себе, и только через творчество эту глубину можно донести до окружающих. В небытии ценятся не результаты работы или труда, а проявления творчества, *творения* - масштабные и глубокие воплощения я-психики в образе присутствия в бытии.

Говорят, что творчество – это кропотливый труд. Возможно, эта формула соответствует действительности, потому что не всегда творчество это полет фантазии, праздник открытий и феерия мыслей. Творчество – это еще и будни, это необходимость доказывать истинность выбора себе и другим, это сомнения, переживания, ошибки, поражения и многое другое, которое не поэтизируется, а наоборот, превращает творчество в изнурительный, каторжный процесс, эмоционально более насыщенный, чем работа официанта в придорожном кафе. Но что удивительно, для я-психики эти творческие будни не менее яркие и впечатляющие, чем конечный результат творческой активности. Непрерывно воплощая себя в очередном творческом проекте, я-психика наслаждается больше не конечным результатом, а именно буднями, повседневностью творческого процесса. Наблюдать конечный результат всегда грустно, потому что за ним уже ждет новое начало и новый творческий проект, а вот непосредственно творить, подготавливать конечный результат, совершенствовать его, поэтапно воплощать в жизнь – это напоминает период беременности, когда женщина не просто *как все* носит плод в своей утробе, а подготавливает и себя, и свое окружение к некому сокровенному акту, таинству, возможно, к рождению *великого* и неповторимого.

Но в чем конкретно моя психика может реализовать свои внутренние потенциалы, в какой области я смогу творить и получать наслаждение от творчества? В чем проявлять себя, если я не художник, не поэт, не писатель и творчество для меня всегда заканчивалось границами офиса или порогом квартиры? А может заняться благотворительностью или спонсорскими проектами, ведь начинающим талантам в жизни как раз и не хватает материальной поддержки? Может, стоит профинансировать определенный науч-

ный проект и с коллективом «головастиков» войти в историю цивилизации, как это сделал первый миллиардер на Земле Джордж Рокфеллер-старший, создав известный фонд своего имени? Мое умение организовывать маркетинговые компании при определенном стечении обстоятельств и упорном труде может принести немалых денег. В этом случае не нужно ничего выдумывать, а просто грамотно распорядиться деньгами, вложив их не в дорогие машины, квартиры и поездки за границу, а в разработку одного или нескольких масштабных проектов, нацеленных на совершенство цивилизации. Вот и выход, вот и перспектива!

Я вздохнула с облегчением, потому что впервые увидела реальное применение в повседневном бытии своих внутренних способностей и знаний полученных от обозрения небытия. У меня появилась идея относительно своего будущего, и мне до безумия захотелось уже сейчас окунуться в *рождение великого*. Я уже наглядно представляла, как выберу определенное направление в исследовании космоса, привлеку группу ученых, организую и направлю их творческую активность, а за собой оставлю финансирование, материальное обеспечение проекта. Их идеи и мозги плюс моя организация и финансирование – и мы оставим свой след в истории цивилизации!

Это выход! Я раскрою перед своим коллективом истинный масштаб творчества, расскажу основное из обозреваемого в небытии, нацелю на решение фундаментальных вопросов, уберегу от не всегда обоснованного увлечения частностями. Как руководитель, я уже знала, что не смогу расплытаться по мелочам, что теперь вся моя деятельность будет связана с грандиозными, поражающими воображение обывателя творческими проектами. Нужно только больше взять для себя от обозрения небытия и не ошибиться в выборе стратегии присутствия в бытии.

Я услышала, как открылась дверь в палату, и быстро закрыла глаза – я не хотела разговоров, мне по-прежнему хотелось побыть одной, обсудить с собой свои дальнейшие перспективы и планы. Бытие входило в мой новый образ присутствия частями, согласовываясь с теми критериями, которые сформировались в нем от обозрения небытия. Я понимала, что мне предстоял еще долгий путь в совершенствовании своего нового образа, в соотношении

увиденного в небытии с особенностями присутствия в бытии. Но я была готова к совершенствованию своего образа, потому что понимала, насколько мой новый образ присутствия будет совершенен, настолько значимым окажется мое присутствие в бытии.

Вошедшая медсестра сделала мне несколько уколов и вышла. Я вновь осталась одна – один на один со своим новым образом, к которому привыкала, пока теоретически осмысливала, совершенствовала, подготавливала к будущим свершениям. Но мне недолго осталось бодрствовать, потому что после введенных лекарств, я почувствовала, что засыпаю, точнее, медленно перехожу в мир небытия, на свое «забронированное» место на зрелище.

Я вошла в небытие с застывшим в памяти как изваяние словом «космичность». Почему именно *космические* проекты, как область реализации внутренних творческих потенциалов прельщали меня? Какое отношение «космичность» имеет к текущему существованию, в котором господствуют совершенно иные приоритеты? Допустим, что существование человечества взяло свое начало из существования живой материи, но ведь это произошло не в космосе, а на Земле. Человечество сформировалось и до настоящего времени развивается в масштабах отдельно взятой планеты и еще не вопрос, что оно эти масштабы покинет. На чем основывается моя уверенность, что будущее человечества связано с освоением космоса? Даже корни человеческого существования мы с натяжкой можем отнести к космическим масштабам, потому что существование живой материи, или биосферы – это тоже масштаб планеты Земля. Причем здесь космос?

Как всегда образ-ответ предстал как категоричность, данность, которую оставалось только обозреть и запечатлеть. Оказывается, в существовании мира все закономерно и универсально: процессы, происходящие в масштабах Земли аналогичны процессам на любой другой планете, типичной по физико-химическим составляющим планете Земля. Соответственно, процессы, наблюдаемые в масштабах Солнечной системы, аналогичны процессам, протекающим в тождественной системе находящейся в нашей и даже в иной галактике. В Мироздании нет замкнутых и изолированных систем. Миро-

здание само целостно и единично, и чтобы правильно понять процессы в масштабах Земли, нужно рассматривать не этапы формирования и развития Земли как изолированного материального объекта, а этапы формирования и развития Мироздания, потому что Земля, как планета, это структура, вовлеченная в более масштабное существование. Нужно научиться мыслить стратегически, глобально, масштабами существования мира. Только в этом случае, многие процессы, наблюдаемые в масштабах Земли, получают свое логическое завершение и истинное, космическое понимание.

Именно из этих масштабов следует вывод о космических корнях жизни - живой материи, потому что формирование условий для биохимического предопределения в условиях отдельного материального объекта Земля это ни в коем разе не прерогатива Земли – это особенности эволюции мира. Жизнь на Земле начала свое формирование с первых этапов формирования самой планеты. Скорее особенности формирования планеты Земля в масштабах Солнечной системы послужили основой для биохимического предопределения и формирования живой материи. Любая другая планета, в любой другой галактике попав в такие же физико-химические условия, как и Земля, станет эволюционировать и создавать условия для формирования того же биохимического предопределения. Поэтому жизнь – это не единичный феномен Солнечной системы, Млечного пути или Мироздания в целом, а *это закономерное проявление закономерных процессов*. Придет время и все эти процессы раскроют свое содержание перед познавательной активностью я-психики, потому что, не познав своей космической истории, не раскрыв содержания своего основания, она не в состоянии вершить будущее.

Это касается и появления человека на Земле. Формирование и развитие разумной материи, которую именуют в масштабах Земли человечеством, и основу которой составляет высокоразвитая психика, следует из элементарных законов существования мира. Живая материя, эволюционируя в масштабах отдельного материального объекта, создает условия для процесса цефализации – непрерывного развития нервной системы, который со временем приводит к формированию высокоразвитой психики. Как невозможно развитие жизни без соответствующих физико-химических условий, обеспечивающих стабильность существования фундаментального

пространства молекул и генов, так невозможна эволюция человека без условий, гарантирующих последовательное развитие нейронных объединений подсознания и сознания. Эволюция системы живой материи в масштабах Земли гарантирует формирование и развитие дочернего состояния материи – разумной материи. Но при этом, привязанность я-психики к благоприятной и необходимой среде существования жизни не связывает ее масштабом отдельного материального объекта. Дело в том, что живая материя существует не столько на отдельном материальном объекте, сколько *в определенных условиях* данного материального объекта. Если обеспечить соответствующие условия на любом другом материальном или искусственном объекте и перенести туда биогеоценоз – целостный аспект присутствия системы живой материи, то живая материя гарантировано продолжит свою эволюцию и там. Для качественной эволюции живой материи главное - среда присутствия, а не привязанность к тому или иному материальному объекту. Чем больше внешние условия соответствуют физико-химическим характеристикам живой материи, тем интенсивнее и полноценнее произойдет ее «приживание» в них. В свою очередь, стабильность системы живой материи обеспечит необходимый минимум благоприятных условий для закрепления и развития я-психики.

Таким образом, разумная материя при должном внутреннем совершенстве и развитии техносферы, в состоянии обеспечить свое существование в любых условиях, в которых она сможет гарантированно «привить» необходимый уровень развития системы живой материи: будь то другой естественный материальный объект или искусственно созданный космический корабль. Для высокоразвитой психики важна устойчивая и благоприятная внешняя среда, а именно – необходимый уровень развития системы живой материи. Как только разумная материя научится искусственно создавать, точнее – переносить, такую среду и обеспечивать ее устойчивое развитие, она освобождается от привязанности к отдельному материальному объекту и выходит на просторы космоса. Организуя стабильное присутствие системы живой материи в любом ином месте космического пространства, психопространство гарантированно обеспечивает свое присутствие и развитие в нем.

Сумасшедшая или новая жизнь

Часть третья.

Глава 10. Сумасшедшая: бред первый

– **М**илевкая, приготовьтесь, вам сейчас будут снимать повязки с лица – вошедшая медсестра предупредила меня и вышла.

Я уже была готова, и что самое главное составила целый перечень вопросов, которые сразу хотела выяснить у мамы. После того как я определилась с планами на дальнейшую жизнь, время стало тянуться нескончаемо долго. Я сходила с ума от бездеятельности, и постепенное возвращение ощущения собственного тела уже не приносило большой радости. К тому же падения в ничто и обозрение небытия становились все реже и короче. Я уже не успевала отдохнуть там, зарядиться новым обозрением и получить пищу для новых размышлений. Все шло к выздоровлению, поэтому я хотела быстрее выписаться и приступить к реализации намеченных планов.

Мне уже хотелось домой, хотя я не сильно понимала сейчас, где мой дом. Но мне до боли надоело недопонимание мамой моих немых вопросов, эту игру в «отгадалки», когда мама пыталась отгадать мои вопрошания глазами, мое мычание, и преждевремен-

ное желание разобраться в текущих вопросах. Мама очень редко угадывала мои немые вопросы, а в основном, устав от непонимания и видя мое раздражение, она переставала обращать внимание на мое мычание и рассказывала обо всех бытовых мелочах, которые только приходили ей на ум. Но именно это меня меньше всего интересовало, и я, закрыв глаза, призвав на помощь всю свою внутреннюю энергию, пыталась отрешиться от этого кошмара, заставляя себя не вслушиваться в перипетии бытовых дрызг, а думать о чем-то возвышенном и важном для себя. Мой новый образ присутствия был далек от бытовых мелочей, еще не подготовлен и не закален ежедневными случайными событиями, поэтому их навязывание мамой сильно его травмировало и возмущало.

Но мне редко удавалось скрыться от маминых рассказов, защититься от них, убежать. Голос мамы проникал всюду, находил самые уязвимые места и на корню разрушал мое внутреннее спокойствие. Мама, не зная об этом и не догадываясь, медленно сводила меня с ума. Ее нескончаемые рассказы о соседках и их личной жизни, об их детях и их похождениях, о новостях услышанных по радио или по телевизору, не просто выводили меня из состояния равновесия, но действительно подталкивали к сумасшествию. Я уже начала бояться каждого маминого прихода, потому что она, естественно, не ведая об этом, медленно разрушала во мне все то, что я сумела отстоять даже под натиском небытия – гармонию и целостность своего внутреннего мира. А как при этом травмировался новый образ присутствия!

Как я мечтала о тишине и одиночестве!

Даже своего лечащего врача, Людмилу Васильевну, я перестала воспринимать как некий луч света. Меня стало раздражать и возмущать ее поведение, потому что мне показалось, что она мало уделяет мне внимания, не разговаривает со мной, избегает самой же предложенного диалога глазами. С моей точки зрения она перестала понимать меня, защищать от мамы и ее надоедливых разговоров, перестраховывается и затягивает мое освобождение от бинтов и гипса. С какой надеждой и немым вопрошанием я каждый раз умоляла ее освободить от бинтов хотя бы мое лицо, чтобы получить возможность вербального общения с окружающими. Для меня это было настолько важно, что мне казалось если бы я получила возможность общаться, я

бы самостоятельно смогла уберечь от стрессов свой новый образ присутствия. Но Людмила Васильевна только улыбалась, успокаивала, и все медлила, тянула, словно проверяя на прочность основу моей я-психики. Я была уверена, что в отличие от мамы она понимала мое немое вопрошание, но не принимала его, не придавала значения моим просьбам и бессловесной мольбе.

Кроме этого, она видимо почувствовала мое раздражение и возмущение, потому что в последнее время заходила ко мне все реже и, главным образом, только по делу. Вот и сейчас, сняв повязки с лица, выполнив необходимые процедуры и предупредив, чтобы я на первый раз не увлекалась разговором, она поспешно вышла, оставив меня наедине с мамой.

- Как я рада за тебя, доченька! – мама как всегда не смогла сдержатъ слезы. Снова не выдержала, заплакала и я. Наконец-то разрешились мои муки, наконец-то я сама смогу выражать свои мысли и говорить о своих желаниях.

- Я тоже, мама. Как мне тяжело было переносить твое непонимание. – Свой голос я узнала с трудом: какой-то чужой, глухой и неприятный.

- Ты пока меньше говори, Светочка, Людмила Васильевна просила не увлекаться разговорами. О чем ты меня постоянно хотела спросить?

- Мама, не спросить, а попросить. Ты не обижайся, но я постоянно пыталась попросить тебя помолчать – я так привыкла к тишине, что все твои рассказы о соседях и их детях едва не свели меня с ума.

- Доченька, но мне Людмила Васильевна сказала, чтобы я разговаривала с тобой, все рассказывала, приобщала к жизни, чтобы ты не чувствовала себя выпавшей из нее.

- Мама, но мне это сейчас совершенно не интересно.

- Доченька, скажи, что тебе интересно, и мы будем об этом говорить.

- Мама, где вы взяли деньги на мое лечение?

Мама опешила от этого вопроса, растерялась. Видимо не это она хотела услышать в первую очередь. Но меня интересовал именно этот вопрос, потому что от него зависело понимание: с чем я войду в повседневную жизнь. Со всем остальным я уже справи-

лась и боль потери своих мальчиков я берегла только для себя. Это было не их дело, это была *моя* боль.

- Доченька, не важно, давай об этом поговорим позже. Что ты сразу о деньгах, главное, что ты выжила.

- Мама, ты даже не представляешь, насколько этот вопрос для меня важен. Что вы продали?

Мама опустила глаза:

- Я не вникала, папа всем занимался и сваты.

- Вы продали офис и квартиру?

- Нет что ты, квартира еще осталась, под нее только деньги взяли. Сама понимаешь, нам главное было вытянуть тебя с того света, сколько говорили, мы столько и платили, но никто не ожидал, что это так дорого. – Голос мамы стал глухим и неприятным, прямо как мой.

- Мама, офис продали?

- Да.

- А под квартиру много денег взяли?

- Двадцать тысяч долларов.

- А как вам кредит оформили?

- Мы в ломбарде взяли.

- Мама, но это же сумасшествие! Ведь там не подъемные проценты, мы ее не сможем выкупить.

- Света, что ты все о деньгах, мы тебе поможем, как-то выкрутимся.

- Мама, как мы выкрутимся? Мне еще лежать здесь минимум месяц, у вас хоть до конца моего лечения денег хватит?

- Должно хватить, хотя папа говорит, что может придется еще одалживать.

- Где? У кого?

- Может, еще под квартиру возьмем. Ведь никто не был готов к таким событиям, и особенно к таким сумам...

Лучше бы я этого всего не слышала.

- Больше в долг никаких сумм не брали?

- Нет, что ты.

- А почему в ломбард обратились, разве никто не мог одолжить?

Мама замялась с ответом, но я поняла:

- Боялись, что некому будет отдавать?

- Не говори так доченька.

- Мама, как не говорить, если мы квартиру практически потеряли, и вместо восьмидесяти тысяч, взяли двадцать. Ведь она нам с Димой не просто так досталась!

Я увидела, как слезы потекли по её лицу, знала, что сделала ей больно, что на этой ноте наш первый разговор и закончится, но жалости совершенно не было. Мне нужно было выговориться, выплеснуть свое внутреннее раздражение, для того чтобы самой успокоиться, настроиться, подготовиться к тому, что ожидало меня в бытии. В неполные тридцать три года мне предстояло начать жизнь практически с нуля: с новым образом присутствия, без семьи и материального фундамента. Первый раз в первый класс...

- Не плачь мама, извини. Просто обидно, что так легко уходит то, что нам с Димой с таким трудом давалось. Ведь мне с чего-то нужно начинать жить, а с чего, если уже практически ничего не осталось?

- Доченька, мы сначала все свое отдали, и только потом начали продавать ваше. Мы долго за твою жизнь боролись: самые лучшие врачи, дорогущие лекарства, современная терапия. Нам все равно в этой жизни уже ничего не надо, главное, чтобы ты выжила. На похороны много денег ушло.

Как жаль, что я так долго была без сознания! Слова мамы доходили с трудом. Жалость к себе, обида за безвозмездно потерянное, все это переплелось, заполнило психику и мешало сосредоточиться, настроиться на реальное восприятие внешнего мира. Хотя действительно, причем здесь родители? Они всю свою жизнь прожили на зарплату, а в последнее время на пенсию, да на те деньги, что я оставляла в каждый свой приезд. Безусловно, они не знают цену большим деньгам, и их легко было ввести в обман. Как быстро исчезает все то, чему человек посвящает лучшие годы своей жизни. Мы почти восемь лет копили с Димой на эту квартиру, отказывая себе во многом, экономя на мелочах. Теперь нет ни Димы, ни Андрюшки, нет и квартиры.

- Спасибо мама, я не о вас с папой говорю. Прости. – Тоска вдруг сдавила сердце, перехватила дыхание - я еле смогла сделать очередной вздох. Как все-таки было хорошо и легко в небытии,

даже, несмотря на то состояние тревоги и боли, которое фоном присутствовало там. К событиям в небытии можно было привыкнуть и подстроиться, потому что вечность обладала свойством фундаментальности, основательности, устойчивости. Она казалась нерушимой, хотя постоянства в ней не было – на самом деле она эволюционировала. Но закономерный и последовательный характер эволюции мира в своем основании был настолько подогнан и преемственен, что вся структура Мироздания казалась постоянна и неизменна, что позволяло психике привыкнуть к ней, закрепиться в ее существовании и самой эволюционировать без стрессов и вводных. Постоянство вещей и событий переходило в основательность и консервативность я-психики – она не столько жаждала перемен и изменений, сколько стремилась организовать устойчивое и основательное присутствие в мире. Современные нейронауки утверждают, что основной части нейронов в головном мозге человека свойственен консерватизм, и лишь незначительный их процент «толкает» психику к радикальным решениям. Возможно, именно поэтому, чем старше человек, тем больше он зависим от привычек и сложившихся в его я-мировоззрении стереотипов.

Мой новый образ присутствия, рожденный в тишине реанимационной палаты, вылитый из аспектов обозреваемого небытия, столкнувшись с нелогичностью поступков, с непредсказуемостью окружающего бытия, был от всего происходящего в шоке. Он не понимал что происходит, он требовал основательности поступков, аргументированности принятых решений, но всего этого не было - присутствовали только эмоции и желания.

– Доченька, мы хотели как лучше! – донеслось до меня. Но, что мне делать с оправданиями, если событие уже произошло и его не исправить? Неуверенность в социальном окружении, ошибки людей, которым я доверяла, вызвали серьезное потрясение в моем внутреннем «я» - из-под него словно выбили опору, изувечили и искромсали основание. А что будет дальше? Об этом даже не хотелось и думать...

- Мама, вы похоронили их рядом? – я попыталась перевести разговор, но попала на самое болезненное.

Мама как-то напряглась, потом сжалась, стала маленькой, жалкой, незаметной. Долгая-долгая пауза возникла в палате, натянулась как струна и, не выдержав, лопнула:

- Рядом. – Больше не в силах сдержать себя, мама прильнула к моему забинтованному плечу и разрыдалась. Эмоции били через край, заливали все вокруг, но я должна была терпеть, сдерживать себя, потому что я только начинала жить. Жизнь действительно оказалась полна сюрпризов: вместо радости и облегчения, праздника и легкости, я получала удар за ударом. Было еще тяжелее, чем в первое низвержение в небытие – меня словно заживо раздирали на части. Рыдания мамы, несли облегчение только ей, во мне же они разжигали пожар: я вся горела внутри, пылала. Все человеческое, женское, материнское сжигалось в пламени, оставляя пепел и выжженную землю.

Но я должна была терпеть, я должна была продолжать жить, чтобы спасти души своих мальчиков, чтобы вернуть им спокойствие в небытии. Они многое не успели сделать в этой жизни, возможно, многое так и не поняли, но своей жизнью я должна заслужить для них лучшее место в небытии, чтобы они не страдали, чтобы их разорванные я-мировоззрения успокоились и легли в основу существования человеческого. Они вместе со мной должны войти в историю цивилизации и стать бессмертными. Вечность, вот, что я должна принести им из этого жестокого и непредсказуемого мира бытия, и я принесу им ее, чего бы это мне не стоило. Я преодолю все земные преграды и невзгоды, я выложусь за оставшиеся годы жизни полностью, до последней капли своих сил, но дам им то, что, они по праву заслужили – умиротворение от совершенного в бытии, вечный покой от осознаваемой значимости прожитых лет.

Я не успокаивала маму, потому что ее слезы еще сильнее разжигали во мне желание жить и бороться, как удобрение стимулировали рост внутренних сил и здоровья. Ее слезы укрепляли во мне желание вершить масштабное, усиливали уверенность в правильности выбранного предназначения. Моя память запечатлевала эти слезы, словно аккумулируя в себе энергию присутствия для Другого, и я чувствовала как во мне пробуждается энергетический монстр, как воссо-

единяются космические силы и, как мой новый образ присутствия рвется вершить события исторической значимости.

Обозревая глубину ее горя, я еще больше укреплялась в правильности своего выбора – я войду в историю цивилизации, я сделаю все, чтобы мои близкие, все, кто вошел в мое я-мировоззрение и сформировал мой внутренний мир, получили право на социально-культурное бессмертие!

- Мама, все будет хорошо, я добьюсь в этой жизни даже большего, чем в ней было. Ты еще будешь гордиться мной.

- А как ты про Андрюшку узнала? – в ее глазах стояла глубокая тоска и боль.

- Мне там многое что открылось, *Он* как в страшном кино прокрутил для меня последние секунды жизни Андрюшки.

- Доченька, нельзя так говорить – мама встревожено отстранилась от моего бесчувственного тела и испугано посмотрела на меня - Ты не замыкайся в себе, выноси боль наружу. Для нас это тоже сильное горе, но мы пережили его, выстояли, выдержишь и ты. – Мама волновалась за меня, но совершенно не понимала.

- Мама, не только об этом буду говорить, но расскажу о еще более странных вещах. Тебе не понять всего того, что я пережила, пока здесь лежала, что *Он* мне открыл...

- Доченька, мы тоже волновались и о многом передумали. Я сколько слез выплакала и молитв прочла...

- Спасибо, мама, но мы говорим с тобой о разных событиях. Впрочем, давай вернемся к этой теме позже, а пока лучше помолчим, я так привыкла к тишине и внутреннему самосозерцанию...

- Как скажешь доченька, давай помолчим.

Несколько отчужденно, оставшись каждый при своем мнении, мы окунулись в свои миры. Жизнь продолжалась, но наши образы присутствия так и не смогли с первой попытки установить между собой контакт, найти взаимопонимание. В основе каждого образа лежала своя глубина и свое я-мировоззрение. Но самое неожиданное, я обнаружила, что в сравнении со старым образом присутствия, в новом образе место родителей было еще прочнее и глубже, словно открылось понимание того, что, несмотря на все их недостатки и слабости, родители на всю жизнь останутся людьми, которые возродили мою психику к жизни, которые предоставили

возможность организовать присутствие в себе, для себя и для других. В моем новом образе связь с родителями пролегалла не столько на уровне я-тела, сколько на уровне присутствия для Другого, потому что именно оттуда, с первых этапов эмбрионального развития связь с ними формировалась и с каждым годом присутствия в бытии развивалась и закреплялась. И сейчас, в моем неокрепшем, девственном новом образе присутствия, я видела, что место родителей было, возможно, даже ближе, чем место моих погибших мальчиков. Ведь если мужа и сына я еще могла найти, и у меня на это уже были свои планы, то родителей мне никто никогда не заменит. Именно поэтому, несмотря на все изменения в я-мировоззрении, на *открывшееся предназначение в жизни*, я понимала, что должна восстановить тесную связь с людьми, предоставившими мне право на жизнь. Только они и мое предназначение крепкими узами привязывали мою психику к бытию, и эту связь мне нужно было еще больше укреплять. А где-то в глубине мозга как нерв пульсировала одна яркая и броская мысль: «Как ты относишься к своим родителям, так и твои дети со временем станут относиться к тебе». И это была не просто библейская истина – это было следствие преемственности и последовательности эволюции Мироздания.

На следующий день, практически с самого утра, мне пришлось принимать целые делегации родственников. Нельзя сказать, что эти встречи меня не радовали. Одна мысль о том, что я могла их больше не увидеть, сама по себе делала каждый эпизод общения с родителями и близкими для меня людьми дорогим и бесценным. Но страшным было то, что они совершенно не понимали меня. Неловко чувствуя себя рядом с моим полуразрушенным, загипсованным и беспомощным телом, видимо, комплексуя от явного несоответствия своего здоровья и моего умирающего внешнего вида, они не понимали, что на уровне я-психики я была сильна как никогда. Что если заглянуть во внутрь моего тела, достать, обнажить и сравнить наши я-психики – настоящее основание присутствия каждого из нас в бытии, то я окажусь намного сильнее каждого из них, потому что основа существования человека, это совершенно иное состояние, независящее от состояния внешнего вида. А мой внутрен-

ний мир, переживший гибель мужа и сына, выстоявший в соприкосновении со смертью, окрепший в обозрении небытия, на порядок, а может и больше, был сильнее внутреннего мира любого самого здорового человека, не говоря уже о здесь присутствующих.

Они приехали ко мне все вместе, потому что мой обострившийся *нечеловеческий* слух услышал массовое движение в коридоре задолго до их появления в палате. Я часто, даже помимо своего желания слышала все, что происходило за дверью в коридоре. Я научилась по шагам узнавать медсестер и врачей, определять их настроение, понимать состояние проходящих больных. Несмотря на все мои усилия для меня осталась закрытой жизнь в соседних палатах, но это меня не сильно расстроило, потому что слышать как замирает жизнь в теле и, возможно, очередная я-психика низвергается в небытие, это не слишком приятная процедура.

Первыми в палату зашли родители: деликатность и неловкость их поведения, одновременно были смешны и печальны. Смешны, потому что я не узнавала ни отца, которого первый раз в жизни видела в такой робости, ни брата, с которого слетела его напускная беззаботность, и он не знал как себя вести в моем присутствии. А печально было потому, что эти люди еще не догадывались о том, сколько им еще придется перенести из-за моего нового образа присутствия, возможно, выстрадать, выплакать, перебороть в себе. Мне было заранее их жаль, но я должна была провести их через новые испытания, в чем-то исправить, в чем-то подтянуть, дополнить, потому что мне с ними предстояло жить. Я не могла их потерять, потому что эти три человека - это оставшиеся корни, связывающие мое присутствие с бытием. Поэтому, несмотря на все их несовершенство, я должна была остаться рядом с ними, чтобы радовать их, прощать, баловать и мириться. Я не должна потерять их также бессмысленно и случайно, как потеряла своих мальчиков, и весь оставшийся во мне неудовлетворенный материнский инстинкт сейчас был направлен на них. Я хотела помочь и им и себе, потому что, побывав в небытии, и зная образ жизни этих людей, я уже могла предсказать их незавидную участь после смерти. Но для начала им нужно рассказать основное из существования небытия, показать просторы, в которых я побывала, раскрыть глубины, из которых

спаслась, попытаться наладить отношения между их образами и новым образом Светланы Милевской.

После приветствий я попросила:

- Папа, давай сейчас всех примем, отбудем необходимую процедуру, а потом останемся одни и поговорим, хорошо?

- Хорошо.

Мои тети и дяди, двоюродные сестры и братья, заходили семьями поочередно, приносили цветы и фрукты, а я как посаженный генерал возлежал на больничной койке, величественно принимая дары своих вассалов. Вся эта процедура вызывала внутреннее неприятие, потому что я быстро прочувствовала в ней неискренность и наигранность. С одной стороны, мне совершенно безразлично было внимание со стороны этих людей, с другой стороны, я видела и чувствовала, что этим людям не слишком приятно было созерцать мое полумертвое тело. Сквозь надетые маски любезности и участия я видела их неприятие, брезгливость и страх, так как вместо выздоравливающего я-тела они встречали полумертвый беспомощный организм, который раскрывал перед ними ужасный образ смерти. И у многих из них этот образ вызывал панику, тошноту, ужас, потому что одно дело слышать о смерти, совершенно другое дело *видеть* образ смерти. Возможно, именно по этой причине они все после стандартных приветствий и заученных слов участия старались быстрее покинуть палату и вырваться на воздух, на свободу. Слабой и неподготовленной психике не по силам воспринять образ умирающего я-тела, потому что она все воспринимает буквально, не понимая, что за внешним видом скрывается истинная, более мощная опора. И во всех болезнях, главное, чтобы именно эта опора оставалась цела и без повреждений, а все остальное современная медицина, или медицина будущего научится восстанавливать и лечить.

Родителям не пришлось прикладывать никаких усилий для того, чтобы наши родственники не занимали слишком долго моего внимания – пятнадцать-двадцать минут и в палате осталась только моя семья. Чувство неискренности и натянутости испарилось, как только закрылась дверь за последним представителем из череды родственников. В палате остались действительно близкие люди, которые искренне переживали друг за друга. Я чувствовала в палате здоровую и благоприятную атмосферу, которая бодрила меня и

укрепляла в жажде жить и творить великое. Проскальзывала неловкость, натянутость, тревога, но все это переносное и мелочное в сравнении с неискренностью и наигранностью.

Пока отец и брат привыкали к виду моего тела, мама как всегда рассказывала пустые и неинтересные для меня новости. Я дала время прийти им всем в себя, а после без прелюдий и подготовки стала проявлять свой новый образ присутствия. Прервав на полуслове, какую-то очередную бессодержательную речь мамы, я произнесла:

- Мои дорогие, хочу признаться вам, что я побывала на том свете.

Реакция родителей и брата была любопытная - они с удивлением уставились на меня, а в глазах каждого читался один и тот же вопрос: «У меня это временно, или уже навсегда?»

Но я должна была рассказать им о глубинах существования, хотя бы для того, чтобы иметь представление о том, что меня ожидает дальше, как будут реагировать на мои рассказы остальные люди.

- Не смотрите на меня так, я вполне здорова и вменяема. Я действительно была там, и увидела много интересного.

- Доченька, может Людмилу Васильевну позвать? – первая не выдержала мама.

- Можешь позвать, но она видимо от других больных, выбравшихся из состояния комы, уже слышала подобные рассказы. Мама, это не бред, поверь мне. По всей видимости, каждый человек, преодолевающий определенную черту, соприкасается со смертью, попадает в мир небытия и определенное время там присутствует. Отдельные, по ряду причин, оттуда возвращаются и пытаются донести до людей фрагменты обозреваемой глубины, но большинство там так и остаются, иначе, просто умирают.

Так сложилось, что я вернулась оттуда, и мне очень хочется, чтобы вы не просто поверили мне, а помогли закрепиться в жизни, потому что тот образ, к которому вы привыкли и в формировании которого вы принимали непосредственное участие, остался там, в небытии, а здесь перед вами предстанет новая Светлана. Вы должны понять, что все побывавшие там и вышедшие оттуда, уже не смогут жить по-старому, потому что небытие раскрывает глубину человеческого существования, заставляет переосмыслить мно-

гие жизненные ценности и ориентиры, рождает новое, *особенное* воззрение на мир.

- И, что нового нам от тебя теперь нужно ожидать? – отец с подозрением всматривался в мои глаза, пытаясь проникнуть в их глубину. Но куда ему было тягаться со мной - я видела его намного глубже, чем он даже представлял себе.

- Папа, еще более странного поведения.

- Что еще более странного от тебя можно ожидать, если твой первый вопрос после почти двухмесячного молчания касался денег?

- Я думаю, что это только цветочки, а ягодки вас ждут впереди. – И я начала выкладывать все, про что уже давно решила. – Смотрите, у нас два варианта развития взаимоотношений. Первый, вы верите мне и помогаете заново входить в вашу жизнь. Мне много не надо, в большинстве своем, просто не мешайте реализовывать в жизнь то, к чему я пришла за время кризиса. Поверьте мне, я не просто молчала и боролась за свою жизнь – я много думала, переосмысливала, обозревала, и мне многое открылось. Вы очень дороги мне, и по большому счету, вы единственные, кого я боюсь потерять в этом мире. Но для этого вы должны просто принять мое поведение и не удивляться, потому что за каждым моим поступком стоит более глубокий и масштабный анализ событий, открывшееся знание существования первозданного, и именно поэтому мои поступки будут отличаться от поступков других людей.

Есть и второй вариант развития отношений между нами - вы не поймете меня, не примете мое поведение и наши отношения потеряют ту искренность и значимость, которые сохраняют до настоящего времени. Вы знаете меня, я и до аварии вас не сильно слушала, но сейчас, признаюсь вам, у меня слишком много обязанностей возникло в этой жизни перед теми, кого уже нет, кто есть и, возможно, будет. У меня появилось предназначение – глобальная цель жизни, поэтому, в любом случае, я буду делать все по-своему. Но этот вариант мне меньше всего нравится, потому что я вырвалась из небытия только потому, что здесь остались еще вы и несколько важнейших незавершенных проектов.

Милые мои, прошу, поверьте мне, я не сумасшедшая. Возможно, в этой жизни, вам со мной будет не сильно комфортно, зато

после смерти, вы поймете меня, потому что, все, что я собираюсь сделать направлено во благо вам и моих погибших мальчиков, вы это обязательно прочувствуете в небытии.

В палате возникла продолжительная, томительная пауза. Я сама понимала, что для любой я-психики мое изложение больше походило на бред, чем на связанный рассказ, но как я могла объяснить все то, что мне открывалось шаг за шагом, к чему я подходила не за день, а за месяц сосуществования в двух мирах?

- И, что нового мы должны от тебя ожидать, доченька? – отец даже не смотрел в мою сторону, мама сидела, опустив голову, и украдкой вытирала слезы, один брат внимательно смотрел на меня и слушал.

- Я сразу хочу предупредить, что слез и истерик вы от меня не дождетесь. Свое горе я уже выстрадала, выплакала и пережила в душе. Это моя личная, внутренняя боль, которую я не буду выставлять на показ, даже ради приличия.

- Но что скажут люди? – сквозь слезы выдавила мама.

- Это меня меньше всего интересует. Пусть думают, что я сошла с ума, главное, чтобы мы друг друга понимали и поддерживали.

- Это понятно, дальше что? – отец всегда отличался практичностью и внутренней силой воли. Видимо сейчас, он хотел, как можно полнее узнать мое состояние и шаги, которые я запланировала за время болезни.

- Я снова выйду замуж и рожу ребенка.

- Это правильно, ты молода и тебе нечего оставаться вдовой. Выдержи положенный срок, найди хорошего человека и выходи за него, что здесь необычного? – Я почувствовала, что отец начал немного успокаиваться, видимо ожидая от меня более экстравагантных поступков.

- Но это еще не все, - я хочу изменить свой образ жизни, перестроить его.

- Как изменить?

- Когда я была в небытии, мне открылось понимание, что большая часть ценностей, которые определяют нашу повседневную жизнь, слишком примитивна, и по большому счету, ошибочна. Предназначение людей – творить масштабные проекты, причем направленные не на удовлетворение каких-то примитивных потребностей

или корыстных целей, а во благо развития цивилизации. Это там называлось «фундаментальность деятельности». От того насколько деятельность человека за годы его жизни фундаментальна, то есть, полезна для всего человечества, настолько она ценится в небытии. Все остальные варианты жизни: дети, семья, бизнес, это нужно, правильно, но это более низкий уровень совершенства нашей психики и, соответственно, меньше ценится в мире небытия. Так вот, я планирую заняться каким-то масштабным, фундаментальным проектом, соответственно, посвятив ему все свое время и силы.

Мама попыталась перебить меня, но отец движением руки остановил ее.

- И еще, из главного. Вы смотрите на мое тело, видите его состояние и когда слышите мои планы насчет детей, замужества, то только ваша деликатность мешает вам сказать, что мои планы – это бред сумасшедшей. По-вашему, мне не найти человека, который сможет смириться с моим искалеченным телом; к тому же, никто не знает, смогу ли я еще рожать. Но дело в другом – тело в жизни человека не главное. В небытии мне открылось понимание того, что в жизни человека главное психика, развитие подсознания и сознания. Человек, по большому счету, это не столько существование тела, сколько уровень совершенства психики. Поэтому, несмотря на свое покалеченное тело, на свой жалкий, возможно, безнадежный внешний вид, я как никогда окрепла на уровне своей психики. За время болезни, поверьте, я стала самостоятельнее, решительнее, закаленнее, потому что мне удалось глубже разобраться в основах своего существования. Я и раньше была не из слабонервных, но сейчас, после увиденного и осознанного в небытии, я превратилась в ту, которую можно назвать «железной леди». У меня появилась не просто цель жизни, она у меня была и раньше, у меня появилось фанатичное желание попасть в число людей, которые образуют фундамент небытия. А это значить, что мне за оставшиеся годы жизни нужно успеть сделать столько всего, что, наверное, времени на соблюдение элементарных приличий в повседневном существовании, придуманных условностей, наверняка не останется.

Поэтому, мне важно, чтобы вы поняли и поддержали меня. Все, что я дальше буду делать, это реализовывать внутренние потенциалы своей психики в фундаментальном: в масштабных проек-

тах, по всей видимости, каким-то образом связанных с космической деятельностью. В небытии я обнаружила, что корни человека уходят в развитие космоса, и его будущее, тоже находится там, поэтому чтобы попасть в основу небытия, мне нужно суметь реализовать себя в чем-то масштабном, связанным с космическими программами. Вы понимаете меня? – Я с надеждой попыталась заглянуть в эти единственно близкие для меня лица, но они были закрыты для меня, отчужденны. Мне не удалось достучаться до них, вызвать понимание. На их лицах я видела только беспокойство за меня и страх за себя, потому что уже сейчас они боялись за себя, за то осуждение, которое вызовет мое поведение.

Первая заговорила мама:

- Доченька, все, что ты нам рассказала, по меньшей мере, странно и требует более детального и спокойного обсуждения. У нас с тобой будет еще много времени поговорить, возможно, переубедить тебя. Те испытания, с которыми ты столкнулась, безусловно, оказали сильное воздействие на твоё мировоззрение, но ты взрослый человек и должна понять, что в нашей жизни не всегда то, что мы хотим и планируем, можно выносить на обсуждение людям.

- Даже больше. – В разговор вступил отец. – То, что ты не сломалась, а наоборот, окрепла после трагедии, это хорошо, это показывает, что ты взяла мой характер, но то, что ты планируешь открыто противопоставить себя окружающему миру – это ошибка. Посмотри на брата, он многого достиг, противопоставляя себя окружающим людям?

- Папа, я имею ровно столько, сколько хочу иметь – Вставил брат, и я была благодарна ему за эту реплику, потому что он подсказал мне еще один довод.

- Папа, смотри, Саша воплощает себя в жизни так, как он это видит - ни ты, ни окружающие его люди, не смогли его переубедить. Он продолжает жить так, как ему хочется жить. Вот так и я планирую жить, только, естественно, с другими целями и с более масштабным подходом к жизни.

- Саша, это другая история – Не согласился отец – Он неудачник, и все об этом знают. И хоть он и мой сын, но мне больно признавать, что мой сын неудачник, что он берет от жизни какие-то крохи, а не тот максимум, который берут остальные, причем дур-

нее его. А тобой мы гордились, ты умела приспособиться к жизни и взять от нее больше, чем кто-либо другой.

- Папа, откуда такие критерии оценки, с чего ты взял, что Саша неудачник? Наоборот, если человек сумел противопоставить свое «я» окружающим, смог отстоять свою индивидуальность, свой образ присутствия, то это говорит только о его внутренней силе. Он не поддался навязываемым правилам поведения, не сломился под давлением окружающего образа жизни – он смог наладить такой образ жизни, в котором его внутренний мир остался целостным и неповторимым. А другие сломались, те, которых ты причисляешь к «сильным», «успешным», на самом деле внутренне слабы и неподготовлены к открытому противостоянию с требованиями массы. И я такая была. Неудачники, это как раз те, кто не смог отстоять индивидуальность своего внутреннего мира, кто предал свои детские мечты, поддался влиянию сложившегося образа жизни и во внешнем образе присутствия воплотил не то, что присуще его внутри, а то, что ему навязали.

Отец, только сейчас, после увиденного в небытии, мне открылось понимание Сашиной силы, и я преклоняюсь перед ним за его смелость, за тот нелегкий путь, который он выбрал в бытии. Но в отличие от него, я еще больше противопоставлю себя окружающему миру, потому что в своем новом образе присутствия я взяла все лучшее и глубокое из обзрения небытия, из открывшихся первоначальных истин. Вы должны подготовиться к тому, что мой образ жизни, будет больше сумасшедшим, чем его. Он не хочет тратить свою жизнь на достижение материальных благ, а я наоборот, как только выйду из больницы, все свои силы сконцентрирую на достижении этих материальных благ. Но в отличие от остальных безумцев жаждущих наживы, все заработанные средства буду тратить не на мажорную и гламурную атрибутику: вещи, машины, квартиры, развлечения, отдых, а вложу в выбранный научный проект. Окружающие воспримут это как сумасшествие: зарабатывать миллионы, а жить на съемной квартире и отказывать себе в элементарном, но мне их мнение безразлично. Важно, чтобы поняли и поддержали меня вы - мне нужно успеть реализовать себя в чем-то фундаментальном, чтобы добиться значимости в мире небытия, чтобы получить для нас всех пропуск в вечность, в бессмертие.

Умрут наши тела, а сделанное нами, воплощенное в масштабном и полезном для цивилизации обеспечит всем нам социально-культурное бессмертие. Наша фамилия и имена войдут в историю цивилизации, и будут жить ровно столько, сколько будет развиваться человечество. Наша психика не умрет, она будет присутствовать в цивилизации в *созданном нами Великом*. Вы понимаете, о чем я говорю?

- Ты хочешь славы? – жестко спросил отец.

Я растерялась.

- Если ты имеешь в виду славу при жизни, то нет. Слава при жизни, в современном понимании – это вспышка падающей звезды: она мгновенна, временна и не имеет основания. Люди посвящают этому мгновению целую жизнь, а потом доживают, греясь воспоминаниями. А то, о чем говорю я, это скорее заслуженная оценка следующими поколениями моего вклада в развитие цивилизации. Будут оценивать то, что я оставила после себя, масштаб и глубину материализованного творческого потенциала моей психики.

- Выходит, все, что ты планируешь и к чему стремишься – это получить бессмертие после смерти?

Я задумалась:

- Примерно так.

- А зачем оно тогда будет нужно, ведь нас уже не будет в жизни?

- Но мы все попадем в небытие и уже сейчас нужно задумываться над тем, с чем мы там предстанем.

- Ты печешься о том, чтобы мы с мамой попали в рай?

- Рая нет.

- Но ты сама говоришь о каком-то небытии, это что рай или ад?

- Небытие – это мир, в который попадают наши психики, после того как исчерпали себя в бытии. Небытие – это низвержение к смерти и восхождение к бытию, к жизни. Это постоянное обновление психического пространства новыми образами логикоинформационного предопределения, которые совершенствуют разумную материю на нашей планете. – Я сама испугалась сказанного. Вслушаться – набор ничего не говорящих бессмысленных слов и словосочетаний.

- Ты хоть сама поняла, что сказала?

- Да.

Отец выразительно поочередно посмотрел на мать, на меня, в последнюю очередь на брата и с горечью констатировал:

- Был у нас в семье неудачник, теперь появилась еще и сумасшедшая. Дожился. – Встал и вышел из палаты.

Мама заплакала, поколебалась, а потом молча вышла вслед за ним. В палате остались только мы с братом.

- Ты-то, что скажешь? – переживая за произошедшее, спросила я у брата. У нас с ним была большая разница в возрасте и, честно, мы никогда не были в близких отношениях. Я даже не пыталась понять его поступки, всегда была занята своими проблемами, а он мало перенимался моим образом жизни, видимо устав от постоянного сравнения со мной. В этом плане родители, особенно отец, явно перегнули палку.

- Это твоя жизнь, тебе только и решать.

- А как с родителями быть?

- Ты сама их приучила к тому, что все лучшее связано с тобою. В их возрасте перестраивать суждения не просто.

- Но какая им разница от того, как я буду себя вести, главное, что я всегда рядом с ними и люблю их!

- Они относятся к поколению, которое слишком трепетно прислушивается к мнению окружающих.

- В том то и проблема, что нам всем очень важно, что о нас скажут другие. А вот ты, Саша, признайся, ты всегда был выше мнения окружающих – трудно постоянно преодолевать осуждение?

Я с какой-то неоправданной надеждой посмотрела на брата и впервые увидела в нем близкую душу, особенной сейчас, когда я начинала идти примерно его путем.

- Попробуешь сама, поймешь. Но это, словно идти по выжженной пустыне: постоянно один и не знаешь, дойдешь до конца или нет.

- А что заставляет идти?

- Одиночество и страх остановится. Движение становится твоим спутником и единственным состоянием, в котором ты живешь и наслаждаешься жизнью. Как только останавливаешься, сра-

зу подступает безумный страх от полного одиночества и понимания собственной смертности, *временности* присутствия в этом мире. Поэтому, чтобы снова обрести уверенность и собственную значимость, ты обращаешься к движению против течения, в этом противостоянии обретая смысл жизни.

- А почему не вернуться к нормальной жизни, не принять правила, по которым живут все остальные люди?

Брат усмехнулся:

- А с чего ты взяла, что их жизнь нормальнее моей жизни? Они тоже постоянно вынуждены идти, бороться, преодолевать препятствия, только они идут по уже проложенному пути и идут массой, а я выбрал новую дорогу, необычную и иду сам. Именно новизна выбранной дороги и показательная самостоятельность и независимость делает меня ненормальным в глазах остальных «нормальных». Но ведь все эти критерии «нормальности» условны, потому что с моей точки зрения, это они все «ненормальные», потому что вместо того, чтобы проявлять и развивать свои индивидуальные качества, они льнут друг к другу, прячутся за чужие спины, боятся высунуться, показать свое «я», тем самым, калеча свои души и совершенно не используя заложенные в каждом из них возможности.

- Но ведь ты можешь вернуться к «нормальному» образу жизни?

Саша усмехнулся:

- Раз, выбрав эту «ненормальность», уже трудно с нее свернуть, потому что мосты сожжены, на тебе клеймо «ненормального», и вернуться на путь, по которому идут все, это равносильно сломать себя, предать выбранные идеалы.

Ненормальность сама по себе заразительна: она как наркотик стимулирует каждое утро совершать то, чего другой не может совершить – ему мешают принятые условности, надуманные правила поведения. А я свободен от условностей, я делаю то, что хочу делать, и границы моей активности регулируются только границами моей нравственности. Я каждый день совершаю «ненормальные» поступки, понимая, что их «ненормальность» вызвана только тем, что кто-то когда-то решил, что так делать нельзя. Но почему решил, и может сейчас это делать можно, внятно ответить никто не

может. Большая часть общества придерживается уже принятых решений, не задумываясь об их логичности и современности.

Но ведь кто-то должен мыслить иначе, кто-то должен показывать, что не все из запрещенного вредно для общества. Поэтому само движение против принятых условностей как раз и наделяет его смыслом, превращает тебя в собственных глазах, в знаковую фигуру, которая не растворяется в массе, а остается индивидуальной, неповторимой, *самостоятельной* в выборе реализации внутреннего «я». Сама знаешь, что считанные единицы найдут в себе силы и смелость повторить то, что делают такие «ненормальные» как я, причем каждый день. Делать «ненормальные» поступки - это состояние внутреннего драйва, постоянного стресса, к которому привыкаешь как к наркотику, на которое присаживаешься, втягиваешься, но от которого и устаешь, становишься больным и раздражительным. Тяжело постоянно идти против течения.

- Но ведь ты идешь, откуда черпаешь силы?

Саша грустно улыбнулся:

- Я ведь чем-то должен отличаться от сестры. Когда каждый день, с утра до вечера тебя сравнивают с сестрой и ее достижениями, то есть два выхода: или убежать из дому, или пресечь любые сравнения. Первый вариант уже пробовался, но ты сама знаешь как переживали родители, поэтому, даже с моей «неправильностью» я стараюсь его не рассматривать – родители одни и не нам их судить. Поэтому остается второй вариант. Благодаря отцу и его упорному желанию считать меня неудачником, я живу своей жизнью, которая делает бессмысленными все попытки сравнения между мной и тобой. Но теперь, насколько я понял, мы с тобой в одной плоскости оценивания, и для того чтобы избежать новых сравнений, мне придется занять твое место и стать «нормальным».

- Роли поменялись.

- Ты правильно сказала – все зависит от состояния внутреннего мира. Не знаю, откуда ты это взяла, и где нахваталась таких умных слов, но по себе знаю, что «только идущий осилит дорогу». Все слабости идут из внутреннего мира, и многие из тех, кто для родителей является «нормальным» и успешным, на самом деле слаб внутри, и только стечение случайностей, выносит его на гребень успеха.

- Я тебе скажу больше, этих, так называемых «нормальных» ждет жуткая встреча с небытием, со смертью. Это, как правило, не афишируется, но умиротворение и покой там обретают такие как ты, которые идут своей дорогой, созвучной с состоянием внутреннего мира.

Я видела, как у Саши округлились глаза:

- Где ты таких мыслей набралась, неужели ты на самом деле была в том мире?

- Была и не один раз.

- Чудеса. А ты мне расскажешь о том, что там видела?

- Расскажу, только мне немного нужно отдохнуть, слишком много переживаний для первого раза.

- Договорились, я пойду, успокою предков, а завтра приду.

- Хорошо. Попробуй убедить их, что мой выбор – это неизбежность, поэтому я ничего не смогу изменить.

- Они поймут, не первый раз. – Брат вышел, оставив меня одну.

Я никогда не думала, что его образ присутствия в бытии настолько приближен к тому образу, который родился во мне после обозрения небытия. Так может в повседневной жизни такой образ присутствия – это обычное явление? Может это только я, как заблудшая овца, зациклившись на семье и материальных ценностях, не обращала внимания на существование более важной причины присутствия в жизни – *реализовывать в бытии индивидуальную составляющую своего внутреннего «я»*? Если я в родном брате не рассмотрела устойчивое и направленное я-мировоззрение, то скольких глубоких и интересных людей я пропустила в жизни?

Возможно в современном психопространстве гармоничные я-психики – это вполне нормальное явление, которое не принимается за сумасшествие? Может, я зря так переживаю и, открывшаяся глубина и масштаб небытия – это не удел избранных, а позиция определенного множества я-психик, которая совершенствует бытие, эволюционной силой выступает в развитии цивилизации? Но тогда почему так несовершенно существование человеческого в сравнении с системой живой материи? А может то, что я принимаю за несовершенство и есть совершенство?

Я окончательно растерялась и запуталась в своих рассуждениях. Подступившая усталость сковала мысли, затормозила активность нейронных комплексов и как в спасательный круг я окунулась в легкую дремоту. Сон – это спасение от наседающих вопросов, от противоречивых рассуждений, он как влажная губка вытирает доску и, проснувшись, ты заново начинаешь писать свои формулы жизни.

Разбудили меня свекровь со свекром. Видимо спросонья, или от неожиданности, но разговор с ними дался мне еще тяжелее, чем с родителями.

- Здравствуй Света, с возвращением тебя. – Голос свекрови почему-то не вызывал сочувствия. Наоборот, в нем я как параноик чувствовала какой-то укор в свой адрес, подтекст, обвинение в случившемся. Мне казалось, что свекровь меня подозревает в преступлении против ее сына, поэтому я внутренне подготавливала себя к тому, что возможно свекровь инициирует расследование причин аварии, и выяснение моей роли в ней. – Как ты себя чувствуешь?

Каждый ее вопрос заставлял меня внутренне содрогаться и искать какие-то подвохи, подтексты. В любую минуту я ожидала прямое обвинение в случившемся.

- Как видите, жива.

- А Дима погиб. – Свекровь заплакала, но тут же заставила себя успокоиться. – Мы сделали все, чтобы тебя спасти, ты единственная осталась у нас в этой жизни.

- Светочка крепись, мы любим тебя. – Свекор всегда был добр ко мне и немногословен. Я знала, что всегда могу рассчитывать на его поддержку, и за это была благодарна ему. Но поведение свекрови по-прежнему не внушало мне доверия.

- Спасибо.

- Мы похоронили их на Байковом кладбище, было очень много людей. – Свекровь говорила о важных для меня событиях, и почему-то с каждым словом недоверие к ней стало исчезать. Она словно открывалась передо мной, обнажалась и я видела только неприкрытую боль и одиночество, страшной действительностью предстоящее перед ней. И в отличие от меня она страшно боялась

этого одиночества и пыталась найти во мне сочувствие и поддержку. Ей нужна была моя помощь, потому что ей не открылось *предназначение* и, лишившись сына и внука, она не могла обрести в этой жизни равновесие и опору. Она открывалась мне с надеждой воссоединить нашу боль, с трепетным ожиданием милосердного участия в судьбе друг друга, ведь любую печаль всегда легче нести вдвоем. Но она не знала, что *Он*, забрав у меня мужа и сына, даровал мне то, что не открылось ей – предназначение. За шаг от смерти *Он* вдохнул в меня понимание цели моей дальнейшей жизни - жить *во* имя них, жить *за* них и жить *вместе* с ними, и я смогла за это зацепиться, использовать в качестве опоры и вернуться назад к жизни. Поэтому моя жизнь после гибели мужа и сына наполнилась еще большим смыслом и содержанием, которые существенно изменили мой старый образ присутствия в бытии.

Мне впервые стало ее по человечески жалко, потому что я поняла, что ее психика лишилась основания и опоры и сейчас находится в полной власти я-подсознания. Чувственно-эмоциональные порывы превращают ее внутренний мир в сплошной хаос, разбивают ранее целостное я-мировоззрение в щепки и грозят опрокинуть остатки «я» в пучины ничто. Но чем я могла ей помочь?

- Вы памятник уже заказали? – я попыталась хоть как-то вернуть ее внутреннему миру устойчивость. Довольно часто решение насущных проблем бытия мобилизует я-психику и помогает ей обрести опору.

- Нет, мы хотели этот вопрос согласовать с тобой. Мы выбрали несколько вариантов, но, безусловно, последнее слово за тобой. Время терпит, поэтому, когда поправишься, выйдешь, мы это все и обсудим.

- Я хочу посмотреть на вами выбранные варианты.

- Светочка, а ты с этим справишься? – с тревогой переспросил свекор.

- Справлюсь. – Мне действительно хотелось с этим закончить, рассчитаться. Я должна была подвести черту под своей прошлой жизнью, отдать последнюю дань уважения своим рано ушедшим из жизни мальчикам.

- Хорошо, мы следующий раз принесем с собою фотографии.

- На похоронах все наши были?

- Да, все друзья, родные, близкие. Что будем делать с водителем самосвала? Он пока в тюрьме сидит. В милиции говорят, ему лет восемь могут дать.

- Он был пьян?

- Нет, совершенно трезв.

- А почему выехал на нашу полосу движения?

- Объясняет, что запутался в дорогах и думал, что успеет перед вами развернуться, ведь дальше начинались разделительные бордюры.

- Но он завернул прямо перед нами, ведь мы ехали не больше шестидесяти километров в час! – Волна возмущения подкатила к горлу, но я вдруг поняла, что этим все равно уже ничего не изменить. Все произошло, уже случилось, поэтому нужно строить новую жизнь, опираться на новые реалии.

- Он не отрицает своей вины и не может объяснить своих действий.

- Приходила его жена. – Свекор старался не смотреть мне в глаза, но его деликатность в этом случае была неуместна. – У них двое маленьких детей, и она не работает.

- Света, мы сказали ей, что все решения будешь принимать ты. – Свекровь мельком взглянула мне в глаза, и я успела заметить глубину ее боли и тот надрыв, который ей с таким трудом удавалось в себе сдерживать.

- Вы считаете, что его нужно простить?

- Света, это тебе нужно принимать решение. Мы маленькие люди, у которых судьба забрала все самое лучшее. Что изменится оттого, что он сядет? Еще в одну семью придет горе.

Я колебалась, потому что ни разу не задумывалась над этим вопросом. А ведь действительно в моих руках сейчас находится судьба человека, который убил моих мальчиков.

- Он действительно был трезв? – для меня это было очень важно, потому что, возможно, это судьба, возможно, все произошедшее не случайно? Мне страшно было думать, углубляться в эту мысль дальше, ведь существование мира *предопределено!* Он опре-

деляет ход развития истории, *Он* играясь управляет нами как марионетками.

- Он был в полном здравии и вменяемости. – Уточнил свекор, видимо понимая важность этой информации для меня.

- Я не хочу брать грех на душу. – Я еще секунду собиралась с мыслями, но потом все же решила – В этом мире все предопределено: что случилось, то случилось, *их* все равно уже не вернуть. – И это «их» словно волшебное слово заколдовало нас всех, остановило течение жизни - мир замер: ни вздохнуть, ни выдохнуть. Еще секунда и каждый из нас мог задохнуться, умереть, но вместо вдоха, вместо возвращения к жизни, нас всех вдруг объединил единый чувственно-эмоциональный порыв, который разорвал все условности, смел границы приличия и вывернул наизнанку наши души – насколько похожими мы оказались в своем горе!

Это было единое горе матери, отца и жены - обнаженное, вырвавшееся наружу, оно не предназначалось для обозрения, не рассчитывалось на сочувствие присутствующих. Оно было безобразно, ужасно, болезненно, отталкивающе, но так типично и похоже, что слилось в единую резонансную силу, которая сорвала все условности, прорвала внутренние стереотипы и запреты. Эмоции выплеснулись наружу и до краев заполнили палату. Свекровь рыдала на моем плече, свекор плакал стоя, не скрывая слез, а я истерично кричала, пытаюсь в крике выхлестнуть всю оставшуюся жизнь, чтобы уйти за ними, чтобы только не остаться в этой жизни одной.

Я не слышала, как вбежали родители, медсестры, как нам сделали уколы, - только почувствовала, что у меня отнимают жизнь, и я проваливаюсь в бездну, в которой мое внутреннее «я» безжалостно линчуют на части. Это было падение в ничто, но вновь такое болезненное и кошмарное, словно в первый раз, словно здесь меня никто не узнавал, и я была для всех совсем чужая. *Он* забирал меня к себе, чтобы восстановить, подлечить, подправить и вновь вернуть в бытие для дальнейшего существования, состоящего из борьбы, побед и поражений...

Глава 11. Человек Эмоциональный

Власть эмоций, стихия эмоций, пик эмоционального возбуждения, переходящий в истощение, в состояние полной прострации - эмоции окружают современного человека, довлеют над ним, руководят. Мы любим, ненавидим, симпатизируем, чувствуем отвращение; нам важны запахи идущие от тела и мы принимаем, внюхиваемся в окружающих, мы ценим чувства и прислушиваемся к ним, мы судим людей по внешнему виду и совершенно не интересуемся их «внутри». Мы ко всему проявляем эмоциональное отношение и эмоционально реагируем на события: улыбка нас поощряет, сдвинутые брови предостерегают, взгляд из-под лобья пугает и настораживает. Мы эмоциональные люди, потому что свое поведение строим, главным образом, на чувственно-эмоциональной составляющей своей психики.

И никто не говорит, что чувствительные или эмоциональные проявления - это плохо, или неправильно. Речь идет о другом - о несоответствии применяемой терминологии к происходящим событиям. Какие основания у современного человека называть себя *Homo Sapiens* - Человеком Разумным и рассуждать о себе, как о достойном представителе разума? С каких это пор чувственно-эмоциональные проявления психики стали приравнивать к аналитической работе, процессу мышления, за которыми стоит активность нейронного ансамбля сознания? Современный человек – это Человек Эмоциональный, в своем развитии предшествующий Человеку Разумному. Это человек, в психике которого доминирует работа нейронного комплекса подсознания, а структура и функции сознания только формируются и проходят первые этапы в своем развитии. Судя из темпа развивающихся событий, потребуется еще

не один десяток тысячелетий, прежде чем Человек Эмоциональный выйдет на стадию Человека Разумного и человек как представитель разумной материи на планете Земля станет соответствовать характеристикам человека, в психике которого преобладает работа сознания. Понадобится не меньше ста пятидесяти смен поколений я-психик, прежде чем поколение современной психики, в результате закономерных эволюционных изменений, достигнет состояния, в котором нейронный ансамбль сознания возьмет под свой контроль большую часть внутриспсихических процессов...

На этот раз я попала в небытие не по *Его* воле, а смытая из бытия неуправляемыми чувственно-эмоциональными порывами. Меня снесло в небытие вышедшей из-под контроля сознания силой нечеловеческой боли, открывшейся глубиной потери любимого человека и ребенка – двух важнейших составляющих моего «старого» образа присутствия в мире. Все, что было для меня важным и дорогим за последние десять лет жизни вдруг восстало из памяти, заявило о себе и на глазах обрушилось, оставив после себя лишь дымящиеся руины, выжженное пространство присутствия и пустоту: гнетущую, уничтожающую, лишаящую всяких перспектив. Видимо поэтому, неузнанная и нежданная я увидела небытие в совершенно ином свете: «глазами» я-мировоззрений людей, которых *Он* не приглашает, а вычищает из бытия. Я впервые увидела небытие как пространство, в котором происходит уничтожение присутствия в себе, небытие как конвейер по утилизации истощившихся, искаженных бытием, «устаревших» я-психик.

Жалкие остатки моего полуразорванного я-мировоззрения после приступа истерики смыло в ничто и как щепку бросало в неспокойном океане небытия, увлекая в незримом молчаливом потоке куда-то вдаль и в глубину. И я не могла сопротивляться, возмущаться столь негостеприимному приему, потому что вся внутренняя энергия сконцентрировалась только на одной цели: выжить, не пойти на дно, не оказаться уничтоженной и утилизированной. Я даже не пыталась обратить на себя внимание, потому что обстановка конвейера была настолько угнетающая и отлажена, что шансов добиться понимания и изменения своей участи у меня совершенно

не было. Слова и обещания в небытии не играли никакой роли, ценились только дела, полноценность реализации творческих потенциалов, коэффициент полезного действия я-психики за время присутствия в бытии. Но все перечисленные показатели в моем прошлом не впечатляли, не могли обратить на себя внимание, потому что я только *собиралась* все исправлять, только *планировала* организовать качественно новое и продуктивное присутствие в бытии. Но небытие четко различало планируемое и конкретно воплощенное, поэтому с остатками моего уцелевшего я-мировоззрения обращались как с бесполезной и пустой вещью, как с отработавшим свое, износившимся механизмом.

Я задыхалась от давления и многоголосья людских судеб, которое исходило из окружающей среды, захлебывалась в остатках освободившейся, неиспользованной в бытии энергии творческих потенциалов. Я успела обратить внимание на огромное количество неиспользованных и нереализованных потенциалов, которые в небытии валялись как ненужный хлам – *сколько всего недостроенного и недоовощенного смывалось в небытие*, какое огромное количество несовершенного в бытии возвращалось назад в небытие! Получалось, что рожденные поколения я-психик, организуя собственное присутствие в бытии, умудрялись не использовать и десятой доли своих внутренних потенциалов, воплощали в присутствие для себя и для других минимум своих внутренних возможностей. Я обнаружила, что люди рождались, жили и умирали, так и не раскрыв себя для жизни, *так и не воплотив в бытии свое внутреннее предназначение*.

Уничтожаемое окружающим давлением, разрываемое освободившимися энергиями, мое внутреннее «я» было готово окончательно развалиться и исчезнуть как целое на просторах небытия. *Я низвергалась к смерти* – и это было столь очевидно, что на какое-то мгновение я потеряла веру в спасение, надежду в свое возрождение, потому что знала, уже видела, чем подобное низвержение заканчивалось для других.

Крайнее беспокорство окружало меня, давило, разбивало о более мелкие фрагменты разорванных я-мировоззрений. Меня кружило и окунало в пучины, в водовороты, лишая возможности осмотреться и понять, куда меня угораздило, где тот монотонный

поток движения небытия, обозреваемый мною ранее? Выкарабкиваясь на поверхность, спасая себя и свою целостность, я не замечала окружающей вселенской боли, потому что в окружающем эмоциональном кошмаре болью было пропитано все, поэтому она была неотделима от существования, она была всем: мною, океаном, бушующими вокруг страстями. На пределе своих возможностей, молча, сконцентрировав все данное мне при рождении, все вложенное в мое «внутри» природой, я карабкалась назад к жизни, выискивая опору под ногами, чтобы опереться на нее или хотя бы зацепиться. Я понимала, что для возрождения к жизни нужен первоначальный толчок, максимальная аккумуляция внутренней энергии, и я усиленно искала эту опору, перебирала всевозможные варианты, но не могла найти.

Я не узнавала небытие: это было совершенно иное состояние, принципиально отличающееся от того, в котором я привыкла быть, присутствовать, обозревать величие первозданного. Окружающие картины небытия уже даже не ужасали – страх настолько въелся в оставшуюся структуру я-мировоззрения, что был неразличим, сросся с болью и представлял собой единое внутреннее страдание. Но мое состояние страдания не походило на обреченность, потому что я действовала, я спасала себя, так как понимала, что обреченность – это не столько причина для самоуничтожения, сколько призыв к действию, к мобилизации всех внутренних сил и спасению. Страдание, несмотря на тяжесть и вес, лично мне несло спасение, потому что заключало в себе перспективу и смысл: страдать во имя чего-то конкретного, страдать во имя спасения и дальнейшего бытия. Для меня страдание имело смысл – я страдала за судьбы своих безвременно ушедших из жизни мальчиков, я страдала за свое спасение и возможность вновь вернуться в бытие и продолжить незавершенные проекты в жизни. И если вокруг, я это отчетливо видела, ниспадающие разорванные частицы я-мировоззрений в большинстве своем безропотно шли на дно и уносились движением небытия, то моя форма страдания извлекала меня из дна, держала на поверхности как спасательный круг, давая верный шанс выстоять, выжить и переждать стихию.

Мое страдание было равносильно жажде жизни, которая не убивала, а наоборот заставляла шаг за шагом покорять выжженную

пустыню. Я смогла остановить собственное низвержение, выстрадала свое спасение и чувствовала, что постепенно все происходящее приобретает некий логически заверченный образ, понимание которого еще не открывалось, ускользало, но в любом случае, уже было безопасно для меня. Несмотря на бушующий вокруг смерч, несмотря на вовлеченность в ужасающий танец смерти, я вдруг обрела уверенность в собственном спасении, я нащупала опору и точку восхождения к бытию - я взяла ситуацию под свой контроль.

Поддерживаемая безумной силой страдания, спасаясь от полного уничтожения нечеловеческой болью стихии, я вдруг смогла абстрагироваться – отвлечься от мелочей и увидеть вокруг себя главное. И обозрение собственного присутствия в этом вселенском хаосе в целом вдруг вызвало прозрение, обнаружило поразительную параллель-сравнение истинного соотношения в бытии разума и эмоций, возможностей я-сознания и я-подсознания. Это было как мгновенное озарение, *просветление!* Мне вдруг приоткрылось понимание того, что бушующий вокруг океан небытия, неуправляемая стихия хаоса, наводящая ужас и дробящая гранит я-мировоззрений на мелкие песчинки – это и есть чувственно-эмоциональная составляющая психики, а то, что осталось от моего я-мировоззрения, та целостная и неделимая далее частица моего присутствия в безбрежном океане эмоций - это и был разум, доля сознания в комплексной работе современной я-психики. Именно столько места в Человеке Эмоциональном занимал Человек Разумный, именно в таком соотношении доля сознательной деятельности присутствовала в активности бессознательного. Я смогла спастись и не захлебнуться в бушующих энергиях я-подсознания, только по одной причине - в моей психике я-сознание занимало более важное место, чем в психиках других людей.

И как только во мне открылось это понимание, как только на меня снизошло это озарение, окружающее безумие вдруг полностью исчезло: декорации сменились, а я оказалась на своем месте, на зрелище. Вместо беспокойства, страдания, хаоса и боли я обзревала мерное движение небытия. Небытие вновь предстало в своем величии и вызывающем восхищении могуществе. Оказывается, *Он* на примере показал мне истинное место человеческого разума в

масштабах активности чувственно-эмоциональной составляющей современной психики.

Возвращение на свое место в партер и обозрение потока небытия не снизило значимости вопроса о современной ступени развития человечества. Наоборот, я по-прежнему оставалась под впечатлением от контраста, от испытанного на себе ужаса истинной значимости в существовании человека чувственно-эмоциональной составляющей я-психики. Так каково истинное место человека на кону собственной истории? Кто я: Человек Эмоциональный или Человек Разумный?

Как в зеркало я смотрела на поток *существования мира* и понимала, что процесс эволюции психики в масштабах Земли проходил только первые этапы: на это указывали и состояние основы существования человечества, и преобладающее состояние неупорядоченности в этом существовании. Человечество только вступало в полосу своего становления и космической истории. Его первооснова - психика в своем развитии проходила только первые этапы становления, закономерно отлаживая и развивая внутренние механизмы, осваивая и совершенствуя сферу своего присутствия в масштабах отдельного материального объекта.

Как целое и постоянно совершенствующееся, я вдруг обозрела прошлое, настоящее и будущее человечества, три основных стадии в его развитии: Человек Примитивный, Человек Эмоциональный и Человек Разумный. Названия вытекали из образов, чередой прошедших в обозрении, причем за внешними характеристиками, за особенностями физиологии, морфологии и анатомии, четко просматривалась эволюция содержания – психики. Очередной раз мне открылось, что не труд превратил обезьяну в человека, как нас поколение за поколением учили в средних и высших учебных заведениях на протяжении всего XX столетия, а закономерная эволюция нейронных ансамблей головного мозга выделила Человека Примитивного из отряда приматов. Труд являлся лишь следствием тех закономерных внутриспсихических изменений, которые поколение за поколением предопределенно происходили и происходят в мозге человека.

Мне вдруг захотелось понять, а какие именно изменения произошли в психике человека? Какие процессы, особенно за последние тысячелетия, стимулировали прогресс человечества? И действительно ли, то, что происходит с человечеством и сферой его существования *прогрессивно*, т.е. более совершенно, полезно и целесообразно?

И образы-ответы, как и в большинстве случаев, тут же были представлены мне для обозрения. Сразу открылось понимание последнего вопроса – *человечество действительно прогрессирует*. Та разрушительная деятельность, которую Человек Эмоциональный проводит по отношению к предстоящему миру, как не удивительно, как раз и является прогрессом: переходом от более низкой ступени развития к более высокой, от менее совершенной к более совершенной. Человечество, используя все доступные и возможные способы, опираясь на внутренние творческие потенциалы и созданные средства труда, интенсивно формирует пространство собственного присутствия в масштабах Земли. Все то, что воспринимается как разрушение, уничтожение, экологические катастрофы и т.п. – это, возможно хаотичное и несовершенное, но последовательно организуемое присутствие психического пространства для себя и для других, *преобразование* чужой системы присутствия в сферу собственного присутствия. Эволюционирующая психика, опираясь на новые нейронные структуры и открывшиеся функции, воплощает более совершенное присутствие в себе в более качественном присутствии для себя и для других. Причем качество организации бытия измеряется степенью совершенства психики. Каждое новое поколение психик, в силу внутренних закономерных изменений воспринимает бытие как уже устаревшую и несовершенную сферу присутствия, и стремится ее изменить, перестроить на свой лад, под новые открывшиеся возможности.

Прогресс человечества обеспечивается закономерной связью между логикоинформационным предопределением и существованием предшествующих состояний материи, которая через изменения в присутствии в себе, при помощи творческих потенциалов, присутствия для себя и для других изменяет сферу присутствия психики в мире - ноосферу. Прогресс человечества обеспечен закономерным, предопределенным и последовательным совершенством

самой психики, которое через внешний образ присутствия обнаруживает себя в масштабах Земли.

Когда общество рассматривает степень изменений в системе живой материи как критерий оценки совершенства или несовершенства человеческой деятельности, то следует признать, что действительно, система живой материи является материнской системой, на основе которой стало возможным формирование первичных структур разумной материи. Но ребенок не просто рождается, он растет и развивается, ему нужно все больше вещества, энергии и пространства, для того, чтобы развернуться, заявить о себе, организовать собственное присутствие и присутствие следующих поколений. Как и все дети, для своих нужд ребенок берет то, что наиболее доступно, что находится рядом, что с материнской заботой ему уступают и предоставляют даже во вред себе.

Именно поэтому первые этапы развития ноосферы закономерно связаны с противостоянием с материнской системой, когда биосфера, под воздействием эмоциональной, часто несовершенной, непоследовательной и необоснованно разрушительной деятельности человека вынужденно преобразуется, изменяется, значительно перестраивается. Но на фоне происходящей реорганизации системы живой материи происходит формирование и развитие качественно нового пространства присутствия - ноосферы. Только по причине того, что современное общество находится на стадии Человека Эмоционального отношения между разумной и живой материей в масштабах Земли столь напряженные. В дальнейшем, и на это указывает ход истории, по мере приближения человечества к стадии Человека Разумного, взаимодействие эволюционирующей ноосферы с биосферой Земли станет гармоничным, партнерским и взаимоуважительным. Но смысл присутствия в мире Человека Эмоционального как раз и заключается в том, чтобы благодаря преобладающей работе подсознания, в гораздо меньшей степени связанной с самоанализом и самоконтролем, столь дерзко, агрессивно и нагло завоевывать и перестраивать все то, что послужило причиной появления человека в мире. Только Человек Эмоциональный может проявить такую неблагодарность и коварство по отношению к материнской системе, при этом, не мучаясь и не переживаясь укорами совести. Человек Разумный в силу большего со-

вершенства присутствия в себе и соответственно присутствия для себя и для других на это не способен. Но именно поэтому освоение пространства жизни и преобразование его в ноосферу для Человека Эмоционального является прогрессивной деятельностью и он для этого предназначен природой, а для Человека Разумного, такая деятельность расценивалась бы как неоправданно разрушительная, деструктивная.

Человек Эмоциональный будет противопоставлять свою деятельность активности биосферы ровно столько, сколько требуется для становления ноосферы в границах присутствия системы живой материи. По мере стабилизации присутствия системы разума в масштабах биосферы спадет и накал во взаимоотношениях между дочерней и материнской состояниями материи. В своей активности, выйдя за масштабы Земли, Человек Разумный с трепетом и сыновней почтительностью станет относиться ко всему тому, что останется от «прогрессивного развития» Человека Эмоционального. А этого «оставшегося» будет много, потому что даже частичное разрушение системы жизни активностью психопространства в принципе невозможно, потому что система живой материи - это единственно возможная среда существования для структур разумной материи. Малейшие нарушения в функциональной активности среды повлекут за собой массовую гибель структур разумной материи. А в существовании мира самоуничтожение состояний материи не предусмотрено.

В какой-то степени ответ о прогрессивном характере современной деятельности Человека Эмоционального пролил свет и на задачи стоящие перед ним. А ведь действительно, активность я-подсознания настолько мобильна и легко акцентируется, что только она на первых этапах формирования ноосферы может достойно противостоять организации и мощи системы живой материи. Нейронный ансамбль подсознания моментально реагирует на внешний стимул-раздражитель, причем, чем сильнее воздействие, тем масштабней ответная реакция я-подсознания. Только Человек Эмоциональный ослепленный жадой деятельности и преувеличенной самооценкой, может изменять русла рек и влиять на скорость потока воды в них; пытаться озеленить пустыни и осушить болота; вырубить тысячи гектаров лесов и уничтожить не меньшее количество

видов животных и растений. Только Человек Эмоциональный может безрассудно разрушать биогеоценозы и воздействовать на целые экосистемы планеты, вмешиваться в циклы литосферы, гидросферы и атмосферы, при этом, совершенно не задумываясь о последствиях подобного вмешательства. Только чувственно-эмоциональная составляющая психики в состоянии принять вызов природы как раздражитель и слепо, часто неадекватно на него ответить.

Человек Эмоциональный по своей природе варвар-разрушитель, но парадокс заключается в том, что именно в этом заключается одна из основных его функций присутствия в мире. Человек Эмоциональный действительно разрушает окружающий мир природы, но без этого он не может расчистить пространство для организации собственного присутствия, для ноосферы. Человек Эмоциональный безжалостно уничтожает созданное предыдущими поколениями, но на месте уничтоженного он возводит новые строения, тем самым, совершенствуя структуру ноосферы, выводя на новые уровни совершенства присутствие в бытии и само бытие. Человек Эмоциональный разрушает даже результаты своих творческих проявлений, но в этом проявляются особенности акта его творения – желание постоянно совершенствовать себя и формы, в которых я-психика являет себя миру.

Образ Человека Эмоционального как разрушителя – это прогрессивный образ, за которым стоит доминирование я-подсознания, которое лишено самоанализа, сомнения, глубокого продумывания. Функция разрушения у Человека Эмоционального проявляется не как акт уничтожения, не как потребность сеять смерть и деструктивность, а как вызов, как *предназначение и долженствование*. Чем серьезнее вызов, брошенный Человеку Эмоциональному из предстоящего внешнего мира, тем жестче ответ, масштабней преобразовательная деятельность психического пространства. В этом случае активированное подсознание мобилизует все внутренние потенциалы психики и идет на вызов. Психика Человека Эмоционального не ищет компромиссных решений, не разбирается с причинами вызова и последствиями противостояния, а в большинстве своем тут же противопоставляет себя вызвавшей стороне и, мобилизуя как потенциалы присутствия в себе, так и возможности

присутствия для себя и для других, спешит устранить вызов как раздражитель.

Действительно, очень часто ответ несоизмерим с масштабом вызова - чем совершеннее структура цивилизации, тем шире возможности ответов на вызовы. Для Человека Эмоционального вызов внешнего мира, это как наркотик, стимулирующий его внутренние потенциалы, пробуждающий масштабные возможности нейронного комплекса подсознания и формирующегося сознания. Но ноосфера совершенствуется, присутствие психопространства в масштабах системы живой материи становится устойчивей и безопасней для существования психики. И чем реже вызовы, тем больше искушения проявить свои возможности, тем реальней неадекватность ответа на внешний стимул-раздражитель...

Открывшееся понимание предназначения Человека Эмоционального преобразовывать материнскую систему живой материи во имя формирования сферы собственного присутствия в мире высветлило и образ-ответ на основной вопрос: какие основные изменения произошли в психике за последние тысячелетия? Мне открылось понимание того, что психопространство, как новая качественная организация в масштабах Земли, состоит в тесной взаимосвязи, как с системой живой материи, так и с существованием мира в целом. Появление психопространства вызвано эволюцией системы живой материи, а развитие обусловлено уже не только постоянно совершенствующимся сосуществованием с живой материей, но и эволюцией собственной сферы присутствия - ноосферы. Развиваясь под воздействием законов эволюции разумной материи, психопространство, тем не менее, находится под постоянным прессингом и в среде преобладающего влияния законов живой и косной материи. Именно преобладающее влияние законов предшествующих состояний материи, которые по отношению к психопространству выступают как внешняя среда, определяют направленность эволюции психопространства и в частности, нейронных структур, которые не непосредственно реагируют на воздействие из внешнего мира, а *опосредованно*, опираясь на сложившуюся внутреннюю информационную базу, на комплекс устойчивых информационных ассоциаций.

ций, на я-мировоззрение. Речь идет о том, что последние тысячелетия в психике закономерно и предопределенно формировались новые нейронные структуры, которые с одной стороны, подчиняли себе, брали под свой контроль порывы я-подсознания, при этом, используя его возможности, с другой стороны, значительно повышали степень реализации внутренних творческих потенциалов в бытии, усиливая степень значимости присутствия я-психики в мире. Речь идет о формировании и интенсивном развитии на основе нейронного комплекса подсознания нейронных структур, которые в совокупности образовали систему, получившую название *сознание*. Я обнаружила, что переход от Человека Примитивного к Человеку Эмоциональному связан с формированием на основе подсознания нейронного комплекса подсознания, а переход от Человека Эмоционального к Человеку Разумному однозначно связан с дальнейшей эволюцией подсознания и формированием и развитием на его основе нейронных комплексов сознания. По ходу эволюции Человека Эмоционального, которая началась не более ста тысяч лет назад, чувственно-эмоциональная деятельность психики становится все более контролируемой со стороны структур нейронного ансамбля сознания, и именно в усилении контроля над подсознанием просматривается генеральная линия эволюции разумной материи в масштабах Земли.

Но что представляет собой *сознание*? Сознание - это не просто множество «старых» и «новых» нейронных структур, объединенных в единую систему, это, прежде всего, совершенно новый нейронный процесс, просматривающийся в ранее нехарактерных для психики функциях. Как озарение, я восприняла, что основная функция сознания заключается в том, чтобы *встать между внешним миром и природной мощью подсознания*. Сознание – это новейшая нейронная система, использующая в своих целях как естественную мощь предшествующих двух состояний материи, своими системами воздействующих на психику, так и возможности подсознания, предопределенно заложенные в психику эволюционирующим Мирозданием. Сознание эти две силы аккумулирует и использует в своей активности, поэтому, при должном совершенстве его потенциал возрастает вдвое. Сила сознания состоит в том, что оно

обуздывает природную мощь подсознания, а воздействие внешнего мира впервые получает целый ряд дальнейших вариантов развития:

Во-первых, за счет изменившихся распределений (совершенства таламических ядер и других неонейронных структур), воздействие внешней среды приходится не на нейронные структуры подсознания, а поступает первоначально в нейронные комплексы, входящие в структуру сознания, которые уже по своему усмотрению направляют его или в я-подсознание, причем значительно снизив его энергетическое воздействие и контролируя его протекание, либо же в свои структуры.

Во-вторых, любое воздействие внешней среды кодируется – переводится на язык символов, знаков и понятий, на котором работает психика. Все процессы, которые воздействуют на психику становятся узнаваемы и идентифицируемы.

В-третьих, если воздействие на я-психику было направлено в я-подсознание, то оно не вызывает мобилизацию внутриспсихической энергии, а запечатляется в нейронных объединениях памяти, образуя бессознательное начало психики. Бессознательное – это множество кодированной информации, которое хранится в я-психике, лишь изредка вовлекаясь в работу я-сознанием. Причем бессознательное – это не пассивное начало в психике. На стадии Человека Эмоционального бессознательное играет важную роль в активности я-психики, своими проявлениями подчеркивая приоритет работы я-подсознания. Чем больше пласт бессознательного в я-психике, тем она менее совершенна.

В-четвертых, если воздействие на я-психику было направлено в я-сознание, оно тоже кодируется, становится идентифицируемым, но откладывается во внутреннюю информационную базу. Внутренняя информационная база – это объем информации, который за годы онтогенеза прошел через я-сознание и запечатлелся в нейронных объединениях долговременной памяти. В зависимости от степени и частоты воздействия стимула-раздражителя, он может откладываться не только во внутренней информационной базе, но и образовывать устойчивые стереотипы, совокупность которых образует я-мировоззрение, или внутреннюю систему взглядов, через призму которой я-психика воспринимает воздействие внешней среды.

Сознание имеет свой внутренний источник энергии, который, несмотря на свои невысокие параметры, тем не менее, в состоянии самостоятельно пробуждать природные силы подсознания и вызывать внутреннюю активацию мозга. По мере эволюции сознания значение внешней стимуляции на мозг снижается, а активность внутренней информационной базы - я-мировоззрения - повышается. Постепенно я-психика из организации *реагирующей* на изменения внешнего мира, превращается в организацию, *воздействующую* на внешний мир. После формирования нейронного ансамбля сознания я-психика впервые получила возможность направлять энергию внутренних потенциалов на решение задач, практически не связанных с активностью внешней среды, а инициированных исключительно внутренними потребностями. Из вторичной, подчиненной организации я-психика превратилась в организацию лидирующую, преобразующую и организующую. Как только активность сознания в деятельности я-психики начнет преобладать над активностью подсознания, можно говорить о переходе Человека Эмоционального на стадию Человека Разумного.

Обозревая из небытия современный уровень развития общества, я обнаружила, по крайней мере, *три основных доказательства* доминирования в я-психике современных людей я-подсознания. Первое доказательство, *это до сих пор просматривающийся в обществе культ я-тела*. Самоидентификация психики, собственно, обнаружение себя как я-психики и реализация внутреннего «я» в соответствующем образе присутствия в бытии, требует целенаправленной активности я-сознания. Мало обнаружить свою индивидуальность внутри, ее нужно показать окружающим в соответствующем целостном образе и отстоять право на индивидуальное существование этого образа в психпространстве. Но многие психики в силу несовершенства я-мировоззрения, и соответственно, несовершенной деятельности я-сознания, не в состоянии этого сделать, поэтому и проявляют себя в образах с более упрощенными, нейтральными характеристиками. Одно дело показать и доказать, что твой мир совершенен на уровне психики: ума и души, совершенно другое, пустить пыль в глаза совершенным телом, в на-

дежде, что окружающие не разберут проблемы в развитии ума и духовности.

Забота о теле, фетиш тела берет начало в несовершенстве психики. Одни озабочены красотой тела, другие перенимаются телом как гарантом собственного здоровья, третьи используют тело как орудие для удовлетворения материальных потребностей, для четвертых, тело – товар, для пятых – средство коммуникации. Но как ни рассматривать тело и его использование в бытии, за всем этим стоит неготовность психики выйти на первый план и заявить о себе. Тело опосредует психику, позволяет ей оставаться в тени и не рисковать своим неустойчивым внутренним миром. Для несовершенной психики тело гиперболизируется и предстает в образе, который нужно лелеять, совершенствовать и оберегать. *Тело превращается в образ, который нуждается в заботе.* И как только психика находит в теле образ, нуждающийся в заботе, она начинает воплощать себя в нем, реализовывать в нем свои внутренние потенциалы. Для я-психики тело-как-забота превращается в ширму, за которой можно комфортно существовать в бытии, не выделяться и не показывать свою слабость. Между я-мировоззрением, как внутренней системой взглядов и я-телом, как образом, нуждающимся в заботе, налаживается информационное соответствие. Я-тело превращается в смысл жизни и деятельности я-психики, причем, чем старше становится тело, тем больше заботы по отношению к нему проявляет я-психика, потому что старение вызывает еще большую тревогу за его будущее существование. В свою очередь, чем больше тревоги и заботы о своем теле проявляет я-психика, тем ограниченной она становится. Тело, как музыкальный инструмент пробуждает в я-психике чувства и эмоции, которые связаны с я-подсознанием и практически не активируют работу сознания. Поэтому каждый год прожитой жизни тело-как-забота развивает я-подсознание, все больше связывается с чувственно-эмоциональной составляющей психики, и меньше прибегает к возможностям я-сознания. Я-психика начинает чувствовать тело, любить и баловать тело и эта потребность становится преобладающей, застилающей все остальные возможности я-психики.

Организация присутствия психики в образе тело-как-забота – это закономерное состояние для Человека Эмоционального, но

это в своем роде и болезнь для психики, потому что, найдя более легкий путь для организации присутствия для себя и для других, я-психика пренебрегает всеми остальными возможностями. «В здоровом теле – здоровый дух» - это девиз Человека Эмоционального, потому что для Человека Разумного тело не имеет такой значимости. Для него оно превращается не более чем в форму, в которой я-психика организует свое вынужденное и временное присутствие в бытии, и как форма я-тело просто не может быть нездорово. Совершенная я-психика не может допустить слабость собственного тела, потому что в этом случае, это уже не полноценная я-психика. Гармония между умом, душой и телом – это важнейшая характеристика совершенной я-психики, поэтому, чрезмерное преобладание одной из составляющих этой триады, или же, наоборот, – пренебрежение, подчеркивает только степень несовершенства я-психики.

Второе доказательство доминирования в я-психике современных людей я-подсознания связано с *преобладанием в активности людей труда, а не творчества*. Труд - это форма деятельности Человека Эмоционального, связанная с *коллективным* освоением предстоящего мира. Я очередной раз обнаружила, что психики с доминирующим я-подсознанием склонны к объединению, массовости. Это как раз уровень человеко-массы, в котором чувственно-эмоциональные составляющие психик сливаются в единый хор и массово реагируют на брошенные извне вызовы. Они слишком несовершенны для индивидуального противостояния внешнему миру, их сила в сплоченности, взаимодополняемости и взаимозаменяемости.

Труд - это продукт существования массы, когда психика с преобладающим я-подсознанием вынуждена реализовывать внутренние потенциалы, не исходя из особенностей формирования внутреннего «я», а по принуждению, руководствуясь потребностями массы. С одной стороны, в массе я-психика находит своеобразную защиту и благоприятную среду существования, с другой стороны, за присутствие в этой среде она вынуждена рассчитывать трудом, жертвовать временем своей жизни и принципами, во благо интересов массы. Безусловно, масса оставляет право выбора направлений для реализации внутренних потенциалов, но варианты выбора ограничены. Масса инертна и консервативна, поэтому в труде я-психики лишены возможности полноценно реализовывать внут-

ренние потенциалы. Сам труд, как форма активности я-психики в массе – ограничен, потому что я-психика в массе не самостоятельна, она прочно связана с другими я-психиками и всегда зависима от их активности и состояния. Каждой я-психике требуется немалых усилий для того, чтобы хотя бы частично реализовать присутствие в себе в образе присутствия для себя и для других, при этом, сохранить целостность этого образа в равнодушном и жестоком окружении массы.

Труд – это в большинстве своем или навязанная обществом форма проявления внутренней активности я-психики, или корректируемая, направляемая деятельность. Труд отличается от творчества тем, что в нем доминирует не столько *потребность* действовать, сколько *необходимость* действовать. Причем очень часто *потребность* я-психики в активности несовместима с *необходимостью* действовать, что приводит к тяжелейшим внутриспсихическим стрессам. Я-психика не находит соответствующее пространство для реализации внутренних творческих потенциалов и внутренние потенциалы разрушают я-мировоззрение, освобождая дорогу еще большему влиянию в психике я-подсознания.

В отличие от труда, как формы проявления внутренней активности я-психики в массе, творчество, сугубо индивидуально. Это уже преобладающая активность я-сознания и я-мировоззрения, которые формируют индивидуальное проявление я-психики в бытии. Творчество – это форма деятельности, связанная с непосредственным проявлением внутренних творческих потенциалов, которые во внешнем образе присутствия материализуются и приобретают конечные формы. Если труд, как форма проявления внутренней активности психики инициирован, прежде всего, потребностью общества в тех или иных продуктах труда, и обязательно должен быть *утилитарным, полезным*, то творчество инициируется сознательной деятельностью, внутренними потенциалами, природной необходимостью отдельно взятой психики воплотить свое внутреннее «я» в бытии, поэтому оно не всегда согласовано с потребностями общества, но при этом обязательно носит ярко выраженный индивидуальный характер.

И, наконец, третье доказательство доминирования в я-психике современных людей я-подсознания связано с *особеннос-*

тью мышления. Ретроспективно анализируя историю развития психики, я обнаружила следующие этапы эволюции мышления: предметно-действенное и наглядно-образное мышление, характерное для стадии Человека Примитивного, и абстрактное мышление, присущее Человеку Эмоциональному. Действительно, факт формирования структуры сознания в психике привел к возникновению качественно новой функции – абстрагированию. Психика Человека Эмоционального получила возможность в процессах мышления и познания отвлекаться от несущественных, второстепенных свойств предметов и явлений с целью выделения их более важных, основных свойств. Это привело к снижению зависимости психики от воздействий со стороны внешнего мира и открытию возможности организовать свою активность на основе внутренних потенциалов и внутренней информационной базы. Нейронный ансамбль сознания значительно снизил значимость внешних стимулов-раздражителей и актуализировал значение внутренних стимулов – слов и словосочетаний. Психика стала больше самостоятельна и разнопланова в своей работе.

Но если присмотреться к особенностям развития абстрактного мышления на стадии Человека Эмоционального, отследить его эволюцию по внешним проявлениям, то обнаружится, что в развитии абстрактного мышления можно выделить две основные ступени. Первая ступень, это прошлое, настоящее и, частично, ближайшее будущее Человека Эмоционального – *тактическое абстрактное мышление*. Вторая ступень, по-видимому, также связанная со стадией Человека Эмоционального, но только в более далекой перспективе – это *стратегическое абстрактное мышление*.

Тактическое абстрактное мышление включает в себя следующие основные характеристики:

1) Связь информации с эмоциями: чем ярче эмоциональность информации, тем легче она запоминается. Психика Человека Эмоционального чрезмерно *сопереживает* явлению или процессу, выделяя в нем, главным образом, информацию яркую, сюжетную, впечатлительную, причем часто это происходит в ущерб ее объективности и содержательности. Я-психика воспринимает, прежде всего, информацию с высоким эмоциональным накалом и именно эту информацию она ставит во главу процесса мышления.

2) Работа с ограниченным объемом информации. В большинстве своем, я-психика Человека Эмоционального задействует в ходе процесса мышления ограниченный объем информации, так как информации с высоким эмоциональным накалом для психики не может быть много – в этом случае она начинает конкурировать друг с другом и терять свою эмоциональную окраску. Кроме того, на стадии Человека Эмоционального сознание несовершенно, поэтому не в состоянии продолжительное время поддерживать очаг возбуждения и совершать аналитическую работу.

3) Работа с поверхностной информацией, которая в лучшем случае ближе к научно-популярному стилю изложения, публицистике. Как правило, я-психика Человека Эмоционального в процессе мышления не использует глубоко и всесторонне аргументированную научную информацию. Одна из причин пренебрежения научной информацией заключается в высокой степени «шумов», окружающих психику Человека Эмоционального во время мыслительного процесса. Современные люди, как правило, мыслят в условиях постоянной суеты и окружающего хаоса, принимают решения в спешке и накоротке, отвергая условия одиночества и тишины. В условиях искусственно созданного информационного бума теряется глубина мысли и мудрость прошлых поколений. Современные информационные технологии увеличивают скорость передачи информации, убыстряют обмен информацией, превращая процесс познания мира *не в знание и понимание*, а в простую *информированность*. В нерегулируемом информационном круговороте я-психики вынуждены использовать наиболее доступную, легко узнаваемую, запоминаемую и наиболее повторяемую (рекламируемую) информацию, которая при более тщательной проверке, в большинстве своем, оказывается недостоверной или поверхностной. Информированность обеспечивает не качество используемой информации, и даже не объем, а ее доступность, массовость и скорость ознакомления, когда недельной давности информация, сегодня становится уже не актуальной.

4) Решение текущих проблем в ущерб перспективе. Важная особенность я-психики Человека Эмоционального заключается в том, что она живет преимущественно настоящим. Внутренняя и внешняя эмоциональная загруженность до такой степени «забыва-

ют» психику насущными проблемами, что она не в состоянии работать на перспективу. Она предпочитает девиз: «лучше синица в руках, чем журавль в небе», т.е. всегда отдает предпочтение удовлетворению насущных проблем, решению актуальных «именно сейчас и здесь» задач, видя в этом оперативность и мобильность психических процессов. И, в принципе, иные варианты решений в сложившихся условиях бытия невозможны, потому что прогнозирование требует устойчивости и преемственности текущего существования. А если их нет, то любые прогнозы – это пустая трата времени, на «нет» сводящая значимость я-психики.

5) Прогнозируемость деятельности от года до пяти лет. Зависимость от эмоционального накала информации, склонность к работе с информацией, носящей поверхностный, неустойчивый, временный характер, делает невозможным длительное, стратегическое прогнозирование и, соответственно, актуализирует кратковременный, тактический прогноз. Я-психика Человека Эмоционального не в состоянии планировать и достигать конечных результатов в больших масштабах и на далекие сроки. Отсутствие преемственности в деятельности, раздираемые противоречия как внутри психики, так и в обществе, нежелание продолжать начатое другими, мелочность, непостоянство желаний и целей, неуверенность в себе и в завтрашнем дне, склонность к праздности и доступному, боязнь выделиться из массы и поклонение массовым ценностям, слабая дисциплина на уровне психики и общества, неготовность пожертвовать настоящим во имя будущего, отсутствие заставления и принуждения – все это и многое другое суживает масштаб перспективы, обрывает его на коротких сроках и не позволяет заглядывать в далекое будущее.

В целом, тактическое абстрактное мышление, с одной стороны, является следствием закономерной эволюции психики и ее нейронных структур, и в этом плане оно отображает только степень внутреннего совершенства психики, с другой стороны, формирует особенности текущего бытия. Функционально, тактическое абстрактное мышление проявляется в неспособности я-психики воспринять существование, т.е. движение бытия, как целостный непрерывный процесс. Несовершенство я-психики, поверхностная и непоследовательная работа с информационной средой, информати-

вность и суетливость, позволяет Человеку Эмоциональному только выхватывать фрагменты этого существования, обналичивать их, материализовывать и по ним слагать представление о существовании. Тактическое абстрактное мышление фиксирует лишь эпизоды текущего бытия, не в состоянии обозреть его глубины, масштаба и будущего.

Вторая ступень развития процесса мышления связана с более поздними этапами стадии Человека Эмоционального – это *стратегическое абстрактное мышление*. Не исключено, что этот этап берет начало в современном обществе, но своего доминирования, массовости, достигнет в далеком будущем. К основным характеристикам стратегического абстрактного мышления относятся:

1) Приоритетная работа с качественной, главным образом, научной информацией. Этот аспект я понимала четко и ясно, и он был важен, потому что разница между научной и научно-популярной информацией, которая, в лучшем случае используется в ходе тактического абстрактного мышления, огромная. Научная информация – это всесторонне аргументированная информация, максимально приближенная к критериям истины. В большинстве своем она проверена экспериментально, или доказана на работе мыслительных моделей, причем в работах разных авторов. В работе с качественной, научной информацией важна аргументация: ее масштаб и глубина. Именно по этой причине, данная информация устойчива в применении, и прогнозы, которые основываются на ней, более продолжительны во времени.

2) Всесторонний анализ возникающих проблем и их изучение на междисциплинарном уровне. По большому счету, любое явление или процесс, происходящий в материальном мире, универсален и не является объектом исследования отдельно взятой научной дисциплины. Это разделение придумал человек и сам же от него страдает, потому что любое изучение явления или процесса с позиций одной научной дисциплины приводит к искаженному и фрагментарному пониманию. Стратегическое абстрактное мышление предполагает обязательное привлечение междисциплинарных исследований, тем самым, формируя действенную модель или образ рассматриваемой проблемы. Только междисциплинарный синтез знания в состоянии дать полное представление о возникшей про-

блеме, раскрыть ее содержание и высветить ее в процессе, в непрерывном течении, - в *существовании*.

3) Значительное увеличение объема, содержательности и объективности информации, используемой в процессе мышления. Как только количество и качество информации станет приоритетным в работе я-психики, увеличится продуктивность и эффективность ее работы. Психика перестает зависеть от собственной чувственно-эмоциональной составляющей и сконцентрируется только на активации информации, гарантирующей принятие качественных решений. Не эмоциональное отношение к проблеме, а качество и эффективность решения станет приоритетом в работе психики.

4) Решение текущих проблем с обязательным учетом перспектив. Часто принятое и готовое к воплощению решение, если рассмотреть его через призму перспективы значительно изменяется и корректируется, потому что, деятельность, представляющаяся эффективной и целесообразной в настоящем с учетом перспектив обнаруживает в себе множество деструктивных проявлений. В настоящее время Человек Эмоциональный в силу несовершенства психики не в состоянии связывать принятые решения с перспективным развитием ноосферы. Он не только не видит самой перспективы, он не может планировать свою деятельность и *заставлять* следовать себя намеченным планам.

Стратегическое абстрактное мышление позволяет принимать решения по текущим задачам с учетом перспектив, т.е. «видеть» и, соответственно, учитывать последствия принятых решений. И чем дальше видение перспективы, тем совершенней психика, тем, соответственно, качественнее принятые решения. С точки зрения стратегического абстрактного мышления нет оправдания решению, которое решает проблему «здесь и сейчас», но в перспективе приводит к негативным последствиям. Для психического пространства и психик его образующих важно не столько настоящее, потому что оно уже есть и существует, сколько будущее, потому что последовательный переход из настоящего в будущее, возможен только в том случае, если все решения, принятые в настоящем ориентированы на перспективу.

5) Прогнозирование деятельности на десятилетия. Как только я-психика переходит на работу с научной, качественной ин-

формацией и принимает решения с учетом перспектив, прогнозирование становится возможным на значительно продолжительные сроки, причем в стратегическом, глобальном масштабе. Качественная информация гарантирует устойчивость принятых решений и, соответственно, возможность строить на их основе более масштабные модели с учетом близких и далеких перспектив. Построение таких моделей требует знание космического прошлого, настоящего и будущего человечества; места человека в масштабах Земли и космоса; понимание смысла человеческого существования и задач, стоящих перед ним и цивилизацией. Стратегическое абстрактное мышление – это мышление масштабами народа, государства, цивилизации, на десятилетия вперед. И возможность подобного мышления выводит цивилизацию на качественно новый уровень совершенства, гарантирует освоение близлежащего космического пространства и организацию далеких космических путешествий.

В целом, стратегическое абстрактное мышление указывает на перспективу эволюции современного человека. Возможно, человек еще будет оставаться на стадии Человека Эмоционального, но в любом случае, степень совершенства психики, психопространства и ноосферы, выйдет на новый уровень совершенства.

Функционально, стратегическое абстрактное мышление должно позволить человечеству обозреть *существование*, т.е. мир в движении, в целостности. Человечество привыкнет работать с качественной и содержательной информацией, и судить о явлениях и процессах опираясь на знание глубин и масштабы *существования мира*. Разобравшись в особенностях существования первозданного, определив свое место в масштабах Земли и космоса, человечество в качественно новом свете увидит структуру Мироздания. И эта открывшаяся глубина позволит ему «влиться» в существование мира, соединиться с его огромными потенциалами, и выйти на те рубежи, на которых находятся иные формы разумной материи представленные в существовании мира.

Пристально всматриваясь в небытие я открыла, что поток разорванных я-мировоззрений ушедших поколений представлял собой совокупность эмоциональных составляющих, которые в не-

бытию не имели никакой ценности. Человек Эмоциональный рождался, жил и умирал, возможно, и, выполняя свое предназначение в бытии, но для небытия все его *индивидуальные* свершения в силу малозначимости не представляли значения. Как и в бытии для небытия Человек Эмоциональный имел значимость как сила, масса, но не как *индивидуальность*.

И тут же возник вопрос: неужели основа существования человечества в небытии, которую я так долго не могла высветить и идентифицировать – это разорванные я-мировоззрения более совершенных психик? Ведь действительно «фундаментальность», связана с приоритетом творческой активности и стратегическим абстрактным мышлением, с я-психикой более высокого уровня внутреннего совершенства, специализирующейся на качественно новом подходе к информационной среде. Это не *информативность* психического пространства, когда психики вынуждены справляться с нерегулируемыми потоками упрощенной, массовой, доступной информации, которые по интенсивно совершенствующимся каналам связи навязываются психике и как «спам» забивают ее, отвлекая от спокойной, уравновешенной аналитической работы. «Фундаментальность» психической активности и качественно новый подход к информационной среде заключается в том, что доведенные до совершенства каналы связи используются только для передачи *качественной* информации, для обмена *аргументацией*, всестороннего обсуждения стоящих на повестке дня вопросов с целью их оперативного решения. Формирующиеся на современном этапе каналы связи призваны, прежде всего, объединить психическое пространство, решить проблему расстояния в масштабах цивилизации и возможности быстрого доступа к открытиям и результатам исследований. Совершенствующимся каналам связи объединяют, сортируют и систематизируют качественную информацию, способствуют творческой реализации, делают возможным прогнозирование в масштабах всего психического пространства и, соответственно, открывают возможности для стратегического планирования деятельности. Вместо *открытости* и *разнообразия* информации, которые культивируются на современном этапе развития Человека Эмоционального, значение приобретают *глубина* и *масштаб* используемой информации.

Получается, что разорванные я-мировоззрения психик современных поколений в небытии, по степени внутреннего совершенства и, соответственно, по значимости, существенно уступают разорванным я-мировоззрениям психик, осуществляющим творческую реализацию и стратегическое абстрактное мышление. Вес последних на кону истории на порядок значимее, «фундаментальнее», и поэтому именно они закладывают основу потока человеческого в небытии. Получается, что для того, чтобы приобрести значимость в масштабах небытия, нужно иметь психику, внутренняя организация которой стоит выше психики человеко-массы. Но разве этот выбор зависит от человека? Разве это не прерогатива наследственных механизмов? На эти вопросы я не находила ответов, но это уже не могло остановить моего желания воплотить себя в предназначении.

Теперь, когда мне открылись основные характеристики Человека Эмоционального, я узнала, что разница между совершенной и несовершенной психикой заключается, главным образом, в установлении внутреннего контроля над работой подсознания. *Чем чаще я стану заставлять себя думать и руководствоваться сознательно принятыми решениями, тем выше у меня шансы развить в себе стратегическое абстрактное мышление, перестроить психику на работу с качественной, научной информацией, добиться приоритета творческой реализации внутренних потенциалов.*

Я понимала, насколько это трудно, но у меня не было выбора. Я должна была оправдать свое возвращение в бытие, чтобы не бояться встречи со своими мальчиками в небытии. Мне не будет стыдно встретиться с ними только в том случае, если я вернусь к ним с «фундаментальными» достижениями, оправдывающими мое предательство перед ними и отказ последовать вслед за ними. Спасение моей души теперь только в достижении значимости и авторитета, как в бытии, так и в небытии, а для этого нужно уже сейчас, с первых шагов в бытии пробовать заставлять себя мыслить по-другому и действовать, опираясь на новые ценности. Нужно не гадать «получится или не получится», изначально закладывая в активность психики нерешительность, неопределенность и эмоциональную составляющую, а действовать, творить, последовательно и с перспективой воплощая в бытие внутренние творческие потенциалы психики.

Глава 12. Сумасшедшая: бред второй

Я быстро шла на поправку, терпеливо снося все процедуры и методы лечения. Я была настроена на быстрое выздоровление, поэтому вникала во все курсы лечения, пыталась сама их разнообразить, всеми силами помогая врачам и ускоряя темпы своего выздоровления. Передо мной стояла только одна цель – быстрее выпиться из больницы и начать активную полноценную жизнь. Я спешила воплотить открывшиеся глубины небытия в повседневную жизнь, жила планами и перспективами.

Меня посещали близкие, друзья, знакомые. После аварии наибольшее удовольствие мне приносило общение с братом. Я с удивлением обнаружила, что многое из того, что мне открылось в небытии, было присуще ему и просто не замечалось мной ранее.

- Саша, обозревая небытие, мне открылось, что окружающие нас люди – это не более чем образы, за которыми скрыта та или иная степень развития психики. Мы видим разодетые тела, обрамленные косметикой лица, атрибутику в виде автомобилей, жилья и дорогих безделушек, но за всем этим стоит не более чем желание я-психики выразить себя, показать свою значимость. Ответь мне, а ты чувствуешь, что за твоим образом скрыта активность чего-то более важного и определяющего, например, той же психики?

- Света, ты стала чудной после аварии, говоришь словами, которых раньше не было в твоем лексиконе.

- Слова – это тоже формы, за ними, как и за образами, скрыто определенное содержание. Новые слова – это формы, за которыми скрыто более глубокое содержание. Так, что стоит за твоим образом присутствия в жизни?

- Не знаю, но точно не сверхъестественные силы – Он улыбнулся и посмотрел на меня. – Ты как-то сказала, что небытие тебе открыл *Он* – в *Него* я точно не верю.

- Но под *Ним* я имела в виду не Бога, а силы более развитых цивилизаций. *Они* открывают перед избранными глубины существования и будущее человечества.

- О *Них* я не думал, но уверен, что *Им* тоже до нас нет никакого дела. Хотя за своим как ты говоришь образом, я действительно чувствую некую силу, которую не могу обозначить словами. Но она есть, она позволяет мне противостоять мнению окружающих.

- Это твоя психика.

- Света, я не сильно понимаю, что ты подразумеваешь под психикой, но знаю одно, та сила, которая стоит за моим образом, совершенствуется. Честно признаюсь, наступали времена, когда я готов был отказаться от своих принципов и уступить требованиям родителей, знакомых. Было тяжело от постоянного противостояния, непонимания, скандалов. Я сам видел, что мое показное выделение, мой одиозный образ жизни, действительно вредит мне и не сулит перспектив и светлого будущего. Мои одноклассники добивались маленьких побед, покупая машины, жилье, соблазняя красивых девушек, а я со своими принципами и взглядами на жизнь не мог на все это рассчитывать. Максимум, что меня ожидало, прослыть чудаком и вызвать жалость у какой-нибудь матери-одиночки или такой же сумасшедшей как я.

Причем я не утверждаю, что повседневные радости и мелочи мне не нравились – нравились! Нравились машины, показная беспечность, тусовки по ночам, близость с красивой девушкой. Моя проблема заключалась в другом – я от этого быстро уставал и меня тянуло к чем-то более весомому, глубокому, устоявшемуся и прогнозируемому. Постоянная смена декораций и ролей в молодежном движении быстро истощала меня и выматывала, и меня тянуло назад к тишине, к одиночеству, к общению с книгами. Первое время я никогда не отказывался от предложений сверстников покушаться, окунуться в перевозносимую ими суету жизни, - я с головой окунался в нее, быстро пресыщался, и возвращался назад в свой мир более окрепшим и уверенным в правильности своего выбора. Так и бегал, пока не понял, что та внутренняя сила, которая помогала мне выдерживать прессинг окружения, настолько укрепилась, что я мог с равнодушием взирать на любой негатив к себе и к своему образу жизни, и совершенно не завидовать «достижени-

ям» моих сверстников. Я уже точно знал, что за глянцем их образа жизни - пустота, полное отсутствие содержания.

- Но я про все эти твои сомнения ничего не знала.

- Ты про многое не знаешь, потому что в нашей жизни каждый человек занят собой. Даже за вниманием близких людей часто скрыта потребность в действии, чем искренняя забота и участие о твоей судьбе.

- Извини, это моя ошибка.

- Прощаю, сестра. – Брат улыбнулся. – Пока ты была занята бизнесом и семьей, я начитывал литературу, изучал языки. Ведь я не просто прячусь от людей и делаю им назло - я расширяю свой кругозор и углубляю знания в области, которая меня интересует.

- О какой области знаний ты говоришь?

Саша замялся, внимательно посмотрел на меня, потом все же ответил:

- Об истинном месте человека в этой жизни – о приоритете индивидуального, внутреннего.

- А ты уверен, что выдержишь неприятие со стороны окружающих, что они не сломают твой показной индивидуализм?

- По большому счету, как такового неприятия я не ощущаю – это больше воображение отца и отсутствие у меня стремления к материальным символам современности: машине, отдельному жилью, деньгам. К тому же, постоянное противостояние укрепляет мое «я» изнутри - я научился защищаться, глубоко прятать сокровенное и наиболее болезненное. А ты знаешь, насколько болезненны чужие прикосновения к внутреннему «я»?

- Нет, ничего подобного еще не испытывала.

- А я испытал, когда впустил в свой мир одну девушку. Я доверился ей, открылся, и как профессионально она подыграла мне. Я обнаружил ее лицемерие случайно, когда в одной подвыпившей компании услышал слова, которые говорил только ей. Ты представляешь, оказывается, она все мои откровения рассказывала подругам, а те своим парням и то, что я считал нашей большой тайной, передавалось из одной пьяной компании в другую. Мой внутренний лелеемый мир был выставлен на обозрение всех, кого я знал и не знал. Ты даже представить себе не можешь какой стыд и какую боль я испытал. Они исковеркали содержание моих целей,

опошлили мои сокровенные желания, высмеяли рожденные в страданиях и муках мысли. Пьяные и отвратительные в своих животных желаниях они смеялись мне в глаза, а я ничего не мог сделать. Сам виноват.

- И что было дальше?

- Я бросил ее, перестал общаться со сверстниками, еще больше замкнулся в себе. Мой мир словно вывернули наизнанку не оставив ни капли интимного и девственного. Они знали обо мне все, потому что от нее у меня не было секретов. Я ведь хотел приобщить ее к своему миру, заинтересовать перспективой, совместным творчеством. Но получилось слишком пошло и больно. Очень больно.

- Но ты же выдержал.

- У меня не было другого выбора. Они отрезали мне пути к отступлению, и мне ничего не оставалось другого как идти дальше, но уже в одиночку.

- Жалеешь о случившемся?

- Сильно. Года два-три я залечивал внутреннюю боль, восстанавливал разрушенное спокойствие. Но теперь все нормально, меры безопасности соблюдены, и как видишь я по-прежнему чудной и не поддающийся увещаниям родителей.

- Так ты считаешь, что выбранный образ присутствия в жизни тяжело заменить на новый?

- Тяжело, но возможно. Окружающие люди ко всему привыкают. По большому счету им безразличен твой образ жизни и твои принципы. Ты будешь им интересна в любом образе, если им что-то от тебя нужно. Скажу одно, если ты приносишь им пользу, если общение с тобой выгодно им, они смирятся с любым твоим чудачеством. Например, я достиг профессионального уровня в программировании, и каким бы я не слыл чудачком, ко мне все обращаются, идут, просят, и им совершенно нет дела до моего образа жизни. Наоборот, я им очень интересен, потому что за копейки делаю то, за что другие берут хорошие деньги.

- А что тебе мешает брать деньги?

- Принципы. Я не хочу уподобляться другим. Я выполняю только ту работу, которая мне интересна и развивает мой кругозор. Это мое состояние души, которое не имеет ничего общего с материальными ценностями. Поэтому как специалист и профессионал я

ценен и востребован, но как бизнесмен и перспективный отец прожорливого семейства я умер, так и не родившись. Но, думаю, что кроме отца, это никого больше не волнует.

Разговоры с братом подготавливали меня к вступлению в жизнь. Интересно, а как воспримут мой новый образ присутствия знакомые, партнеры по бизнесу?

Я попросила маму пригласить ко мне Наташу, мою хорошую знакомую, с которой мы не раз пересекались по бизнес проектам. Мне было интересно, как она воспримет мою изменившуюся систему взглядов на жизнь.

Наташа вся яркая и броская вошла в палату, наполнив ее запахом дорогих ароматов и здоровьем сексуального, ухоженного женского тела.

- Светочка сочувствую, но жизнь продолжается. – Она обняла меня, немного всплакнула на моей груди, и во всем этом было столько искренности и заботы, что я была бесконечно благодарна ей. Что-что, а неискренность и наигранность я стала воспринимать каким-то шестым чувством.

- Спасибо, что пришла.

Наташа вложила свою руку в мою, и я впервые почувствовала тепло от чужого прикосновения. Ощущение собственного тела возвращалось ко мне, но именно Наташина рука впервые настолько полно и ярко пробудила во мне ощущение *чужого* тела. Я впервые в красках и эффектах прочувствовала соприкосновение своего и чужого тела, и мне это понравилось, меня это возбудило.

- Ты все хорошеешь. – Я отдала ей должное.

Наташа улыбнулась:

- Про тебя такое не скажу, но, зная тебя, уверена, ты все наверстаешь.

- Наверстаю.

Мы помолчали, с нежностью осматривая друг друга. Неужели я смогу вот так же хорошо выглядеть?

- Мне сказали, что ты ударными темпами поправляешься, рвешься в работу?

- Да, устала от этого вынужденного безделья. Хочу успеть реализовать в жизни все то, что надумала на этой вот кровати.

- А ты готова к этому? Может, стоит еще подлечиться в санаториях?

- Наталочка, санатории для меня опасны – там слишком много свободного времени. Сама понимаешь, в моем положении спасение только в загруженности, в самоотверженной работе по восстановлению того, что уже распалось, или в организации чего-то нового и для меня интересного. Ты ведь знаешь, родители продали офис, коллектив разбрелся, придется все начинать с начала.

- Светочка, я в курсе твоих проблем и честно, когда шла к тебе, решала, как и когда правильно сделать тебе деловое предложение. Мы с тобой не один раз выручали друг друга, ни один год знаем друг друга и, надеюсь, ценим и уважаем. В твоей ситуации могла оказаться и я, убереги Господи, поэтому, с учетом сложившихся обстоятельств, хочу предложить тебе партнерство. Ты мой бизнес знаешь, прекрасно понимаешь, что моя маркетинговая служба хромает, и я многое из-за этого теряю. Твоя энергия и талант строить отношения с людьми у меня всегда вызывали восхищение, но я прекрасно понимала, что это дар, и что лично мне это не дано. Я пыталась компенсировать этот пробел в бизнесе наемными рабочими, но у них получалось еще хуже, чем у меня. Поэтому предлагаю тебе пятьдесят на пятьдесят – мои деньги, мой бизнес, твоя организация и свежий взгляд на его структуру и перспективы.

Я опешила и растерялась – к такому повороту событий я совершенно не была подготовлена.

- Наташа, но ведь это не совсем честно.

- Честно. Знаю, что деньги ты не возьмешь, а с твоей деловой хваткой ты и себе заработаешь и мне доходы повысишь.

- Спасибо тебе большое, Наталочка. Но ты даже не догадываешься, какие изменения произошли во мне, насколько сильно поменялся мой внутренний мир. – Я с трудом сдерживала слезы. Все-таки не зря я прожила в той жизни, иметь таких подруг – это говорит о качестве общения!

- Светуль, я же не предлагаю тебе жить вместе. – Наташа с улыбкой посмотрела на меня. – Это когда люди собираются соединить свой быт и свою судьбу, они выясняют совместимость своих

взглядов на жизнь, а у нас с тобой отношения сугубо деловые. Надеюсь, у тебя не исчезло желание много зарабатывать?

- Наоборот, усилилось.

- Вот это для меня самое главное. Наше партнерство подразумевает одну важную составляющую: чем больше зарабатываешь ты, тем больше зарабатываю я.

- Наталочка, у меня поменялись только критерии, куда тратить деньги.

- А вот это меня совершенно не интересует. Это, как говорит один из моих мужчин - «дело интимное»: у меня свои взгляды на жизнь, у тебя свои. Главное, чтобы у нас было полное согласие по ведению бизнеса, а судя по твоему настрою, я уверена, что мы в этом вопросе достигнем полного взаимопонимания.

- Достигнем.

- Это главное. А что касается изменений произошедших в тебе, Светуля, меньше об этом рассказывай людям. То, что произошло с тобой, не пожелаешь и врагу, поэтому было бы удивительно, если бы эта трагедия не отразилась на твоём восприятии жизни. И поверь мне, тебя многие поймут, а те, кто не поймет, они просто не достойны твоего внимания, поняла?

- Поняла.

- Насколько я поняла, ты уже в состоянии работать, поэтому чтобы спасти тебя от больничной скуки я уже завтра пришлю тебе свою помощницу, и она начнет вводить тебя в курс дел. Раз ты этого желаешь, я приложу все усилия, чтобы ты уже с завтрашнего дня с головой окунулась в текущие проблемы теперь уже нашего совместного бизнеса. Тебя такой ход событий устроит?

- Устроит. - Я не смогла сдержать слез благодарности: вместо ожидаемых сложностей и проблем с вхождением в повседневную жизнь, я встречала понимание и участие сначала от брата, теперь от Наташи.

- Света, не плачь, а то я тоже расплачусь и испорчу из-за тебя макияж, а у меня еще впереди две серьезных встречи: шестидесятилетний папенька, который за секс со мной готов раскошелиться на немаленькую сумму, и симпатичный наглец, за секс с которым я сама готова приплатить.

- Не буду, спасибо тебе Наталочка.

- Настраивайся на работу, подруга. Бай-бай.

Чем ближе приближалось мое выздоровление, тем радикальней мне приходилось принимать меры, обеспечивающие мое повторное вхождение в бытие. В один из вечеров, когда были проделаны все процедуры, и мы вдвоем остались с мамой, я попросила ее:

- Мама, выполни, пожалуйста, одну мою просьбу.

- Какую? – мама испугано посмотрела мне в глаза. В последнее время она стала бояться меня и моих решений, и этот страх вызывал во мне, одновременно и жалость к ней и раздражение.

- Я не знаю, как это сделать, но вы с папой умные люди, придумаете, короче, я хочу, чтобы эти столпотворения сочувствующих и соболезующих у моей кровати прекратились. Честно скажу, со многими из них я перестану общаться, а некоторых, если они еще раз придут, просто выгоню. Для меня достаточно общения с вами, с Сашей и с теми людьми, которых я сама приглашаю. Все остальное окружение, нравится вам это или нет, но я обязательно поменяю.

- Как поменяешь? – В глазах мамы стоял тот же испуг.

- Заменю другими людьми, более достойными и качественными.

- Как это качественными?

Я уже успела привыкнуть к тому, что окружающие часто не понимали глубину моих мыслей и выводов. Одни списывали это на шутку, и я подыгрывала им, другие, понимали не правильно, и я не поправляла их. Но в случае с мамой, мне захотелось очередной раз посвятить ее в открывшиеся мне глубины существования, захотелось присоединить ее к числу посвященных, избранных.

- Понимаешь мама, за людьми, за их поступками и внешним образом, стоит совершенство их психики, то, что в принципе и делает человека не просто человеком, а индивидуальностью, личностью. Чем выше совершенство психики, тем образ жизни людей основательней, устойчивей и масштабнее. Они не столь поверхностны и изменчивы, не пытаются объять необъятное, соизмеряют свои возможности и ограничивают потребности. Они не падки на мелочи, не стремятся реализовать себя во всем, на самом деле, оставляя начатые проекты незавершенными, не прячутся за спины других и

не присваивают себе чужие заслуги. Они творят, максимально воплощая свое присутствие в жизни в масштабных и глубоких проектах.

Остальная масса народа - это флюгеры, которые хаотично следуют за порывами ветра, не зная, где они окажутся в следующий момент. И, безусловно, такие люди ненадежны в общении, они рядом со мной, потому что сейчас им это выгодно, для них это имеет какое-то значение. Но как только ветер поменяется, они предадут меня и перевернутся к другим, очерняя и злословя по моему адресу. Поэтому лучше от таких избавиться сразу, чем потом, когда они войдут в жизнь, бизнес, и у них появятся аргументы для сплетен и наветов. Лучше общаться с несколькими совершенными психиками, которые направлены на полноценную реализацию внутренних потенциалов, чем тратить время на десяток флюгеров, только отнимающих драгоценное время и внимание. Совершенные психики стимулируют внутренний рост, расширяют кругозор и открывают перспективы, а флюгеры только расслабляют и пользуются твоими достижениями, взамен не предлагая ничего значительного и стоящего.

- Но как ты их различаешь? – Мама по-прежнему с недоверием смотрела на меня, пытаясь вникнуть в содержание сказанного.

- Мама, люди с несовершенной психикой, или точнее с психикой, в основании которой заложена неустойчивая система взглядов, слишком суетливы, переменчивы и непостоянны. Чем больше человек говорит о любви и надежности, преданности и готовности помочь, чем больше он показывает свое внимание и заботу, тем он менее надежен. Продолжительное чрезмерное внимание на проблемах другого – это первый признак неискренности, потому что природно психика каждого человека – индивидуальна и эгоистична. Она предназначена для организации в бытии *собственного* присутствия, реализации внутренних творческих потенциалов в чем-то *самостоятельном*, непохожем и знаковом. А когда человек показывает, что ты для него центр вселенной - это лукавство, за этим однозначно кроются какие-то иные, корыстные причины, или же несовершенство внутреннего «я».

- Выходит и мы с папой корыстны? – От обиды у мамы даже навернулись на глазах слезы.

- Мама, не говори глупостей, мы с вами одной крови, а я говорю о людях посторонних, с которыми я связана только бизнесом или второстепенными интересами. – Но мама все равно не приняла моих объяснений, обиделась и, отвернувшись к окну, заплакала. Мне самой было неприятно и больно, - меньше всего хотелось расстраивать маму.

- Мама, извини, не плачь, ты очередной раз меня неправильно поняла. На самом деле у человека есть круг очень близких и дорогих ему людей, общение с которыми не укладывается ни в одни рамки целесообразности и логики, а есть остальные люди, поведение с которыми просчитывается и аргументируется. – Я сама не знала, для кого я это рассказываю - мама меня все равно не слушала. Как человек эмоциональный, она быстро обижалась, но, что радовало - так же быстро и отходила.

Дождавшись, когда мама успокоится, я закончила:

- Я хочу попросить тебя передать папе мою просьбу – пусть он продаст нашу с Димой квартиру.

Мама только горько покачала головой:

- Но, зачем, Света? Тебя уже скоро выпишут, денег хватает, мы поможем рассчитаться с долгами, ведь ты сама говорила о том, что эта квартира дорога тебе.

- Мама, я не то имела в виду, но, в любом случае, я не хочу в нее возвращаться. Мне хочется, чтобы ни одна вещь не напоминала мне о моем прошлом, я хочу максимально вычеркнуть его, устранить любые напоминания.

- А в сердце?

- Это мое личное дело. Я уверена, что смогу переориентировать свою внутреннюю боль и реализовать ее в чем-то полезном для общества. Хочу успеть воплотить в жизни что-то масштабное и важное, чтобы было с чем предстать в Чистилище и объяснить им свое предательство.

- Какое предательство? – не поняла мама.

- Ведь они звали меня за собой, а я отказалась, выбрала восхождение в бытие.

- Ты по-прежнему веришь в свои космические сны?

- Мама, не просто верю, а постоянно думаю над тем, как быстрее и полнее воплотить их в повседневную жизнь.

- Ох, доченька-доченька, а что с мебелью делать?

- Продайте или себе заберите.

- Нам она не нужна, спасибо, а продажей мебели мы никогда не занимались. – Мама выглядела растерянной и явно уставшей. В последнее время после нескольких крупных разговоров, она убедилась в бесполезности увещаний и споров со мной, но решение продать квартиру ее по-прежнему сильно смущало.

- Мама, есть тысячи фирм, которые занимаются этими вопросами, воспользуйтесь их услугами. И, пожалуйста, не спорь, я бы могла этот вопрос и без вас решить, но не хочу, чтобы на этом еще кто-то наживался.

- Но какую ты хочешь цену за квартиру, мебель?

- Какую дадут. Отец сможет отстоять максимальную, ему я доверяю. Сколько дадут, за столько пусть все и распродает.

- А где ты жить будешь?

- Пока сниму квартиру, собственное жилье мне сейчас не нужно.

Мама только покачала головой.

- А не торопишься ли ты Света, не будешь потом жалеть?

- Мама, обо всем, о чем могла, я уже пожалела, а сейчас мне остается только жить и навестывать упущенное.

- Хорошо, я передам папе твою просьбу.

На днях предстояло снятие гипса. Я видела, как родители переживали за меня, боялись, что мой изрезанный шрамами внешний вид вызовет у меня еще один столь нежеланный для моей неокрепшей психики нервный срыв. Никто из них по-прежнему не понимал меня - внешний вид тела, даже с учетом нерадостных перспектив, перестал меня сильно беспокоить. Я знала, что главное сохранить в себе внутреннее содержание, укрепить образ присутствия в себе, а во внешнем образе, присутствии для себя и для других, я смогу найти место для своего внутреннего «я».

- Светочка, папа договорился в Крыму за санаторий, на следующей неделе мы возьмем тебе курсовку на два месяца. Отдохнешь, окрепнешь, восстановишься после больницы. – Мама прер-

вала свою радостную тираду, увидев мой гневный взгляд. – Что-то не так, доченька?

- Мама, какой отдых, какой санаторий? Забудь, меня уже на работе ждут.

- Доченька. – Мама с трудом подбирала слова – твоему организму нужно окрепнуть для следующих операций, укрепиться, набраться сил.

- Каких еще операций? – не поняла я.

- Людмила Васильевна сказала, что через полгода тебе придется снова возвращаться сюда и вынимать спицы, только потом можно договариваться за косметические операции.

- А почему мне об этом никто не говорил?

- Людмила Васильевна нам только вчера об этом сказала.

Даже эта неприятная новость не могла испортить моего настроения на быстрое выздоровление.

- Мама, переживем, все равно самое худшее позади.

- Светочка, но как нам сказали, у тебя все тело в шрамах, в тебе зашито столько метала...

- Что хоть в металлолом сдавай? – закончила я и сама невольно усмехнулась.

- Зачем ты так. Мы с папой хотим как лучше: пока подлечишься от людских глаз долой, переждешь время, а там косметологи быстро все поправят. Ты у меня красавица...

- Была мама.

- И будешь.

- Получается, что мне еще полгода ходить со спицами, потом снова на операционный стол, а потом еще предстоят операции у косметолога – минимум еще год в руках врачей?

- Ну да, а что ты хотела? У тебя практически все кости были переломаны, живого места не осталось...

- Перспективы нерадостные.

- Вот и мы так с папой подумали. С этим нужно смириться, к этому нужно подготовиться, а работа подождет, с голоду мы не умрем.

- Мама, за заботу обо мне огромное спасибо, но у меня совершенно другие планы в жизни.

- Доченька, я знаю, что ты спешишь работать, творить, как ты выражаешься, но пойми одно – тебе надо долечиться, восстановиться, привести себя в порядок, а уже после начинать показываться на людях. Ведь ты же собираешься работать с людьми.

- Неужели я буду такой страшной, что мне нельзя будет показываться на людях?

- Безусловно нет, но в отличие от мужчин женщин шрамы не украшают.

- А что, их нельзя будет прикрыть вещами или бижутерией?

- Не знаю доченька, об этом тебе с Людмилой Васильевной нужно поговорить, но насколько я поняла, их будет слишком много.

- Хорошо мама, спасибо, но давай пока оставим эту тему, мне действительно нужно работать, даже если придется это делать в парандже.

- Но почему доченька?

- Мама, назову тебе две основные причины: первая, я не хочу оставаться один на один со своим прошлым и, вторая – у меня появилось *предназначение*: я должна успеть сделать что-то масштабное и значимое в этой жизни.

- Доченька, ты уже больше двух месяцев как пришла в сознание, а тебя эти мысли по-прежнему не отпускают?

- Они наоборот, укрепляются и с каждым днем все сильнее требуют реализации.

- Но это же сумасшествие, ты должна это понять!

- Сумасшествие или нет, но только с этим мне разрешили вернуться назад в жизнь. Не будем об этом, мама. Знаешь, о чем я забыла тебя спросить, но этот разговор пусть останется пока между нами, договорились?

- Договорились. – Мама снова робко и с опаской посмотрела на меня.

- Когда я находилась в реанимационной палате в состоянии комы, меня часто посещал один кошмар – меня периодически била одна и та же санитарка.

- Как била? – переспросила мама.

- Рукой по лицу, по скованному гипсом телу.

- За что била?

- Не знаю.

- Доченька, такого не может быть! Это платная клиника, с очень заботливым, профессиональным коллективом.

- Мама, я уже поняла, что мое выздоровление обходится недешево, но речь о другом – когда я уже возвращалась назад, из небытия в бытие, этот кошмар не пускал меня обратно, в страшном свете представлял присутствие в бытии, вашу повседневную жизнь. К тому времени я уже привыкла к присутствию в небытии, и на возвращении настаивало только укрепившееся во мне предназначение, желание жить во имя моих погибших мальчиков. Но как только я начала восходить к бытию, возвращаться, надо мной как корка льда возникли эти ужасы с санитаркой. Они отпугивали меня от присутствия в бытии, разрушали желание возвращаться. Передо мной словно поставили выбор: небытие как сказка или бытие как сплошной кошмар, но я почему-то выбрала последнее. – И видя недоверие в маминых глазах, я с еще большей убедительностью закончила - Мама, она реально меня била. Я плохо чувствовала удары, но ее запах раздражения, возможно даже ненависти ко мне, до сих пор преследует меня и внушает нечеловеческий ужас. Неужели в действительности ничего подобного не могло быть?

- Светочка, исключено! – мама с раскрытыми от ужаса глазами смотрела на меня. Каждым нейроном своей впечатлительной психики она сопереживала моему рассказу, и состояние ужаса довлело над ней самой.

- Очень сильно выматывала борьба с этим кошмаром, ведь я должна была преодолеть страх возвращения и реализовать в бытии открывшееся во мне предназначение. Чем больше я шла на поправку, чем ближе было мое возвращение из состояния комы, тем отчетливей пробуждалось во мне желание ответить ей сдачей. Но я физически не могла этого сделать, я вся была в гипсе и поэтому, это состояние беспомощности и собственной слабости, позора от незаслуженного унижения, вызывало такую бурю эмоций, такое негодование, что я готова была умереть от злости на себя и на свою судьбу. Ведь никто никогда не мог безнаказанно меня обидеть и оскорбить, я всегда была готова ответить сдачей! Но потом я научилась управлять этой энергией обиды, аккумулировать ее, собирать и направлять в более спокойное, уравновешенное русло. Как хищник выслеживающий добычу, я научилась *претворяться*, выдавать себя за слабую, тем самым, обманывая противника, расслаб-

ляя и отвлекая его. Я выжидала свое время, более спокойно стала реагировать на ее оскорбления, потому что знала – мой ответ будет более сокрушительен, что не я, а она в этой дуэли жертва. И эта игра «в кошки-мышки» меня спасла – я преодолела неприятие бытия, и оно уже открылось передо мной в более душевных и притягивающих тонах.

- Доченька, ты рассказываешь мне страшные вещи!

- Мама, а ты уверена, что этого не могло быть?

- Не знаю, Светочка, нужно Людмиле Васильевне все рассказать.

- А вдруг этого всего не было? Ответь мне, пожалуйста, на еще один вопрос – кто-то умирал в моей палате?

- Светочка, бог с тобой, кроме тебя в палате никогда никого не было!

- Я и в реанимации лежала одна?

- Конечно, в этом корпусе только одноместные палаты. Я не видела здесь, чтобы больные лежали по два человека.

Я была удивлена не меньше мамы. Выходит многое из того, что мне представлялось в состоянии комы, на самом деле не происходило? Так может, и жестокой санитарки не было в действительности?

- Мама, ты никому о моих галлюцинациях не говори, хорошо?

- Но может Людмиле Васильевне об этом все же стоит рассказать?

- Я сама расскажу при встрече.

С Людмилой Васильевной, моим лечащим врачом, отношения у меня сложились теплые и доверительные, поэтому, когда она взволнованная и красная вошла ко мне в палату, я поняла, что мама первая рассказала ей о нашем разговоре.

- Светочка, я понимаю, что возможно подвожу вашу маму, но я ей так и сказала, что такие разговоры нужно выносить на обсуждение с лечащим врачом, а не замыкаться в себе и пытаться самостоятельно в них разобраться. У вас были тяжелейшие переломы и сотрясения, большая потеря крови, и, безусловно, это не могло не сказаться на работе вашего головного мозга. Вы знаете, что наши хирурги вас дважды вытаскивали с того света?

- Да, я это ощущала.

- Вот видите, вы еще раз подтверждаете результаты последних исследований в области медицины – пациент в состоянии комы ощущает ход основных событий, правда в несколько искаженном свете. А как вы это ощущали, образами?

- Да, я все глубже низвергалась в небытие и практически терялась в нем. Я соприкасалась со смертью и исчезала как целое.

- А в каком образе вам представлялась смерть?

- Как разрыв моего внутреннего «я» - я-мировоззрения. Смерть представлялась, как обезличивание, как разрушение внутренней системы взглядов и низвержение к небытию.

- А что такое небытие?

- Небытие – это пространство существования разорванных я-мировоззрений всех умерших поколений, которое формирует фундамент присутствия человека в масштабах Земли и Вселенной. По большому счету, небытие – это мерное течение основы человеческого существования и мира предшествующего и сосуществующего с ним. Умирая, я словно опускалась в глубины существования мира и оттуда обзревала за течением первозданного, определяющего.

- Но как вы могли что-то обозреть, если у вас функционировало только тело, ваш мозг был почти мертв.

- Наоборот, я жила только на уровне собственной психики, и на фоне полумертвого тела функционирование психики было ярким, выделяющимся. Я совершенно не чувствовала собственного тела, моя психика была полностью от него оторвана, поэтому все это время я жила только в себе, в основах своего внутреннего «я».

- То есть, состояние комы воспринимается как жизнь внутри собственного «я»?

- Мне тяжело связать внешние проявления со своим внутренним состоянием, потому что, повторяю, я совершенно не чувствовала своего тела. Я присутствовала в жизни исключительно на уровне тлеющей активности своего мозга и в зависимости от его активности то возвращалась в бытие, то низвергалась в небытие. Возвращение в бытие у меня ассоциировалось с восстановлением активности моего сознания. В этом случае оживало мое внутреннее «я» и я могла осуществлять самоанализ своего состояния, обзреть структуру и функции психики, осуществлять любую мыслительную

деятельность. Активное сознание обеспечивало мне полноценное присутствие в бытии, только без ощущения собственного тела.

- А как вы попадали в небытие?

- А небытие у меня ассоциировалось с активностью подсознания, которая подавляла активность сознания и мое внутреннее «я» лишалось самостоятельности и значимости. Оно превращалось в игрушку диких стихий и уносилось в глубины психики, в которых как раз и открывалась связь между психикой и допсихическими уровнями жизни. Все, что предшествовало современному человеку, обеспечивало его формирование и развитие в масштабах Земли и космоса – это и есть небытие. Проваливаясь в глубины подсознания мое «я», в отличие от «я» других людей, не разрывалось природными силами на составляющие, *не обезличивалось*, а оставалось целостным, что и позволило мне обозревать многое из предшествующего и определяющего человеческое бытие.

- А что помогло вам вернуться из небытия?

- Это самое сложное и в природе практически невозможное. В основном, низвержение в небытие не имеет обратного хода, у разорванного я-мировоззрения нет шансов вновь «собраться», обрести целостность. Возвращение назад в бытие связано с обратным переходом: от обезличивания к обретению целостности, первичной индивидуальности внутреннего «я». Я думаю это в принципе невозможно.

- Но вы же вернулись?

- Не просто вернулась, я часто уходила в небытие и возвращалась из него, - для меня эти переходы стали обычными и будничными. Поначалу они сопровождались болями, причем не на уровне тела, а на уровне разрывающейся в противоречиях психики. Но с каждым переходом боль уменьшалась, и я переходила из одного состояния в другое легко и быстро. Я думаю, что в моем случае не происходило обезличивания, разрыва внутреннего «я» – мое «я» попадало в небытие целостным, возможно, поэтому я могла возвращаться назад в бытие. Я до сих пор отчетливо помню, как силы небытия пытались разорвать целостность моего «я» - это жуткие ощущения. Но я выстояла, «уцелела», сохранила основу своей психики, поэтому, наверное, и разговариваю с вами. А ощущение тела вернулось ко мне совсем недавно. Оттуда, из глубины функционирования психики, выздоровление – это возвращение ощущения те-

ла: чем больше я его чувствую, тем ближе восстановление гармонии в его структуре и функциях.

Я видела, что мой рассказ впечатлил Людмилу Васильевну, она сидела задумавшись, углубившись в анализ услышанного от меня.

- А вам разве до меня никто об этом не рассказывал?

- Рассказывали, но не так убедительно. Светочка, а когда вас стали посещать видения жестокой санитарки, издевающейся над вами?

- Впервые я с ней встретилась, когда прошел кризис, и я в противостоянии с небытием отстояла целостность своего «я». Я знала, что именно с этого момента начнется мое восхождение назад, к бытию, мое выздоровление. Я возвращалась из ставшего привычным небытия в бытие, но образ санитарки возник словно препятствие, преграда, которая отпугивала меня, заставляла отказаться от выбора.

- Какого выбора?

- Однажды, низвергаясь в пустоту, к смерти, я попала в ситуацию, когда *Он*, поставил меня перед выбором: или идти за моими мальчиками и навсегда остаться в небытии, или же отказаться от них, предать и вернуться назад в бытие. Я нашла оправдание и выбрала второй вариант, хотя первый казался мне ближе.

- А кто это *Он*.

- Людмила Васильевна, а вы не отправите меня в психушку?

- Света, не говори глупостей, в твоих видениях нужно разобратся, потому что они символами указывают на тот путь, который прошла твоя психика в состоянии комы.

- *Он* для меня ассоциировался с космической силой предшествующих состояний материи и возможно, высокоразвитых цивилизаций.

- А что такое состояния материи?

- Это предшествующие человеку системы неорганического мира и жизни.

Людмила Васильевна задумчиво покачала головой:

- Сложно, но разобратся можно. Получается, что как только ты выбрала путь назад, т.е. прошла полосу кризиса, ты столкнулась с тем, что в образе жестокой санитарки бытие тебя начало отвергать, отпугивать?

- Примерно так, только, с моей точки зрения, это был не образ, а реальный человек, которого я могу даже сейчас узнать по запаху.

- После того, как тебя перевели в это крыло, ты с этой женщиной не встречалась?

- Нет.

- Ты считаешь, что она из реанимационного отделения?

- Да, я так думаю. Людмила Васильевна, я ее ощущала так отчетливо, в таких деталях, что на образ или галлюцинацию она никак не походила.

- А смерть соседа ты также отчетливо ощущала?

- Людмила Васильевна, вы принимаете меня за сумасшедшую?

- Светочка, это очень важные вопросы, поэтому давай в них разберемся. Если бы я принимала тебя за сумасшедшую, то рядом со мной бы сидел психиатр, и мы бы уже с ним наблюдали тебя.

- Хорошо, действительно смерть соседа я ощущала также отчетливо, как и ту санитарку. Только с соседом на уровне психики я общалась только один раз, а санитарка меня преследовала минимум раз шесть.

- Но с момента поступления к нам, ты постоянно была одна. Я еще раз пересмотрела твое личное дело – с момента поступления до настоящего времени ты постоянно находилась в одноместной палате. А как в нашем отделении, так и в реанимационном, в одноместную палату даже при огромном желании невозможно поставить вторую кровать.

- Выходит, что все эти события, мой бред?

- Светочка, мы сейчас в этом с тобой и разбираемся. Дело в том, что палаты такого уровня обслуживают самые подготовленные медсестры, там нет санитарок. Но даже если допустить субъективное отношение к тебе со стороны медработника, ей нет смысла тебя бить, потому что за каждой палатой закреплены конкретные люди и при желании их всегда можно найти. Кроме этого в палатах установлено круглосуточное видеонаблюдение, поэтому, все, что происходило с тобой можно при желании просмотреть в записи. – Людмила Васильевна задумалась - А повтори, пожалуйста, почему своего соседа ты ощущала только один раз?

- Потому что он умер, его тело вывезли, а других больных в палату не завозили.

Людмила Васильевна, словно открыв для себя что-то важное, даже подалась вперед:

- Светочка, этого просто не может быть! Я работаю в этой больнице уже больше пяти лет, и у нас еще не было ни одного смертельного случая. Для больницы смерть пациента – это больше чем чрезвычайное происшествие, это катастрофа! Если бы твой сосед умер, нашу частную клинику уже давно бы закрыли.

- Но он действительно умер, я сама провожала его в последний путь и наблюдала как его внутреннее «я» разорвалось на мелкие составляющие и исчезло в движении небытия!

- Светочка, теперь я уверена, что во всех ваших кошмарах и видениях замешаны побочные эффекты тех препаратов, которые мы вам кололи. Есть целый ряд таких препаратов, которые побочно вызывают у человека галлюцинации.

Я обратила внимание, что Людмила Васильевна в обращении ко мне путается, переходя то с «вы» на «ты», то наоборот. Когда она взволнована и задумчива – она обращалась ко мне на «ты», когда официальна и строга – то на «вы». Возможно, это следствие существования ее психики в двух несовместимых образах врача и просто женщины?

- Людмила Васильевна, но мне эта санитарка делала реально больно! Я просыпалась от физической боли, которую до нее совершенно не ощущала!

- Светочка, я проконсультируюсь с коллегами, но уверена, что это галлюцинации. Медперсоналу нет смысла бить пациентов, потому что у нас частная клиника – не будет пациентов, мы не сможем получать зарплату. Но даже в государственных больницах такое отношение к больным исключено. Кроме того, видение соседа и его смерти в наших условиях в принципе нереально, поэтому, все, что ты видела – это не более чем надуманные образы.

- Но я же не сумасшедшая!

- Конечно нет, повторяю, это побочный эффект тех сильных препаратов, которыми мы выводили тебя из состояния комы.

Прошло еще несколько недель: постепенно с меня сняли гипс, бинты, я научилась самостоятельно передвигаться. Как оказалось, внешний вид моего тела был не столь ужасен, как я ожидала: шрамов было много, но все они прикрывались одеждой и бижутерией, единственное мне теперь предстояло ходить в штанах и в блузках с длинными рукавами и высоким воротником, закрывающим шею. Шрамы на лице были практически незаметны. В принципе, все складывалось намного лучше, чем я ожидала.

Несмотря на доводы и приведенную аргументацию со стороны Людмилы Васильевны и ее коллег, я по-прежнему считала, что меня избивали в реанимационной палате, и эта мысль оставляла неприятный отпечаток от пребывания в клинике и подогревала желание побыстрее ее покинуть. Иногда, правда, пробуждались сомнения в достоверности видений, потому что все, у кого я осторожно выпытывала, в один голос утверждали, что смерть в клиниках такого уровня, действительно, в принципе невозможна – безнадежных больных сюда не принимают или же вовремя выписывают, чтобы не нарушать статистику.

В любом случае, чтобы раньше времени не прослыть сумасшедшей и не затянуть свою выписку, я прилюдно согласилась с тем, что все мои видения это бред, и больше этот вопрос не поднимала. Возможно, Людмила Васильевна и подозревала о моем внутреннем несогласии, но внешне моя позиция никак на наших отношениях не отражалась. На очередном медосмотре я поинтересовалась:

- Людмила Васильевна, насколько я понимаю, дело идет к выписке? – Я чувствовала себя совершенно здоровой, поэтому каждый новый день в больнице давался мне все труднее.

- Не совсем, но думаю, недели через две я вас выпишу. Вы сами нам помогаете, поэтому ваше выздоровление идет гораздо быстрее, чем мы все ожидали.

- В таком случае, у меня к вам есть несколько вопросов глубоко личного характера, только прошу вас, ответьте на них откровенно, это возможно? – и, встретив тревожный взгляд своего лечащего врача, поспешила добавить – Они никак не связаны с моими видениями, честно.

- Пожалуйста, почему бы и нет.

- Людмила Васильевна, мой организм восстановил все свои функции, или какие-то все-таки утратил?

- Светочка, не совсем понимаю ваш вопрос, вы говорите прямо, не стесняйтесь.

- Хорошо, я смогу еще рожать?

Людмила Васильевна улыбнулась.

- Месяцев шесть-семь придется подождать, потому что вам предстоит еще несколько раз ложиться на операционный стол, а так конечно, как женщина вы абсолютно здоровы – рожайте столько, сколько вам захочется.

- А в плане чувствительности после всех этих операций мое тело ничего не потеряло?

- Абсолютно, в этом вы можете удостовериться хоть прямо после выписки. Подчеркиваю, вы абсолютно здоровая женщина за исключением двух «но»: первое, еще около месяца вы будете чувствовать усталость и недомогание, потому что ваш организм отвык от полноценных нагрузок и ему нужно время, чтобы войти в тонус, и второе, не забывайте, что в вашем теле около трех килограмм чужеродного металла, который через полгода мы вам удалим. Еще есть вопросы?

- Есть. - Но последний вопрос был для меня самым неприятным. Я никак не могла решиться задать его, хотя именно он меня больше всего беспокоил.

- Светлана, ну же, говорите, на вас это не похоже.

- Честно, Людмила Васильевна, стыдно говорить, со мной такого никогда не происходило.

- Что вас беспокоит, рассказывайте.

Преодолевая себя, с трудом подбирая слова, я выдавила:

- Дело в том, что последние две недели я боюсь засыпать. Мне начали сниться странные и неприятные сны. – Я опять замялась, но, видя вопрошающий и непонимающий взгляд своего лечащего врача, закончила. – Как только я засыпаю, меня начинают ласкать чужие мужчины. Я попадаю в сумасшедшие оргии, которые, честно, не противны мне, а доставляют удовольствие. – Я следила за ее глазами, рассчитывая, что она засмеется, остановит меня, но она внимательно слушала меня, давая возможность высказаться. –

Короче, мне постоянно хочется секса, безумно хочется, как никогда не хотелось, и я его получаю в своих снах. Я сумасшедшая?

Людмила Васильевна улыбнулась:

- Вы у нас третий месяц, основные жизненные функции у вас небыли нарушены и все это время работали нормально, поэтому возможно, привыкнув к регулярному сексу с мужем, ваш организм по-прежнему этого хотел и хочет. Он требует своего, и вы от этого никуда не спрячетесь.

- Но ведь это не правильно, я только потеряла мужа, и совсем не хочу ложиться в постель с другим мужчиной. Может, пропишите мне какое-нибудь лекарство, чтобы это желание оставило меня хотя бы на полгода? Ведь есть такие лекарства?

Людмила Васильевна пристально взглянула мне в глаза, но я выдержала этот взгляд.

- Знаете Светлана, у каждой женщины бывают такие периоды, когда она сама выбирает: перетерпеть, устоять, или отдаться мужчине, в которых нет недостатка. Первый вариант, несильно хорош для вашего организма, как врач, я бы вам не советовала к нему прибегать, так же, как и к препаратам, понижающим вашу потенцию - это все временно, и вредно для организма. Второй вариант больше конфликтует с моралью: правильно это или не правильно, но зато способствует нормальному функционированию вашего организма. Вам самой выбирать варианты, ведь в состоянии комы у вас уже был выбор?

- Вы считаете, что прибегнуть к лекарствам не самый лучший вариант?

- Да, с моей точки зрения у всех у них есть побочные эффекты, которые вам, женщине собирающейся рожать, совершенно ни к чему. Здесь больше зависит от выбора на уровне психики: или сознательно подавить в себе желание половой близости или же найти примирение с внутренней совестью. Это вам решать.

- С примитивными потребностями физиологии не сильно поспоришь.

- Она же первична, поэтому и должна удовлетворяться в первую очередь.

- А где же этих мужчин искать, по улицам ходить и себя предлагать?

- Есть Интернет, сайты знакомств, там этого добра всегда хватает. Только не забывайте о безопасности секса!

- Но кому я нужна с моей внешностью? – Я сама не понимала, что говорю, но чувствовала, что второй вариант, мне был ближе.

- У вас нормальная внешность: лицо целое, с одним шрамом, а все остальное с вашей фигурой, грудью, они не досмотрят, просто потеряются.

Она улыбнулась.

- Еще есть вопросы?

- Нет, спасибо.

- Тогда выздоравливайте и обдумывайте свое возвращение к людям. Только не спешите с решениями, вы женщина мудрая, у вас все получится.

Людмила Васильевна развернулась и вышла, оставив меня наедине со своими мыслями. И мне действительно для себя нужно было принять целый ряд важных решений.

Глава 13. Прощание с небытием

Я выздоравливала, поэтому понимала, что мои встречи с небытием вот-вот должны прекратиться. Но как это произойдет? Я, почему-то была уверена, что *Он* пощажается со мной необыкновенно, ярко, незабываемо, ведь я, по большому счету, стала его ученицей. Не каждому человеку открываются глубины первоизданного, и позволяется вот так, в свое удовольствие обозревать то, что составляет основу Вселенной, жизни и разума. А мне было позволено, причем без ограничений, с получением готовых ответов на все мои вопросы. И я действительно узнала все, что хотела узнать, что готова была унести моя психика. Безусловно, возможно, если бы уровень моего внутреннего совершенства был на порядок выше, я была подготовлена или хотя бы предупреждена, я бы задавала более продуманные и грамотные вопросы, интересовалась бы более масштабными и глубокими аспектами существования мира. Но я начинала обозрение небытия самой обыкновенной женщиной, которая кроме полузабытых знаний со школьной скамьи и из университета в своей внутренней информационной базе ничего не имела. Я не была ни ученым, ни исследователем, ни даже заинтересованным в этой области любителем, а просто безмерно несчастной женщиной, в автокатастрофе потерявшей любимого мужа и единственного ребенка.

Чем больше я анализировала открывшиеся передо мной глубины Мироздания, тем лучше понимала, что обозреваемое изменило меня, причем изменило существенно. Первое, что действительно изменилось во мне – это понимание значимости поступков и ценностей бытия. Оказалось, что деньги, квартиры, машины, дорогие курорты и бытовые мелочи как достижения в небытии совершенно не воспринимаются. Карьера, власть, круг общения, достигнутые социальные уровни – это в масштабах небытия тоже пыль дорожная. Получается, что практически все ориентиры, которые преследует и воплощает в жизни современный человек, большая

часть общечеловеческих ценностей, в небытии не имеет никакого значения. Именно поэтому современный человек и относится к стадии Человека Эмоционального, - человека суетящегося, принципиального, вечно не успевающего, поверхностного, непостоянного, бессодержательного, перепрыгивающего с темы на тему, из одного десятилетия в другое, пытающегося объять необъятное и при этом «всезнающего» и «всемогущего».

И только незначительный процент шестимиллиардного населения планеты в начале третьего тысячелетия нашей эры занимается фундаментальной деятельностью, «фундаментальны» в своей активности. Они последовательны, принципиальны, продуктивны, воплощают свои внутренние потенциалы в аспектах, которые совершенствуют цивилизацию, делают ее технологически и культурно развитой, прогнозируемой, систематизированной, активно функционирующей и достойно представленной в масштабах космоса. В небытии я убедилась в том, что фундаментальность деятельности, то, что имеет значение и авторитет в небытии – это, прежде всего, *целенаправленное совершенство внутреннего мира, достижение гармонии между умом, душой и телом во имя более качественных преобразований в масштабах цивилизации.* Фундаментальная деятельность – это не просто организация присутствия для себя и для других, это, главным образом, *целенаправленное развитие присутствия в себе,* совершенство внутреннего мира, потому что только высокоразвитая гармония внутреннего мира в состоянии творить великое и масштабное.

Фундаментальность деятельности – это направленное развитие я-сознания и я-мировоззрения, потому что, чем больше человек заставляет себя думать, вдумываться, тем умнее он становится, тем выше продуктивность его сознательной деятельности. Высокоразвитая психика – это непрерывное саморазвитие, самосовершенствование, возрастающая потребность в получении качественной информации, в наполнении внутренней информационной базы знаниями и жадной эти знания реализовать с пользой для человечества. Высокоразвитая психика – это ускоряющийся рост интеллекта, высшей стадией которого является мудрость: целесообразное использование глубоких и масштабных знаний с пользой для цивилизации. Высокоразвитая психика – это непрерывное накопление духовного богатства, которое обеспечивает жесткий контроль над желаниями и потребнос-

тями психики: насколько человек духовно развит, настолько его деятельность совершенна и целесообразна. Жестокость, неуважение, непризнание авторитетов, хамство, агрессивность и многое другое – все это от духовной ограниченности. Высокоразвитая психика – это и уважительное отношение к собственному телу, которому еще долгое время не будет альтернатив. До тех пор, пока я-психика не нашла себе другой формы, а этот вопрос по всей видимости далеких перспектив, тело остается единственно возможной средой присутствия психики. Поэтому для того, чтобы присутствие в теле было комфортным, не проблематичным и продолжительным, высокоразвитая психика совершенствует функциональную активность тела, заботится о нем, замещает утрачиваемые функции.

Только высокоразвитая психика, самостоятельно добившаяся совершенства, в состоянии преодолеть соблазны текущего образа жизни, контролировать простейшие потребности организма и поставить в жесткие рамки активность подсознания. Если посмотреть на цивилизацию с первозданных глубин, то обнаружится очевидное и несомненное: *современное общество дифференцируется не за достигнутыми материальными благами, а за степенью совершенства психики*. Как в древности кроманьонцы долгое время сосуществовали с неандертальцами, постепенно вытесняя последних, так и сейчас высокоразвитые психики сосуществуют с психиками человеко-массы, используя их и замещая.

Второе. Обозрение небытия раскрыло содержание активности окружающих меня людей, обнажило истоки их деятельности. Я впервые поняла, что за всем происходящим вокруг меня стоит не более чем реакция психики на внешние или внутренние раздражители. Поведение человека – это внешний образ, в котором я-психика материализует себя и свои внутренние творческие потенциалы. То, что представлено для обозрения, выносится во внешний образ и обнаруживается в присутствии для себя и для других – это проявления внутреннего совершенства (или несовершенства) психики, качества ее присутствия в себе. Причем, представляемый окружающим психикам образ, в большинстве своем, лицемерен, наигран и придуман. Чем ниже уровень совершенства психики, тем больше ей приходится домысливать в образе, заявлять и представлять нехарактерные для себя черты. А непостоянство образа влечет за собой непоследовательность и нелогичность поведения. Беспри-

нципность, мелочность, конформизм, утилитарность, меркантильность, неуверенность в себе - все эти и другие подобные черты представленного образа, берут начало в несовершенстве психики.

Современная психология имеет целый ряд методик, позволяющих определить соответствие внешнего образа и внутреннего содержания. Как показывает практика, в силу преобладания в современном обществе психик с доминирующей активностью подсознания, образы присутствия психик в бытии, в большинстве своем, надуманы и вымышлены. Они как хамелеон подстраиваются под ситуации и события, предпочитая не формировать события, а следовать за их ходом. На стадии Человека Эмоционального психики в психопропространстве представлены не в своем объективном отражении, а в масках, в виртуальных образах, не подкрепленных истинным содержанием. Поэтому и ноосфера, как сфера присутствия разума в масштабах Земли, на стадии Человека Эмоционального – это неустойчивая, неискренняя и противоречивая организация, которая не в лучшем свете представляет земную цивилизацию в масштабах космоса.

Как противоположность, психики с устойчивым мировоззрением принципиальны, независимы, последовательны в деятельности, целеустремленны, в меньшей степени подчинены влиянию со стороны окружающих психик. На обозрение они представляют образ, который тождественен внутреннему миру, присутствию в себе, поэтому он намного устойчивей остальных представляемых образов. Высокоразвитые психики без страха противопоставляют себя окружающему миру, заявляют и представляют свои внутренние характеристики, которые никогда менее совершенная психика не решится выставить на обозрение.

Таким образом, наблюдая за поведением человека и его достижениями в жизни, можно довольно точно установить степень совершенства его психики, гармонию внутренней системы взглядов, а также долю работы сознания на фоне активности подсознания. Для себя я уже решила, что люди переменчивые в своих взглядах, легко подстраивающиеся, угождающие и всегда опаздывающие в силу своей «чрезвычайной занятости», не должны входить в круг моего общения. Их можно использовать, с ними можно строить краткосрочные взаимовыгодные отношения, но тратить на них свое личное время или налаживать партнерские долгосрочные отношения бессмысленно, потому что это яркие представители че-

ловеко-массы, которые вырождаются в ходе эволюции цивилизации. В повседневной жизни получается все наоборот: чем легче с человеком в общении, тем проще содержание его психики, а чем сложнее человек, принципиальнее его позиции, тем устойчивей его внутренний мир, совершеннее. Для меня стал понятным и объяснимым фанатизм целенаправленного поведения людей, с которыми я несколько раз пересекалась в жизни. И если до обозрения небытия, я осуждала их напор, принимала это за карьеризм, жестокость и себялюбие, то сейчас такая позиция стала внушать мне уважение, потому что я реально начала понимать, какая сила и гармония стоит за этой целенаправленностью. Именно с такими людьми, особенно если их цель масштабна и глубока, а не ограничивается узкими рамками материальных благ, я планировала строить свои отношения и учиться у них, познавать их внутренний мир и особенности его проявления в повседневной жизни.

Третье. После обозрения небытия у меня изменилось отношение к своему присутствию в бытии, - я реально обнаружила смысл своей жизни. Впервые у меня пробудилось *предназначение* - желание сделать что-то необыкновенное, фундаментальное, значимое в масштабах цивилизации и мира. Захотелось пожить масштабно, в полную грудь, не гоняясь за веяниями моды, которые сами по себе являются уловкой умных людей для малосодержательных представителей человеко-массы, а посвящая себя главному. И теперь я понимала, что такое «главное» для человека – это его цель, которая корнями уходит в его детство и берет начало от первой детской мечты. Именно *первый порыв глубокого детского желания, как первый проблеск света, возникший в основах формирующейся психики ребенка, возвращенный и сохраненный в ходе процесса образования родителями, близким окружением и педагогами, к периоду ранней зрелости преобразуется в глобальную цель жизни*. Детская мечта – это крик природы, идущий из глубин формирующегося я-подсознания, это то, что образовалось в результате объединений геномов отца и матери, то, что при правильном воздействии со стороны внешнего мира, ляжет в основу *индивидуального мировосприятия*. Именно этот крик, глас природы создаст первичный каркас внутреннего «я» - основу я-мировоззрения. Все последующие годы эта основа будет служить своеобразной призмой, через которую внутренний мир будет взаимодействовать с внешним миром. В ре-

зультате взаимодействия внутреннего мира с внешним, в результате воплощения присутствия в себе в присутствие для себя и для других, эта основа будет укрепляться, изменяться, корректироваться, разрастаться, приобретать личностные характеристики, значимые для общества. Но во всем этом процессе важно только одно, чтобы детская мечта переросла в цель, а поставленная цель легла в основу активной жизненной позиции во благо эволюции цивилизации. Только в этом случае общество получит совершенную психику не работающую, а *творящую*, воплощающую свои внутренние потенциалы в присутствие для других во имя важнейшей и определяющей с ее точки зрения цели.

Глобальная цель жизни выросшая из детской мечты – это ориентир для психики, это ее смысл жизни. Зная глобальную цель, можно предсказать масштаб и глубину деятельности психики, сделать прогноз относительно ее вклада в развитие цивилизации. Все остальные частные, текущие цели, следуют из глобальной цели, которая регламентирует и контролирует активность психики, не дает ей отвлечься на второстепенные вопросы, определяет приоритеты, наиболее целесообразные пути воплощения внутренних потенциалов. Психика без глобальной цели – это круизный лайнер без системы навигации, это бессмысленно растрчиваемые внутренние возможности. Только четкий ориентир, который не просто зафиксирован, а сам развивается и совершенствуется, позволяет психике шаг за шагом, год за годом, реализовать себя в чем-то важном и целесообразном, вкладывая в него весь огромный внутренний потенциал, превращая творческую активность психики в деятельность планетарного и космического масштаба, и тем самым, увековечивая себя в истории цивилизации. Одно дело совершенство внутреннего «я» проявлять в неопределенной и фрагментарной деятельности, другое дело – реализовать себя в чем-то одном, но последовательном, до капли, до последнего вдоха. Результат получится ошеломляющим, а сам жизненный путь настолько профессиональным и неповторимым, что мало кто захочет его повторить и усомниться в его значимости.

Я заснула как обычно в конце невыразительного будничного дня, радость от которого заключалось только в одном - как и предыдущие дни, он приближал меня к полному выздоровлению и

к выписке из больницы. В последние недели я просто засыпала, а не проваливалась в ничто, и это, с одной стороны, радовало, но с другой стороны – беспокоило меня, потому что я боялась что дни обозрения небытия прекратятся, а я так и не увижу чего-то важного и заключительного для себя. Я была уверена, что всё открытое мне должно иметь итог – яркий, впечатляющий, незабываемый. Мне до безумия хотелось получить *Его* наставление, как в своем роде резюме всему открывшемуся и предоставленному мне для обозрения. Поэтому, просыпаясь по утрам, я вместе с ощущением полноценности присутствия в бытии, ощущала легкое разочарование от того, что вновь ночь прошла вне зрелища, что *Он* снова проигнорировал меня и не пригласил на финал. И чем чаще происходили эти «пустые» для меня ночи, тем отчетливей я ощущала беспокойство от недосказанности и незавершенности открывшихся глубин существования мира. И когда беспокойство стало перерастать во внутреннюю неудовлетворенность, а ожидание пробуждать раздражение и повышенную эмоциональность, *Он* услышал меня, вернулся, чтобы провести, попрощаться и наставить. Я знала, что *Он* не мог забыть обо мне, бросить, что *Он* обязательно вернется, чтобы попрощаться со мной!

Не знаю, удастся ли мне заключить в слова всю гамму пережитого и обозреваемого мной в последнюю нашу встречу, но попытаюсь, потому что слишком необычно и грандиозно выглядела *Его* встреча-прощание со мной, слишком для меня она была значимой.

Я заснула без всяких предчувствий, хотя ожидание встречи с *Ним* меня никогда не покидало. Но посредине сна, ближе к глубокой ночи, я проснулась оттого, что неведомая сила меня подхватила и начала насильно втягивать в гигантский круговорот. Я не низвергалась к смерти, меня наоборот, впервые поднимало и втягивало в гигантскую воронку, которая пронзала мир и уходила куда-то глубоко ввысь. Предо мной вдруг раскрылся масштаб образовавшейся бездны – огненно-яркий срез чего-то очень важного и зна-

кого мне. И как озарение я вдруг узнала - гигантская воронка уходила вверх в основание существования мира, пронзая и вскрывающая содержание всей структуры Мироздания. *Я видела срез существования мира – его обнаженную, пульсирующую структуру!* Чувствовалось соприкосновение с великим, масштабным и значимым, потому что перед моим взором во всем величии предстали функционирующие и действующие системы разумной, живой и косной материи. Ощущение обозрения Великого было настолько реальным и грандиозным, что происходящее событие вовсе не вызывало сомнения: я реально стояла у края воронки пронизывающей Мироздание. Это был путь, проложенный из глубины существования мира к моей я-психике. И этот путь озарялся раскрывшимися в содержании первозданными процессами, которые вдохновляли, впечатляли, переполняли эмоциями, создавали фон чего-то необычного и значимого для меня.

Передо мной открылся мир как существование целого и частей, во всем многообразии и сложности связей предстали процессы, которые формировали глубину и из глубин рвались наружу. Я видела определяющее пространство мира – космический вакуум и сложнейшую структуру Вселенной, которая за многие миллиарды лет эволюции сформировалась на его основе. Я воочию обозревала, как на основе биохимического предопределения организуется структура живой материи, и как эта многоярусная и сложнейшая структура функционирует. Я увидела, как в эволюционирующей структуре живой материи происходит формирование логоинформационного предопределения и как в последствии, эволюционируя, логоинформационное предопределение организует структуру разумной материи и ее функциональную активность.

Он открыл мне *все и сразу*, и картина обозрения Великого не раздавила, не уничтожила масштабом увиденного. Я впервые смогла обозреть структуру Мироздания в целом, впервые смогла оттенить ее сложнейшее многообразие функций. И *Он* понял мою

готовность внимать дальше, *Он* оценил совершенство моей психики и открывшуюся в ней способность обзирать необъятное. И вот в глубине воронки, у самого основания существования мира, я увидела далекие и неясные очертания каких-то картин, образов, которые медленно приближались ко мне. По мере приближения они становились различимей, четче, но уже раньше я поняла, что все это обращено именно ко мне, что это картины моего будущего, извлеченные из основ существования мира. *Он* раскрывал передо мной мое будущее, давал возможность обзреть то, что мало кому из смертных открывается. Причем, я почему-то знала, что мне не стоит ждать *Его* появления, что *Он* не обнаружит себя, потому что *Его* как образа нет. Я предчувствовала, что мне откроется именно мое будущее, как предсказание, как наставление и прощание. И я готова был внять ему, постигнуть и впитать в свое мировоззрение.

Приближающиеся из глубин Мироздания картины моего будущего были представлены двумя сюжетами, следующими друг за другом без паузы и остановки. Воронка в глубины Мироздания, словно проектор предоставила мне возможность обзреть два коротких фильма-фрагмента. Несколько секунд присутствия в глубинах первозданного, которые в существовании человечества измеряются десятилетиями – и я знала, что меня ждет, откуда *Он* меня спас и куда направил. Первый фильм состоял из нескольких кадров: разбитая машина, мертвый окровавленный Дима, неподвижный труп Андрюшки на заднем сидении, и я, явно умирающая, в конвульсиях и в агонии пытающаяся поднять безвольно свисающую голову мужа. И тут же, без остановки, начался второй фильм: трап самолета, открывающаяся дверь и ликующая масса народа встречающая меня у трапа. Море цветов, сотни объективов фотоаппаратов и телекамер, красная дорожка – все указывало на то, что меня здесь ждали, что меня почитают как выдающегося деятеля цивилизации, уважают за что-то значимое и грандиозное, потому что мое появление в этой чужой для меня стране воспринималось

как событие года, как некое одолжение, авансируемое этому государству и этим людям с моей стороны.

Как только закончился последний кадр, воронка моментально исчезла, и связь с существованием первозданного прервалась. Я почти сразу проснулась, причем с такой легкостью в теле, с таким внутренним облегчением, как будто кто-то неизвестный вдохнул в мое тело силы и здоровье. И у меня совсем не возникло вопросов по итогам увиденного. Для меня все было предельно ясно: первое событие могло случиться, но не случилось, поэтому второе событие – это закономерный итог моего нового образа присутствия в бытии. Значить я смогу сделать то, что запланировала, успею воплотить свое предназначение и заявить о себе в масштабах цивилизации. А это для меня было самым главным и обнадеживающим.

Теперь оставалось только воплощать намеченные планы в повседневную жизнь, творить во имя великого будущего, тем самым максимально быстро приближая свой звездный час.

Научное издание

БАЗАЛУК Олег Александрович

*Сумасшедшая:
Первооснова жизни
и смерти*

Монография

Подписано к печати 2010 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.

Усл. печат. лист. — 26,62, Уч.-изд. лист. — 28,39.
Тираж 1000 экз. Заказ № _____

Издательство «Кондор»
Свидетельство ДК № 1157 від 17.12.2002 р.
03067, м. Киев, ул. Гарматна, 29/31
тел./факс (044) 408-76-17, 408-76-25

Напечатано в ЧП «Олди-плюс»,
г. Херсон, ул. Московская, 5.
тел./факс (0552) 42-08-19; e-mail: dimg@meta.ua
Лицензия сер. ХС № 2 от 16.08.2000 г.